

Российская
академия наук

Институт
славяноведения

Исследования по славянской диалектологии

15

Особенности сосуществования
диалектной и литературной форм
языка в славяноязычной среде

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Российской академии наук

**Исследования
по славянской диалектологии**

15

**Особенности сосуществования
диалектной и литературной форм языка
в славяноязычной среде**

Москва 2012

Редколлегия издания:

к.ф.н. М.М. Алексеева, к.ф.н. М.И. Ермакова

д.ф.н. А.Ф. Журавлев, д.ф.н. Л.Э. Калнынь

М.Н. Толстая

Отв. редактор выпуска:

д.ф.н. Л.Э. Калнынь

Рецензенты выпуска:

д.ф.н. Т.И. Вендина

д.ф.н. Н.Н. Пшеничнова

15-й выпуск серийного издания «Исследования по славянской диалектологии» содержит статьи, посвященные теме сосуществования диалектной и литературной форм языка в современной славяноязычной среде. Диалекты рассматриваются не как пассивные recipиенты явлений компонентов литературного языка, а как структурно организованные идиомы, функционирование и динамика которых определяется правилами собственно диалектной. Подтверждение этому содержится на разных языковых уровнях – фонетическом, лексическом, семантическом. Значительное внимание уделяется контактам славянских диалектов с иноязычными и инодиалектными идиомами.

Существенную характеристику современной языковой ситуации составляет отношение к диалектам в литературноязычной среде. Освещение этого вопроса дают публикации, отражающие оценку диалектных текстов носителями русского, украинского, болгарского стандартов, а также оценка белорусски говорящими лицами перевода на белорусский диалект художественного русского текста. Издание представляет интерес для специалистов в области языкознания, особенно диалектологии и социолингвистики.

The 15th issue of “Studies in Slavic Dialectology” serial publication contains articles on the topic of dialectal and literary language forms coexistence in modern Slavic languages environment. Dialects are considered not as passive recipients of literary language components, but as structurally organized idioms, whose functioning and dynamics are determined by the rules of dialect system itself. It is confirmed at different language levels – phonetic, lexical and semantic. Much consideration is given to Slavic dialects' contacts with the idioms from foreign dialects and languages. An essential characteristic of modern language situation is the attitude towards dialects in literary language environment. This problem is taken up in publications showing the evaluation of dialectal text by native speakers of standard Russian, Ukrainian, Bulgarian, as well as the attitude of speakers of different forms of Belorussian towards Russian literary text translation into Belorussian. This publication shall be of interest for specialists in the area of linguistics, especially in dialectology and social linguistics.

ISBN 5-7576-0251-1

ISBN 978-5-7576-0251-6

© Авторы, 2012

© Институт славяноведения РАН, 2012

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>Л.Э. Калнынь. Особенности диалектов как структурно организованных идиомов в ситуации сосуществования с литературным языком</i>	9
<i>П.Е. Гриценко. Диалекты в современной языковой ситуации Украины</i>	18
<i>Н.Е. Ананьева. Кашубщина: этнолект, диалект, литературный язык</i>	43
<i>Й. Гетка. «Каждому народу свой язык хорош», или об отношении к своему идиому жителей белорусско-российского пограничья</i>	56
<i>М.М. Алексеева. Языковой выбор у лемков-переселенцев на Украине</i>	72
<i>Г.К. Венедиктов. Современный болгарский литературном языке на стадии его становления в представлении носителей диалектов</i>	83
<i>О.В. Трефилова. К вопросу о литературно-диалектной диглоссии в современной Болгарии</i>	100
<i>В.П. Русак. Отражение диалектных форм языка в современном белорусском литературном языке: лингвогеография и норма</i>	112
<i>А.Р. Чернявский. Орфоэпические правила аканья в современном белорусском языке в сопоставлении с диалектами</i>	121
<i>Т.В. Попова. Об интерпретации некоторых явлений, характеризующих некодифицированное восточнославянское языковое пространство</i>	126
<i>И.А. Букринская, О.Е. Кармакова. Языковая ситуация в малых городах России</i>	153

<i>А.Ф. Журавлев.</i> Своя песня по чужим нотам: русское диалектное словообразование в контактах с литературным идиомом	165
<i>Е.В. Колесникова.</i> Семантика прилагательных <i>белый – черный</i> в русских говорах	199
<i>И.И. Исаев.</i> Артикуляционное пространство и формантная характеристика гласных в русских говорах	215
<i>С.В. Дьяченко, Е.В. Корпекова.</i> К вопросу о влиянии литературного языка на говоры с архаическим типом вокализма	224
<i>Ф.Р. Мингос.</i> Позиция притяжательного местоимения и языковые регистры древнерусских текстов	234
<i>С.А. Мызников.</i> Формирование вепсского литературного языка в условиях русско-вепсского двуязычия	246
<i>Д.Ю. Ващенко (Анисимова).</i> К описанию языковой ситуации в Южной Словакии	257
<i>Г.П. Пилипенко.</i> О диалектных включениях в сербской речи венгров Воеводины	267
<i>А.Д. Дуличенко.</i> Нужны ли нам диалекты? (по анкетным данным конца 80-х годов XX в.)	276
<i>Ф.Д. Климчук.</i> Материалы опросника «Мое впечатление от переводов с русского литературного языка на западнополесский говор»	289

Предисловие

В основу 15-го выпуска ИСД положен материал Круглого стола, проведенного в ноябре 2009 г в Институте славяноведения РАН на тему «Особенности существования диалектной и кодифицированной форм языка в славяноязычной среде».

Литературный язык и диалекты имеют разный социальный статус, что находит отражение в официальной языковой политике, проводимой в обществе. Государственные меры в области языка обычно направлены на максимальное распространение кодифицированного стандарта и, соответственно, на устранение диалектных форм речи. Именно этот аспект отношений между литературным языком и диалектами традиционно привлекает преимущественное внимание диалектологов при изучении динамики диалектов. Тема предлагаемого выпуска ИСД предполагает более широкий аспект интерпретации особенностей диалектов как компонентов языковой ситуации. В круг рассмотрения входят: оценка носителями диалекта своего языка и их отношение к тем изменениям, которые могут быть вызваны контактом с литературным языком; характер отношения в обществе к диалектным формам языка; диалекты в языковой ситуации, предлагающей в качестве стандарта иной язык (славянский ~ неславянский); роль диалектов в формировании стандарта; появление новых форм языка, как результат смешения диалектов и литературного языка и др.

Существенной особенностью предлагаемых статей, является взгляд на диалекты, как на идиомы, функционирующие и изменяющиеся с учетом правил своей структурной организации. Их реакция на контакты с другими идиомами, в том числе и с литературным языком, не является пассивной – структурное устройство диалекта может корректировать или задерживать проникновение/усвоение иноязычных эквивалентов. При этом в диалекте и в ситуации контакта с литературным языком могут реализоваться изменения, не связанные с этим контактом, а вызванные особенностями внутренней динамики диалектной системы.

Проявление таких тенденций, как внутренних закономерностей системы, на примере диалектной фонетики показаны в статьях *Л.Э. Калнынь, И. Исаева, С.В. Дьяченко и Е.В. Корпековой*.

Диалекты на уровне лексики и словообразования более подвержены влиянию литературной нормы. Но и в этих случаях диалекты корректируют ситуацию сообразно своей системной организации. В статье *А.Ф. Журавлева* показано, что применяемые носителем диалекта способы освоения новых слов регулируются имплицитно присутствующими в сознании говорящих системными представлениями. Это проявляется в тяготении к выравниванию рядов, к заполнению пустующих клеток в деривационных матрицах, в

уклонении от словообразовательной омонимии, в достижении большего равновесия формы и семантики и т. п.

Особенность семантики прилагательных «черный» и «белый» в архангельском говоре является темой статьи *Е.В. Колесниковой*. Особенности семантического корпуса указанных слов в диалекте проявляют устойчивость и в ситуации контакта диалекта с литературным языком.

Характер взаимоотношения между кодифицированной нормой и белорусскими диалектами показан в статьях *В.П. Русак* и *А.Р. Чернявского*.

Существенным аспектом функционирования диалектов является их реакция на контакты с иноязычной/инодиалектной средой.

С этой точки зрения *М.М. Алексеева* рассматривает лемковские говоры, носители которых в 40-е годы XX в. были переселены из юго-восточной Польши в различные регионы Украины. Особенности функционального спектра говоров, специфика билингвизма их носителей и отношение к своему языку позволяют сделать вывод, что лемковские говоры на Украине утрачивают свои основные функции и диалектную специфику.

В статье *Й. Гетки* содержатся общие замечания о языке, языковой идентификации, языковых привычках, а также об отношении к своему языку со стороны жителей белорусско-русского пограничья Могилевской и Витебской областей.

Предметом анализа в статье *Г.П. Пилипенко* являются особенности сербской речи венгров, живущих в Воеводине. Появление сербских диалектизмов в их речевой практике отражает характер усвоения сербского языка в естественных условиях (затруднена ориентация на норму). В статье *Д.Ю. Ващенко* (*Анисимовой*) анализируются факторы, влияющие на характер оценки словацкого и венгерского языков представителями венгерского национального меньшинства, компактно проживающими на юге Словакии.

Роль диалектов в формировании языковой ситуации в обществе проявляется в том участии, которое они принимают в создании литературной формы языка. Этой теме в применении к болгарскому языку посвящены статьи *Г.К. Венедиктова*.

Отношению между литературным болгарским языком и современными диалектами посвящена статья *О.В. Трефиловой*. Восточноболгарские диалекты могут восприниматься образованным населением как близкие к литературному языку. Отношения же к диалектам с контрастивными особенностями создают ситуацию гомогенной диглоссии, когда в ситуации функциональной дистрибуции используются разные формы одного языка.

Ф.Р. Минлос рассматривает существование явлений разного статуса в письменном тексте. Это – некоторые синтаксические параметры (линейное

положение атрибутов), которые являются дифференцирующими для вариантов древнерусского языка – церковно-книжного («литературного») и не-книжного (в какой-то степени «диалектного»). Противопоставление двух вариантов древнерусского языка рассмотрено на материале Галицко-волынской летописи.

С.А. Мызников в своей статье сообщает о проблемах, связанных с возможностью кодификации в качестве литературного языка угро-финского диалекта (вепсский язык), функционирующего в русскоязычной среде. В реализации этого начинания помимо чисто лингвистических проблем существенное значение имеет наличие ~ отсутствие его поддержки со стороны местных административных органов.

Темой ряда статей является характеристика языковой ситуации, в которую включены диалектные формы языка.

В статье *П.Е. Грищенко* показано изменение роли диалектов в жизни современного украинского общества. В отдельных регионах происходит сужение сферы использования диалектов в ряде коммуникативных сфер при расширении функций стандарта. В то же время в общественном сознании (особенно в западноукраинском ареале) частичная переориентация литературного стандарта на диалекты и на региолект воспринимается положительно, оценивается как важный фактор развития современной языковой ситуации.

И.А. Букринская и *О.Е. Кармакова* привлекают в своей статье внимание к формам языка, реализуемого в речевой деятельности жителей малых провинциальных городов России. Сочетание в речи жителей этих городов элементов разных форм/вариантов языка, функционирующих в русском пространстве, создает особое языковое образование, которое является средством коммуникации в соответствующем обществе и, как таковое, может быть включено в реестр языковых форм русского языка.

Н.Е. Ананьева в своей статье обсуждает статус кашубского языкового идиома. Определения его как «диалект польского языка», «самостоятельный славянский язык», «язык переходный между полабским и польским» не адекватны характеру использования кашубского идиома. Он имеет письменные региональные варианты, которые способствовали зарождению кашубского литературного языка. Одновременно кашубщина относится к языкам, которым угрожает исчезновение. В этой ситуации предлагается применять по отношению к кашубскому идиому термин «этнолект».

Предметом рассмотрения в статье *Т.В. Поповой* является фрагмент восточнославянского пространства, занятого некодифицированными формами языка. Автор выделяет некоторые факты, эксплицированные в таких формах устной речи, как разговорный язык (вариант литературного языка) и диалек-

ты. Каждый из этих идиомов обладает внутренней тенденцией к образованию сходных явлений, при том, что процесс их образования в указанных формах языка вероятно не взаимосвязан, а носит самостоятельный характер. Примеры явлений такого рода приводятся из восточнославянских диалектов и русского разговорного языка.

Для характеристики языковой ситуации, в которую включены диалекты, важным является фактор их оценки со стороны носителей кодифицированной формы языка. Известно, что эта оценка диалектов в обществах с разным языком может колебаться от резко негативной до признания диалектов как необходимых компонентов национальной культуры. Указанной проблеме посвящена публикация А.Д. Дуличенко, сделанная на основе реализации составленной автором анкеты, имеющей своей целью выяснить отношение к диалектам в среде носителей русского и украинского стандартов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что большая часть анкетируемых осознают культурно-историческую и этническую ценность диалектов и видят для них перспективу сохранения в русле параллельного развития с литературным языком.

Как приложение к опыту анкетирования А.Д. Дуличенко, представлен Ф.Д. Климчуком материал ответов на вопросник «Мое впечатление о переводах с русского литературного языка на западнополесский говор». Вопросник состоит из 6 пунктов и предлагает оценить перевод русского текста Л. Толстого на западнополесский говор с эстетической, языковой точки зрения и степени понятности текста. Привлекаются респонденты в основном из Брестской обл., разного возраста и уровня образования.

В статьях, включенных в ИСД, используется материал диалектов, представляющих все группы славянских языков.

В ноябре 2009 г. на заседании Круглого стола был прочитан доклад М.И. Ермаковой «Роль диалектов в формировании церковного языка серболужичан». Автор показал, что созданная на диалектной основе письменность первоначально использовалась в церковно-бibleйских текстах, а в дальнейшем легла в основу нижне- и верхнелужицкого литературных языков. К сожалению, уход из жизни М.И. Ермаковой, которая с самого начала издания ИСД была членом его редколлегии, не дал возможности опубликовать ее доклад в виде статьи в ИСД 15.

Л.Э. Калнынь (Москва)

Особенности диалектов как структурно организованных языковых идиомов в ситуации их сосуществования с литературным языком

Языковой идиом получает статус диалекта при условии его сосуществования с литературной/кодифицированной формой языка в обществе носителей национального языка.

Литературная и диалектная формы языка имеют ряд не совпадающих экстралингвистические характеристики. Это – отношение к фактору территории, различие в социальном статусе, разная оценка диалектов в рамках официальной языковой политики. Одним из компонентов языковой политики является рекомендуемое обществу отношение к территориальным диалектам. Политика может быть направлена или на поддержание диалектных форм языка, как компонентов национальной культуры, или на их устранение, как выражение низкой культуры части общества. В любом современном обществе высок престиж литературного языка. Но при терпимом отношении к диалектам в принципе допускается диалектно-литературное двуязычие, т. е. переключение кода в зависимости от ситуации общения. При категорически отрицательном отношении к диалектам предпринимаются меры, направленные на их устранение и замену кодифицированной формой языка.

Достаточно развернутая экстралингвистическая характеристика литературной и диалектной форм языка находится в очевидной диспропорции с представлением о том, что эти идиомы, хотя и сосуществуя в едином языковом пространстве, являются самостоятельными структурно организованными языковыми образованиями, т. е. обладают собственно лингвистическими особенностями. Уровень знаний об этом существенно отличается в применении к литературному языку и диалектам. Изучение литературного языка в разных аспектах традиционно занимает центральное место в любой национальной лингвистике. Диалекты же чаще всего рассматриваются с точки зрения представленных в них отдельных диалектных особенностей. Как структурно организованный идиом, диалект редко становится объектом изучения. К тому же существует мнение, что знания о синхронном состоянии диалекта, с одной стороны, и свидетельства об его изменении, с другой, в научном плане иерархически не равнозначны. По словам Р.И. Аванесова, синхронное состояние диалекта – это база для решения проблем историче-

ской диалектологии, которая «увенчивает собою цикл дисциплин о диалектном языке», т. е. является главной целью изучения диалектов (Аванесов 1963: 315).

Лингвистические особенности литературного языка и диалектов определяют характер их взаимодействия в ситуации сосуществования.

Эти идиомы принципиально различаются уже в качестве объектов наблюдения. Литературный язык обладает возможностями, позволяющими констатировать как его синхронные особенности, так и его диахронию. В литературном языке эксплицирована протяженность во времени (тексты разной хронологии, описание нормы в разный период).

Диалект в каждый момент его обследования предстает в своем синхронном состоянии. Это система одного хронологического среза. Особенность любого диалекта состоит в том, что в нем присутствуют варианты явления, образующего какой-либо компонент системы. Эти варианты могут иметь разное значение – отражать современную динамику/изменение во времени или быть стабильным свойством синхронного устройства диалекта.

Информация об изменениях, происходящих в конкретном говоре, обычно получается путем привлечения данных истории языка и сопоставления разных диалектов.

Информацию такого рода дают также описания одного диалекта, относящиеся к разному времени. Таковы, например, описания говора с. Лека, сделанные в разные годы в трудах (Шахматов 1913; Высотский 1949; Касаткина 2009). Движение диалекта может быть прослежено путем долговременного наблюдения над одним говором или группой говоров. Результаты такого изучения калининских (тверских) говоров отражены в работах (Кириллова 1983; Кириллова 1985; Кириллова, Новикова 1988). Возможно сопоставление переселенческого говора и того, от которого он когда-то отъединился – ср. описание фонетики двух болгарских говоров в (Калнынь, Попова 2007). Чаще предоставляется возможность сопоставления разновременных описаний диалектов по отдельным чертам – например процесс утраты цоканья в русских говорах (Колесов 1975).

Но подобные ситуации встречаются достаточно редко и основную информацию об устройстве и динамике диалекта следует искать в его современном состоянии.

Диалект изменяется во времени по разным причинам. В этом плане важно различать внутрисистемные импульсы и внешнее влияние в ситуации языковых контактов.

Внешнее влияние на диалект имеет разный характер и разные последствия. Возможны обстоятельства, когда в каком-то населенном пункте пере-

стают существовать лица, говорящие на диалекте, а оставшиеся пользуются просторечием или литературным языком. Возможно и уничтожение самого населенного пункта. В этом случае речь идет не об изменении диалекта как языкового идиома, а об его исчезновении и об изменении языковой ситуации в регионе. В 30–40 гг. устранение русских диалектов являлось той идеальной целью, на которую была ориентирована государственная языковая политика в СССР. По своему содержанию это процесс не языковой, а экстралингвистический. В этой связи уместно вспомнить противоположную по своему содержанию немецкоязычную ситуацию, в которой диалектная речь не отождествляется однозначно с отсутствием культуры. Ср. информацию об этом в конкретных регионах – в Баварии в современной ситуации число лиц, пользующихся местным диалектом в семейных условиях, составляет 77%; немецкие говоры Швейцарии постоянно используются во всех ситуациях устного общения (Васченко 2002: 37).

Собственно языковое внешнее влияние на диалекты чаще всего ассоциируется с контактом с литературным языком. Воздействие этой формы языка на диалекты является общим явлением для современной языковой ситуации. Это часто создает искушение отдавать предпочтение влиянию литературного языка при объяснении происхождения отдельных явлений в диалекте. Однако при всей значимости влияния литературного языка следует помнить, что диалектный идиом содержит внутрисистемные структурные импульсы как изменения, так и стабильности (ср. как это показано в (Касаткина 2009) на материале современного вокализма с. Лека). Для правильного понимания устройства диалекта в условиях сосуществования с литературным языком это следует учитывать.

Конкретный диалект/говор в его синхронном состоянии комбинирует явления стабильные и выступающие в виде вариантов. Компоненты варьирующегося явления с точки зрения истории языка могут быть классифицированы как архаизмы и инновации. Однако для того, чтобы составить представление о том, какое место занимают эти явления в структуре диалекта, самой по себе такой классификации недостаточно. Разные варианты могут сосуществовать как особенности синхронной системы, в рамках которой они не являются ни архаизмом, ни инновацией. Эта ситуация может быть результатом исконной непоследовательности реализации определенного звукового изменения.

Примером этого могут быть некоторые фонетические явления в восточнославянских диалектах.

В части севернорусских говоров в безударном вокализме представлено явление ёканья – предударный гласный *e* после мягкого согласного перед

твёрдым изменяется в *o* (*m'opló, n'osú, za solóm*). Особенность явления состоит в том, что мена *e > o* происходит не во всех 100% подходящих для этого позиционных ситуациях и в разных говорах она осуществляется с разной степенью последовательности; ср. (ДАРЯ 1, Карта 4 и комментарии к ней). В материалах ОЛА, содержащих ответ на вопрос о рефлексации **e* в славянских диалектах (Вопросник 1965, 24), нет ни одного русского пункта, где бы изменение *e > o* было показано во всех примерах, содержащих рефлекс **e* в предударном слоге между мягким и твёрдым согласным. В исследованиях, посвященных этой фонетической черте русских говоров (Пожарицкая 1964; Захарова 1981) показано, что изменение *e > o* и особенности его распределения в отдельных говорах обусловлены структурными особенностями говора и не связаны с внешним влиянием.

В вокализме некоторых юго-западных белорусских говоров сочетаются **принципы аканья и оканья**. Такой вокализм представлен в говоре с. Б. Чучевичи Лунинецкого р-на Брестской обл.; этот населенный пункт включен в сетку ДАБМ под № 756; описание вокализма говора см. (Калнынь 1975). Аканье и оканье в говоре связано с разным типом морфем в сочетании с разным положением слога относительно ударения. Аканье представлено в предударных слогах в любом типе морфем, а в заударных только в корневых морфемах. Оканье ограничено заударными слогами в послекорневых морфемах. Соответственно, произносится: *сал'ónый, стаlá* (Gen), *напарегатál'i* (удвоение префикса), *хрантавýйе, вýсах, пóмач* и *лáпок, на дўбох, б'ерóзовый, мал'íновый, слóво, прóсо*. В (Вайтович 1968: 35) такого род вокализм определяется как «переход от одного фонологического принципа к другому» – от оканья к аканью. Однако позиционная и морфемная регламентированность явлений аканья и оканья в рассматриваемом говоре, показывает, что здесь имеет место не отражение современно протекающего процесса, а следы когда-то начавшегося, но не завершенного процесса. Сформировалась структура вокализма с такой стабильной чертой как не полностью реализованные аканье и оканье. Явление это не связано с влиянием литературной акающей формы языка на диалект.

В юго-западных украинских говорах представлено изменение *a* в более узкий гласный типа *e, i, e'* и под. после палатализованных согласных и *й*. Но при этом в каждом конкретном говоре гласный *a* полностью из указанной позиции не устраняется. Анализ материала двух гуцульских говоров (с. Ябланица Путильского р-на и с. Черная Тисса Раховского р-на) в (Калнынь, Масленникова 1995: 134–147) показал, что эта непоследовательность отражает диахронические и структурные особенности диалектов. Суть их состоит в следующем.

В основе варьирования гласных *a* и «не *a*» после мягких согласных в рассматриваемых говорах лежат разные причины в зависимости от того, происходит это варьирование на месте **ɛ* или **a*.

Рефлексом **ɛ* в этих говорах является гласный «не *a*». О достаточно жестком разграничении *a* и «не *a*» на месте **ɛ*, делающим маловероятным исконное варьирование этих гласных, свидетельствует и последовательное употребление гласного *a* на месте **ɛ* после *й* в говоре с. Ч. Тисса (*йáзыва, йачм'и́н', йазéк*). То, что позиция после *й* предполагает выбор более широкого континуанта **ɛ*, подтверждается рефлексацией **ɛ* в некоторых южнославянских диалектах (Пожарицкая, Попова 1990). Произношение *a* на месте **ɛ* (исключая позицию после *й* в с.Ч.Тисса) – это явление позднейшее, заменившее собою первоначальный рефлекс «не *a*». Оно вызвано вторичным усвоением слов, имеющих гласный *a* в этой этимологической ситуации. Как явление внешне обусловленное, такое варьирование не имеет широкого распространения.

В этих же говорах в слоге под ударением после мягких согласных широко варьируется *a* и «не *a*» на месте **a*. При этом в с. Ч. Тисса после *й* произносится только *a* (*йáсли, йáрка, йáблеко* и под.). Достаточно высокая частота ударного гласного *a* после мягких согласных препятствует тому, чтобы считать это инновацией (т. е. *a* > *e* > *a*), возникшей под влияние литературного языка. Случай, которые можно связать с таким влиянием, единичны – например, *мн'ач* (при обычном для говора *лоптá*), *рад'áns'ка ўláда*. Кажется более правдоподобным, что изменение *a* > «не *a*» после мягких согласных не имело категорического характера. Именно незавершенность процесса изменения *a* > «не *a*» является причиной варьирования континуантов **a*.

Общее для рассмотренных фонетических явлений в диалектах состоит в том, что хотя с точки зрения истории языка в каждом случае можно констатировать сосуществование архаизма и инновации, в рамках синхронной системы этот критерий не эффективен. Неоднородность состояния сформировалась в прошлом и продолжает существовать как компонент системы современного диалекта.

Особенность ситуации проявляется и в том, что в принципе нельзя решить, какое из сосуществующих явлений идет на смену другому – в белорусском говоре аканье вытесняет оканье или наоборот?; в русских говорах ёканье вытесняет еканье или наоборот?. Возраст явлений в масштабах истории языка не показателен, так как не исключено, что изменения могут идти и по линии возврата к более раннему состоянию. В литературе можно найти суждения о возможности такого движения фонетического явления. Так, Н.Дурново считает, что в некоторых североукраинских говорах мягкость

согласных перед *i, *e вторична и реконструирует последовательность [*t'i*, *t'e* > *ti*, *te* > *t'i*, *t'e*] (Дурново 1924: 233). В.В.Иванов считает, что в украинском языке отсутствие *e* > *o* не после исконно палатальных согласных является результатом вторичной делабиализации гласного *o*, т. е. [*t'e* > *t'o* > *t'e* > *te*] (Иванов 1990: 185).

Другая ситуация имеет место, когда сосуществование в диалекте явлений, соотносимых с разными этапами развития данного языка, является следствием протекающего в диалекте в данный момент звукового изменения. В этом случае специфика отношений между архаизмом и инновацией в рамках синхронной системы позволяет определить направление изменения. Часто стимулом этого является влияние литературного языка. Но и при этом освоение литературного эквивалента не происходит в виде непосредственной замены диалектного явления. Структурные правила диалекта могут регулировать процесс адаптации литературного образца.

Показателен в этом плане переход от оканья к akaющей норме; ср. описание этого в (Пауфошима 1978; Калнынь, Масленникова 1995, 68).

В русских говорах при отходе от оканья к akaнию включается механизм подобия гласных соседних слогов. Замена безударного *o* гласным *a* раньше всего происходит перед слогом с *a*. Сам по себе факт взаимосвязи и взаимной обусловленности гласных в пределах слова присутствует в вокализме многих русских говоров. Однако существенно то, что в рассматриваемом случае вокальная модель слова возникает как охранительная реакция на контакт с литературным языком. Стимул к образованию этой особенности заключен в диалекте как бы в латентном виде и проявляется только как реакция на контакт с литературным языком.

Этапы деградации цоканья, отражающие постепенное движение к различию зубной и передненебной аффрикат показаны в (Колесов 1975).

Замена фрикативного задненебного согласного взрывным (*y* > *z*) проходит довольно легко. Но устранение оглушения звонкого задненебного в *x* (не в *k*) часто оказывается непреодолимым для лиц, стремящихся избавиться от этой диалектной черты. Устойчивость оглушения звонкого задненебного в *x* связано с таким структурным компонентом диалекта, как организация фонетической программы слова.

Стабилизирующее влияние фонетической программы слова отражается в устойчивости диссимилятивного яканья. То же показывает ситуация с диссимилятивным яканьем, описанная в (Захарова 1977) – в говоре может уже отсутствовать набор гласных, с которым связано диссимилятивное яканье, но стереотип в произношении предударных гласных сохраняется вопреки литературному влиянию.

Устойчивость диалекта в условиях сосуществования с литературным языком обусловлена и спецификой артикуляционной базы диалекта. Хотя сама по себе она не относится к собственно структурному устройству диалекта, но может затруднять усвоение явлений кодифицированного языка носителями диалекта. Это убедительно показал С.С. Высотский в одной из своих статей (Высотский 1967). Виды вокализма в севернорусских говорах были им охарактеризованы с точки зрения фактического размещения гласных, презентирующих фонологический подъем выше нижнего. Артикуляционное варьирование подъема этих гласных, иногда осложненное асимметрией уровня подъема в переднем и непереднем ряду, дает восемь территориально локализованных «трапециоидов гласных». Такое артикуляционное размещение гласных в диалекте создает значительные затруднения для освоения носителями диалекта кодифицированного вокализма. В частности и потому, что элементы артикуляционной базы не поддаются избирательному изменению. Изменяться может общая звукообразующая установка, что для рядового носителя диалекта не реально.

Сказанное имеет своей целью показать, что в ситуации сосуществования с литературным языком диалекты функционируют и изменяются с учетом правил своей структурной организации. Занимая как бы второстепенное место в коммуникативной среде, они, хотя и в трансформированном виде сохраняются, часто вопреки официальной языковой политике. При этом диалекты показывают не только синхронно протекающие процессы, но и содержат признаки, сформировавшиеся в более ранний период в ходе внутренней динамики диалекта.

Это означает, что в ситуации сосуществования с литературным языком диалекты продолжают функционировать как структурно организованные идиомы. Их реакция на контакты с литературным языком, по крайней мере, на уровне фонетики, не является пассивной. В регулировании результатов контакта принимают участие структурные особенностями диалекта – они корректируют замену диалектных явлений литературными эквивалентами.

Литература

Аванесов 1963 – *Аванесов Р.И.* Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V МСС. София, 1963.

Вайтовіч 1968 – *Вайтовіч Н.Т.* Ненацісканы вакалізм народных гаворак Беларусі. Мінск, 1968.

Васченко 2002 – *Васченко В.* О типологической классификации народных говоров (русского и иного ареала) // *Romanoslavica XXXVIII. Referate și comunicări prezentate la Celdele XIII-lea Congres Internațional al Slaviștilor. București, 2002.*

Вопросник 1965 – Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.

Высотский 1949 – *Высотский С.С.* О говоре с. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 2. М., 1949.

Высотский 1967 – *Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М. 1967.

ДАРЯ 1 – Диалектологический атлас русского языка. Выпуск I. М., 1986.

Дурново 1924 – *Дурново Н.* Очерк истории русского языка. Л., 1924.

Захарова 1977 – *Захарова К.Ф.* К вопросу о генетической основе типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

Захарова 1981 – *Захарова К.Ф.* К вопросу о ёканье // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

Иванов 1990 – *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1990.

Калнынь 1975 – *Калнынь Л.Э.* Об организации фонологических систем смешанного типа // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1973. М., 1975.

Калнынь, Масленникова 1995 – *Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Изучение вариативности в славянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. З. М., 1995.

Калнынь, Попова 2007 – *Калнынь Л.Э., Попова Т.В.* Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации. М., 2007.

Касаткина 2009 – *Касаткина Р.Ф.* Новые данные о говоре деревни Лека Шатурского р-на Московской обл. // Исследования по славянской диалектологии. 14. М., 2009.

Кириллова 1983 – *Кириллова Т.В.* Развитие народных говоров в советский период. Калинин, 1983.

Кириллова 1985 – *Кириллова Т.В.* О типологии изменений в диалектном вокализме // Среднерусские говоры. Калинин, 1985.

Кириллова, Новикова 1988 – *Кириллова Т.В., Новикова Л.Н.* Актуальные процессы в фонетике современных русских народных говоров. Калинин, 1988.

Колесов 1975 – *Колесов В.В.* Расшифровка системы современного говора (на материале севернорусского цоканья) // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л-д, 1975.

Пауфошима 1978 – *Пауфошима Р.Ф.* Перестройка системы предударного вокализма в одном вологодском говоре // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978.

Пожарицкая 1964 – *Пожарицкая С.К.* Проблема изменения *E* в *O* в северновеликорусском наречии в свете данных лингвистической географии // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.

Пожарицкая, Попова 1990 – *Пожарицкая С.К., Попова Т.В.* Влияние консонантного окружения на рефлексы *ę // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 2а. Рефлексы *ę. М., 1990.

Шахматов 1913 – *Шахматов А.А.* Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Известия Отделения русского языка и словесности АН, т. XVIII, кн. 4, 1913 г.

Summary

Dialects as Structurally Organized Idioms in the Situation of Coexistence with Literary Language

In the abovementioned situation dialects on the phonetical level function and change according to the rules of their own structural organization. The dialect's structure is characterized not only by synchronic processes, but also by the relics of an earlier period of development. Dialects are not passive in their reaction to the literary language. The results of such contacts correlate with the structural features of the dialect.

П.Е. Грищенко (Киев)

Диалекты в современной языковой ситуации Украины

Людмила Эдуардовна Калнынь

Диалекты как одна из форм существования украинского языка сегодня продолжают занимать значительную часть функционального пространства, влияя на другие страты и одновременно подвергаясь структурным и функциональным изменениям. С динамизмом – важнейшей особенностью диалекта как лингвального феномена¹ – исследователи прежде всего связывают утрату элементов структуры и появление инноваций. Однако редукция затрагивает не только структуру ЧДС², но и сферы функционирования диалекта: *социум* (изменение круга носителей говора и социальной аксиологии – оценки говоров как самодостаточных объектов или в сопоставлении с ЛЯ, другими ЧДС) и *аreal ДЯ* (исчезновение отдельных ЧДС, диалектных микрозон провоцирует переформирование сегментов континуума). Последнее – трансформация географического пространства ДЯ – традиционно ассоциируется с изменениями латеральных ареалов. В ситуации с украинским ДЯ это украинские диалекты за пределами Украины (на Брестчине, Пинщине – Беларусь; на Подляшье, Люблинщине, Подкарпатье – Польша; в Восточной Словакии; на Мараморошине, в Южной Буковине и Добрудже – Румыния; на Курчине, Подонье – Россия), а также дистантные относительно основного ареала островные говоры в континуумах других языков (к примеру, среди северномазовецких, силезских польских говоров; в диалектном окружении Бачки и Срема на Балканах; в русскоязычном окружении на Алтае, в Сибири, на Дальнем Востоке и др.). Этническое окружение, социокультурные условия существования, особенности функционирования и направления динамики каждой из таких латеральных зон и дистантных микроареалов – это отдельные объекты изучения со своей специальной проблематикой, учитывающей историю возникновения анклавов, языковое/диалектиное окружение, структуру социума носителей островных говоров. Ценность таких исследований состоит не только в регистрации сохранившихся или утраченных структур-

¹ Анализ внутриязыковых и социальных причин динамики русского диалектного континуума в XX в. см.: Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и перспективы русской диалектологии // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Москва, 20–23 мая 1991 г. Доклады. Ч. I. М., 1991. С. 229–236.

² В работе приняты сокращения: ДЯ – диалектный язык, ЛЯ – литературный язык, ЧДС – частная диалектная система (компонент диалектного пространства).

ных элементов ЧДС в специфических, новых по сравнению с основным континуумом, условиях, но и в изучении и возможности обобщения опыта существования, трансформации диалектов в условиях гетерогенного окружения. Важно отметить, что в новых условиях бытования диалектов, которые оказались отделенными от основного ареала и гомогенного ЛЯ, способного выполнять роль поддерживающей субсистемы, на фоне контактных гетерогенных окружающих диалектов и гетерогенного литературного идиома, нередки случаи усиления внимания диалектоносителей к своим говорам, их положительной (нередко – гиперкорректной) оценки. Такая актуализация оппозиции с в о й : ч у ж о й в языковом сознании носителей латеральных/островных диалектов зачастую способствует сохранению этих диалектов, обретению ими функции символа самоидентификации соответствующего социума (диалект опосредованно маркирует *свою, традиционную культуру*, иногда и *свою веру* диалектоносителей), развитию ориентированного на свой диалект словесного творчества, формированию предпосылок кодификации изолированного диалекта, превращения его в литературный идиом различной степени функциональной полноты³; важным сигналом движения от ЧДС (вне основного континуума) к ЛЯ является художественное творчество, ориентированное на диалект / на диалекте. Внимание исследователей к процессам в диалектах вне основного ареала бытования ценно для познания истории и современного состояния отдельных говоров, микрозон, а также для определения факторов и их комбинаторики, влияющих на динамику отдельных ЧДС и микрареалов.

Изменениям подвержены также говоры основного (нелатерального) континуума, хотя характер динамики, условия и степень интенсивности структурных и функциональных преобразований отличаются от тех, которые присущи латеральным и островным – отдаленным от основного континуума – говорам; отчетливо изменения в структурах ЧДС видны при повторном их обследовании по той же программе через определенный промежуток времени⁴.

³ О сохранении украинских говоров в Польше после II мировой войны и опыте кодификации отдельных диалектов (в частности, лемковского) см.: Лесів М. Українські говірки в Польщі. Варшава, 1997.

⁴ Используя прием полихронного картографирования (презентация на картах сопоставимой информации двух временных срезов с интервалом в 50 лет), Е.Д. Глуховцева отразила на картах наличие/отсутствие изменений в каждой ЧДС восточнослобожанского ареала; для этого автор повторно обследовала пункты сетки Атласа украинского языка с использованием программы данного атласа и по результатам обследования составила 150 атомарных карт (Глуховцева К.Д. Динаміка українських східнослобожанських говірок. Луганськ, 2005).

Динамика ЧДС на различных структурных уровнях, забвение или перемещение в пассивный фонд части традиционных элементов структуры на фоне его значительного расширения (особенно – лексики) за счет инноваций отнюдь не свидетельствует об исчезновении диалекта; скорее наблюдаем новое качество диалекта — его структуры, статуса среди других стратов национального языка, особенно — инновации в его функционировании⁵. При различных изменениях диалекта сохраняется важное условие его бытования — осознаваемая диалектносителями оппозитивность ЧДС/ДЯ : ЛЯ; противопоставление этих основных форм языка постоянно присутствует в различных проявлениях, а в повседневной жизни — прежде всего как осознаваемое диалектносителями отличие собственной речи от речи в средствах массовой информации.

Подчеркивая, что трансформация украинских диалектов, а не их «книверсализование» или исчезновение, является определяющим направлением динамики данного лингвального страта, тем самым ставим под сомнение обоснованность неутешительного для ДЯ прогноза 70-х годов XX в.: «Развитие украинского языка на современном этапе его исторической жизни характеризуется также интенсивным процессом сужения действия, а во многих случаях и стирания территориальных диалектов»; и далее: «Особенности диалектной речи в результате больших достижений в развитии просвещения и культуры населения или совсем перестали существовать для большинства населения УССР, или постепенно, но неуклонно уступают свое место литературной речи. [...] диалектные черты все время находятся в движении, заменяясь чертами литературного языка»⁶. Приведенные утверждения о стремительном изменении украинского диалектного ландшафта и языковой ситуации в целом — в свое время популярные и пропагандируемые — не опирались на специальные исследования и не отражали социальных и лингвальных реалий своего времени; не подтверждены эти прогнозы и сегодня, хотя украинский диалектный континуум (как и отношения, взаимодействие между стратами) был и остается динамичным. Тезис о заметном сужении и постепенном исчезновении диалектов был продиктован стремлением утвердить литературный язык во всех сферах коммуникации и не опирался на исследования функционального распределения лингвального поля между различными стратами украинского языка. Идея доминирования и превосходства лите-

⁵ Изменения диалектов требуют усовершенствования методики исследования, в частности, усиления социолингвистической составляющей на фоне применения традиционных в диалектологии приемов изучения; см.: *Sierociuk J. Socjologiczny kontekst badań języka mieszkańców wsi // Gwary dziś. 4. Konteksty dialektologii / Pod red. J. Sierociuka. Poznań, 2007. S. 325–335.*

⁶ Белодед И. К. Развитие языков социалистических наций. Киев, 1969. С. 72, 73.

ратурного идиома в жизни общества системно воплощалась с помощью критики диалектных черт и языковой цензуры: строгое определение норм литературного языка, которые закреплялись в нормативных словарях, ориентированность речевой практики исключительно на норму (особенно в области лингводидактики, художественного словесного творчества, в информационной сфере) отсекало ЛЯ от диалектов как источника расширения структуры и выразительных средств литературного идиома. Борьба за чистоту ЛЯ была сопряжена с формированием в социуме резко отрицательного отношения к говорам, а в среде лингвистов – с недооценкой значимости диалектов как источника информации, непониманием зачастую безальтернативности, уникальности диалектных сведений для исследования языка и культуры.

Изменения украинского ДЯ затронули континуум в целом, спровоцировали дальнейшую дифференциацию типов диалектов. Так, к примеру, после 1986 г. утрачена часть ранее целостного среднеполесского диалекта (чернобыльский ареал); переселение диалектносителей из этой части диалектного пространства в новое диалектное окружение обусловило появление нового типа говоров – р е д у к т и в н ы х: разновидности диалектных систем, которые вследствие транслокализации диалектносителей в новую среду стремительно теряют многие исходные черты, принимая черты нового контактного гетерогенного диалекта; изменение структуры сопряжено с изменением величины и структуры социума, сужением сфер и интенсивности использования исходного диалекта. В целом украинский диалектный континуум – его внешние границы, внутренняя архитектоника – не является величиной постоянной: переформирования в пределах основной территории бытования в результате переселений и дозаселений, «отсекание» латеральных частей диалектной территории и вовлечение их в иную культурно-языковую сферу происходили издавна, включая и не столь отдаленные во времени периоды истории⁷. Однако эти процессы не изменили главного в архитектонике украинского языка: наличия оппозиции ЛЯ : ДЯ.

⁷ К примеру, к важнейшим событиям ХХ в., изменившим условия существования украинского диалектного пространства – прежде всего в его географическом измерении – относятся: а) административный и политico-правовой передел украинской этнической (языковой) территории, вхождение её значительных частей в состав государств с неукраинским основным населением и, соответственно, неукраинским государственным и литературным языком (особенно ощутимыми были такие переделы после завершения гражданской в начале 20-х г. ХХ в. и Второй мировой войны); в результате таких изменений от целостного украинского диалектного континуума были отделены государственными границами части диалектного пространства, где в новых условиях формировалась новая модель их развития с учетом существования и соотнесения с гетерогенным литературным языком; при этом такие новосформированные диалектные

Сегодня в Украине сложилась ситуация, противоположная тем прогнозам о заметном сужении в скором времени сферы бытования диалектов, которые высказывались ранее и целенаправленно насаждались в социуме, а особенно — в сознание лингвистов, работников издательств, педагогов, что влияло на их поведенческие стратегии и, опосредованно, на интенсивность вхождения диалектных черт в сферу и структуру литературного языка. В стратификации украинского языка противопоставление **диалект : литературный язык** остается константой, осознаваемой диалектоносителями; последние диалектную речь на уровне языкового сознания определяют прежде всего как **с о ю**, отличающуюся от литературного стандарта (репрезентантом последнего для них зачастую является речь в средствах массовой информации — слышанная по радио и телевизору, а также речь неместной, приезжей (= чужой) интеллигенции). Такое противопоставление выражение в типичных определениях [гово́рим] по **'нашому**, ~ **'сво́йому**, ~ **'йак у се́лі** в противовес [гово́рим] по **'городу** 'кому, ~ **'йак у 'радіві** (в радиопередачах), ~ **'йак 'Ала 'Мазур** (диктор телевидения); при этом редки случаи отрицательной характеристики своей диалектной речи (**у нас го́вор'ат'** **ніправил'но**; **го́вор'ат'** **'суржиком**). Свидетельством осознания своей речи как диалектной является и наличие на уровне индивидуального и / или коллективного сознания набора признаков, отличающих свою диалектную систему от соседней, а также современное состояние говора от предыдущего, прежде всего от речи первого и второго по старшинству поколений. В связи с этим замечания лингвистов о том, что сегодня нет **настоящих** диалектов, что они ушли вместе с диалектоносителями или в лучшем случае претерпели существенные трансформации, отражают скорее ностальгию по утраченному, якобы существовавшему ранее или потенциальному информационному раю, нежели результаты специальных изысканий. Известно, что обоснованные выводы о характере, направлениях, интенсивности динамики

микроконтинуумы могли сохранять сетку населенных пунктов и социумы диалектоносителей с устоявшимися традиционной культурой и структурой ЧДС; б) разрушение ареалов различной величины — от отдельных н. п. до значительной части диалекта вследствие массового отселения диалектоносителей (к примеру, отселение носителей лемковских, западных полесских, волынских, посанских диалектов на территории современной Польши — *операция «Висла»* в 1947 г.; отселение носителей среднеполесского ареала после катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции в 1986 г.); в) трансформация ареала как результат его дозаселения носителями других диалектов (массовое переселение носителей юго-западного и северного наречий в юго-восточный ареал в конце 40-х — 50-е годы XX в. существенно расширило юго-западное и северное влияние на юго-восточное наречие, что отразилось на современном облике этих говоров).

структуры диалекта возможны только на базе разновременного сопоставительного изучения ЧДС, исследования разновременных состояний диалекта.

Для украинской ситуации важно подчеркнуть, что отношение диалект : литературный язык в украинском континууме дифференцировано территориально и во времени: то, что для носителей ЛЯ в одном культурно-языковом ареале является ярким диалектизмом, для представителей другого ареала таковым не является, хотя оба ареала интегрирует один и тот же литературный идиом. К примеру, многие элементы текстов современного популярного писателя Ю. Андрушовича западноукраинскими читателями воспринимаются как *свои, напоминающие о региональной культурной традиции прошлого и способствующие ее возрождению, лишенные языковых ограничений советского периода и русскоязычного влияния последних десятилетий (советизмов)*, а для представителей иного региона – центрального и юго-восточного ареалов Украины — язык этих же произведений сигнализирует о возрождении той западноукраинской языковой традиции, отличительной чертой которой были польское влияние и ориентация на региолект – галицкое интердиалектное образование, территориально маркированное, хотя не до конца формально сложившееся и четко структурированное (в круг характерологических черт данного региолекта не попадают многие гомогенные черты, прежде всего архаизмы, хорошо сохранившиеся в юго-западном ареале и дифференцирующие эти диалекты на фоне других украинских). Для центрально- и восточноукраинского читателей, не имеющих специальной диалектологической подготовки, такие тексты, лишенные подробного текстологического комментария, иногда оказываются малопонятными, трудно воспринимаемыми; они также могут символизировать возрождение языковой и культурной традиции подпольской Украины (из-за обилия полонизмов); это *не свои, во многом непонятные тексты*. Такие оценки текстов Ю. Андрушовича можно было наблюдать в конце 80-х – начале 90-х гг. ХХ в. Однако за прошедшее двадцатилетие ситуация претерпела существенные изменения в плане расширения круга читателей, которым этот автор (и другие авторы данного направления) ментально стал значительно ближе, понятнее, почти *свои* в языковом отношении. Этому способствовало формирование широкого круга писателей новой волны, для которых обращение к диалектным источникам (независимо от избираемой модели относительно насыщения текстов региональными элементами) оказалось маркером их языка, стиля. Важно, что надежды авторов на положительную оценку таких текстов читателями оправдались: эти тексты популярны, читаемы, привлекают внимание исследователей, ценимы в контексте элитарной культуры, хотя своими отдельными чертами нередко примыкают к массовой культуре.

Можно констатировать, что сегодня в украинском художественном пространстве четко оформилось отдельное направление, которое способствует увеличению суммарного текста (количества текстов, а также их авторов), что влияет на языковую ситуацию в отдельных регионах и континууме в целом. Диалектное значительно шире, нежели социолектное (сленговые, аротические элементы), стало использоваться как противовес гиперстандартизации и пуританству литературного идиома недалекого прошлого. Если в последнее двадцатилетие, в новых языково-культурных условиях, социолектное в целом сохранило (зачастую – и усилило) свою отрицательную коннотацию на фоне нейтрального литературного стандарта, несмотря на попытки представить употребление сниженных сленговых элементов как расширение границ нормы и одно из проявлений словесных художественных исканий, то ранее четко выраженное отрицательное отношение к диалектным элементам в значительной степени потеряло былую остроту, редуцировалось.

Можно утверждать, что в языковой ситуации Украины с конца 80-х г. XX в. диалектная речь оказалась востребованной в значительно большей степени, нежели социолекты, к тому же не только в художественной речи, но и в СМИ. Ряд изданий, отдельные телеканалы пропагандируют элементы, имеющие выраженный региональный характер, не соответствующие нормам литературного языка предыдущих десятилетий, используют издержки политизации проблем языкового развития, в частности, отождествление жестких языковых норм с тоталитаризмом, а отступление от норм – с демократизацией, что создало предпосылки для возврата к активному использованию многих элементов, прежде всего западноукраинского варианта ЛЯ, просуществовавшего в Украине до 1946 г.⁸

Поэтому необходимо принимать во внимание отличительные условия использования диалектизмов в литературных текстах, создававшихся в западноукраинском регионе в различное время: в XIX в. до распространения нормативных школьных грамматик; в XIX – первой половине XX вв. в период распространения начального образования по украинским грамматикам, созданным со значительной ориентацией на региональные особенности; 1946–1991 гг. — когда обязательным было следование единому правописанию; с 1991 г., когда отсутствие цензуры позволило использование различных систем правописания и появились условия для более широкого использования

⁸ Напомним, что 1 января 1946 г. на всей территории Украины было введено единое правописание – «Український правопис», заменивший в Галиции, на Буковине и Закарпатье варианты правописания, учитывавшие региональные особенности, менее подверженные влиянию русского правописания.

диалектных элементов в различных стилях и жанрах литературной речи. Локальные нормы прошлого, которые многими элементами не соответствуют современным нормам общеукраинского ЛЯ, делят диалектизмы текстов различных периодов на два типа:

- а) не соответствующие нормам локальной языковой практики и общенационального литературного идиома;
- б) соответствующие локальным нормам (= региолекту), но не совпадающие с нормами общенационального литературного языка.

Начиная с 80-х гг. XX в. новый импульс получает направление словесного творчества, ориентированное на диалектную речь. Диалектно ориентированный нарратив (по И. Франко — *народная беллетристика*) становится популярным; в таких текстах сохранена не только фабула народного рассказа, но главное — народная речь. Писать так, как говорит народ, в противовес устоявшейся традиции, в современном украинском культурном пространстве оценивается как модерн и по-прежнему остается признаком инновационного художественного движения. С усилением ориентации в сфере художественной литературы на региональные традиции литературного языка⁹ этот процесс стал все более явственно проявляться и вне художественных текстов, в частности, в СМИ. Ряд новых изданий (газеты, журналы), оппозиционных к 50-летней традиции единого правописания (введено в практику в 1946 г.; новые версии с уточнениями и незначительными изменениями — 1960 и 1993 гг.), отвергли языковую цензуру и переориентировались на правописание 1928 г., лишенное, по убеждению многих, влияния русского правописания (правописание 1928 г. в 1933 г. было заменено правописанием, приближенным к русскому) и сохранившееся в практике украинской диаспоры. Но главное новшество заключалось не столько в правописании, сколько в свободном толковании границ нормативности, допускающем широкое использование региональных, диалектных черт. Это направление проявилось в: а) издании новых текстов, преимущественно художественного, в меньшей мере — публицистического, информационного стилей, научно-популярного подстиля; б) издании ранее не публиковавшихся по цензурным соображениям текстов; в) повторных изданиях текстов, ранее опубликованных с существенными на-

⁹ Существовавшие до 1939 / 1944 гг. в Галиции, на Буковине, Закарпатье локальные варианты литературного языка, ориентированные своей структурой на региональные особенности и тем отличавшиеся от общеукраинского литературного стандарта, были заменены после воссоединения западноукраинских земель в составе Украины единым украинским литературным языком (см.: Гриценко П. Е. Некоторые замечания о диалектной основе украинского литературного языка / Philologica slavica. К 70-летию академика Н. И. Толстого. М., 1993).

рушениями языка авторского (аутентичного) текста, что обусловило необходимость его языковой реновации¹⁰.

Степень близости текстов, использующих диалектные элементы или имитирующих диалектную речь, к собственно диалектам оказывается различной:

- традиционное умеренное использование диалектных единиц в структуре ориентированного на норму текста; традиция сложилась в послевоенное время (в пределах подцензурных изданий) с типичными установками относительно употребления диалектизмов: а) для характеристики речи персонажей; б) в речи автора – для создания местного колорита; при этом диалектные элементы не должны были затруднять восприятие содержания текста за пределами описываемого ареала; среди диалектизмов предпочтение отдавалось лексике (преимущественно с «дублированием» литературными соотвествиями), реже использовались фразеологизмы, в отдельных случаях – легко узнаваемые грамматические особенности);

- ощущимое насыщение текста диалектными элементами при сохранении ориентации на литературный стандарт; при этом стандарт мог быть региональным (до 1939 г. / 1946 г.) или общеукраинским (в послевоенное время);

- «олитературенный» диалектный текст / имитация диалектной аутентичности; редактированный диалектный текст (при этом возможны различные ситуации: когда автор ориентирован на круг читателей, не знающих диалект; и когда потенциальные читатели – это носители определенного или близкого диалекта, т. е. подготовлены к восприятию такого текста).

Украинский социум в новых динамичных социокультурных условиях в целом принял такое развитие языковой ситуации, поначалу оценив изменения как региональный эксперимент, не воспротивился формировавшейся новой модели отношений диалект / региолект: ЛЯ, модели развития литературного языка в условиях диалектизации важных сегментов коммуникативного пространства, ранее занятого исключительно ЛЯ. Это подтверждает появление множества новых журналов («Перевал», Ивано-Франковск, 1991; «Буковинський журнал», Черновцы, 1992; «Ї», 1989; «Літопис», 1989; «Сучасність», в Украине с 1992; «Критика», 1997; «Книжник-review», 2000 и др.) и газет («Високий замок», Львов, «Молода Галичина», Львов, «Галицький кореспондент», «Репортер», «Західний кур'єр» и др.) с более широким использованием региональных языковых черт, с включением и в ориентированный на литературный стандарт текст сегментов диа-

¹⁰ См. переиздание романа «Апостол черни» О. Кобылянской (Буковинський журнал. 1992, № 1–6).

лектической речи (зачастую – как цитирование в репортажной части) или в авторском тексте¹¹; многие из названных изданий обрели популярность.

Во многих газетах сегодня принято цитировать высказывания респондентов без редактирования их разговорной речи, зачастую копируя фрагменты диалектной речи или используя с целью стилизации «под диалектную речь» регионализмы. Амплитуда оценок данного явления широка – от положительной до сдержанной или резко отрицательной; однако в целом все это свидетельствует об изменившемся/меняющемся отношении к диалектам в социуме, а не только о расширении влияния диалектов (или региолектов) на отдельные сферы бытования ЛЯ.

Материалы публикаций, ориентированных на диалект, зачастую свидетельствуют о наличии в текстах элементов, имеющих диалектную приуроченность и одновременно отсутствующих в литературном идиоме; причем насыщенность текста такими словоформами, лексемами может быть значительной, что делает восприятие текста реципиентами с иной диалектной базой (или без знания диалекта) весьма затруднительным, проблематичным. Такие тексты для *носителей* соответствующей диалектной культуры представляют прежде всего эстетическую ценность, для *не-носителей* данного диалекта – скорее свидетельство поиска альтернативного литературному стандарту способа языковой и художественной реализации.

Если ранее авторам необходимо было отстаивать право на использование диалектных черт в художественных текстах, а опора цензоров на академический толковый словарь¹² была последним аргументом в борьбе против регионально маркированных элементов, то ослабление цензуры, а со временем — и отказ от нее, создали иные условия введения диалектных элементов в различные тексты. Новое направление более широкого использования регионализмов реализовано во многих художественных текстах современных известных и молодых авторов, для которых диалектный язык (особенно его юго-западное ответвление, структурно более отдаленное от литературного стандарта) хорошо известен. Это Р. Иваничук, Р. Федорив, Д. Павлычко, С. Пушик, Н. Яновский, М. Влад, Б. Бойко, М. Пидгирянка, Т. Мельничук, М. Дзюба, М. Матиос, Ю. Андрухович, П. Мидянка, В. Шкурган, И. Березовский, Б. Загорулько... Круг этих авторов год от года заметно расширяется и, что особенно важно, молодыми авторами, зачастую избирающими диалект-

¹¹ См.: *Пискач О.* Доцільність використання діалектної лексики в публіцистичному тексті (на матеріалах закарпатської районної преси) // <http://journlib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1060>.

¹² Словник української мови. Т. 1–11. Київ, 1970–1980.

ные черты как благодатный материал для художественных словесных опытов.

Произведения этого стилевого направления современного художественного творчества известны не узкому кругу литературных гурманов, а стали явлениями культурной жизни всей Украины, отмечены престижными литературными премиями (напр., роман «Солодка Даруся» М. Матиос удостоен Национальной премии Украины им. Т. Шевченко 2005, а его сценическая версия – театральный хит последних лет), некоторые из них стали предметом изучения в школе¹³. Важно, что критики, литературоведы, оценивая произведения этого направления, среди их достоинств часто называют открытость к диалектам как важному языковому и художественному источнику средств воплощения замысла; напр., показателен отзыв В. Герасимюка о поэтическом сборнике П. Мидянки «Луйтра в небо» («Лестница в небеса»): «Не лемко, не бойко, не гуцул, но – горянин, верховинец из Широкого Луга, который симфонично оперирует, кажется, всей лексикой Карпат (и не только украинских). Если у кого-нибудь из поэтов этого региона на сборник будет несколько диалектизмов, то они обязательно будут бросаться в глаза, “выпирать”, а у Мидянки в одной только строфе таких слов может быть больше, но употреблены они всегда без особых усилий и полновесно»¹⁴; подобные высокие отзывы о диалектности как художественном достоинстве текста – не редкость в современной украинской литературной критике.

Диалектно маркированные элементы используются не только в оригинальном словесном творчестве писателей, но и в текстах художественных переводов (Г. Кочур, Н. Лукаш, А. Перепадя, А. Содомора и др.). Если во времена жесткой цензуры использование диалектных элементов в переводах, даже художественно оправданное, подвергалось суровой критике, а тексты – существенным редакторским изменениям, то в настоящее время наблюдаем более свободное обращение переводчиков к регионально маркированным языковым средствам; одновременно опубликованы отдельные переводы, ранее отклоненные из соображений языковой цензуры¹⁵. Такие публикации

¹³ О локальной ориентированности современных писателей зачастую сигнализируют названия их художественных произведений: «Золоте ябко» (Д. Павличко, 1998), «Кілько того світ» (В. Шкурган, 2008), «Ади жилю» (В. Шкурган, 2011), «Косиці на писанках» (Н. Яновский, 2008), «Зелений фірес», «Луйтра в небо» (П. Мидянка, 2010) и др.; см. также современные публикации более ранних произведений: «Рік полу́дь звиче́в і віро́вань гуцу́лів» (П. Шекерик-Доныкив, 2009) и др.

¹⁴ Мідянка П. Луйтра в небо. Київ, 2010.

¹⁵ В этом плане показательна судьба перевода на украинский язык «Декамерона» Дж. Боккаччо: подготовленный известным переводчиком Н. Лукашом текст был оценен крити-

также усиливают диалектную составляющую в общем языковом пространстве и ЛЯ в частности: через расширение круга текстов (суммарный текст) с диалектными элементами и положительную аксиологию такого лингвально-го экспериментирования переводчиков, поддержанную общей высокой оценкой переводов.

Таким образом, жесткая нормализация литературного идиома сменилась попытками оживить этот идиом диалектным разнообразием, что отвечает общему направлению демократизации украинского литературного языка; это движение поддержано изменениями в других сферах культуры, см.: широкое использование региональной фольклорной и языковой составляющей в современной популярной украинской музыкальной культуре.

Сфера оригинального художественного творчества остается наиболее открытой для «включения» (по Л. Э. Калнынь) диалектно маркированных элементов в сферу ЛЯ, что связано как с генезисом художественного текста (восходящего к народному нарративу), так и с традицией диалектно-литературного взаимодействия более позднего периода раздельного (оппозиционированного) существования художественного («высокого») и народного словотворчества.

Таким образом, возвращение к диалектным истокам на современном этапе развития художественной литературы является реновацией богатой традиции такого взаимодействия языковых кодов (= стратов). Поэтому язык многих художественных текстов иногда сложно квалифицировать однозначно: относить ли его к литературному идиому со значительным диалектным влиянием или к речи диалектной, которой также присуща традиционная «художественность». Заметим, что в истории украинской культуры публикация текстов народной прозы сыграла важную роль в становлении не только литературы, но и литературного языка в его региональных вариантах и общенациональной форме. Подход к сабиранию образцов народной прозы к концу XIX в. оформился как научно достаточно продуманный; в круг обязательных требований к эксплораторам входило сохранение диалектных особенностей фиксируемой речи диалектоносителя. Это фольклорно-литературное движение, охватившее во второй половине XIX в. всю Украину, осо-

чески из-за использования диалектных и архаических элементов; спасая перевод от полного забвения или уничтожения, Н. Лукаш согласился на языковую редакцию, что обеспечило его публикацию (1964), а сохранившийся авторский, без цензурных изменений, вариант перевода опубликован спустя более 40 лет (*Боккаччо Дж. Декамерон / Переклав М. Лукаш. Київ, 2006*). Опыт анализа диалектно маркированных элементов этого перевода Н. Лукаша: Скоттенко О., Цимбалюк-Скоттенко Т. Елементи північноукраїнського походження в мові перекладу Миколи Лукаша // Волинь–Житомирщина. Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. 22 (1). Житомир, 2010. С. 374–383.

бенно было развито в Галиции, где на этом поприще работали известные писатели, этнографы и фольклористы (И. Франко, В. Гнатюк, Ф. Колесса, М. Драгоманов, Ф. Вовк и др.), что придавало собиранию и публикациям народной прозы особую значимость¹⁶. Закономерно, что именно в юго-западной части украинского континуума сегодня, в новых социальных и культурных условиях, в современной художественной литературе более заметна ориентация на региональность (диалектное и фольклорно-этнографическое многообразие), чем в литературе других украинских ареалов; к тому же юго-западные диалектные черты зачастую более рельефные, запоминающиеся на фоне литературного стандарта, нежели черты северных и особенно юго-восточных говоров.

Специальный интерес представляет индивидуальное восприятие диалекта автором, вопросы текстологии — неточности при письменной передаче особенностей диалектной речи, разграничение копирования и наследования, имитации диалекта в тексте как выражение различных позиций авторов при работе с диалектным материалом. Иногда сами авторы оценивают текст по шкале *диалект — региолект — литературный идиом*. Так, к примеру, книгу «Старовіцкі повісторъкє» («Рассказы о былом») П. Плытки-Горицвит предваряет оценка языка — как *преимущественно-почти диалект*: «Твір писаний Гуцульсков говірков — переважно-майже? з додатком пояснювання на Гуцульські слова»¹⁷ [Плитка: 11]. Близкую к приведенной характеристику языка другого издания — «Жыб'івські новелі» («Жабьевские новеллы») О. Манчука — дал составитель и издатель И. Гречко: «Относительно языка сборника напомним, что это верховинский диалект, имеющий множество оттенков и нюансов в произношении тех же слов и даже отдельных звуков [...]. Эти фонетические отличия хорошо понимал автор, поэтому, надо полагать, не считал нужным кодифицировать на письме диалектное произношение» [Манчук: 9]. Примечателен вывод лингвиста об особенностях языка этого текста как о добротном материале «для хрестоматии гуцульского диалекта»¹⁸, что подчеркивает его пограничный — между диалектом и литературным идиомом — характер.

О степени возможного насыщения текста диалектными чертами дают представление наблюдения над языком упомянутой книги П. Плытки-

¹⁶ Сокіл В. Скарб усної прозової словесності в наукових зацікавленнях Івана Франка // Народна проза у записах Івана Франка / Зібрав та впорядкував В. Сокіл. Львів, 2006. С. 7–13.

¹⁷ Здесь и далее сохранена графика цитируемых источников; для отдельных словоформ в скобках приведены литературные соответствия.

¹⁸ Гречук В. Гуцульський діалект у мові української художньої літератури // Криворівня, 2003. С. 31.

Горицвит, ориентированной на сохранение особенностей речи гуцулов. Одновременно в тексте ощутимо стремление к изысканному народному словотворчеству, использованию приемов фольклорной поэтики, что относит такой текст к пограничной сфере — между диалектным нарративом и собственно художественным. Тексты П. Плытки-Горицвит узнаваемы как связанные с юго-западным, точнее — карпатским ареалом благодаря множеству маркирующих черт, многие из которых неоднократно повторяются, насыщая текст. К таким характерным особенностям текста (насколько точно их передает графика) относятся прежде всего следующие.

1. Более широко представленная на фоне других украинских диалектов палатальность/палатализованность согласных, реализованная:

а) в сохранении палатализованности шипящих: [ч'] почти во всех отмеченных в тексте словоформах, например, *ніч*, *діточкє*, *ручками*, *побічници*, *бечькє*, *чес* (= час), *чубук*, *товчют*, *инчя*, *з плечя на плече*, *на плечьох*, *чарівниками*, *чудуйси*, *без харчю*, *овеч'як-чворнич'юк*; только в отдельных случаях отмечены формы с [ч] — *чередінниця*; изредка зафиксированы словоформы с [ж'] — *жядним* (< пол. żadny), *прежся* (= пряжка), *на держесечку*, *держесевси* и [ш'] — *старшия*, *душия*, *першия*, *під дошками* (одновременно и *дошка*); сохранение палатализованности шипящих провоцирует изменение следующих гласных, их более высокую артикуляцию — *дівчина*, *кучірі*, почти последовательно в деепричастиях — *ідучи*, *нарікаючи*, *переступаючи* (вместо *ідути* и под.);

б) в сохранении [р'] и в наличии форм с вторичным смягчением — *звірь*, *докірь*, *пalamарь*, *з веръха на веръхъ*, *повісторъкє* ('рассказы'), *до Церькви*, *гостподарьку*, *збиръня*, *н'ятіръка*, *до дохторя*;

в) в наличии мягких заднеязычных [к'] и [х'] (реже), например, *від усекех* (= від усяких), *на широкех*, *за рукє*, *овечкє білушкє*, *цвикє* (= цвяхи), *Христіянцкех*, *саракі* (= сараки, Им. пад. мн. ч.), *кардакє*, *у свекрухє*, *прехє* (= пряхи), *трояхє*, *хетро*; при этом в ситуации палатальности [к'], [х'] наблюдаем последовательное изменение следующего гласного -и > -е, например.: [к'] — *прутникє*, *думкє*, *такє* (= таки), *екех* (= яких), *екем*, *ліжникє*, *у дівкє*, *ниткє*, *коновкє*, *прихельникє*; такое же изменение гласных отмечено в позиции после [ж'], сохранившего исконную мягкость: *жево*, *жевко* (< жи-во 'быстро');

г) в изменении [т'] > [к']: *ни кем'ю* (= не тямлю), *докегнешси*, *підкесте* (= підттяти).

В контексте усиления палатализованности может быть рассмотрена и перегласовка ['а] > ['е] ... ['и] после этих согласных, наблюдаемая во многих словоформах (*прежsi*, *шестя* (= щастя), *у чеси*, *тимчісовий*, *боезко*, *ек*, *екшo*,

евитси, завзето, жилоси, ткане, игране, звісниця, порядок); в тексте эта черта охватывает не все словоформы, в части из них этот тип изменений отсутствует (*держати*, хотя и *держевси*).

2. Отсутствие палатализации [c], [ц] в сочетаниях -ск-, -цк- *гучульских, члідницікі, грубецьке, простецькі*; во многих словоформах [c], [ц] отмечены и в конце слова — *кудас, до екогос, овец, грішниц*, а также в возвратной частице -*си* (= -ся) — *хочітси, моливси*.

3. Развитие сочетания **[ъг]* как [ир] — *ирти* (Им. пад. мн. ч. от *рот*), *ирчі, изирчі* (повелит. накл. от *ректи* ‘говорить’).

4. Ассимиляция *ич > иши (> иш) – вишие, ишие* (= ще ‘ещё’), *ватришия, шестя* (= щастя).

5. Отсутствие долгих согласных в позиции **C + ѿ* в им. существит. ср. р. — *каміне, колодє, бездоріжє, гадаречя, вершечем, волосє, житя, по житю*; долгие согласные зафиксированы только в отдельных словоформах (*ходіннях, положення*).

6. Сохранение сочетания губной + *j* в глагольных формах (без вторичного эпентетического [*л'*]): *оброб'ют* [обробјејут], *докуп'ювати, застав'єс, сп'ют, вирізьб'ювали, збав'єли*; изредка отмечены формы с изменением *j > н'* (*розломненікє, міекословні*).

7. Вторичная вокализация анауата — чаще при наличии двух согласных начала слова (*утикраса < прикраса, [нема] устиду, упросльозитиси*), реже — одного согласного (*опередь < перед, отогди < тогда, увезде < везде, отота < tota, отогди < тогда, шой < йой, оцес < чес*); более широкое по сравнению с другими диалектами и ЛЯ использование вокализованных приставок *из-, ис-* перед согласным (*избираv, исходилиси, искінчити, исповчесш, исклала, искузынерити* ‘изготовить в кузнице’, *изчеста < зчеста* ‘часто’, *изверхе < зверхи*); в глаголах инициальный *у* маркирует граммему совершенного вида (*уремезує*), а при наличии других средств передачи данного грамматического значения дублирует эти средства (*увикришити [сокира], уловіточювали [до блискоти]*), эта структура сохраняется и в причастиях (*узасклени, узавитий, утияченний*); в отдельных случаях отмечено появление неэтиологического гласного перед другим инициальным гласным ([*від* своего] *узомислу*). Отдельные словоформы отражают появление вокала в ауслауте на месте старого гласного неполного образования в безударной позиции¹⁹: *на вибіро* (= на

¹⁹ Отдельные словоформы отражают появление вокала в ауслауте на месте старого гласного неполного образования: *на вибіро* (= на вибір), что расширяет коллекцию примеров вокализации **[ъ], *[ъ] в слабой позиции в поздних украинских памятниках и отдельных украинских диалектах* (см.: Залеський А.М. Прослідки зредукованих голосних у слабкій позиції в українській мові // Мовознавство, 1986, № 6).

вибір), *мижси* (= між). В целом текст отражает тенденцию к усилению вокализации.

Противоположное направление развития – утрата вокальности – отмечено в отдельных случаях и имеет скорее лексикализованный характер: *йграти*, *вийгравали*, *йкос* (= якось); такой же сравнительно низкочастотной является и контракция: *голу* (< *голову*), *аби'го* (< *аби його*), *'го* (< *його*), *д'горі* (< *до гори*) и др.

8. Отдельные словоформы по важным признакам не образуют рядов, стоят отдельно, однако благодаря высокой частотности употребления маркируют текст: *траба* (= треба), *чи* (= чи);

9. Флексия *-ий* в Род. пад. мн. числа им. сущ. *a*-основ: *з хатий, дарабий, загатий, мамий, фустиний, кулеший, из долиний, прежий, вигодий, скриний, скаргий*²⁰.

10. Флексия *-ов, -ев* в Тв. пад. ед. числа им. сущ. ж. рода и согласованных с ними прилагательных и местоимений: *водов с'ченов кропили, з бідов нищиков люде боролися, таков злобливов людинов, з сповідьов, з нічов, купівлев*.

11. Флексия *-ох* Предлож. пад. ед. числа им. сущ. *на плечьох, у вишиваницьох*.

12. Формы двойств. ч.: *дvi сопівci, штирi дримbi*.

13. Вариантность простых исходных и редуплицированных форм местоимений: *цu* и *цису* (= цю), *цися* (= ця), *цисi* (= ці), *цисе* (= це), *цес* (= цей), *ототи* и *ототи* (= ті).

14. Флексия *-т* в окончании глаголов 3 л. ед. и мн. числа наст. времени (лит. *-ть*) – *держит, мовчit, кортит, чюют, товчют, вичеслюют*; в 3 л. мн. числа – часто без окончания — [вони] *говоре* (= говорять), *сидe, ходe, робe, носe, лежe, обходe;*

15. Архаические глагольные формы: инфинитива с основой на заднеязычный согласный: *бiчi* (= бігти); прошедшего времени: а *могда сми була*; *хоть їсте* (есте) люде; то *бих орала*;

16. Предлоги *д*, *ид*, *ит* (< *к*) в конструкциях предлог + Предлож. пад. с локативным, темпоральным значениями – *упала д'земни, д'вечіру, д'мамцi, id' горi, id стайнi, it'хатi, it' собi* (= до себе); отличительной чертой яв-

²⁰ Данная флексия имеет четко очерченный ареал распространения в гуцульском диалекте с единичными вкраплениями в смежных бойковском, покутско-буковинском и поднестровском говорах, а также образует дистантный западнополесский ареал, к которому с севера и востока примыкает ареал словоформ с флексией *-ей* [АУМ 2, к. 195–196 и др.].

ляется сочетание нескольких предлогов — палає аж *дов під димник; дов д'вечіру*.

Множество локальных лексем, словосочетаний, фразеологизмов выразительно противопоставляет данный текст литературному стандарту; часть лексем и фрагментов текста настолько специфичны, что для их понимания от «не-гуцолов» во многих случаях требуются дополнительные усилия, см.: *бамбірінс* ‘заговор, колдовство’, *банно ‘жаль’, бешістъ ‘мерзкий (о человеке)’*, *бити на косицу ‘рассветать’, бійний ‘опасный’, бовтиці ‘украшения на одежду – желтые металлические пуговицы’, брай ‘приспособление для прессования сыра при изготовлении брынзы’, бухня ‘старый дом’, васир ‘место лесоразработок’, вгойти ‘сделать что-либо’, векелия ‘гриб-трутовник’, виглюзити ‘испачкаться’, витеребити ‘вычистить’, віків годь ‘откуда-нибудь’, вуїтиси ‘ругаться’, гечилувати ‘угощать’, гиря ‘старая дева’, гониця гулящая (о женщине)’, гартарити ‘лаять (о собаке)’, глиней ‘непроходимое, обрывистое место’, гретіт ‘каменистая гора’, делінь ‘скоро, в скором времени’, держава ‘уход за скотом’, домарінс ‘присмотр за чужим хозяйством’, дора ‘пасха’, дотек ‘достаток’, ельний ‘славный’, завидна година ‘длительный дождь’, заднестиси ‘сделаться пасмурным’, зтамина ‘скот’, изирчи, ирчи ‘сказать, говорить’, исклезь ‘неохотно’, ізвір ‘глухое непроходимое место, ущелье’, керекир ‘крик’, ковбірс ‘плес реки’, кустер горить ‘одолевает желание, похоть’, лоточити ‘ругать, осуждать’, лупіхан ‘сорванец’, лучний ‘удачный’, маліг ‘мелкий скот, ягнята’, муніви ‘эхо’, навидіти ‘любить’, нада ‘приманка’, наколи ‘только’, нешишиник ‘бедность’, окрійти ‘выздороветь’, осік ‘хозяйство’, пазити ‘следить, стеречь’, палати ‘быстро идти’, пелеше ‘длинные волосы’, перестічка ‘зверинная тропа’, тирга ‘большая собака’, пинно ‘нужно’, своя питома (хата) ‘своя’, від своєї питомої долі, подуші ‘извещение о смерти с помощью колокола’, покай ‘беда’, прикутать ‘убрать, привести в порядок’, пруттики бечьке ‘прутья вербы, которые святят в Вербное воскресенье’ (Бечкова нетіля), пустопаш ‘зря’, репедити ‘плакать, рыдать’, сербувати ‘почитать’, совма ‘полностью’, стєгливий ‘заботливый, старательный’, скобина ‘злаковые культуры’, тифорече ‘несёт’, увидьки ‘мгновенно’, уйма [сліз] ‘много’, утекати ‘иметь возможность, достаток’, хітом ‘быстро’ и др.*

Многие диалектно маркированные черты анализируемого текста оказываются инертекстуальными, присутствуют в других текстах более раннего периода (до 1939 г.), которые сейчас вошли (иногда – повторно) в культурно-языковой обиход, а также в текстах современных авторов, ориентированных преимущественно на литературный стандарт, однако не порывающих тесной связи с определенным (преимущественно – своим, известным автору)

диалектным миром. Так, впервые изданный в 2007 г. роман П. Шекерика-Доныкива «Дідо Иванчік»²¹ (завершен в 1940 г.) и переизданные его этнографические штудии, публицистика 30-х годов²² привлекли внимание многих исследователей как значимые в культурном региональном возрождении²³. Тексты П. Шекерика-Доныкива многими чертами языка оказались близкими к рассмотренному тексту П. Плытки-Горицвит, а также к текстам О. Манчука²⁴, что свидетельствует не только о последовательном отражении гуцульского диалекта этими авторами, но и о формировании устойчивого набора структурных маркеров, подчеркивающих принадлежность к гуцульскому диалектному миру, шире – к западно-украинскому культурно-языковому ареалу. В этом ареале в силу исторических и культурных обстоятельств в конце XIX – начале XX вв. были сформированы локальные нормы литературного стандарта, закрепленного грамматиками, практикой школы; многие из этих норм проявляются и в современных текстах тех авторов, которые сегодня в целом ориентированы на современную литературную норму²⁵.

Расширение корпуса текстов, ориентированных на юго-западные украинские диалекты и региональную традицию литературного языка, господствовавшую в Западной Украине до 1939 г., свидетельствуют об усилении диалектного (на уровне отдельного диалекта) или регионального (на уровне речиолекта с присущим ему набором локальных инвариантных черт) влияния на языковую ситуацию в регионе, об изменении украинской языковой си-

²¹ Шекерик-Доників П. Дідо Иванчік [роман]. Верховина, 2007.

²² Шекерик-Доників П. Рік у віруваннях гуцулів. Верховина, 2009.

²³ Тексты менее известного автора О. Манчука (*Манчук О. Жыб'ївські новелі*. Бонн, 1992. 80 с.) также оказались в поле внимания исследователей и литературных гурманов.

²⁴ Подробнее см.: Грешук Вас., Грешук Вал. Південно-західні діалекти в українській художній мові. Нарис. Івано-Франківськ, 2010. С. 147–189.

²⁵ Совокупный диалектно ориентированный мегатекст настолько значителен по объему, а проявление диалектных черт – такое ощущимое, что закономерно созрела идея создания специального словаря диалектно маркированной лексики в художественном творчестве писателей различных эпох – с конца XIX в. и до настоящего времени (*Грешук Вас. Лексична картотека словника «Гуцульська діалектна лексика в українській художній мові»: принципи формування* // Вісник Прикарпат. ун-ту. Філологія. 25–26. Івано-Франківськ, 2010. С. 42–45; показательно, что список потенциальных источников для предполагаемого словаря – тексты около 100 авторов); см. также: Грешук Вас. Гуцульський діалект у мові української художньої літератури // Криворівня. Івано-Франківськ, 2003. С. 21–32; Грешук Вас., Грешук Вал. Гуцульський діалект у мові художньої прози Михайла Павлика // Вісник Прикарпат. ун-ту. Філологія. 23–24. Івано-Франківськ, 2009–2010. С. 16–25; Пена Л. Гуцульські діалектні риси в поезії Марії Матіос // Вісник Прикарпат. ун-ту. Філологія. 25–26. Івано-Франківськ, 2010. С. 77–81; Лесів М. Підляська говорка у віршах Софії Сачко // Волинь філологічна: текст і контекст. Західнополіські говорки в просторі та часі. 9. Луцьк, 2010. С. 343–359.

туации в целом. Многие диалектные черты повторяются в различных текстах, особенно в текстах народной прозы, стилизованных под нарратив «из уст народа». Иногда в текстах доминирует ориентация на фонетику и грамматику литературного языка, использование диалектных черт этих уровней имеет спорадический характер; в то же время поле лексики оставлено для более широкой презентации региональных черт, к примеру:

— у Н. Яновского: *бербениця* ‘небольшая бочка’, *ботей* ‘стадо овец’, *буркут* ‘источник минеральной воды’, *дараба* ‘плот при лесосплаве’, *застайка* ‘легкое дощатое строение для пастухов’, *княгиня* ‘невеста’, *конар* ‘толстая ветвь дерева’, *курмей* ‘ошейник для скота, воловод’, *манджсати* ‘быстро идти’, *навкірки* ‘вопреки’, *пилувати* ‘спешить, торопиться’, *пізьма* ‘гнев’, *плай* ‘тропа’, *плова* ‘сильный дождь’, *побійця* ‘разбойник’, *причка* ‘несчастный случай’, *путеря* ‘сила’, *сарсама* ‘инструмент’, *сигла* ‘густой лес’, *старinya* ‘родители’, *сокотити* ‘стеречь’, *стая* ‘жилище пастухов на полонине’, *цапіна* ‘рычаг для подъема бревен’, *чепрага* ‘застежка’, *черес* ‘широкий кожаный мужской пояс’, *шарга* ‘дождь со снегом’ и др.;

— у М. Матиос: *ади* ‘смотри!’, *бай* ‘разговор’, *баяти* ‘разговаривать’, *ба-тюр* ‘некоторый человек’, *вадитися* ‘спорить, ругаться’, *веремінність* ‘беременность’, *верстак* ‘сверстник’, *відей* ‘кажется’, *візся* [ден] ‘проходил’, *возниця* ‘деревянное сооружения для копчения мяса’, *гейби* ‘как бы’, *глагоїти* ‘ успокаивать’, *густіше* ‘чаще’, *гвер* ‘винтовка’, *дріб* ‘овцы’, *дямба* ‘рот’ (уничижит.), *кавальчик* ‘маленький кусочек’, *каламітний* ‘заводила’, *коц* ‘тонкое одеяло’, *кучерявий* ‘хмельной’ (ирон.), *любá* ‘любовь’, *маглівница* ‘приспособление гладить одежду’, *мале* ‘немного’, *мерша* ‘падаль’, *мольфарити* ‘ворожить’, *набутки* ‘угощение’, *обоч* ‘взгорок’, *охіть* ‘желание’, *пер-вий* ‘двоюродный’, *п'іланитися* ‘взбираться’, *половик* ‘ястреб’, *прятати* (о еде) ‘хранить’, *слонити* ‘укладывать спать’, *тепличка* ‘источник’, *траджу-вати* ‘нести, перемещать’, *фіра* ‘телега’, *цвик* ‘гвоздь’, *чір* ‘каша для собак’, *шивидше як* ‘будто’, *штаровитий* ‘находчивый’, *читіти* ‘быть наклоненным’ и др.;

— у М. Влад: *дараба* ‘плот при лесосплаве’, *наперед* ‘сначала’, *звір* ‘источник’, *чуріла* (вода) ‘текла’, *теплиця-головиця* ‘источник’, *фаска* (масла) ‘сбитая грудка масла’ и др.

Большинство лексем с четкой диалектной отнесенностью не принадлежат к кругу этнографизмов, для которых в ЛЯ нет эквивалентов. Это названия общераспространенных понятий, реалий, для которых в литературном лексиконе имеются точные соответствия, нередко — ряды синонимов. Использование в каждом таком случае элементов диалектного языка свидетельствует об осознанной авторской ориентации на диалектный код.

Существенное расширение круга художественных текстов, насыщенных различными диалектизмами, актуализирует необходимость включения часто употребляемых диалектных лексем в новые толковые словари ЛЯ. Вместе с тем, опубликованные в последние годы тексты, созданные несколькими десятилетиями ранее, нуждаются в специальном семантическом комментировании. См. замечание Н. П. Лесюка о романе П. Шекерики-Доныкива «Дідо Иванчикік»: «Лексике книги должно быть посвящено специальное исследование; необходимо создать словарь [данного текста], иначе для украинского читателя многие места будут просто непонятны»²⁶.

Показательно, что ориентация на региональное языковое и культурное достояние вышла за пределы словесного творчества (художественного дискурса) и проявляется в текстах, соотносимых с иными сферами коммуникации. Так, в дискурсивно пограничном (между собственно художественным и научным литературоведческим) тексте «психобиографического романа» об известном новеллисте Василии Стефаныке широко использованы локальные языковые средства (в речи персонажей и автора), создающие иллюзию хронотопа В. Стефаныка, его диалектного локуса, отраженного в произведениях писателя²⁷. Такой своеобразный прием *вторичной диалектизации* текста, через ссылку к узнаваемому речевому опыту В. Стефаныка, обеспечивает его отнесение к кругу диалектно ориентированных нарративов.

Особое внимание привлекает опыт углубленного изучения диалектных явлений в общеобразовательной школе, которая традиционно опирается исключительно на литературный стандарт. Так, на Гуцульщине (прежде всего в Яворове Ивано-Франковской обл.) значительное развитие получило направление этнопедагогики, ориентированное не только на общенациональные, но и на локальные, известные из ближайшего окружения культурные и языковые явления: создана концепция этнокультурного обучения²⁸, реализуемая в специальной программе курса, в котором предусмотрено изучение и гуцульского диалекта²⁹, а для расширения знаний учащихся о лексике говора подготовлен краткий словарь гуцульского диалекта³⁰; также изданы пособия о

²⁶ Лесюк М. Гуцульський діалект у друкованих джерелах // Етнос і культура. 4–5. Івано-Франківськ, 2008. С. 71.

²⁷ Процюк С. Троянда ритуального болю. Роман про Василя Стефаника. Київ, 2010.

²⁸ Концепція Гуцульської школи як регіональної української національної школи. Проект // Гуцульська школа. Яворів, 1994, I. С. 5–6.

²⁹ Гуцульщина. Орієнтовна програма краснавчо-народознавчого курсу // Там же. С. 7–9.

³⁰ Гуцульські говорки. Короткий словник / Відповід. ред. Я. В. Закревська. Львів, 1997; в «Предисловии» отмечено: «Краткий словарь гуцульского диалекта — это научно-популярный словарь школьного типа, предназначенный для нужд просвещения и массового читателя» (с. 3).

культуре, словесности, истории, быте гуцулов³¹, ознакомление с которыми расширяет также и знания о гуцульском диалекте. Такая практика способствует сохранению диалекта, его внутреннему развитию, формирует оценку говора не только как допустимого, не запрещенного, но и как важного и престижного средства коммуникации. Наблюдаемое на Гуцульщине выраженное движение к осознанию ценности диалекта в процессе дидактики, через школу, сегодня еще не нашло широкого применения в других украинских культурноязыковых зонах, хотя накопленный опыт получил известность, положительно оценен, вышел за пределы ареала его формирования³².

Важным фактором в изменении современной аксиологии диалектов являются также попытки использования диалектной речи / отдельных диалектных черт в сфере церковной жизни – проповедях священников, пастырских посланиях и др. Воцерковление украинского народного языка, диалектов издавна оценивали в Украине как фактор усиления морально-этического влияния на паству³³; сегодня в этой сфере коммуникации отмечены отдельные проявления использования внелитературных языковых элементов, что оценивается как отклонение от литературного стандарта³⁴. Примечательно, что новое культурное прочтение получили пастырские послания митрополита

³¹ Среди таких изданий см.: Плай. Книга для читання про Гуцульщину [Редакція журналу «Гуцульська школа»], 1966; Гуцульщина літературна. Кн. 1. Косів. 2002; кн. 2. Снятин, 2006; Хрестоматія з гуцульщинознавства. Косів; Снятин, 2001.

³² Ценный опыт распространения среди учащихся знаний о русских диалектах воплощен в издании: Язык русской деревни. Школьный диалектологический атлас. Пособие для общеобразовательных учреждений / Составит. И.А. Букринская, Н.Л. Голубева, О.Е. Кармакова, С.Л. Николаев, С.Г. Саркисян. М., 1994.

³³ Весьма показательна характеристика языковых особенностей послания А. Шептицкого, данная И. Франко: «... вместо заплесневелой церковнославянщины, какой пользовались его предшественники, ... он пишет свои письма чисто галицко-русским народным языком, а иногда, к примеру, в известном послании к гуцулам, не гнушается говорить даже диалектом — что не слыхано у наших высших церковных исархов...» (Франко І. Соціальна акція, соціальне питання і соціалізм. Уваги над пастырським посланням Митрополита А. Шептицького «О квестії соціальній» // Франко І. Зібрання творів у 50-ти томах. Т. 45. Київ, 1986. С. 378).

³⁴ Бабич Н. «Місцеві» мови у сучасному релігійному стилі // Християнство ю українська мова. Матеріали наукової конференції. Київ, 5–6 жовтня 2000 року. Львів, 2000. С. 20–26. Иную цель (языковую и церковную автономизацию) преследуют авторы «переводов» Св. Писания на западноукраинский «русинский язык» (см.: Ніччук В.В. Українські діалектні переклади Св. Письма // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства. Зб. наукових праць. Вип. 4. Українське і слов'янське мовознавство. Міжнародна конференція на честь 80-річчя професора Йосипа Дзендрівського. Ужгород, 2001. С. 383–389), что в контексте попыток сформировать отдельный так наз. малый литературный язык отражает радикальное направление регионализации, оцениваемое отрицательно.

А. Шептицького, в частности, «До моїх любих Гуцулів» (21.11.1900), написанное на гуцульском диалекте: переиздание, культурологическое и лингвистическое комментирование данного текста сопровождены общей высокой оценкой с особым вниманием к факту знания и точного использования гуцульского диалекта³⁵. Легитимизация такого опыта не рассматривается в контексте возможного его наследования в современных культурных условиях, когда украинский ЛЯ широко представлен в церковной сфере и отсутствует какой-либо языковой барьер между священником и паствой, а высокий конфессиональный стиль продолжает влиять на художественный дискурс в плане пополнения выразительных средств. Обращение к данному факту – это еще один штрих в общей положительной оценке диалектов сегодня, в повышении их престижа в условиях изменившейся культурной и языковой практики в украинском социуме.

Свидетельством формирования положительной оценки диалектности/региональности в развитии современной языковой ситуации в Украине может служить общественный резонанс ряда научных проектов, к примеру, составление словаря львовской городской речи, ориентированного на выявление и сохранение в лексикографическом формате галицкого локально-го словотворчества³⁶, или о подготовке собраний фонозаписей диалектов и публикациях на их базе диалектных текстов. Такие публичные обсуждения также способствуют утверждению положительной аксиологии диалектов в социуме.

* * *

Таким образом, начиная с 80-х г. ХХ в. наблюдаем заметные изменения функционального статуса украинских диалектов, что нашло выражение прежде всего в более широком использовании диалектных элементов в тех сегментах функционального языкового поля, которые в последние десятилетия почти безраздельно были заняты ЛЯ. Художественные тексты оказались тем пространством, в котором в течение относительно короткого времени с наи-

³⁵ Єдлінська У. У струну гуцульської душі (З приводу пастирського послання Митрополита Андрея Шептицького «До моїх любих гуцулів») // Гуцульські говорки. Лінгвістичні та етнолінгвістичні дослідження. Львів, 2000. С. 67–75; Лесюк М. Мова послання Андрея Шептицького «До моїх любих гуцулів» // Спадщина Митрополита Андрея Шептицького. Івано-Франківськ, 2000. С. 119–125; Лесюк М. Митрополит Андрей Шептицький — знавець гуцульського діалекту // Вісник Прикарпатського університету. Філологія. Мовознавство. XIX–XX. Івано-Франківськ, 2008. С. 104–109.

³⁶ Хобзей Н., Сімович К., Ястремська Т., Дидик-Меуш Г. Лексикон львівський: поважно і на жарт. Львів, 2009 (более 12 тыс. лексем и оборотов речі).

большой полнотой была возрождена традиция открытости к диалектам, привнесшая значительные результаты в формировании украинского литературного языка, усилении и сохранении его самобытности. Органическое соединение инновационных формальных и эстетических поисков писателями новой волны (постмодерн) с диалектами как архаической и малоперспективной (что усиленно «вкладывалось» в массовое сознание) формой национального языка было положительно воспринято в культурной среде. Такой языковой эксперимент – использование в новых языково-культурных условиях диалектно-этнографических источников (иногда в новых формах, в «свернутом» стилизованном виде) – мог оказаться бесперспективным. Однако устойчивая традиция так называемой народной литературы, особенно развитой и популярной во второй половине XIX в., связанной с деятельностью знаковых личностей украинского национального и культурного возрождения, способствовали положительному восприятию современного словесного творчества авторов данного направления и одновременно – усилению общей положительной аксиологии ДЯ в социуме. Произошла реновация отдаленного во времени опыта использования и расширения сфер употребления диалектных явлений, их включения — с различным функциональным статусом — в сферу ЛЯ.

Использование диалектных элементов в мегатексте современного украинского ЛЯ, его присутствие в различных функциональных стилях может отразиться на структуре литературного идиома, прежде всего в плане расширения его периферии. Однако в целом это влияние диалектов на литературный идиом не может быть глубоким, существенно затрагивающим структуру языка, поскольку устойчивость последней в значительной степени обеспечена величиной суммарного нормативного текста и длительным и всеобъемлющим (во всех стилях) применением устоявшихся норм. Поэтому функционально оправданное включение диалектизмов в литературный текст, наличие текстов пограничья – между ЛЯ и ДЯ – не могут привести к разрушению оппозиции диалект : литературный идиом как различных форм существования украинского языка.

Отмеченным в украинской ситуации изменениям статуса ДЯ – усилению диалектного присутствия в современном языковом и культурном пространстве – можно привести параллели (различной точности) в других национальных традициях, к примеру, в русской³⁷, болгарской³⁸, словенской³⁹, италь-

³⁷ Калнынь Л.Э. Включение диалектизмов в художественный текст как разновидность контакта между диалектной и литературной формами русского языка // Вопросы языкознания, 1998, 6. С. 58–68.

³⁸ Китанова М. Някои особености при употребата на диалектна лексика в съвременната художествена проза // Диалектология и лингвистична география / Ред. В. Радева. София, 1999.

янской⁴⁰, что свидетельствует о закономерности, а не исключительности, присущей только украинскому языку, одновременного развития художественного словесного творчества на литературном идиоме и диалекте, расширения сфер применения диалектов.

Диалектная реконкиста последних десятилетий, ставшая заметным явлением в развитии языковой ситуации Украины, изменила отношение социума к диалектам, ослабила ранее ярко выраженный пуританский дух в области ЛЯ, следование требованиям которого существенно обедняло источники развития, структурные, стилистические выразительные средства, особенно словарный состав литературного идиома. Примечательно, что положение о *сохранении и изучении диалектов* заложено в новую концепцию языковой политики Украины⁴¹, в противовес декларированному ранее положению о *необходимости преодоления отрицательного влияния диалектов на развитие языка*.

Можем предположить, что изменившееся в украинском социуме отношение к диалектам как языковому страту способно замедлить нивелирование диалектов, их замещение литературной речью во всех сферах коммуникации.

Источники

- АУМ – Атлас української мови. Т. 1–3. Київ, 1984–2001.
 Влад – Влад М. Стрітене. Київ, 1992.
 Манчук – Манчук О. Жыб'ївські новелі. Буфало, 1992.
 Матіос – Matios M. Солодка Даруся. Драма на три життя. Видання четверте. Львів, 2007.
 Плитка – Плитка-Горицвіт П. Старовіцкі повісторькі. Косів, 2008.
 Шекерик – Шекерик-Доників П. Рік у віруваннях гуцулів. Верховина, 2009.
 Яновський – Яновський М. Гірське серце. Вибране. Івано-Франківськ, 2008.

С. 340–344; *Она же*. Традиции и современность в българский език / Ред. В. Попов. София, 2001. С. 257–259.

³⁹ Grdin I. Narečna književnost // Enciklopedija Slovenije. 7. Ljubljana, 1993. S. 294–295; Stavonik M. Slovenska narečna poezija // Logarev zbornik. Maribor, 1999. S. 372–404; *Она же*. Slovenska narečna književnost. Maribor, 2007; Novak Popov I. Razmišljanje o sodobni narečni poeziji // Slovenska narečja med sistemom in rabo. Ljubljana, 2009. S. 435–453 и др.

⁴⁰ Словесное творчество на умбриском диалекте различных временных срезов, включая современную ситуацию, рассмотрено в диссертации: Раевская И.В. Субдialekt міста Перуджі в системі умбрійських діалектів італійської мови. Київ, 2010.

⁴¹ Про Концепцию державної мовоної політики [Указ Президента України] // Урядовий кур'єр. № 36. 25.02.2010.

*Summary***Dialects in the Modern Language Situation in Ukraine**

In the late 20th – early 21st cc., the language situation in Ukraine demonstrates a serious change in the functional status of the local dialects. In the 40s–80s in the 20th c. the influence of the literary standard was heralded by the introduction of the imperative of purging dialectal features in the everyday language as well as of “the leveling and death of its dialects” in the nearest future. All this brought about a negative treatment of the dialectal language as “low”, hence the use of dialectal elements in Ukrainian fiction was radically limited and subject to censorship.

From the late 80s in the 20th c. onward the number of literary texts authored largely by the younger generation, with a lot of substandard language elements has been increasing, thus becoming a hallmark of postmodern literature. One of the movements of this process is *neo-ethnographism* with an expanded use of the dialectal features. Thus, under new socio-cultural circumstances, the dialectal ethnographic movement, which was cultivated in Ukrainian literature in the second half of the 19th – early 20th cc., has been revived.

Based on the expansion of modern writings as well as reprints of the old works oriented toward the dialectal and vernacular language as used in various territories, one can sort out several types of texts: (a) texts written in dialects and/or consciously premised on a dialect (as a literary form), (b) texts which are very close to dialects but do not employ particular dialects, (c) texts based on the literary standard with either a heavy (1) or moderate (2) admixture of the dialectal elements.

Many a dialectal features which were in the periphery of the literary standard or even beyond, have made their way into the language of mass media; some of these elements are used in the oral literary language practice.

All the above allows us to posit a kind of *dialectal reconquista* in the current language situation, with the strengthening of the influence of dialects upon the norms of the literary language and decrease in the general negative assessment of the dialects as a medium of the national language; the puristic tendency to ban dialectal elements from the system of the literary language is also largely undermined today.

Кашубщина: этнолект, диалект, литературный язык

Современная кашубщина представляет собой с точки зрения ее внутренних особенностей наиболее специфический из континуантов старых племенных диалектов, функционирующий на территории польского государства, хотя большинство типичных системных кашубизмов, как известно, не древнего, а нового происхождения, относится к историческому времени.

Две древнейших особенности кашубщины – совпадение */* и */'* (**vʃ'kъ* ≥ *volk*, **pʃ'nujь* ≥ *połny*, *kålп* «морской лебедь») и *ar* ≤ *tart* (*karv'inc* «коровий навоз», *starnev* «камбала») – имеющие в настоящее время лексикализованный характер, были представлены более широко в период до вовлечения Кашубии в орбиту польской государственности. Тогда проживание кашубов не ограничивалось территорией Гданьского Поморья (локализация современной кашубщины), а охватывало и Западное Поморье от Лемборка и Бытова на востоке, по Одер (с центром в бассейнах рек Парсента и Драва) на западе. Этот славянский поморско-кашубский ареал образовался в результате продвижения сюда в VI–VII вв. части славянских севернолехитских племен с юга, т. е. в тот период, когда различия между славянами (в том числе и лехитами) не были еще значительными (Rzetelska-Feleszko 2001: 100).

По отношению к «поморшине», или «древней кашубщине» (польск. *polmorszczyzna*, *dawna kaszubszczyzna*), функционирующей на этой территории в раннее средневековье, польские исследователи употребляют определение «пояс диалектов» (*pas dialektów*) или «диалекты», (например, (Rzetelska-Feleszko 2001:100)).

Вообще, говоря об идиомах времени племенных образований, лингвисты употребляют номинации язык-диалект. Г. Клинов, описывая прасостояние кавказских языков и используя в отношении их именно такую двойную definiciju, тем не менее замечает, что предпочтительным все же является употребление определения «диалекты» (Клинов 1989: 16). Ниже мы постараемся привести аргументы в пользу использования в таких случаях (и не только для современной кашубщины) термина «этнолект»¹.

¹ Термин *этнолект* здесь используется в значении, которое утвердилось в польской лингвистической традиции. По-русски термин *этнолект* (как и англ. *ethnolect*) обычно используется в значении ‘этнически обусловленный вариант языка’ для таких идиомов, как австралийский английский или дагестанский русский.

Вышеуказанные две особенности, а также третья (смешение начальных *o* и *uo*: *Ieda* ‘*woda*’, *Iekle* ‘*oko*’) относятся к поморско-полабским признакам этих диалектов, хотя последняя черта известна и великопольским говорам. К лексикализованным явлениям в кашубщине относится также сохранение мягкости перед *f'*: *cv'ardi* при общепольском *twardy* (хотя в общепольских лексемах *dziarski* и *ziarno* тоже представлен мягкий согласный перед контигуантом *f'*). Указанные черты, роднящие кашубов с полабянами, позволяют отнести их к западным (или северо-западным) лехитам, в отличие от восточных (или юго-восточных) лехитов (т. е. поляков).

Древние письменные памятники на поморско-кашубском наречии отсутствуют. В XVI–XVII вв. в Бытове (пастор Шимон Крофей) и Смолдзине (пастор Михал Понтанус) были созданы первые тексты религиозного характера, язык которых, как установили исследователи этих переводов Лютера, представляет собой северный вариант польского языка с многочисленными кашубизмами, употребленными в целях улучшения понимания текста местными кашубами и словинцами (одно из кашубских племен, вымершее к настоящему времени, а до конца XIX в. населявшее северный и приморский пояс бывших Лемборского и Слупского поветов в районе озер Лебско и Гардно, диалект которого был описан в начале XX в. Ф. Лоренцем и А. Гильфердингом). При отсутствии памятников на кашубщине древние черты этого языка можно реконструировать лишь на основе *ономастического* материала (топонимов, гидронимов, антропонимов, включающих личные имена и прозвища), извлекаемого из латинских и немецких документов (главным образом Западного Поморья). В этом направлении плодотворно работали Э. Жетельска-Фелешко и Е. Дума. И вышеуказанные три древние особенности (*западнолехитские*) широко представлены в исследованном этими авторами ономастическом материале: *TaRT* без исключения на всем Западном Поморье (например: запись 1194 г. *Belegarda* ‘*Białogard*’, запись 1310 г. *Charnow* ‘*Charnowo*’, до сих пор на Кашубах представлены топонимы *Karwia*, *Warnie Doły*); совпадение *l*-сонантов переднего и заднего ряда (*Kołbas* –ср. appellativ *kielbasa* – соврем. *Kołbacz*, *Kołpino*, *Wolkowo*, в современной Кашубии – *Wolcze Góry*, *Dolgie*); совпадение начальных *o* и *uo* (запись 1294 г. *Wobasdo* – дер. *Objazd*, запись 1780 г. *Wustrow* – дер. *Ostrowo*) (Rzetelska-Feleszko 2001: 102).

К *общелехитским* (т.е. общим с восточными лехитами – поляками) относятся (также отраженные в ономастических данных немецко-латинских документов) такие явления, как перегласовки $\check{e} \geq aT$ и $\check{e}T \geq qT$ ($T = t, d, s, z, n, r, l$) – например, запись 1618 г. *Swante*; изменение сонантов-вибраторов заднего и переднего ряда (например, запись 1628 г. *Garbin*, запись 1618 г. *Zarnow*);

общее с севернопольскими диалектами сужение *a* в начальных *ra*, *ja* (т.е. *ra* ≥ *re*, *ja* ≥ *je*; *rek* ‘рак’, *jek* ‘як’); сохранение носовых гласных и некоторые другие черты (Rzetelska-Feleszko 2001: 102).

В то время как на территории Западного Поморья не возникло сильных государственных структур (отдельные западнопоморские княжества были слабыми племенными образованиями, рано подвергшимися германизации; в источниках упоминаются, по всей видимости, в качестве наиболее крупных, только племена Волинян и Пыжичан, польск. *Wolinianie*, *Pyrzyczanie* (Rzetelska-Feleszko 2001: 101), кашубы Гданьского Поморья оказались вовлечеными в орбиту государства полян, что отразилось и на их идиоме (общие с поляками такие языковые черты, как перегласовка '*eT* ≥ '*oT*, аффрикатизация *t'*, *d'*, *r'*, в *ć*, *dż*, *ř*). Специфические системные особенности кашубщины – это инновации. Самая ранняя из них (отраженная в документах XIII в.) – переход **ę* в *i* (например, *cignęc* ‘ciągnąć’,ср. запись 1258 г. *Scyicino* ‘*Stojętino’; ср. также записанные на Западном Поморье онины с передачей носового характера *i*: запись 1268 г. *Pinzmechowe* ‘Pięćmiechowo’, запись 1180–1183 гг. *Zmirdzinza*, ср. апеллятив *śmierdząca* (Rzetelska-Feleszko 2001: 104). К следующим специфическим кашубским фонетическим особенностям относятся: 1) наличие на месте кратких *i*, *y*, *u* особого звука *ə* («шва»); 2) «кашубение», т. е. отвердение ряда *ć*, *dż*, *ś*, *ż* ($\geq c$, *dz*, *s*, *z*); 3) переход *k'*, *g'* в *ć*, *dż* (хотя данное явление отмечается и в северновеликопольских говорах, на Кочевые); 4) подвижное ударение (в настоящее время, как показали материалы «Языкового атласа кашубщины и соседних диалектов» (AJK), характерно только для севернокашубских говоров в отличие от южных с инициальным ударением).

Помимо ярких фонетических черт, кашубщина имеет также ряд морфологических, словообразовательных и лексических особенностей, некоторые из которых мы укажем ниже, перечисляя те признаки кашубщины, которые, по мнению Е. Тредера, должны отражать кашубский литературный язык (*kaszubszczyzna literacka*). Кроме того, в силу исторических причин войдя в орбиту прусского государства (1772–1918 гг.), кашубщина подверглась сильному воздействию немецкого языка, как литературного стандарта, так и нижненемецкого наречия.

Перечисленные фонетические черты и не перечисленные здесь особенности других уровней создавали впечатление «особости», «отдельности» (польск. *odrębnosci*) кашубского региона от отдельных польских диалектов. Большую роль играет и фактор затрудненной коммуникации с носителями кашубщины (особенно ее северным вариантом), ее большая степень «непонимаемости» для владеющих только литературным польским языком по

сравнению с другими польскими диалектами. Даже лингвисты, описывая кашубщину в к. XIX – н. XX вв., не избежали ошибок в интерпретации количественных отношений в области вокализма, выделяя долгие и краткие гласные. В настоящее время считается, что в этот период уже не было оппозиции «долгий – краткий» (как и в других польских говорах), а иллюзию долготы – краткости создавало сильное кашубское ударение, способствующее «редуцированному» произношению слова. Члены коллектива, подготовившего фундаментальный 15-ти томный «Языковой атлас кашубщины и соседних диалектов» (АЖК), в беседе с автором данной статьи (1978 г., Я. Майова, К. Хандке, Я. Зенюкова) со смехом вспоминали, как во время первой экспедиции на Кашубию они подчас не понимали, что говорят информанты, вследствие чего нередко возникали комические ситуации.

Когда в конце XIX – начале XX вв. исследователи «извне» начали изучать кашубщину (А. Гильфердинг, Ф. Лоренц, К. Нитш) и сами образованные кашубы обратились к родному языку (как, например, по совету И.И. Срезневского, это сделал Флориан Цейнова), сразу возник вопрос о статусе этого идиома, сформулированный в духе «досистемного» понимания диалекта: «диалект (польского языка) или самостоятельный язык». Статус «диалект» или «язык» исследователи определяли, исходя из внутриязыковых особенностей кашубщины, «отдаленности» или «близости» ее черт особенностям остального польского ареала. Возник так называемый «кашубский вопрос», в котором немалую роль играли и политические мотивы: боязнь кашубского сепаратизма, с одной стороны, и стремление оторвать кашубов от Польши, с другой. Так, Ф. Лоренц полагал, что кашубский и словинский идиомы – самостоятельные языки, отличные от польского. О самостоятельном характере кашубского писали и кашубы Ф. Цейнова и С. Рамулт (хотя второй указывал и на переходный характер кашубщины между польским и лужицким языками). Однако среди кашубов по этому вопросу не было единства: уроженец Веле И. Дердовский выступал против самостоятельности кашубщины, подчеркивая принадлежность кашубов к польскому народу и государству. Его знаменитое высказывание-кредо: «*Nie ma Kaszub bez Polonii, a bez Kaszub Polscı*». И. Дердовский считал, что кашубщина – это слабое отражение мазовецкого диалекта, а кашубы не нуждаются в особой литературе. Мронговий (Mroñgowski), Гильфердинг, Прайс говорили о родстве кашубского с польским. Польским диалектом называл кашубщину И.А. Бодуэн де Куртенэ. В полемическом азарте он даже утверждал, что кашубский более «польский», чем другие польские диалекты, посколькушел в тенденции к палатализации ряда *t'*, *d'*, *s'*, *z'* еще дальше, чем польские диалекты: через стадию аффрикатизации (для *t'*, *d'*) к диспалатали-

зации. К тому же в нем произошла и четвертая палатализация мягких взрывных задненебных (*k'*, *g'* ≥ *ć*, *dż*).

Польские диалектологи (начиная с работ К. Нитша) до последнего времени (К. Дейна, Х. Поповска-Таборска до определенного периода и др.) придерживались мнения о том, что кашубщина – диалект польского языка.

Исследовательница кашубского и серболужицких языков Я. Зенюкова выделяет 3 направления в определении статуса кашубщины, сформировавшиеся после Второй Мировой войны:

1) продолжающее представление части ученых XIX – н. XX вв. о кашубщине как самостоятельном языке, хотя и родственном польскому;

2) кашубщина – один из диалектов польского языка, в большей степени, чем другие польские диалекты, отличающийся от так называемого «общепольского» (К. Нитш, К. Дейна);

3) представители «лембитской» теории, по которой кашубский диалект, являясь одним из лембитских диалектов, представляет собой феномен переходного характера между северо-западными лембами (вымершими западнопоморскими и полабскими идиомами) и юго-восточными (поляками); это – сформировавшаяся после 1950 г. школа З. Штибера, т. е. диалектологи, работавшие над «Языковым атласом кашубщины и соседних диалектов» (АЖК).

Я. Зенюкова замечает, что переходный характер между северо-западными и юго-восточными лембами совсем не мешает трактовать кашубщину как «язык», хотя ученики З. Штибера и он сам считали кашубщину «диалектом польского языка» (Zieniukowa 2001: 62).

Невозможность определения «язык» или «диалект» при опоре на внутриязыковые критерии показала и проведенная в 1991 г. в Гданьске научная конференция, итогом которой стал том «Проблема языкового статуса кашубщины» (*Problem statusu językowego kaszubszczyzny*, red. E. Breza, Gdańsk, 1992). В конференции участвовали представители различных отраслей гуманитарных наук: лингвисты, историки, социологи, специалисты в области народного образования, представители кашубской интеллигенции. Языковеды в ходе дискуссии высказывали различные точки зрения. Так, диалектолог К. Дейна, возражая против термина «кашубский язык», выразил обычный для польских диалектологов взгляд на статус кашубщины как «диалект польского языка». Х. Поповска-Таборска говорила о невозможности определить статус кашубщины без учета экстралингвистических, социально-культурных факторов и даже подвергла сомнению компетенцию языковедов в этом вопросе (до этого Х. Поповска-Таборска, как и другие ученики З. Штибера, выражала третью, по Я. Зенюковой, точку зрения). А. Маевич

рассматривал кашубщину как язык одного из европейских меньшинств, предлагая употреблять по отношению к ней термин «этнолект». В ходе Гданьской конференции, продемонстрировавшей разные точки зрения, не был выработан какой-то единый взгляд на статус кашубщины.

Представляется, что понятие «этнолект», употребляемое А. Маевичем по отношению к современной кашубщине как языку этнического меньшинства применимо и к идиомам древнего донационального периода. Хотя в «Законе о национальных этнических меньшинствах», принятом 6 января 2005 г., кашубы не включены в их состав, к которым там относены 4 меньшинства – караимское, лемковское, цыганское и татарское; кашубам посвящена 19 статья закона, где их языку придан статус *регионального языка* (см. ниже). Иначе говоря, *этнолект* – это идиом этноса, этнографической группы, (еще) не сформировавшейся в нацию, народ, не создавшей своего централизованного государственного образования и не выработавшей письменного языка. При таком понимании термин «этнолект» можно отнести и к «поморско-кашубским диалектам», и к «полабскому языку».

Оппозиция «диалект – язык» с учетом системного представления о диалекте и диалектном языке, разработанном Московской диалектологической школой Р.И. Аванесова (и отчасти отражаемой в положениях Варшавской диалектологической школы В. Дорошевского), в рамках которой каждый диалект имеет системную природу (отличаясь этим от социальных диалектов, или профессиональных языков), а диалектный язык (против которого так возражал в свое время Ф.П. Филин) представляет собой моделирование этих частных диалектных систем (одна из которых, закрепленная на письме и приобретающая в ходе своей кодификации и расширения функций статус литературного языка), теоретически некорректна. До появления литературной формы какого-либо идиома мы можем говорить о нем как о диалекте или этнолекте, не противопоставляя эти термины понятию «язык».

Можно ли применительно к кашубщине (а если можно, то с какого времени) употреблять словосочетание «литературный языко»? Создана ли такая форма для кашубского этнолекта?

Первые попытки создать литературный кашубский язык, предпринятые в XIX в. на волне славянского возрождения, закончились неудачно. В условиях полидиалектности кашубщины (Ф. Лоренц в двух основных ареалах, северном и южном, выделил 21 диалектную группу, а в этих группах 70 говоров) не была выработана наддиалектная норма, не сформированы единые орфографические правила. Эти попытки были связаны с приданием письменной формы отдельным кашубским говорам, на которых говорили авторы произведений, или с определенной генерализацией признаков ряда

диалектов. Создатель первой письменной версии кашубщины Ф. Цейнова опирался на северокашубский диалект родной дер. Славошино под Пуцком. Тем не менее, Е. Тредер отмечает, что язык его произведений – это «речь воспитанного на польских языковых образцах кашубского интеллигента, который с литературного польского языка переходит на свой родной язык» (Treder 2001: 209). Северокашубские локализмы (особенно лексические) уравновешиваются многочисленными полонизмами, «кашубскость» отражена в орфографии (*Ibid*). Ф. Цейнова, считая кашубщину, как уже отмечалось выше, самостоятельным языком, составил кашубский алфавит, на котором создал ряд текстов разнообразного характера: этнографического, исторического, научно-популярного, публицистического, медицинского и литературного (например, *Rozmowa Pólocha s Kaszebą* – 1850 г., *Rozmowa Kaszébé s Pólóchę* – 1862 г.). Ф. Цейнова перевел на кашубский «Сказку о рыбаке и рыбке» А. Пушкина и стихотворение Ф. Тютчева, издал сборник кашубско-словинских пословиц, написал грамматику кашубско-словинского языка (*Zarés do Grammatikj Kašébsko-Slovjnskјè Mòvē*, Poznań, 1879), более раннюю немецкоязычную версию которой обнаружил и издал в 1998 г. А.Д. Дуличенко (Treder 2001: 209).

Вторая попытка создать литературный кашубский язык связана с южно-кашубским ареалом. Ее предпринял И. Дердовский, уроженец южноказубского Веле. В поэме «*O panu Czorlińscim co do Pucka po sece jachob*» (1880) он использовал велевский говор, дополнив его некоторыми кашубизмами из других говоров, в художественных целях. И. Дердовский издавал журнал «*Wiarus*», в котором опубликовал собрание пословиц *Nórcyk Kaszubści* (1897) (Treder 2001: 210).

Литературная деятельность младокашубов, к которым относились главным образом поэты (Александр Майковский, Ян Карновский, Леон Хейке), опиралась на центрально-кашубский диалектный ареал. Тем не менее самое большое произведение на кашубщине «Жизнь и приключения Ремуса» А. Майковского (*Žécé i przigodē Remusa*, 1938 г.) было создано на языке, как пишет Е. Тредер, «независимом от разговорной кашубщины определенного региона». В этом языке преобладают черты кашубщины к юго-западу от Картуз и окрестностей Коścięzki, обогащенные сознательно вводимыми автором элементами других регионов (Treder 2001: 211). А. Майковский считал, что языком науки, образования и религии должен оставаться польский язык, а кашубское наречие может быть только языком художественной литературы. То обстоятельство, что «Путешествия Ремуса» переводились на другие языки (немецкий, французский), в том числе и на польский (в

1966 г.), является знаменательным для становления художественного стиля кашубского литературного языка.

Четвертая фаза в создании кашубского литературного языка – это деятельность так называемых *Zrzeszeńców* – поэтов, сгруппировавшихся вокруг журнала «*Zrzesz Kaszëbskô*» (1933–1939). Подобно Ф. Цейнове и С. Рамулту, «*Zrzeszeńcy*» стояли на позиции языковой самостоятельности кашубщины. В их литературной практике наблюдается возвращение от южноказубской и центральноказубской основы к *североказубским* говорам, особенности которых (в качестве свойственных самим авторам – уроженцам пограничья севера и центра) они использовали. Кроме того вводились искусственные фонетические, словообразовательные и лексические неологизмы, создаваемые по образцу североказубских архаизмов. Теоретически же провозглашалась идея генерализации диалектных черт, отражение в литературном кашубском языке всех особенностей всех кашубских диалектов. К этим деятелям относятся: Александр Лабуда, Ян Трепчик, Ян Ромпский, Франтишек Груча (переводчик одной из двух кашубских версий Нового завета), Стефан Бешк (создатель собственной орфографии, особенности литературного кашубского языка устанавливали на основе центральных западных кашубских диалектов) (Treder 2001: 212). Появление словарей А. Лабуды (1960, 1981) и «Польско-кашубского словаря» Я. Трепчика (1994) знаменовало определенный этап в процессе становления литературного кашубского языка.

Иную позицию занимали литераторы, объединившиеся вокруг журнала «*Kleka*». Они утверждали, что язык, на котором писали «*Zrzeszeńcy*», имеет много «чешско-славянских» слов, чужд и непонятен читателю как по своим формам, так и по орфографии. «*Klekowcy*» считали кашубщину диалектом, нивелировали кашубские особенности, использовали близкую к польской орфографию. Язык их произведений – это польский язык кашубского интеллигента, сохраняющего некоторые особенности родного диалекта (Treder 2001: 214). Таков язык поэта Леона Роппеля из Вейхерова, Юзефа Цейновы из Полчина под Пуцком. Тип языка, приближенный к «Путешествиям Ремуса» А. Майковского и «*Zrzeszeń'am*» представлен, по Е. Тредеру, у современных писателей (т. е. опора на североказубские говоры, но с учетом особенностей родного говора), среди которых: Антони Пеплиньский из Велького Клинча, Алойзы Нагель из Кольна, Ян Дрежеджон из Доматова, Ян Пепка из Лебна, Мариан Селин из Ястарни, Станислав Пестка из Рольбика, Эугениуш Голмбк из Осовой (автор второй кашубской версии Нового завета). Е. Тредер отмечает, что эти писатели пытаются объединить 2 предыдущих направления развития литературного кашубского языка («*Zrzeszy*» и

«Kleki»), при этом в их творчестве отражены также черты их родного диалекта (Treder 2001: 214).

Таким образом, существующая уже 150 лет письменная форма кашубчины как литературный язык все еще находится *in statu nascendi* (Я. Зенюкова, Е. Тредер, А. Маевич и др.), поскольку большинство произведений на кашубском идиоме относится к художественному функциональному стилю и главным образом (несмотря на стремление к нормированию и генерализации) представлено различными диалектными версиями (хотя видна и эволюция в сторону выработки наддиалектного варианта).

Новый этап в формировании литературного кашубского языка начался 25 лет назад благодаря активности кашубской интеллигенции и исследователей кашубчины (Е. Тредер, Э. Бреза). В 1975 г. были изданы «Принципы кашубской орфографии» Э. Брезы и Е. Тредера (*Zasady pisowni kaszubskiej*), затем нормализаторская и кодифицирующая функция кашубчины была продолжена «Кашубской грамматикой» этих же авторов (*Gramatyka kaszubska*). При этом грамматика кашубского литературного языка должна включать в себя ряд доминирующих черт (перечень их дан нами ниже) кашубчины при одновременном отсутствии локализмов, что способствует, как замечает Е. Тредер, большей отдаленности от устной формы кашубчины и сближению с польским языком.

Е. Тредер указывает следующие 23 особенности кашубского идиома, которые должна отразить грамматика кашубского языка (Treder 2001: 217):

- 1) тип *cwiardi* и *môłczèc*; 2) сфера употребления типа *cëzy*, *redosc* и *jerzmo*, *kotk* и *kuńc*, *klic* и *wzyc*; 3) ń в типе *gruńt*, *hańdel*; 4) произношение *rz*, т. е. тип *gburztwo*, *lékarztwo*; 5) тип *kam(ë)* вместо *kamiń* и тип *anatomijö*; 6) Творит. ед. ч. с -ë вместо -em: *Bogë*; 7) Творит. мн. ч. с -ima // -ëta, -ama: *taczima dobrëma koniamta*, Предл. мн. ч. -ëch: *swojëch*, *dobrëch*; 8) адъективный тип изменения *weselë*, -ëgo; 9) архаическое окончание Род. -ëho, возможно -ëwo; 10) Вин. местоимений типа *ję*, *naszë*; 11) глагольные формы типа *pitaję*, *pitajesz*; 12) императив типа *niesë*, *robi*; 13) претеритальные формы типа *jem pisòł*, *jes pisòł* и сокращенные формы в 3 л. типа *da*, *zaczę*; 14) сложные слова (как исконные, так и неологизмы) типа *ochlèdëtk*, *kumméster*, *stalata*; 15) тип *bolacé*, *lëstowi*; 16) тип *adresa* и *rozwij*; 17) продуктивность следующих словообразовательных средств и типов: а) префиксов: *ot-* (*otmiana*), *s-* (*smrok*), *sq-* (*sqbagniö*); б) суффиксов: *-unk* // *-ënk* (*ratënk*), *-ota* // *-osc* (*modrota* / *modrosc*); *-izna* // *-ëzna* (*slabizna*), *-itwa* / *-ëtwa* (*grzëbitwa*), *-ba* (*uczba*), *-ë* (*swinië*); *-iszcke* // *-szcke* наряду с *-isko* // *-sko* (*kalëszcze*), *-éra* (*garnéra*), *-érrouwac* (*badérrouwac*), *-iwac* // *-ëwac* наряду с *-owac* (*wësëpëwac*); в) глагольные деминутивы (*róbkac*, *róbkój*); г) многократные глаголы типа *derac*, *derowac*,

глаголы типа *przēbōcziwac*; 18) причастия *piszac(ë)*, *zrobiwszë*; 19) частотный пассивный залог типа *tom zrobioné* ‘я сделал’; 20) союзы: *abë*, *chtëren*, *co*, *jaczi*; *ë*, *ëż(le)*, *jiże*; 21) пропорции исконной (аутентичной) лексики и лексики, созданной искусственно (неологизмов); 22) соотношение конкретной народной лексики и абстрактной, заимствованной из литературного польского языка; 23) определение характера германизма: известен устной кашубщине (главным образом вошли из нижненемецких говоров) или заимствован из литературного немецкого языка.

В распространении письменной формы кашубского языка играет важную роль «Поморско-кашубское объединение» (*Zrzeszenie Pomorsko-Kaszubskie*), ежемесячный двухязычный польско-кашубский журнал «Померания» (*Pomerania*). По их инициативе, а также при активном участии Воеводского центра культуры и Института польского языка Гданьского университета в 1991 г. состоялась уже упоминавшаяся нами конференция по статусу кашубщины. В «Приглашении» на эту конференцию перечислялись факты, свидетельствующие о возросшей активности функционирования кашубщины: уроки *Gódomë po kaszëbsku* в передаче *Rôdno Zemia* по II программе телевидения (каждое второе воскресенье в 9.30); проект практических занятий по кашубскому языку в Гданьском университете (в июне 2001 г. несколько десятков учителей окончили в Гданьском университете курсы по подготовке учителей кашубского языка); действия по созданию Кашубского лицея (был вскоре создан в Брусах) и преподаванию кашубского в школе как регионального компонента обучения; организация семинара по совершенствованию кашубской орфографии; языковые нормативные издания; литургия на кашубском; наличие кашубской версии Библии (Нового завета); организация конкурсов «народных сказителей» («*gawędziarzy ludowych*») в Веле – на родине И. Дердовского; кашубский конкурс чтецов для детей и молодежи в Хмельне; литературные семинары для литераторов, пишущих по-кашубски (Majewicz, Wicherkiewicz 2001: 83).

Кроме того, существует радиопередача на кашубском языке (*Na bôłtach ë w borach* «На лодках и в лесах»), кашубский преподается в нескольких школах, в Вейхерово проводится литературный конкурс им. Држеждюона. В 2000 г. появился букварь В. Бобровского и К. Квятковской (*Kaszëbscze abecadło*). Вышел в свет и учебник кашубского языка для младших классов с методическим приложением (*D. Pioch. Kaszëbe. Zemia i Lëdze*, 2001 г.). В 2001 г. издана книга для старшеклассников (*R. Wosiak-Śliwa, M. Cybulski. Uczimë sâ pò kaszëbskù*) и др. (Treder 2001: 216).

Ни один польский диалект не имеет столь обширной источниковедческой базы, как кашубский идиом: семитомный словарь Б. Сыхты (*B. Sychta*.

Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Т. 1–VII) и пятнадцатитомный АЖК.

В последнее время активно переиздаются старые издания и публикуются рукописи, написанные на кашубском, что свидетельствует о новой волне кашубского возрождения. В 2001 г. переиздан в новой орфографии сборник пословиц И. Дердовского. Изданы найденные Х. Поповской-Таборской в Архиве РАН в Петербурге две работы Ф. Цейновы, относящиеся к периоду его контактов с И.И. Срезневским: «*Uwagi o kaszubszczyźnie*» (обработаны Е. Тредером) и «*Mały zbiór wyrazów kaszubskich*» (обработан Х. Поповской-Таборской). В 2008 г. в Познани появилось репринтное издание брошюры Юзефа Торлиньского о суевериях и медицинских практиках кашубских приморских рыбаков (Torliński 2008). Переиздаются с учетом новой орфографии старые художественные произведения. Например в 1999 г. была переиздана поэма Хейке «Доброгост и Милюслава» (Dobrogost i Miłosława).

О становлении кашубского литературного языка свидетельствуют как переводы (например, А. Мицкевича) с кашубского на польский и наоборот, с польского на кашубский, выход в свет двухязычных польско-кашубских и кашубско-польских словарей, наличие пятитомного «Этимологического словаря кашубщины» В. Борыся и Х. Поповской-Таборской (*Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*).

Но литературный кашубский язык все еще находится в состоянии формирования, поскольку он не обладает пока полифункциональностью, свойственной литературному стандарту: это в первую очередь язык художественной литературы, он употребляется в СМИ (радио- и телепередачи), функционирует как региональный компонент в школе, на нем осуществляется богослужение. Но языковая политика по его употреблению на месте работы, в сфере образования взрослых и дошкольников, как отмечают А. Маевич и Т. Вихеркевич, не проводится. Эти исследователи указывают на то, что сохранению и функционированию кашубского этнолекта способствует осуществление соответствующей языковой политики, планирование статуса и корпуса кашубского языка, включающие в себя: юридическое определение статуса кашубщины на местном, общепольском и общеевропейском уровнях, действия по формированию и распространению кашубского стандарта, его литературной нормы путем издания орфоэпических и орфографических словарей, этимологических и междиалектных словарей, учебников по организации курсов кашубского языка в его стандартном варианте (а также ознакомление с отдельными кашубскими диалектами) (Majewicz, Wicherkiewicz 2001: 82). А. Маевич и Т. Вихеркевич считают кашубщину *общееевропейским культурным наследием* и полагают, что вступление в Евросоюз, где действу-

ет ЕБЛУЛ (Европейское бюро реже употребляемых языков), издаются соответствующие законы, призванные сохранять подобные языки, позволяет сохранить кашубский этнолект (или *региолект*), который, несмотря на его формирующуюся литературную форму, относится к идиомам, находящимся под угрозой исчезновения. Из 1,2 млн. человек, проживающих на территории современной Кашубии, на нем говорит 300 тыс. Все они двуязычны (как правило, это диглоссия: общение на кашубщине происходит в быту, дома, а в остальных сферах функционирует польский литературный язык). Реже представлено триязычие или билингвизм при использовании кашубского литературного языка. Если не будет происходить передачи кашубского от старшего поколения молодому, то кашубский идиом исчезнет. Поэтому велика роль кашубской интеллигенции в стимулировании разнообразных видов коммуникации на кашубском литературном языке, проведение соответствующей языковой политики. Принятый в январе 2005 г. Закон о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке призван поднять статус кашубского, который в этом законе определяется как *региональный* (причем единственный в Польше), на котором можно говорить публично и который может употребляться в качестве *вспомогательного* (польск. *rotomówniczy*) на уровне гмины (наряду с польским). Первой использовала это положение на практике гмина Пархово (Parchowo) в Бытовском повете (1 июня 2009 г.). С момента вступления в Евросоюз в Польше действует Европейская карта языковых меньшинств и региональных языков, что создает юридическое основание для сохранения кашубского этнолекта / региолекта. Кашубы наряду с курпями и жителями Кочевья как европейское население, многие века проживающее на данной территории, включены в европейский Генографический проект обследования ДНК, которое позволит сделать выводы о характере популяции этих регионов (Новая Польша 2010, № 2). Свидетельством становления литературного кашубского языка является издание отдельного тома *Kaszubszczyzna. Kaszëbizna* в серии «Новейшая история славянских языков» (Najnowsze dzieje języków słowiańskich, под ред. С. Гайды. Opole, 2001), который мы использовали при подготовке данной статьи.

Литература

Климов 1989 – Климов Г.А. О пражзыковой реальности // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л.: «Наука», 1989.

Новая Польша 2010, № 2 – Все гены Кашубов. Беседа с Кшиштофом Рембальой // Новая Польша, 2010, № 2. С. 64–66.

AJK – Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. T. I–XV. Wrocław, 1964–1978.

Kaszubszczyzna – Kaszëbizna. Redaktor naukowy S. Gajda. Opole, 2001.

Majewicz, Wicherkiewicz 2001 – *Majewicz A.F., Wicherkiewicz T.* Polityka językowa na Kaszubach na tle prawodawstwa wobec mniejszości w jednocożącej się Europie (Diagnoza i postulaty) // Kaszubszczyzna. Kaszëbizna. Opole, 2001.

Rzetelska-Feleszko 2001 – *Rzetelska-Feleszko E.* Rozwój kaszubszczyzny i jej Odrębność // Kaszubszczyzna. Kaszëbizna. Opole, 2001.

Torliński 2008 – *Torliński J.* Przesądy i zwyczaje lecznicze kaszubskich rybaków nadmorskich. Poznań, 2008.

Treder 2001 – *Treder J.* Kaszubszczyzna literacka (Cechy, fazy i tendencje rozwojowe) // Kaszubszczyzna. Kaszëbizna. Opole, 2001.

Zieniukowa 2001 – *Zieniukowa J.* Ewolucja poglądów na status Kaszubszczyzny // Kaszubszczyzna. Kaszëbizna. Opole, 2001.

Summary

The Kashubian: ethnolect, dialect, literary language

The paper analyzes the features of the Kashubian language, the history of the Kashubs and their dialect and the Kashubs and their language today. The author of this article proposes to use the notion «ethnolect» (ethnical language) not only for the modern Kashubian, but also for the prehistoric state of the Kashubian. The literary Kashubian language today is still in *statu nascendi*. Thanks to the Law on national and ethnic minorities and the regional language (passed in January 2005) the Kashubian has been given a legal protection.

Йоанна Гетка (Варшава)

«Каждому народу свой язык хороши», или об отношении к своему идиому жителей белорусско-российского пограничья

«— Padabajecca kaniešnie, naša miesnaja, takom...
na jakom ja razhavaryvaju... kaniešno [...]]
Mnie kažecca što každomu narodu svój jazyk xarošyj
tak jak ja dumaju...» [B04M.Rias.PSD/JG.MS].

Введение

Представителей «языкоцентрической» культуры (Engelking 2005: 134) Польши, а также других стран часто удивляет отношение жителей белорусско-российского пограничья к своему родному языку. Сами жители определяют его как «белорусско-русская смесь», что отражается в их самоидентификации. По их дефиниции — они «нация русско-белорусская», «смешанная нация» или, наконец, «ни белорусская, ни русская нация». Отсюда вывод, что местные жители четко осознают «смешанный» характер местных диалектов. С другой стороны надо подчеркнуть положительное отношение жителей к белорусскому языку как государственному языку Беларуси. Положительно относятся они и к своему диалекту. В этом смысле данная ситуация значительно отличается от ситуации на западном пограничье Беларуси, где использование диалекта, опять же «смешанного», является непrestижным и даже постыдным. Применительно к западному пограничью Беларуси определение «наша мова — простая» имеет отчетливо негативные коннотации (ср. например Straczuk 1999: 55).

Цель настоящей статьи — представить некоторые общие замечания о языковой идентификации, языковых привычках, а также об отношении к своему языку жителей белорусско-русского пограничья Могилевской и Витебской областей. Нас интересует, прежде всего, характеристика мышления о языках и отношения к ним жителей данного пограничья, а не описание специфических фонетических или морфологических и др. черт языков и диалектов, которые встречаются на изучаемой территории.

Анализируемый материал был собран во время полевых исследований, проведенных в рамках проекта «Беларусь и её пограничья» Международной гуманитарной школы Средне-Восточной Европы (МГШ) при Варшавском университете, в 2001–2006 гг. Характер исследований — согласно основным

методам МГШ – интердисциплинарный. В экспедициях принимали участие как молодые, так и опытные известные исследователи (филологи, этнологи, историки, социологи) из Беларуси, Польши, Литвы, России, Чехии и Украины.

«Действительность пограничья гораздо богаче нашего описания» (Smułkowa 2005: 29), именно поэтому указанный подход к изучению пограничья способствует целостному и как можно более полному описанию его специфики (Smułkowa 2003: 47). Действительно, участие исследователей из разных стран дало возможность получить по мере возможностей объективные результаты исследований. Сопоставление результатов экспедиции наглядно показало хорошо известную исследовательскую проблему – информанты в качестве правильных могут давать те ответы, с которыми они необязательно согласны сами. Представляется, что в ходе разговоров с представителями разных национальностей проявлялись действительные оценка и отношение к своему идиому жителей исследованного фрагмента пограничья¹.

Полевые исследования охватили более чем 50 деревень и поселков Горьковского, Ленинского, Дрибинского и Мстиславского р-нов Могилевской обл., Дубровинского р-на Витебской обл. Беларуси и Монастырщинского р-на Смоленской обл. РФ.

Для полноты общей картины исследованного региона важно отметить, что нашими собеседниками были в основном малограмотные или неграмотные люди старшего поколения. Такова на данный момент структура населения данного региона – молодежь и образованные специалисты покинули деревню, предпочитая жизнь в городе, где они испытывают влияние доминирующей русскоязычной культуры.

Представленные ниже выводы являются первым обобщением наблюдений за языковым поведением и высказываниями, которые часто неоднозначны, иногда даже прямо противоположны. Надо также иметь в виду, что данные замечания относятся к локальной специфике и они не показательны, как для остальной части белорусско-российского пограничья², так и для языкового пограничья в целом. Кроме того, результаты исследования

¹ В этом, может быть, и заключается разница в результатах исследований, проведенных российскими учеными примерно в то же время (2003–2006), в расположенных чуть севернее территориях нашего исследования Городокском и Полоцком р-нах Витебской обл. Беларуси. Там информанты свой язык считали русским, хотя опять же «смешанным» за счет белорусских элементов (Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 120).

² В связи с этим, понятия «местные жители», «жители белорусско-российского пограничья» и т. п. в этой статье относятся лишь к конкретным собеседникам, без стремления к целостному и исчерпывающему описанию.

следует считать скорее вводными, вступительными замечаниями. Данная проблема требует дальнейшего, более подробного изучения. Её актуальность обозначилась особенно остро после распада СССР и возникновения новых национальных государств. Поскольку язык тесно связан с другими ценностями, в частности, самоидентификацией и национальной принадлежностью, при его описании невозможно пройти мимо этих важных тем.

Характеристика пограничья

Белорусско-российское пограничье отличается от других пограничий Беларуси. Его специфику определяют как исторические, так и современные факторы: многовековая близость культур (противопоставленная разным традициям западных и восточных славян на западе Беларуси), общее православное вероисповедание (противопоставленное католическому вероисповеданию поляков и «западников», т. е. жителей западного погранчья Беларуси), традиции единого государства – Российской империи и СССР (причем далеко не все замечают его распад), а также доминирующее влияние российской культуры.

Надо иметь в виду, что на белорусско-русском пограничье никогда не было естественных границ (пуши, болота, горы): миграции населения никогда не встречали там никаких трудностей.

Сила воздействия перечисленных факторов приводит к тому, что определения «русский» и «белорусский» являются своего рода синонимами:

«– A vy pa ruski razhavaryvajecie?

– No... Ja pa bielaruski – no jeta toež samo»³ [B04M.Saw.WKZ/JG.NP]⁴.

«Смешанная нация»

Жители изучаемой территории заявляли, что они белорусы. Декларация «я белорус» связана в сознании наших собеседников с «формальным аспектом»: это зафиксировано определенной записью в документе: «я pašparcie zapisana» [B04M.Rias.PSD/JG.MS]⁵. К этому стоит добавить и такие важные факторы, как место рождения и проживания в Республике

³ В связи с тем, что группа исследователей была международной, приведённые ниже примеры из архива ОБТА расшифрованы с применением разных шрифтов и разных методов транскрипции. В статье они приводятся в оригинале.

⁴ В квадратных скобках приводится шифр разговора из архива ОБТА. Их описание дается в приложении к настоящей статье.

⁵ Стоит при этом отметить, что графа «национальность» была в паспортах СССР, в документах РБ ее уже нет.

Беларусь и своего рода *ius sanguinis*, закон крови, который определяет национальность детей по национальности родителей. «Белорускость» передается по наследству. Белорусом является тот, чьи предки были белорусами:

«— [...] дык мы такія ў паспарцеⁱ, мы ж тут і жылі, всё время нікуды не вывадзіліся. Бацькі жылі ту паўмёрлі, цяпер мы жывем». [B04M.Susl.NN/ES.ML.AS]

«— Беларуска, мы беларусы, мы радзіліся тута, у этай дзяржаві». [B04M.Andr.FFS/NS]

С другой стороны, из-за общепринятого названия своего идиома (*мешанка*) наши собеседники также называли себя *мешанками*:

«— Нет, за Минском там говорят на чистом белорусском языке. [...] Я у поезде ехала, говорю — вы чаго так говорите? А они говорять, што чистые белорусы.

— А вы кто?

— А мы мешанки (смеются).

— Мешанки? А что это такое?

— Русский и белорусский. Мы не разбираемся, по-русски, по-белорусски...» [B04M.Rias.WB.AK/OK].

Дело, однако, обстоит сложнее, потому что, несмотря на то, что некоторые собеседники определяют себе *мешанками*, данное определение никак не соотносится с их собственными представлениями, а лишь является ярлыком. В их сознании близость белорусского и русского элемента в их языке не составляет «бинарности региона» (ср. Radzik 2003: 84). Часто звучит мнение, что:

«У нас нацыі няма. Усе беларускія» 2 [B04M.Bacwin.KJ/JG.IP].

Народный «смешанный» язык

Проблема языка на белорусско-российском пограничье очень сложна и неоднозначна. Осторожно надо относиться к определениям собеседников *язык русский* или *белорусский*. На практике они обозначают не литературные языки, а говоры или же литературный язык с диалектным налётом. Даже в одном высказывании можно найти противоположные сообщения:

«— Wot po biełaruski heta i u was jeta tudy da Hrodna. Hrodna abyczna na biełarusku, prauda? A u nas tut u mahilouskaj woblaści, Mińsk, jeta uże tut mowa narodnaja, ja mahu pa ruski i pa biełaruski.

— Narodnaja mowa heta jakaja?

— Nasza rodnaja mowa biełuskaja» [B04M.Ladz.CCU/GC.MW].

Большинство наших собеседников понимает при этом, что диалект, на котором они говорят, не является ни русским, ни белорусским языком – это скорее всего некое новое, третье образование, нечто промежуточное между русским и белорусским языками. Они уточняют, что это смешанный язык, «смесь» белорусского и русского языков.

Наши собеседники указывали на то, что само название их языка «смешанный» имеет определённые основания:

«Nu widzicie, u nas usio rauno ž, my ž nie haworym tak jak Wy czysta pa bielarusku. Wot Wy haworycie pa czysta bielarusku, my možam Was i niepaniać. A Wy [...] možacie nie paniać, szto ja kažu Wam. A my možam... Nas ni u kakuju nie paznajecie, szto my haworym. nu wos tak u nas i každy... mowa, czort jaje znaić! Jak my haworym kru(h)pienia, ni tudy i ni siudy. Ni k bielarskamu czystamu nie adnosimsia, ni k ruskamu. Bielarusy szczytajemsia» [B04M.Nies.WPT/KS.AK].

Поэтому они обычно употребляли другие, синонимические термины для определения своего языка, которые характеризовали его как упомянутую выше смесь: *не русский, не белорусский, ни то русский ни то белорусский, зъмешаны, мешанка, мяшаница, мешаная мова, мешаный язык – слова па руску, слова па беларуску*.

В силу убеждения о смешении языков, собеседники не могли привести единого термина для своего языка.

Некоторые, не будучи в состоянии указать конкретные основные черты своего языка, приводили следующие определения: *сам по себе, каша, не разберёшь, усякі, не паняць, туды-сюды, неделікатны, чёрт яе знаіць, ломаный и другие*:

«Чыста беларускага языка не знаю. Ён ё наверна недзе, чыста беларускі, а ў нас усякі. Усякі» [B04M.Andr.FFS/NS].

Другие подчёркивали, что это просто их местный язык, такой, на каком говорят люди в деревнях: *народная мова, дзерьевеньскі, месны, наш*. Уточняли при том, что это язык пожилых людей – *даваенны*:

«Ну, дык я па-деравенску ж разгаваріаю, па-деравенску я. Усё ўрэмя я нікуды не выязжала, усё ўрэмя тутацька жыву» [B04M.Bacwin.KJ/JG/IP].

«Nu [...] usie i па miesnamu i abszcjajemsia i haworym» [B04M.Nies.WPT/KS.AK].

Некоторые собеседники, утверждая, что их язык «больше белорусский» – [B04M.Rias.WB.AK/OK], определяли его как *«белорусско-русский»*:

«*Od jak tut hawaru. Białorusko – ruskij, pomieszanyja jazyki. Od ani usie hawarat'. Od to toje to toje słwo białoruskaje i ruskaje słwo. Chto jak možiet' tak i haworyt'*». No zdieš to *Białorussia*» [B04M.Rias.PC/GC.MW].

Другие, наоборот, отмечая присутствие русского элемента в своей речи, называли свой диалект *русско-белорусским*:

«*Русско-белорусский. Мы не разбираемся, по-русски, по-белорусски...*» [B04M.Rias.WB.AK/OK].

На самом деле, характеристика собеседниками своего диалекта как «смеси» белорусского и русского языков имеет конкретные основания. Он совмещает черты северо-восточных диалектов белорусского языка и западных диалектов русского языка, являясь поясом смешанных говоров. К главным фонетическим чертам относятся, например: диссимиллятивное аканье и яканье (в том числе характерное для северо-восточных белорусских диалектов диссимиллятивное аканье витебского типа (*бярець*), присутствие протетического [й] (*йеты мальчик*). Среди морфологических черт можно упомянуть: окончание 3 л. ед. -*цъ* у глаголов наст. вр. 1 спр., которое в литературном белорусском языке выступает только у глаголов 2 спр. (*xto яго ведаець*); характерные формы прилагательных на -*еи*: Им. мн. *мъладеи* (в литературном белорусском языке *маладыя*), Им. ед. м.р. *мъладеи* (в литературном белорусском языке *малады*) и др.

Некоторые собеседники заявляют при этом, что теоретически могли бы пользоваться одним из языков, составляющих «смесь». Фактически свободное переключение кодов невозможно. Если попросить собеседников прочитать какой-нибудь текст на каком-либо «чистом» языке, в их речи сразу проявляются черты другого – фонетические, лексические и др.. Это замечали также и сами наши собеседники:

«*A znajetie što my... mienia raznicy tut niama [...] A tak ja panimaju, ja mayu i pa ruski tak na biełaruskaj movi razmaūljac'... Panimat' ja kaniešno panimaju... ja čytat' umieju... ja na ruskom i na biełaruskom čytaū [...] A tak vo: i na ruskim kali navat – sm'ešannym, takoha čysta biełaruska nima*» [B04M.Rias.PSD/JG.MS].

«Смешанный» язык в оценке его носителей

Характеризуя упомянутое выше «третье образование», смешанный язык, на котором они говорят, собеседники обнаруживают определенную языковую компетенцию – они видят различия между «чистыми» белорусским и русским языками. По их словам, языки различаются как на лексическом, так и на орфографическом – фонетическом – просодическом –

орфоэпическом уровнях. Среди примеров чаще всего называют лексические отличия:

«— А чем русский от белорусского отличается?

— Ну, там такие слова, которых можешь не знать. Вот панчоха это у нас чулок по-русски. Просто мы белорусы не можем его знать, гето слово» [B04M.Rias.WB.AK/OK].

«А беларуская ета ж ого, і бульба і абы што, а у рускай картофель ета можна паняць» [B04M.Len.NTL/IA.UJ].

Несмотря на это, собеседники замечали трудно определяемые различия в просодических и фонетических системах языков:

«— А мы с Вами на каком языке разговариваем?

— На русском, конечно.

— А как Вы узнали?

— Ну так **оттенки** такие...

— А какие оттенки? Вы можете сказать?

— А, не знаю. Видно, кто русски, а кто белорусски. Вот бывало поеду к сестре в Москву. Поговорю — ну, вот она белорусочка... Я их понимаю, и они понимают, а вот человек отличается. Человек отличается...

— В каком смысле — человек отличается?

— По разговору! По разговору знаешь, что это человек белорусский. Вот Вы тоже — чисто русская» [B04M.Rias.WB.AK/OK].

«Ну, разговор отличается, токо я не могу вам объяснить» [B04M.Kras.LL.FL/OK.MJ].

Легче всего им было описать различия в фонетике двух восточнославянских языков:

«— Можно я запишу, как Вас зовут?

I: — Беззубенко (акцентирует «о»). Фамилия моя хохляцкая. Валерий Кириллович [...] А по-белорусску Бяззубенка (акцентирует „а“), да? Валэрый Кырылович [...] А по-русски — Беззубенко — а по-белорусску „я“ — Бяззубенка.

II: — А вот я по отчеству „Яхороуна“ а по русски — „Ехороуна“. А „Антонина“ и „Купцова“: и по-русски, и по-белорусски — все равно. А отчество, видишь...» [B04M.Rias.WB.AK/OK].

Некоторые обращали внимание также на отличия русской и белорусской орфографии:

«Ну чаго еще? Мало чаго там отделяется. Может пишется не так, а так оно не отделяется. [...] У нас „і“ с точечкой только, и „у —краткое“: „ў“, а у Расии у-краткого нету» [B04M.Rias.WB.AK/OK].

Конечно, далеко не все собеседники демонстрировали такую хорошую языковую компетенцию. Некоторые заявляли, что они вообще не знают русского языка, слушая и понимая при том русскоязычные передачи по радио или телевидению. Другие определяли свой диалектный язык как белорусский или русский, причём термины «русский», «белорусский» не несут в их высказываниях определённого содержания:

«– А вось гэта “Дняпроўская нядзеля” на якой мове яна выходзіць?

– На беларускай [собеседник отвечает не задумываясь – газета была на русском языке – JG] я яе ўжо гадоў пяць выпісваю, там очень інтересныя статы і ёсё пішуцца такія, і абряды і як гатовіць, і ўсё. Яна, я ніякую другую не хачу, газету выпісываць. А эту, такія інцяресныя статы» [B04M.Rias.WFF/NS.AS].

«– A skažycie – A vy sami na jakoj movie γavarytie?

– Na biełaruskom.

– A vy tut słušajec’ e radio. A radio na jakoj movie idzie?

– Na biełaruskom – toż Mayilioū γavorogc’ [идёт русскоязычная передача]

– Skažycie – a vy tak sama havarycie jak jany?

– Nu taka sama γavorka... Nu kto pa ruski, kto jak – znajet’ e.

– A vy panimajetie pa ruski?

– Nie [...] Nas nie ūčyli ruskaya jazyka. Svoj biełaruskij...» [B04M.Saw.ZLP/JG.NP.]

Причины смешения языков

Интересными были ответы на вопрос, каковы, по мнению собеседников, причины смешения языков. Информанты указывали на разные причины данной ситуации.

Во-первых, перечислялось русское культурное влияние, особенно влияние русского языка как языка преподавания в школе:

«Znajetie – tady zmałku kat’ – u szkołu chadzili – dak i pa ruski nam knižki dawali, tak i dyktouki jetyja pisali – tak ja kažu szto – pa biełarusku napiszasz, a tady jak stanieš pa ruski pisat’, szto tudy skat’ – tak nie napiszesz užo charaszo... Pa biełaruskî ładna pisali a jak pa rusku ...mieszajesz tady pa biełaruskî – ruski...» [B04M.Rias.NŻ.OS/JG.MS].

Государственную политику, которая допускает два языка преподавания, собеседники оценивали отрицательно: в ней они усматривали причину существующей языковой ситуации. Собеседники, указывая на языковую политику Украины, где, по их представлению, украинский язык стал

единственным языком преподавания, считали, что в Беларуси государственным должен быть белорусский язык.

«Nu jany už szczas stydajucca Ukraincy, rańsze ż u ich uczebniki byli na ruskom jazykie. A szczas jany už starajucca, u ich ruskij jazyk wrodzie dla nas niamiecki. Rańsze ż byli jak u nas uczebniki na ruskom. Prosta izuczali swoj, prosta jak jazyk jiszhou, a szczas už diełajuć u ich uczebniki pa ukraiński. Ruski wiadziecca prosta jak inastranny... bolsza sobludajetsia czysta ukrainski... I u horadzie, chachly jość chachly! Usio rauno už mala takoha, chto czysta ruski. Bolsz nawaraczwajucca na ukrainski jazyk. Nu a my takija wot jak astalisia, sa swaim narodnym jazykom» [B04M.Nies.WPT/KS.AK].

Среди важных причин интерференции языков наши собеседники называли влияние СМИ. По их мнению, по телевидению и радио постоянно слышны два языка – белорусский и русский:

«Eta ja vam skazaū... patamu što ū nas BT – naše na ruskom jazykie... bielaruskaje tielievidziennje... a radio – pa bielaruski... usi pieredačy na bielaruskaj movie [...] A jes'li intervju bieruc' – koriespondenty na ruskoj, a pa bielarusku atviečajuc', a pa tielievidziennji na ruskom jazykie idut' usie pieriedaci... A pačamu ja nie znaju...» [B04M.Rias.PSD/JG.MS].

Некоторые собеседники обращали внимание на язык политиков и политических элит. Они подчёркивали, хотя власти теоретически могут употреблять как белорусский, так и русский язык, основным и универсальным средством коммуникации и языком официальных властей остаётся русский язык:

«ja znaju, što Lukašenka i na bielaruskaj razhavaryvaje i na ruskaj movie, mnie kažecca tak [...] pa rusku vsie panimajusc'» [B04M.Rias.PSD/JG.MS].

Лукашенко президент, а он чисто по-русски говорит (Рекотка, Горецкий р-н).

Относительно редко причину смешения языков собеседники видели в присутствии белорусско-российской границы и соседа – России. Это кстати понятно – границы как таковые (государственные границы) появились здесь относительно недавно. Поэтому многие из наших собеседников вообще не признают существования государственной границы с Россией. В ответ на просьбу определить границы они чаще всего указывают на территорию соседнего сельсовета или области, что тесно связано с административными проблемами – принадлежностью к конкретному колхозу и избирательному округу, оформлением документов в учреждении, визитом к врачу вне района. Государственная граница или соседство другой страны заметны только формально, в частности, там используется другая валюта.

«– Тока во, ў Смаленску, са Смаленска, са Смаленска ... Дык ета, яны гроши не такея. Смаленскія-та гроши не такея...

– А Смаленск гэта не Беларусь ці Беларусь?

– Ета я не знаю як ета называецца. Ета Смаленск, Смаленск ета не Беларусь» [B04M.Bacwin.KJ/JG.IP].

Независимо от упомянутого «формального аспекта» территория за границей, по мнению наших собеседников, ни чём не отличается. Язык, на котором говорят по ту сторону границы (здесь мы говорим о тех, кто в целом признает существование государственной границы с Россией) или на Смоленщине, такой же, как их. Там тоже люди в деревнях говорят на таком же смешанном языке. Данный подход кажется довольно типичным. Знаменательное в этом отношении высказывание учительницы истории из Ленино приводят авторы книги «Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование»: (...) Когда я была девочкой, то была уверена, что во всем СССР есть сельская мова (язык) и городская – русская. Сама я жила в селе. (Григорьева, Мартынова 2005: 99).

В высказываниях наших собеседников намечается похожий способ мышления:

«I: – А у смоленцев разговор тоже не чисто русский.

II: – Ну так за 40 километров Россия, за 40 километров... гето и по-белорусску и по-русски.

I: – Так як мы!

II: – Парють и всё!

– А в Москве также говорят?

I: – Не, в Москве чисто русско говорять» [B04M.Rias.WB.AK/OK].

«Смешанный» versus «чистый» язык

На определение своего языка влияет, несомненно, осознание локальными жителями своего места в социальной структуре Белорусси.

Свой идиом они называют *деревенским, простым* в отличие от языка города – «чистого» русского или «чистого» белорусского языка. Русский язык (причём объективно он далёк от литературного русского языка и характеризуется многими диалектными особенностями) собеседники отождествляют с языком приезжих («городских») или молодёжи. Как нам кажется, здесь проявляется упомянутое выше представление о едином, универсальном языке деревни, который противопоставляется языку города (Григорьева, Мартынова 2005: 99):

«– А па-рускі хто разгаварывае?

– Хто прыезжы, маладзёж, хто з Расіі прыехаў. Знаеце, маладзёж пабудзіць у горадзе – ужэ па-рускі пачынаець» [B04M.Rias. WAC/RL].

«– A što heta abaznačaje – što jany [бабули – J.G.] *pa dierievjanski?*

– Što abaznačaje... kali čalaviek pryjehaў – хоц’ on i bielarus... raz on už s horada pryjehaў k nam sjuda, no i žyt’ papaў... i vos’ pryjehaў – to jaho zvut ruskij – па ruski razhavryvaje – па haratskomu... on па haratckomu... а tak miesnyje па miesnomu...» [B04M.Rias.PSD/JG.MS].

На белорусском языке по распространённому мнению говорят «западники»:

«– Где говорят чисто по-белорусски?

– У западзе. Кала Маладзечана» [B04M.Pat.ZP.MP/NS.IB].

Или – просто люди, живущие дальше от говорящих, в другом регионе. Язык жителей Минска или Могилёва при этом определён не однозначно – в зависимости от собеседника нам указывали на русский, белорусский или смешанный.

«– Wot po biełaruski heta i u was jeta tudy da Hrodna. Hrodna abyčzna na biełarusku, prauda? A u nas tut u mahilouskaj woblaści, Mińsk, jeta uže tut mowa narodnaja, ja mahu па ruski i па biełaruski» [B04M.Ladz.CCU/GC.MW].

«– А где чисто белорусский язык?

– Так не ма. Вот, може там дальше, за Мохилеу, там на чисто белорусском. А тута у нас такий мешанай диалект» [B04M.Kras.LL.FL/OK.MJ].

«Чистый» язык (как белорусский, так и русский) является также языком литературы, СМИ, образованных людей:

«– А дзе ён беларускі вы не знаецце?

– Не, нічога этага не знаю. Дзе чыста беларускі. Па-моему, калі па пісанію, можа дзе ў кніжках. І больша нічога, а так што й та, я не знаю” [B04M.Andr.FFS/NS].

Престижность «смешанного» языка

Язык *города* по сравнению с языком деревни – по свидетельству некоторых из опрошенных нами жителей исследованного региона – пользуется большей престижностью. Язык *города* при этом ближе к литературному языку (как белорусскому, так и русскому). «Смешанный», «народный» – это язык местных жителей, людей необразованных. Как следствие, некоторые собеседники причисляют его к особой системе ценностей, знают, что их язык – это язык смешанный, «городской» же язык

зарезервирован для образованных людей. Поэтому жителям деревни не пристало говорить на литературном русском языке:

«– А рускія, а рускія слова?

I: – А рускіе? Мы іх не ўпатребляем нідзе.

II: – Мы не вучыліся на етыя.

I: – Смяяца будуць кала нас, што дераўенская баба па-руску разгаварываець” [B04M.Bacwin.KJ/JG.IP].

Тем не менее, во время разговора с незнакомыми собеседники пытаются «выгладить» свой язык:

«Jak haradzki – tady u rodzie uže pa rusku trochu s nimi...» [B04M.Rias.NŻ.OS/JG.MS].

Характерно, что похожие высказывания касаются также белорусского литературного языка. Литературный – «чистый» белорусский язык считается трудным:

«А вот школьнікі сейчас белорусские такие слова учат, что не понимаешь, я не знаю таких. Я скоко жила, не чула. Это в Западной Беларуси, как в польском» [B04M.Kras.MŁ/OK.MJ].

«Ну так есть специальный чисто белорусский язык. Ну так чисто белорусский язык он тяжелый. [...] Ну как человек по-белоруску разговаривает, так тяжело. Ну, як бы нам украинцы, ци молдоване – мы ж не разбираем» [B04M.Rias.WB.AK/OK].

Несмотря на эти оговорки, старшее поколение положительно относится к белорусскому языку. Чётко намечается некоторая симпатия именно к белорусскому языку. Некоторые собеседники подчёркивали, что белорусский язык красивый, красивее даже русского языка.

«Nasza rodnaja mowa biełaruskaja» [B04M.Ladz.CCU/GC.MW] считается ими примарным языком, даже если они не говорят на «чисто» белорусском языке:

«– А родной язык у Вас какой?

– Белорусский. А мы.. Слово белорусское пихнем куда-нибудь, куды русское такое, корявое бывает в лексиконе нашем. [...] Я люблю, когда по-белорусски разговаривают. Я вот в санатории был за Бобруйском, там женщина разговаривала по-белорусски. И я просил её – говори, говори, говори... Может и не чисто белорусски, но мне очень нравится.

– Больше чем русский?

– Больше, да...» [B04M.Rias.WB.AK/OK].

«– А вы любіце беларускую мову?

– Да канешна, я ж тут радзілася, я должна яе любіць і панімаць, беларускую мову сваю» [B04M.Len.NTL/IA.U].

Появились также мнения, что возможные отрицательные оценки белорусского языка возникают из-за его незнания. Как считают некоторые собеседники, белорусский язык сможет оценить тот, кто его хорошо знает и умеет отличить его от других языков:

«А гэтыя хто беларускі не ізучай, яны прыедуць, і ім ўжо счытаецца ломаный язык. Як к нам з Ленінграда прыязжаюць, яны ўжо беларускую ня хочуць» [B04M.Rias.WFF/NS.AS].

Также смешанный язык, характеризующийся меньшей престижностью по сравнению с языком города, оценивается положительно. Это нормальный язык местного общения – свой, вполне натуральный, унаследованный от предков:

«– Говорим и усё. На свой» [B04M.Kras.LL.FL/OK.MJ].

«U nas swaja mowa. My uże pruwykli k swajej mowie» [B04M.Ladz.CCU/GC.MW].

«– А на якой мове размаўляеце?

– Ай, смешаная – і руская і беларуская.

– І заўсёды так тут размаўлялі?

– І заўсёды так» [B04M.Saw.KMP.KNI/PK.IP].

Языковое сознание жителей пограничья, обусловлено исторически. Во времена первой Речи Посполитой данная территория являлась местом поселения белоруссов и поляков. После третьего раздела Речи Посполитой (1795) эти земли заселяли уже русские помещики, со всем своим имуществом, в том числе «душами» (Szybieka 2002: 25). Все эти стихии сосуществовали в данном регионе. Следы проживающих здесь национальностей сохранились в фамилиях людей, которые тут живут или жили. В деревенских могилах захоронены люди с фамилиями польского, литовского, российского, белорусского происхождения: Каркоўская Франя Альфонана (1936–1949), Рукус Казимир Петрович (1924–1996), Шинкунас Михаил Михайлович (1870–1942), Бордовский Василий Александрович (1923–2000), Заблоцкий Иосиф Антонович (1907–1991), Петрович Анея Станиславовна (1908–1987), и т. д. (Суслаўка, Дрыбніскі р-н «Ліцьвинскі пасёлак»). Такое сосуществование носителей разных языков и их диалектов, как представляется, создало благоприятную почву для современной языковой ситуации на данной территории.

Заключение

В сознании типичного жителя белорусско-российского пограничья Могилёвской и Витебской областей язык, на котором они говорят, является «смесью» белорусского и русского языков. Вопрос о национальной или

языковой принадлежности, как и причины данного состояния, не является для местных жителей принципиальным. Они почти не замечают существования границы. Это подтверждает тезис о том, что «пограничье является в некоторой степени отрицанием или – может быть – вызовом для границы» (Babiński 1997: 42).

Жители пограничья, замечая особенности своего идиома, рассматривают его в оппозиции к двум языкам, составляющим «смесь», на которой они говорят.

Несмотря на осознание низкой престижности своего языка, жители исследуемой части белорусско-российского пограничья положительно относятся к своему языку – унаследованному от предков и неизменному на протяжении многих поколений. Язык воспринимается здесь в категориях «свой-чужой», как и другие ценности, передаваемые от поколения поколению, а те надо принимать такими, какие они есть.

Цитированные опросы

- 1) B04M.Andr.FFS/NS: женщина 1922 г., Андрюхино, Горецкий р-н, Могилевская обл.; разг. Надзя Сычугова.
- 2) B04M.Bacwin.KJ/JG/IP: женщина 1931 г., Вотьвенево, Горецкий р-н, Могилевская обл.; разг. Йоанна Гетка, Ирина Присяч.
- 3) B04M.Kras.LL.FL/OK.MJ: женщина 1935 г.; мужчина 1928 г., Красулино, Горецкий р-н, Могилевская обл.; разг. Ольга Коновалова, Мирослав Янковяк.
- 4) B04M.Kras.MŁ/OK.MJ: женщина 1934 г.; мужчина 1987, Красулино, Горецкий р-н, Могилевская обл.; разг. Ольга Коновалова, Мирослав Янковяк.
- 5) B04M.Ladz.CCU/GC.MW: женщина 1922 г., Ладешня, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Гражина Харытонюк, Марта Воеводька.
- 6) B04M.Len.NTL/IA.UI: женщина 1938 г., Ленино, Ленинский р-н, Могилевская обл.; разг. Ирина Алюнина, Владислав Иванов.
- 7) B04M.Nies.WPT/KS.AK: женщина 1937 г., Нестерово, Мстивславский р-н, Могилевская обл.; разг. Каролина Саморай, Алена Казанцева.
- 8) B04M.NPryb.MSK/SK: женщина 1922 г., Новое Прибужье, Рыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Станислав Киселов.
- 9) B04M.Rek.AW.LS/SK: женщина 1932 г., женщина 1928 г., Рекотка, Горецкий р-н, Могилевская обл.; разг. Станислав Киселов.
- 10) B04M.Rias. MR.PŁ/RL: женщина 1933 г., мужчина 1928 г., Рясна, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Роман Лихошапка.

- 11) B04M.Rias. WAC/RL: женщина 1931 г., Рясна, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Роман Лихошапка.
- 12) B04M.Rias.NŻ.OS/JG.MS: женщина 1933 г., женщина 1922 г., Рясна, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Йоанна Гетка, Мариан Слобода.
- 13) B04M.Rias.PC/GC.MW: женщина 1921 г., Рясна, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Гражина Харытонюк, Марта Воеводька.
- 14) B04M.Rias.PSD/JG.MS: мужчина 1943 г., Рясна, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Йоанна Гетка, Мариан Слобода.
- 15) B04M.Rias.WB.AK/OK: мужчина 1939 г.; женщина 1928 г., Рясна, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Ольга Коновалова.
- 16) B04M.Rias.WFF/NS.AS: женщина 1934 г., Рясна, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Надзяя Сычугова, Адам Севастианович.
- 17) B04M.Saw.CzWJ/AS.NK: женщина 1922 г., Савва, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Алесь Смоляньчук, Надзяя Киселёва.
- 18) B04M.Saw.FHW/JG.NP: женщина 1920 г., Савва, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Йоанна Гетка, Наталья Поляк.
- 19) B04M.Saw.KMP.KNI/PK.IP: женщина 1903 г., Савва, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Павел Кошман, Ирина Присяч.
- 20) B04M.Saw.KMP.KNI/PK.IP: женщина 1903 г., женщина 1930 г., Савва, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Павел Кошман, Ирина Присяч.
- 21) B04M.Saw.WKZ/JG.NP: женщина 1920 г., Савва, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Йоанна Гетка, Наталья Поляк.
- 22) B04M.Saw.ZLP/JG.NP: мужчина 1930 г., Савва, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Йоанна Гетка, Наталья Поляк.
- 23) B04M.Susl.NN/ES.MŁ.AS: NN, Сусловка, Дрыбинский р-н, Могилевская обл.; разг. Ельжбета Смулкова, Мария Луцевич, Адам Севастианович.

Литература

Babiński. 1997 – *Babiński Grzegorz. Pogranicze polsko-ukraińskie*, Kraków, 1997.

Engelking 2005 – *Engelking Anna. Czy język jest wartością podstawową kultury Białorusinów Białostocczyzny? «Acta Albaruthenica 5»*. Mińsk, 2005. S. 134–139.

Radzik 2003 – *Radzik Ryszard. Kim są Białorusini?* Toruń, 2003.

Smulkowa 2003 – *Smulkowa Elżbieta*. Badanie pograniczy językowych – uwagi metodologiczne. «Gwary dziś. 2. Regionalne słowniki i atlasy gwarowe». Poznań, 2003. S. 45–57.

Smulkowa 2005 – *Smulkowa Elżbieta*. Думаючы пра памежожа. «Acta Albaruthenica 5». Мінск, 2005, С. 26–30.

Straczuk 1999 – *Straczuk Justyna*. Język a tożsamość człowieka w warunkach społecznej wielojęzyczności. Pogranicze polsko-litewsko-białoruskie. Warszawa, 1999.

Szybieka 2002 – *Szybieka Zachar*. Historia Białorusi 1795–2000, przekł. H. Łuszkiniewicz. Lublin, 2002.

Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008 – *Букринская И.А., Кармакова О.Е., Тер-Аванесова А.В.* Говоры белорусско-русского пограничья // «Исследования по славянской диалектологии». 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). Москва, 2008.

Григорьева, Мартынова 2005 – *Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю.* Белорусско-Русское пограничье. Этнолингвистическое исследование. М., 2005.

Summary

«Kazhdomu narodu svoj jazyk horosh» or the attitude of people of the Belarusian-Russian borderland towards their own language

The paper offers some remarks on the language, language awareness, language behaviors and attitude towards language shown by people inhabiting the Belarusian-Russian borderland of the Mohylev and Vitebsk districts.

Despite of the fact, that most of interviewees realized that their dialect (called by them: *z'mieshany, myeshanka, myashanitsa, myeshanaja mova, nye russky, nye byelarussky* etc.) has low prestige, they have a positive attitude towards it: it is a normal means of communication, that they are used to, that their parents spoke.

М.М. Алексеева (Москва)

Языковой выбор у лемков-переселенцев на Украине

В результате принудительных переселений лемков в 1945–47 гг. из юго-восточных районов Польши произошло резкое изменение условий функционирования лемковского диалекта – прекратила свое существование компактная группа лемковских говорах в Бескидах Низких. Дальнейшее развитие лемковского диалекта в островной ситуации в Польше и на Украине (Алексеева 2008) было во многом определено экстралингвистическими факторами, что делает необходимым привлечение социолингвистических методов для изучения современных говоров лемков – переселенцев. К актуальным следует отнести такие аспекты исследования, как описание особенностей ситуации функционирования лемковских говоров, характеристика билингвизма носителей диалекта и их отношения к используемым идиомам, анализ функционального распределения используемых языков, определение влияния этнической ориентации носителей на их языковой выбор и др.

Социолингвистическое изучение лемковских говоров переселенцев на территории Польши в середине 1990-х гг. начали польские диалектологи (Lewicka 2002; Onyszkancz-Kowalska 2002). Для переселенческих говоров на Украине подобные исследования практически не проводились.

В настоящей статье предлагается описание особенностей языковой ситуации переселенческих лемковских говоров на Украине и основных факторов, влияющих на языковой выбор их носителей.

Переселения на Украину 1945–46 гг.

В 1945–1946 гг. по договору между Польшей и Советским Союзом была проведена так называемая «репатриация украинцев и русинов», в результате которой примерно 500 тысяч украинцев и среди них около 70 тысяч лемков принудительно переселили из юго-восточной Польши в различные регионы Советской Украины. Переселение на Украину изначально планировалось как добровольное: «*Pérše to býlo, ta jak, tu ah'itáč'ija, ah'ituvály, prosýly, xodýly, ah'ituvály*» – ‘Сначала это было как агитация, агитировали, просили, ходили, агитировали’ (муж., 1937 г.р., Львов – с. Радуцина)¹. Желающих оказалось

¹ Курсивом в упрощенной фонетической транскрипции приводятся высказывания, записанные от лемков-переселенцев на Украине во время экспедиций в 2005–2006 гг. В скобках

намного меньше, чем планировалось, после чего переселение приобрело принудительный характер. Историк Е. Квек пишет, что «осень 1945 г. стала поворотным моментом в переселенческих акциях. Если до лета 1945 г. могли иметь место случаи добровольного переезда, то с осени административное давление, применение силы стали обычным явлением. Переселение перестало быть добровольным» (Kwiek 1998: 246).

Большая часть лемков оказалась в восточных (Донецкая, Луганская, Кировоградская, Харьковская), центральных и южных (Полтавская, Николаевская) областях Украины. Часть переселенцев сразу прибыла на запад Украины. В большинстве случаев лемкам не позволялось селиться вместе, их намеренно расселяли среди местного населения (то же самое произошло двумя годами позднее во время акции «Висла», когда оставшихся в Польше лемков насильственно переселили на западные земли Польши). Несмотря на обещания властей обустроить быт переселенцев, условия в новых местах проживания были крайне тяжелыми: «*Z našoho séla v osnovnómu na Kirovohrádščynu... V r'íznyx sélax, tam f seló po dv'i, po try rodýny ros:el'ály, po dv'i, po try rodýny, ne b'il'se* (—А хаты давали?) — *Óny ob'ic'ály, že xáty búdut. Jákú xátu. V jédn'im k'in'c' žyvé gázda...žýla u t'im, ž'íňka žýla z dočkóju...a v drúhym k'inc' i žýly my, fs'i, šéstero l'ídej, o taky, o taky býly umóvy žít'a. Jáký xátu. A ot roskázujut,... Donécka óblast', šo kolýs' býla Stál'inska óblast', povysel'ály, bo tam m'ij vújko, tag i lyšyw s'a f t'ij, to v zeml'ájkax žýly, v zeml'ájkax*» — ‘из нашего села в основном на Кировоградщину... В разных селах, в село по две, по три семьи расселяли, не больше (— А дома давали?) — Они обещали, что дома будут. Какие дома. В одной половине живет хозяин...жила женщина с дочкой...а в другой половине жили мы все, шестеро человек, вот такие были условия. Какие дома. А рассказывают, Донецкая область, которая была когда-то Сталинская, там мой дядя так и остался, так там в землянках жили’ (муж., 1937 г.р., Львов — с. Радуцина).

На востоке дополнительной проблемой для переселенцев, выросших в горах, стали трудности ведения хозяйства в степных условиях. Переселения происходили осенью, собранный урожай остался на Лемковщине, а в следующем году выдалась засуха. Ситуацию усугубляла необходимость работать в колхозах. Местные жители настороженно относились к лемкам: во-первых, переселенцев зачастую подселяли в их дома, что усугубляло их и без того тяжелое положение, во-вторых, лемки резко отличались от них языком, одеждой, обычаями: «*Ja tak išče pam'atam, že vy kodysy roskazuvaly, jak*

указан пол, год рождения, место проживания и место рождения информанта (для информантов, родившихся уже на Украине, указано родное село родителей).

ste pryjixaly tam, na Stal'in'sku, že tam kazaly, že pryjixaly dýkly l'ude» ‘я помню, вы когда-то рассказывали, что приехали туда в Сталинскую, а там говорили, что приехали дикие люди’ (жен., 1950 г.р., Тернопольская область – с. Мишык) – «*z l'išiw, dýkly l'ude. Dýkly l'ude z l'išiw, a jak my ša poubyraly do svojix ubran'iw, jag zme, aš xodyly ša divity i kazaly, že car'iwna, car'iwna na mene. Ja d'iwčyna taka byla moloda, ja m s'a ubrala do toho gorseta, do tej tebetovoj sp'idnyc'i, to tak, výšyvanu bl'usku, to mušila m davaty pot'im tym d'iwčat'im tam, poubyraly, trošky pol'itala, pol'itala sob'i, i znow druha ubyrala, bo ony tak ne vidily* ‘из лесов, дикие люди. Дикие люди из лесу, а как мы надели свои наряды, так ходили смотреть и на меня говорили, что царевна, царевна на меня. Я была молодая девушка, я надела тот горсет, юбку, вышитую блузку, так потом приходилось давать девушкам, надели, полетала одна в этом, потом вторая надела, потому что они такого не видели’ (жен., 1929 г.р., Тернопольская область – с. Мишык).

Несмотря на запреты и преследования со стороны властей многие лемки втайне бежали на запад Украины: «*To jedny ft'ikly, to druhy, to tret'i, to j tak. To ja pot'im s tatom. Provodnyčka tam byla, žyla, f tomu sel'i, šo vona jizdyla skorym pojízdom Xark'iw-L'viw, jizdyla. I my jij to, šo maly, mebl'i, taky to fs'o, šo my maly, to my ji toto fs'o peredaly, oddaly my ji. I ona nas tak poperevozyla, po jédnemu, do Ternópol'a. A s Ternópol'a ja, Bože, išla p'iškы s tatom, zýta taka o, sn'ix po kol'ina, a može i b'il'se, dorohu ne robjat, bo to p'isl'a v ijny, jaka to byla doroha. To ja s tatom, nav'it' ne pamjatam, t'iwko ja išla. My dlyšly do tyx Monastyryšk, p'iškы*» ‘то одни бежали, то другие, то третьи, вот так. Ну и я потом с отцом. Проводница там была, жила в том селе, которая ездила скорым поездом Харьков-Львов. И мы ей то, что у нас было, мебель, все, что у нас было, то мы ей все передали, отдали мы ей. И она нас так перевозила, по одному, в Тернополь. А из Тернополя, Боже, шли пешком с папой, холод, снег по колена, а может, и больше, дорогу не делают, потому что после войны, какая уж дорога. Так я с папой, даже не помню, сколько шла. Мы дошли до Монастырыськ пешком’ (жен., 1926 г.р., Тернопольская обл. – г. Крыница). Многие слышали о переселенцах, осевших на Западе, и пытались разыскать своих родных и знакомых, кто-то надеялся вернуться в Польшу, но это удалось единицам. В западных областях лемки селились у знакомых. Многим довелось жить в домах поляков, которых в свою очередь выселяли в Польшу: «[о родителях] No i desy an'i roku voný ne pobuly, i kon'a juž ne bylo, korovu pryzajazaly do voza i z Poltáfsčyny až na Ternóp'il'sčynu svojim xodom yšly paru m'išac'iw. Bo tam jeden pro jednoho desy xtosy pov'idaw, de xto lyšyw s'a, bo šytky tu maly, že s'a vernut išče nazat kolysy i t'ahnuly s'a

nazat, blyšče tu do hranyc'i. Vony tak dumaly, že tu možna bude, že tak'e može s'a stane, ale tak i ne vyšlo, i ony, nu, ale juž, raxuvaly, že tu na Ternóp'il'sčyn'i tam selo tak'e bylo Borš'iw, to majže pjatdesát procent'iw tam bylo juš l'udej vyseleno lem'iw, no i potroxy juš počaly naxodyty i išly do tyx rodyč'iw. I byly v'il'ny xyžy vyseleny, pol'ak'iw vyselyly tyš, i byly v'il'ny xaty, xyžy. Ta, byly xyžy v'il'ny, no jaký tam, tod'i ne tak jak teper, aby bylo de sy holovu prytulyty, nevelyky, i prjixaly vony, prjyšly svojim xodom, hden pasly kurovy, žeby s'a najily i samy, a hnoč'i išly, o tak'e bylo jixn'e žyt'a» ‘и года они не побыли, и коня уже не было, корову привязали к возу и из Полтавщины аж на Тернопольщину своим ходом шли пару месяцев. Потому что там один про другого где-то кто-то рассказывал, где кто остался, ведь все здесь думали, что вернутся назад когда-нибудь, и тянулись назад, ближе к границе. Они так думали, что можно будет, что такое может случиться, но так не вышло, и они, ну уже рассчитывали, что здесь на Тернопольщине там село такое было Борщив, и там почти пятьдесят процентов уже было выселенных лемков, ну и начали находить понемногу и шли к родственникам. И были свободные дома, поляков тоже выселили, и были свободные дома. Да, были свободные дома, но какие там, тогда не так, как сейчас, лишь бы было где разместиться, маленькие, и приехали они, пришли своим ходом, днем пасли коров, чтобы те наелись, а ночью шли, вот такая была у них жизнь’ (муж., 1950 г.р., Львов – с. Далёва/Ганчова).

На западе отношение местного населения к лемкам также было отрицательным. В частности, предметом насмешек постоянно служила речь переселенцев, поскольку лемковские говоры сильно отличались от окружающих их в новых условиях поднестровских говоров: «*Pryn'aly nehatyvno, tože nazývaly pol'akamy, a pot'im jag juž znaly, že to ne ma nyjakoho v'idnošen'a do pol'ak'iw, to nas, ja xodyw do školy, to mene nazývaly lemkom i mene draznily lem, pak, toto, kvasne moloko*» ‘приняли негативно, тоже называли поляками, а потом, когда уже знали, что это не имеет никакого отношения к полякам, то нас, я ходил в школу, то меня называли лемком и дразнили’ (муж., 1950 г.р., Львов – с. Далёва/Ганчова).

Массовые миграции лемков внутри страны привели к возникновению компактных лемковских поселений в Тернопольской, Ивано-Франковской, Львовской областях.

После 1991 года у многих лемков появилась возможность посетить Лемковщину, родные села или села, в которых родились их родители. Старшее и среднее поколение часто подчеркивают свою эмоциональную связь с родными местами: «*Ja jak jixala do Vysovy, to m'i ša šosy aš p'ídni malo f seredyn'i*

šosy, jakesy je v'itčut'á, že ktosy šá tam vrodyw, že jakesy r'idne. Ja šá tak samo tam ne rodyla, no d'ity juš toho ne majut» ‘когда я ехала в Высову, то у меня аж что-то внутри поднималось, какое-то чувство, что кто-то там родился, что какое-то родное. Я тоже не там родилась, но у детей уже этого нет’ (жен., 1964 г.р., Тернопольская обл. – с. Высова). Однако, многие отмечают и положительные изменения, связанные с переселением: «*Koly vzaty, duže žal'iju za tym krajom, a koly vzaty z drúhoho boku, to našy l'ude kolý perejíxaly s'udý, n'ixtó by toj ošv'ity ne zdobyl tam, što je zdobyl tut*» ‘с одной стороны, очень скучаю по тем краям, но с другой стороны, то наши люди когда переехали сюда, никто бы не получил такого образования, которое они получили тут’ (жен., 1930 г.р., г. Монастырыська – с. Солотвина).

Переселения стали наиболее значимым событием в лемковской истории. Память о них, ощущение собственной причастности к исторической трагедии, сегодня являются для лемков основным объединяющим фактором.

Этническая ориентация лемков на Украине

Переселения 1945–46 гг. значительно повлияли на процесс развития этнического самосознания у лемков. Сегодня между этнической идентификацией лемков в Польше и на Украине наблюдаются серьезные различия.

В Польше можно говорить о своего рода «этническом дуализме» лемков (см. Michna 1995), поскольку лемков, проживающих в Польше, можно условно поделить на две группы: 1) носители украинского этнического сознания (т. н. лемки-украинцы); 2) лемки, считающие себя отдельным восточнославянским народом (т. н. лемки-автономисты).

На Украине, как показывают исследования, подавляющее большинство лемков считает себя украинцами (лемками-украинцами): «*No ta buť sob i ukraincem, tob'i pyxty ne zabyráje, ale že tvoi bat'ki kto byly? Lémky z Lemk'iň: 'upy, no to že my js'i ukrainc'i*» – ‘да и будь себе украинцем, тебе никто не запрещает, но твои родители кто были? Лемки с Лемковщины, но ведь мы все украинцы’ (муж., 1937 г.р., Львов – с. Радуцина). В их представлении, лемки – это этнографическая группа украинского народа (наряду с гуцулами, бойками и др.): «*h'ilka ukrajinskoho narodu, h'ilok je na derev'i dužo, tak samo i my. Tut nazývajut etnografična hrupa, teper tag nazývajut, etnografična hrupa*» ‘ветка украинского народа, веток на дереве много, так и мы. Здесь называют этнографическая группа, теперь так называют, этнографическая группа’ (муж., 1950 г.р., Львов – с. Далёва/Ганчова). Попытки лемков в Польше добиться статуса отдельного этнического меньшинства, как правило, вызывают негативную реакцию. Деятельность лемков-автономистов расцени-

вается как угроза украинской нации и – в перспективе – украинской государственности².

Среди лемков на Украине есть как греко-католики, так и православные, при этом конфессиональные различия не влияют на выбор ими этнической ориентации, в отличие от Польши, где греко-католики, как правило, сторонники проукраинской позиции, в то время как среди православных больше лемков автономистской направленности. Информанты отмечают, что в лемковскую церковь во Львове ходят представители обеих конфессий: «*buły i prawosławny, i buly i hreko-katylyky, ale do tej cerkvy my xodyme, nyxto ne robyt r'iznyc'i, nyxty ne, ce naš sv'aščen:yk pov'idat, to kaže, my jedny lemki, de prychod'at' i hreko-katylyky, i prawosławny, i lemki, i ne lemki*» ‘были и православные, и были и греко-католики, но в эту церковь мы ходим, никто не различает, никто, это наш священник говорит, что мы одни лемки, куда приходят и греко-католики, и православные, и лемки, и не лемки’ (муж., 1950 г.р., Львов – с. Далёва/Ганчова).

Современная языковая ситуация лемковских говоров на Украине

Степень сохранности говора во многом зависит от особенностей ситуации его функционирования (компактность/некомпактность проживания носителей, проживание в деревне/городе). При компактном проживании носителей говор по-прежнему выполняет функцию языка общения, хотя и в меньшем объеме.

В результате переселения сильно изменилось языковое окружение лемковских говоров. Для лемковских говоров на Украине практически прекратились прямые контакты с польским и словацким языками, с которыми они взаимодействовали на протяжении нескольких столетий. На Украине важнейшим источником языкового влияния стал украинский литературный язык (в его западной разновидности) и поднестровские украинские говоры на территории Тернопольской, Ивано-Франковской и Львовской областей (Алексеева 2009), а также русский язык, оказавший значительное влияние на языковую ситуацию на Украине в целом.

Большинство лемков на Украине таким образом владеют родным лемковским говором и литературным языком, а также русским языком. Владение говором и литературным вариантом одного языка мы относим к случаям двуязычия вслед за Л.П. Крысиным, который проанализировал такие признаки двуязычия, как различие языковых кодов, переключение кодов, ин-

² Примечательно, что даже заседания организации «Лемковщина», которая занимается поддержкой лемковской традиционной культуры, как правило, проходят на украинском языке.

терференция, заимствования, убедительно показал, что существует принципиальное сходство между владением несколькими разными языками и владением несколькими подсистемами одного языка (Крысин 1976: 68). В нашем случае это тем более актуально, что вопрос о статусе лемковского языкового образования нельзя считать решенным.

Однако между двуязычием представителей старшего, среднего и младшего поколений существуют значительные различия. Билингвизм старшего и части среднего поколения можно охарактеризовать как интегральный, т. е. билингвы владеют обоими языками примерно на одном уровне [классификация билингвизма по: (Mackey 1987)]. Для части среднего и большей части младшего поколений лемков характерен билингвизм регressiveный (на первый план выходит уже язык окружения), остаточный (знание говора сводится к отдельным словам и оборотам) и пассивный (понимание говора без говорения на нем). Все отчетливее проявляется тенденция замены двуязычия одноязычием.

Компактное проживание способствует сохранению основных лемковских диалектных черт и, что очень важно, его основной функции – говор по-прежнему выполняет роль языка семейного общения, и сохраняется передача говора естественным путем от поколения поколению: «*za to że my tu, na Hut'i, że beśidujut fšytky po-lemk'ivsky, a tam každy ša han'byt pov'isty po-lemk'ifsky, bo fšytky žyjut medžy ukrain'c'amy*» ‘это потому, что мы живем здесь, в Новой Гуте, что все говорят по-лемковски, а там каждый стесняется говорить по-лемковски, потому что они все живут среди украинцев’ (муж., 1953 г.р., Ивано-Франковская обл. – с. Высова). Однако даже в ситуации компактного проживания диалектносителей влияние украинского языка усиливается. Информанты сами говорят об использовании ими говора и литературного языка и переключении кодов в зависимости от ситуации общения: «*v nas nav'it' taky maly d'ity oto ony od razu perekł'učajut ša, rozum'ijete, tu o doma hovor'at f sel'i tag vo po-lems'ky, a idut tam do m'ista, do školy v Monastyryska, a tam po-ukráinsky*» ‘у нас даже такие маленькие дети, они сразу переключаются, понимаете, тут дома в селе говорят по-лемковски, а идут в город, в школу в Монастыриська, а там по-украински’ (муж., 1937 г.р., Тернопольская обл. – с. Высова).

Значительно быстрее лемковский диалект выходит из употребления в городской среде. В городах значительно выше процент смешанных браков, в которых, как правило, используется украинский литературный язык: «*no ja napryklat lemko, bym by može najšow sob'i lemkan'u, to može byly by i d'ity beśiduvaly, a tak moja žena, rodyčy m'iscevy, ukrajinka, jak rydyčy po-ukrajinsky*

beśiduvaly, to ony tak, v mene ony čuly tu beśidu, ale beśiduvaly ne xt'ily, n'i syn, n'i dočka» 'ну я, например, лемко, если бы нашел себе лемканю, то может, и дети бы говорили, а так моя жена, родители местные, украинка, как родители по-украински говорили, то и они так, от меня они слышали эту речь, но говорить не хотели, ни сын, ни дочка' (муж., 1950 г.р., Львов – с. Далёва/Ганчова).

К отказу от лемковского говора и переходу на украинский нередко приводили насмешки окружающих, в том числе членов семьи: «*Moja dvojbrodna sestra, jaka mene vyxovala, zo mnom beśiduvala, mene fčyla beśiduvaly po-lemk'ivsky, vyjšla zam'ž nedaleko, pjat k'ilometr'iw od moho sela, i jej muš tež s tyx l'udej vyselenyx, ale moi z Lemk'ivš'iny, a ony z Nads'an':a. To v'in jej nazvyaw 'lemkan'u', v'in jej prozyvaw 'ty, lemkan'o hlupa', i ona, to ona teper prychodyt do cerkvy, vona kaže, nu šo ja zrobl'u. Kaže, ja tag juž zabyila, prosto zvykla*» 'моя двоюродная сестра, которая меня вырастила, со мной говорила, меня учила говорить по-лемковски, вышла замуж недалеко, пять километров от моего села, и ее муж тоже из переселенцев, только мои с Лемковщины, а они с Надсанья. Так он ее называл: «ты, лемканя глупая», так она теперь приходит в церковь и говорит, ну что я сделала. Говорит, я уже забыла, просто привыкла' (муж., 1950 г.р., Львов – с. Далёва/Ганчова).

Важное влияние имел тот факт, что местные украинцы нередко негативно относились к переселенцам из Польши. Опасаясь проявления агрессии, многие лемки скрывали свое происхождение и с этой целью сознательно отказывались говорить по-лемковски: «*F Tarnopoly šidyt baba kolo mene i trymat posv'itčen':a veterana, to šo vy mate, učásnyka vojny, a ja kažu, a vy lémčuxa? N'i, n'i, i sxovala toto. Ja kažu, ta jak, jak mate posv'itčen': a učásnyka vojny. Ta vy lemko, bo moi tak samo. – A, a vy tak samo? – Ja kažu, tak, tak. – Joj, ta ja n'ikomu ne kažu nav'it'. – A ja kažu, čom? – Joj, ta ja sama tu o, a sušid'iw takyx mam, že ž dobr'i m'a ne žjid'at, čy dov'idal'y, že ja lemko, kaže, ta ja ša tak boju. A jag vy tak zam'ityly? Tak tota baba aš plakala*» 'в Тернополе сидит женщина возле меня и держит удостоверение ветерана, такое, как у вас, участника войны. А я говорю, а вы лемчиха? Нет, нет, и спрятала его. Я говорю, да как же, если у вас удостоверение участника войны. Да вы лемко, как и мои. – А, а вы тоже? – Я говорю, да, да. – Ой, да я никому и не говорю. – Я говорю, почему? – Ой, да я одна тут, а соседи у меня такие, что съесть меня готовы, если узнают, что я лемко, говорит, да я так боюсь. А как вы так заметили? Так та женщина аж плакала' (жен., 1964 г.р., Тернопольская обл. – с. Высова).

По словам лемков, проживающих во Львове, едва ли не единственное место, где можно поговорить «по-своему», – это лемковская церковь, посколь-

ку ни члены семьи, ни соседи-лемки уже почти не говорят на говоре: «*ja inakše bym tam ne xodyw. A dl'a čoho ja tam xodžu? Ja tam xodžu, žeby m čuw svoju r'ídnu movu*» ‘я иначе бы сюда не ходил. А для чего я туда хожу? Я туда хожу, чтобы услышать свой родной язык’ (муж., 1946 г.р., Львов – с. Воля Цеклинска). Многие отмечают заслуги священника церкви св. Владимира и Ольги, который читает проповеди по-лемковски и пытается убедить прихожан-лемков говорить на языке своих предков: «*Zavd'aký jomu, šo fs'a služba Boža ide na lemk'ivsk'ijj bešid'i, i v'in šytkym kaže, troxe straxat lemk'iw, kaže: ja budu, nu, tak v žartax, kaže, budu robyw egzameny, xto s'a od odpravy do odpravy, že mus'at, kaže, s'a fcyty lemky po-lemk'ivsky bešiduvaty*» ‘благодаря ему вся служба идет по-лемковски, и он всем говорит, так немного пугает лемков в шутку, говорит, буду экзамены проводить, потому что лемки должны учиться по-лемковски говорить’ (муж., 1950 г.р., Львов – с. Далёва/Высова).

Сегодня многие молодые лемки отказываются от говора по иным соображениям, нежели их родители. Говор перестает быть для них источником угрозы, но в их представлении, использование говора понижает из социальный статус, в то время как знание украинского литературного языка считается престижным, и многие связывают с ним надежды на успешное будущее: «*d'ity rozum'ijut, ale bešiduvaty ne xcut nyč, ny syn, ny dočka. Rozum'ijut šytko, bo ony rosly, my bešiduvaly, ale ony ne xcut, ja možu hvaryty, ony šytko rozuml'at, možut l'ube slovo tak [podraznyty], a juž hvaryty ne xcut. Jak tu kažut, ša lemky perevely*» ‘дети понимают, но говорить не хотят, ни сын, ни дочка. Всё понимают, потому что они росли, мы говорили по-лемковски, но не хотят. Я могу говорить, они все понимают, могут любое слово [повторить], но говорить не хотят. Как здесь говорят, перевелись лемки’ (муж., 1950 г.р., Львов – с. Далёва/Ганчова). Некоторые пожилые информанты отмечали, что нередко молодые лемки стыдятся диалектной речи своих родителей.

Подобное отношение лемков к своему идиому облегчает процесс языковой ассимиляции. Поскольку лемки считают себя частью украинского народа, для них не существует угрозы этнической ассимиляции, а возможное культурное растворение в украинской среде не является для большей части молодого поколения достаточной мотивацией для сохранения и развития своего языка. Влияние украинского литературного стандарта приводит к стиранию лемковской диалектной специфики и сокращению функций говора. Лемковский идиом утрачивает свою основную функцию – он перестает быть средством повседневного общения членов лемковской этнической общности.

При этом на данный момент важнейшей функцией лемковского идиома в условиях разобщенности его носителей представляется не коммуникативная, а т. н. «этноконсолидирующая» (Мечковская 2000: 24). Важным становится не столько говор сам по себе, сколько отношение к нему носителей. Знание говора становится своего рода опознавательным знаком принадлежности к группе, причем такое знание нередко оказывалось лишь декларативным или же сводилось к двум-трем наиболее распространенным фразам. Так, например, на одном из заседаний организации «Лемковщина» во Львове выступавшая женщина начала свою речь по-лемковски (*«jemśixa, besiduju po lemkiwsky»* ‘я лемчиха, говорю по-лемковски’), после чего перешла на литературный язык. В таких случаях важна именно декларация своей принадлежности к лемковскому сообществу, а не реальный уровень владения лемковским идиомом.

Закономерен вопрос, какой процент населения должен перейти на другой язык, чтобы можно было говорить об исчезновении языковой общности. По мнению А.Г. Агаева, исследовавшего проблему общности языка как этнического признака, этническим признаком является не столько общность языка, которая исторически весьма изменчива, сколько сам язык: «...хотя гельский язык для шотландцев уже мертв, они обнаруживают свой этнос, свою национальность в этом исчезнувшем для них языке, а не в собственно английском... Общность языка унифицирует этническую общность, а сам язык индивидуализирует ее этнос, национальную личность» (Агаев 1968: 130). Подобным образом несмотря на то, что большинство лемков на Украине перешло на украинский язык, лемковский идиом до сих пор является идентифицирующим признаком лемковской этнической группы.

Принудительные переселенческие акции 1945–46 гг. оказали значительное влияние на языковое поведение лемков-переселенцев на Украине. Доминирование украинского языка и господство у лемков украинского национального сознания приводят к утрате лемковским диалектом основных его функций и – как следствие – к стиранию его специфических черт. В борьбе за престиж лемковский идиом проигрывает украинскому литературному языку, однако даже те лемки, которые знание говора фактически уже утратили, ощущают эмоциональную связь именно с лемковским («своим») идиомом. Лемковский идиом по-прежнему остается объединяющим лемков фактором, и представляется, что на сегодняшний день именно этноконсолидирующая функция является для него основной.

Литература

- Агаев 1968 – *Агаев А.Г.* Функции языка как этнического признака // Язык и общество. М., 1968.
- Алексеева 2008 – *Алексеева М.М.* Лемковские говоры в контактах с другими славянскими языками // Исследования по славянской диалектологии. 13. М., 2008.
- Алексеева 2009 – *Алексеева М.* Основные фонетические процессы в современных лемковских говорах в Польше и на Украине // Исследования по славянской диалектологии. 14. М., 2009.
- Крысин 1976 – *Крысин Л.П.* Владение различными подсистемами языка как явление диглоссии // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Мечковская 2000 – *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М., 2000.
- Kwiek 1998 – *Kwiek J.* Przesiedlenie ludności łemkowskiej z województwa krakowskiego na Ukrainę (1945–46) // Studia historyczne. Kraków, 1998.
- Lewicka 2002 – *Lewicka U.* Sytuacja językowa ukraińskich przesiedleńców ze wsi Terka // Język mniejszości w otoczeniu obcym (red. J. Rieger). Warszawa, 2002.
- Mackey 1987 – *Mackey W.F.* Bilingualism and Multilingualism // Sociolinguistics: An International Handbook of the Science of Language and Society, t. 1. Berlin-New-York, 1987.
- Michna 1995 – *Michna E.* Łemkowie. Grupa etniczna czy naród? Kraków, 1995.
- Onyszkancz-Kowalska 2002 – *Onyszkancz-Kowalska M.* Sytuacja gwary łemkowskiej i ukraińskiego języka literackiego w Rzepedzi // Język mniejszości w otoczeniu obcym (red. J. Rieger). Warszawa, 2002.

Summary

The language choice of Lemko resettlers in Ukraine

The article describes the language situation of the Lemko dialects in Ukraine and the extralinguistic factors that influence the language choice and linguistic behaviour of the resettled Lemkos (ethnical orientation, attitude towards their language, types of bilingualism etc.).

Г.К. Венедиктов (Москва)

Современный болгарский литературный язык на стадии его становления в представлении носителей диалектов

Современный болгарский литературный язык (далее СЛЯ) – это функционирующий в настоящее время у болгар литературный язык на всем протяжении его развития начиная со времени его зарождения и до наших дней. Стадия его становления – это тот период его истории, когда устанавливаются характер его основы и важнейшие нормы его структуры, совокупностью которых он выделяется в общей истории литературного языка у болгар, с одной стороны, и определяется его самостоятельность в ряду других современных славянских литературных языков, с другой.

По вопросу о том, к какому времени относится начало истории СЛЯ, существуют разные точки зрения. Не останавливаясь здесь на них даже в очень кратком изложении, отметим только, что, на наш взгляд, история этого языка начинается в 20-е годы XIX в. Именно в третье десятилетие того столетия образованные и патриотически настроенные болгары решительно поднимают вопрос о необходимости скорейшего введения в школах образования на родном языке, издания на нем учебных, религиозных и других книг, без которых невозможно просвещение народа, предлагают для решения этого вопроса свои опыты обработки народного языка, издают ряд подготовленных ими книг, намечают издание других книг и призывают соотечественников к участию в этом благородном деле. Поздняя граница стадии становления СЛЯ представляется менее отчетливой. Очевидно, что завершение этой стадии должно определяться временем установления основных норм звукового строя, грамматики, лексики, а также графики и орфографии, совокупность которых в целом и по сей день характеризует этот язык. Рубежом, определяющим завершение стадии становления СЛЯ, обычно признаются 70-е годы XIX в. – конец эпохи национально-культурного возрождения Болгарии, увенчавшийся освобождением страны от почти пяти векового османского ига и многолетнего духовного греческого господства. Ко времени освобождения Болгарии в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. болгарский литературный язык, развивавшийся в течение полувека, предстает уже как язык относительно единый общеболгарский с такой совокупностью норм, какая в своей основе сохраняется до сих пор.

На стадии становления СЛЯ в очерченных хронологических рамках выделяются как бы два ее этапа: один этап – 20–40-е годы, другой – 50–70-е

годы XIX в., в каждом из которых ставился и решался один из двух важнейших вопросов истории болгарского литературного языка эпохи Возрождения. На первом этапе (20–40-е гг.) обсуждался и решался важнейший вопрос о том, каким должен быть этот язык в своей основе: должен ли он быть ориентирован в своей основе на церковнославянский язык («словенский язык») или же на язык народный. В эти десятилетия развернулись острые споры между так называемыми архаистами, приверженцами архаизированной, опирающейся на церковнославянский основы литературного языка, и новаторами, сторонниками создания литературного языка на народно-разговорной основе. Возобладала точка зрения новаторов, и в 50–70-е годы, на втором этапе стадии становления СЛЯ, остро дискутируемым стал другой вопрос – вопрос о характере диалектной основы формировался литературного языка – разнодиалектной (полидиалектной), которая содержала бы в нем особенности разных территориальных диалектов, или однодиалектной (монадиалектной), которая закрепляла бы в нем особенности одного из существующих диалектов. Особенно широко в эти десятилетия новаторами обсуждался вопрос о выборе однодиалектной основы формировался литературного языка – обработке конкретного диалекта в качестве его основы и установление в обществе таким путем единого общеболгарского литературного языка.

Отношение носителей болгарских диалектов к формировавшемуся в 20–70-е годы СЛЯ имеет свою специфику. Она определяется социальным представительством самих носителей диалектов, которые могли как-то судить и оценивать складывавшийся литературный язык, с одной стороны, и состоянием самого литературного языка той поры, с другой. Какие слои болгароязычного населения были теми носителями диалектов, у которых могло быть свое отношение к литературному языку? Понятно, что подавляющую часть носителей диалектов в то время составляло сельское население – крестьяне, говорившие на местных (территориальных) диалектах. На диалектах говорило и городское население – ремесленники, торговцы, представители других профессий, жившие в городах и городках, которые и в середине XIX в. в своем большинстве оставались небольшими населенными пунктами с населением в несколько сот – несколько тысяч жителей. Городские диалекты (речь городского населения), как полагают некоторые ученые, уже в XIX в. представляли собой некие наддиалектные образования, с окружающими собственно сельскими диалектами особенно не контрастировавшие, и они-то и легли в основу формировался СЛЯ.

Почти все носители сельских и городских диалектов на протяжении десятилетий были неграмотными или малограмотными людьми по той простой причине, что на болгарских землях школы появились очень поздно. В первые три десятилетия позапрошлого века детей учили грамоте в так называемых килийных школах – классах, обычно при монастырях. Такие школы охватывали лишь небольшую часть детей (как правило, мальчиков), обучавшихся церковнославянской грамоте преимущественно по русским изданиям часословов, псалтырей, требника и др. О крайне ограниченном объеме и уровне знаний, которые получали учащиеся таких школ, можно судить по первым строкам предисловия Петра Берона (Беровича) к его знаменитому, вышедшему в свет в 1824 г., «Букварю с различными поучениями», более известному под названием «Рыбный букварь». «Когда я впервые увидел, – пишет здесь Берон, ознакомившийся с обучением детей в школах других стран, – что дети [там] начинают читать книги, написанные на их языке, я понял, как плохо поступают у нас учителя и сколько напрасных мук приходится терпеть бедным детям. И потому, проведя с таким страхом и дрожью свою молодость в школе, они выходят и не умеют даже имя свое написать, не говоря уже о том, чтобы считать что берут и что дают, и только в лавках да в мастерских, если им повезет, они чему-нибудь научаются» (Берович 1824: 4). Первая же светская школа с обучением на родном языке у болгар была открыта лишь в 1835 г. в Габрове, а школа более высокого уровня, приближавшаяся к гимназии, – в 1852 г. в Пловдиве. Надо заметить, что начиная с 40-х годов число школ в городах и крупных селах стало быстро расти. Причина столь позднего в новое время – сравнительно с другими славянскими народами – начала образования на родном языке у болгар в том, что Болгария в течение почти пяти столетий находилась под игом Османской империи, а с конца XVIII в. и под все усилившимся греческим духовным господством. Напоминаем эти известные факты, чтобы было понятно, почему к середине XIX в., когда у болгар решались и обсуждались вопросы о характере основы нового литературного языка и установлении его диалектной основы, подавляющая часть болгароязычного населения была неграмотной или малограмотной и едва ли даже ведала о том, что в обществе обсуждается животрепещущий вопрос создания литературного языка на народной основе, понятного для всего народа. У этой части носителей диалектов вряд ли могло сложиться какое-либо отношение к этому языку, который в сфере их общения был для них чем-то ненужным, лишним. Им ближе был язык церковнославянский – ближе в том смысле, что часть носителей диалектов

(совсем незначительная) могла читать часослов, псалтырь и прочие церковные книги на этом языке, другие – кто чаще, кто реже – могли слышать его в церквях во время богослужения, хотя во многих болгарских церквях вплоть до середины XIX в. служба велась на греческом языке. И этот язык – церковнославянский – был им малопонятен, но он воспринимался ими как свой.

Наряду с подавляющей частью неграмотных или малограмотных носителей диалектов в Болгарии в первой половине XIX в. существовала и небольшая прослойка образованных и для своего времени даже хорошо образованных людей. Они принадлежали к разным слоям населения. Среди них были учителя школ, священнослужители, монахи, купцы. Из их среды вышло немало крупных деятелей национально-культурного возрождения – авторы и переводчики книг, книгоиздатели, зacinатели болгарской журналистики, известные учителя. Начиная с 40-х годов их число с каждым десятилетием стало быстро расти. Этому способствовали два обстоятельства – расширение светских школ в самой Болгарии и обучение молодых болгар в университетах и других учебных заведениях России, Чехии, Германии, Австрии и других европейских стран. Многие из них стали видными деятелями национально-культурного возрождения Болгарии и приняли непосредственное участие в создании СЛЯ. Уроженцы разных областей болгароязычной территории, они представляли разные социальные слои общества и были носителями разных диалектов, особенности которых нашли отражение в языке изданных ими сочинений.

Сложность и трудность решения вопроса о диалектной основе СЛЯ на начальной стадии его развития обусловливались тем, что болгарский язык на территории своего распространения отличается большой диалектной дробностью, имеет значительные местные различия. О существовании местных особенностей языка знали и сами носители конкретных диалектов из опыта общения не только с ближайшими соседями, но и с жителями более отдаленных сел и городов. На эту особенность народного языка болгар обратил внимание уже Неофит Рильский, автор первой болгарской грамматики, изданной в 1835 г. Приведя целый ряд фонетических, акцентных, грамматических и лексических различий, он с удивлением и сожалением заключал, что такого разнобоя («развращения и несогласия»), каким отличается «испорченный» болгарский язык («О, языче развращенный и невоздержный!»), нет ни в каком другом языке (Рилски 1835: 10). Но широко обсуждаемой образованными болгарами эта особенность болгарского языка стала в 50-е годы и позднее, когда стало ясно, что в книгах разных авторов и в периодических

изданиях, число которых с каждым годом возрастало, язык заметно различается не только графикой и орфографией, но и грамматическими формами, а также передаваемыми на письме фонетическими особенностями. Эти различия, столь характерные для СЛЯ на начальной стадии его развития, объясняются тем, что в текстах своих печатных книг авторы отражали – одни больше, другие меньше – разные особенности родных говоров. Между тем в болгарском обществе в то время довольно быстро утверждалось мнение о необходимости скорейшего создания единого общеболгарского и общепонятного литературного языка (тогда имелся в виду единый письменный язык), без которого не представлялось возможным решение таких назревших национально-культурных задач как развитие школы, литературы, журналистики, приобщение народа к достижениям науки, техники и т. д. Раздавались, правда, и отдельные голоса, призывавшие не спешить намеренно с созданием такого языка, предоставив это дело естественному ходу развития языка.

В условиях значительного диалектного разнообразия при отсутствии уже выработанных и общепризнанных традиций норм вопрос о том, по какому пути должно идти формирование вновь создаваемого литературного языка, был один из главных, вставших перед многими деятелями национально-культурного возрождения Болгарии. Для тех из них, кто полагал, что такой язык должен быть безусловно понятным для народа, вопрос, как уже отмечено выше, стоял так: должен ли он создаваться на основе какого-либо одного диалекта (наречия) или же для этого надо использовать богатство разных диалектов (наречий) или даже всего народного языка. Приступая к переводу или сочинению собственных книг и статей или переводу книг с чужого языка, каждый автор должен был решить этот вопрос прежде всего для себя.

Установление (утверждение) диалектной основы формировавшегося СЛЯ было важнейшей проблемой, вставшей перед теми деятелями национально-культурного возрождения Болгарии, которые полагали, что решение назревших возрожденческих задач – неотложное развитие просвещения, литературы, науки и др. – требует создания нового, единого и общепонятного для всех болгар, литературного языка. Скорейшее создание такого языка было лейтмотивом продолжительных и весьма острых споров, которые велись во второй и третьей четвертях XIX в. по языковым вопросам. Образованные и озабоченные будущим своего народа, многие представители зарождавшейся болгарской интеллигенции безотлагательному созданию нового литературного языка придавали исключительно большое значение. Они понимали, что от конкретного его решения будет зависеть не только тот или

иной облик литературного языка (особенности его грамматики, звукового строя, орфографии и др.), но и дальнейшее развитие образования, литературы, других областей складывавшейся национальной культуры. Они отдавали себе отчет и в том, что выбор конкретной диалектной основы нового литературного языка тесно связан и с общей задачей национального сплочения и единения всех болгар на территории их поселения – в исторических областях Мизии (современной Северной Болгарии), Фракии (современной Южной Болгарии) и Македонии. Очевидно, что вопрос о выборе и установлении диалектной основы СЛЯ в острых языковых спорах был предметом первостепенной важности для возрожденцев-новаторов, считавших необходимым создание этого языка на базе живой, народно-разговорной речи. Перед их оппонентами архаистами, приверженцами создания архаизированного типа литературного языка, ориентированного на сохранение в большем или меньшем объеме элементов книжно-письменной традиции, вопрос о его диалектной основе практически даже не стоял.

Трудность решения вопроса о диалектной основе формировавшегося СЛЯ заключалась, как сказано выше, в том, что болгарский язык на территории своего распространения в исторических областях Мизии (современная Северная Болгария), Фракии (современная Южная Болгария) и Македонии отличается большой диалектной дробностью, имеет значительные местные различия. Эта особенность народного болгарского языка деятелям рассматриваемой эпохи в общих чертах была известна, хотя их конкретные знания и о самих местных различиях и о диалектном членении родного языка были, по понятным причинам, весьма ограничены и нередко случайны. Они имели лишь более или мене общее представление о существовании местных особенностей в языке соотечественников, живших в разных районах указанных исторических областей, о характерных различиях в языке населения не только больших и территориально отдаленных областей, но и жителей отдельных городов и сел и даже жителей разных кварталов отдельных населенных пунктов. Нередко высказывалось мнение, что существующие в народном языке территориальные различия создают болгарам некоторые и даже заметные затруднения во взаимном общении и понимании, с одной стороны, и формируют у жителей разных районов представление о языке их соседей из других районов как о языке испорченном, не чисто болгарском, с другой. Такое состояние народного языка явилось объективной причиной сложности выбора диалектной основы формировавшегося СЛЯ.

В высказываниях о характере болгарского народного языка и выборе необходимой диалектной основы формировавшегося СЛЯ многие авторы книг, грамматик, разных статей по языковым вопросам указывают основные (главные) наречия и этим самым также и основное диалектное членение болгарского языка. Хронологически первым было высказано мнение о дivedении болгарской языковой территории на восточную и западную (Хр. Сичан-Николов) или на два наречия, которые назывались по-разному: юго-западное и северо-восточное (К. Петкович), верхнеболгарское и нижнеболгарское (П. Зографский), восточное и западное (В. Друмев), восточное и западное, или македонское (В. Стоянов), болгарское и македонское (П. Оджаков), верхнеболгарское, или восточноболгарское, и македонское (К. Шапкарев), балканское, или восточноболгарское, и македонское, или западноболгарское (Т. Икономов). Некоторые книжники указывали три основных наречия – мизийское, фракийское и македонское (Хр. Данов), дунайское, фракийское и македонское (Л. Каравелов), северо-восточное, или балканское, южноболгарское, или македонское, и среднеболгарское, или шопское (Й. Ковачев). В 70-е годы другие книжники называли даже четыре основных наречия – балканское, фракийское, македонское и шопское (П. Иванов), фракийское (пловдивское или копрившицкое), старопланинское, македонское и родопское (Бичов). Говоря о наличии двух и более основных наречий родного языка, возрожденческие книжники неизменно подчеркивали его единство в целом. Такое представление о болгарском языке как о языке едином, выступающем в многообразии его локальных разновидностей, и о единстве народа как носителе этого языка имело большое значение во всей деятельности возрожденцев, направленной на создание единого общеболгарского литературного языка.

В условиях значительного диалектного разнообразия при отсутствии выработанных и общепризнанных традиций или узаконенных кодификаций норм литературного языка, базирующихся на народной речи, вопрос о том, по какому пути должно идти формирование вновь создаваемого литературного языка (СЛЯ), оказался одним из главных, которые в краткие сроки предстояло решить образованным болгарам. Вопрос этот стоял так: следует ли новый язык строить на основе какого-либо одного наречия (диалекта) или же для этого необходимо использовать богатство разных наречий (диалектов) и даже всего народного языка. Иначе говоря, вопрос заключался в том, должен ли этот язык иметь монодиалектную или полидиалектную основу.

Большинство возрожденцев выступали за создание нового литературного языка на монодиалектной основе. Они выдвигали те или иные критерии выбора конкретного диалекта, приводили разные аргументы в пользу соответствующего диалекта как базы создания нового литературного языка. В числе других аргументов была и ссылка на то, что основой любого литературного языка является отдельное наречие какой-либо области государства (например, столичной), а не «наречие всего государства» (С. Радулов), т. е. не народно-разговорный язык в целом.

Трудность решения вопроса о монодиалектной основе общеболгарского литературного языка заключалась в определении критерия, который должен быть положен в основу выбора предназначенного для этой цели конкретного диалекта. Они проявляли заинтересованность в наиболее целесообразном, правильном, с их точки зрения, решении данного вопроса, которое отвечало бы нуждам и задачам складывавшейся национальной культуры и упрочения единства народа. Разнообразие выдвинутых возрожденцами критериев выбора соответствующего диалекта свидетельствует о сложности самой этой проблемы, которую в меру своих знаний и ее понимания пытались в острых спорах решать представители зарождавшейся болгарской интеллигенции в 40-е и последующие десятилетия XIX в.

Господствующим было мнение, согласно которому новый литературный язык должен формироваться на основе наиболее чистого наречия (В. Априлов, Ив. Богоров, Б. Петков и др.). Естественная сама по себе эта мысль была связана с общим движением болгар за национальное самоутверждение, важной опорой которого было существование болгарского языка как самостоятельного в ряду других языков. Неудивительно, что диалектная пестрота, с одной стороны, и желание дать возрождающейся нации достойный ее прошлое и будущего максимально чистый литературный язык, с другой, естественно наталкивали авторов грамматик и других сочинений на мысль о том, что основой этого языка должно служить наиболее чистое наречие.

Другие следовали критерию наиболее правильного болгарского наречия (Н. Геров, Л. Каравелов, Т. Шишков и др.).

Довольно распространенным было мнение, что при выборе диалектной основы литературного языка надо руководствоваться критерием наибольшей близости диалекта к древнеболгарскому языку. При этом наречие, принимаемое за ближайшее к древнеболгарскому языку, одновременно рассматривалось и как наиболее чистое и правильное (В. Априлов, Н. Палаузов, Г. Крыстевич, Г. Раковский, Б. Петков, С. Радулов и др.). Обращение в дан-

ном случае к древнеболгарскому языку как к своего рода арбитру в выборе диалектной основы вполне естественно. Древнеболгарский язык был предметом законной гордости всех болгар, независимо от того, какую роль они отводили ему самому в формировании СЛЯ. Авторитет древнеболгарского языка среди возрожденцев с середины XIX в. был уже настолько высок, что признание большей близости к нему какого-либо наречия, по мнению многих книжников той поры, свидетельствовало в пользу приоритетности именно данного наречия в устройстве литературного языка.

Выдвигался и критерий наибольшего благозвучия – важнейшего качества, которым должно обладать наречие, чтобы это качество стало и свойством общеболгарского литературного языка (П. Зографский).

Некоторые деятели Возрождения настаивали на том, что основой нового литературного языка непременно должно быть наречие общепонятное для всех болгар, ибо именно такое решение способствовало бы в частности и сохранению их единства как отдельного славянского народа (П. Славейков, Й. Ковачев).

Критерием выбора диалектной основы нового литературного языка признавалась также наибольшая распространенность наречия. Считалось, что наречие, на котором говорит большинство жителей, более достойно служить базой формирования общеболгарского литературного языка, чем наречия, носители которых составляют меньшую часть населения.

В соответствии с приведенными критериями указывались и разные территориальные наречия (диалекты), отвечающие этим требованиям.

Чаще всего в качестве основы литературного языка предлагалось балканское наречие, занимающее территорию современной Северной Болгарии и Старой Планины (Балканских гор), с теми или иными уточнениями его более узкой локализации в соответствии с индивидуальными представлениями о ней сторонников такой основы литературного языка (Ив. Богоров, Т. Стоянов-Бурмов, Т. Шишков, С. Радулов, Б. Петков и др.). Именно это наречие характеризовалось каждым из них как наиболее чистое или наиболее близкое к древнеболгарскому языку, наиболее распространенное, более других доступное для всеобщего понимания. Преимущество этого наречия усматривалось также в том, что в третьей четверти XIX в. оно, как считали некоторые книжники того времени, уже было господствующим в изданных книгах. Критерию наибольшего благозвучия, которое должно быть свойственно и общему для всех болгар литературному языку, отвечало македонское наречие, отличающееся к тому же большей полнотой и богатством

(П. Зографский). Мнение о целесообразности положить в основу литературного языка шопское наречие обосновывалось тем, что оно занимает территориально срединное положение между балканским и македонским наречиями, и тем, что оно отличается наибольшей чистотой и общепонятностью для болгар всех областей (Й. Ковачов).

Предложения и практические опыты книжников по формированию СЛЯ на основе одного из наречий воспринимались современниками отнюдь не однозначно. Они поддерживались некоторыми и наталкивались на сопротивление (иногда очень резкое) и решительно отвергались другими. При этом, выражая против конкретных предложений такого плана, их критики исходили не с позиций сторонников некоего общеболгарского наддиалектного или междиалектного языка, а с позиций приверженца тоже конкретной, но иной диалектной основы. О том, насколько сильны и непримиримы были противоречия по вопросу о конкретной диалектной основе формировавшегося СЛЯ свидетельствуют высказывания участников споров по данному вопросу. Ср., например, показательное в этом отношении мнение Хр. Данова, который в конце 60-х годов писал, что приверженцы мизийской основы рассматривают книги на фракийском наречии как отправу для детей, а приверженцы фракийской основы в свою очередь отправой для детей считают книги, изданные на мизийском наречии (Данов 1869).

Основным аргументом против устройства СЛЯ на базе одного наречия или (что в сущности почти одно и то же) установления наречия в качестве единого общеболгарского литературного языка было убеждение в том, что такой язык не будет понятен для всех болгар. Общепонятность же литературного языка рассматривалась как совершенно необходимое его свойство, без которого он не может претендовать на право быть «общим», т. е. общенародным или всенародным языком. Мысль о том, что создаваемый СЛЯ не может базироваться на одном наречии, неоднократно высказывали многие возрожденцы, решительно осуждавшие попытки тех современников, кто стремился навязать свое наречие всем бол гарам.

Ив. Богоров, например, возмущался тем, что некоторые его соотечественники «желают навязать всем бол гарам свое наречие как якобы более правильное» (Богоров 1858: 5). Он видел в этом одно из серьезных препятствий на пути к скорейшему созданию действительно единого и общепонятного литературного языка. Прежде чем такие попытки, как и практика издания книг на местных наречиях, будут изжиты, считал он, они принесут немалый вред и болгарской литературе. Ив. Богоров подчеркивал, что никто не имеет

права «писать книгу для всего народа на местном наречии» (Там же). С этих позиций он подвергал резкой критике язык многих авторов и особенно Й. Груева. Он, вероятно, не сомневался в том, что попытки отдельных лиц утвердить собственное родное наречие в качестве общего литературного языка в конечном счете потерпят неудачу и подтверждение этому видел в крахе имевших место некоторых подобных начинаний. Так, причину непроложительного существования в 40-е годы журнала «Любословие» Ив. Богослов усматривал в том, что К. Фотинов, его редактор и издатель, «очень сильно придерживался своего местного наречия», хотя предназначал этот журнал для всего народа (Богослов 1858-а: 153).

Показательно отрицательное мнение и других книжников относительно устройства литературного языка на базе одного наречия. Так, З. Княжеский, отметив, что все славянские народы пишут согласно твердым правилам своих языков, констатировал противоположное отношение болгар к своему языку. «Прежде всего, мы, — писал он — не стараемся приводить частные разноречия (“разноговорения”) к более общему обработанному (“питомен”) и употребительному говору, мы больше стараемся расчленить общий язык, руководствуясь каждый собственным частным языком места своего рождения — клиновским или шопским, наполовину сербским или македонским, который в Румынии и Фракии совершенно не понимают. Одним словом — вавилонское столпотворение!» (Княжеский 1869)¹. Г. Раковский обращал внимание на то, что, поскольку литературный язык должен быть «понятен всем болгарам и особенно македонцам», при его создании нельзя «ограничиться одним только местным наречием» (Раковски 1860). Об этом же неоднократно писал и К. Шапкарев. Он указывал, что при «образовании и выработке» литературного языка нельзя предпочтать исключительно то или иное наречие (например, мизийское, фракийское или македонское), на котором были воспитаны книжники и которое они пытаются представлять как болгарский язык вообще, видя в других лишь помеху устройству единого литературного языка (Шапкарев 1870).

Предлагавшиеся возрожденческими деятелями в качестве основы формированвшегося СЛЯ конкретные диалекты (наречия) отвергались их современ-

¹ «Клиновским» или «клиновским» З. Княжеский и другие возрожденческие книжники неодобрительно называли говор Копрившицы, особенности которого отражены в грамматических и иных сочинениях Н. Герова, Й. Груева и других уроженцев этого известного горного села.

никами с позиций приверженности их к собственному родному диалекту (наречию), считавшими недопустимым исключать его из процесса создания общеболгарского литературного языка. Еще в 30-ые годы XIX в. налицо была тенденция отдельных книжников всячески превозносить достоинства собственного наречия и поносить чужое, и это уже тогда вызывало справедливые возражения других книжников. В 1835 г. Н. Рильский, например, писал о таких авторах, что они предпочитают «свое местное наречие без каких-либо оснований и доказательств и только свое местное наречие защищают и расхваливают, а чужое – плохое или хорошее – без разбору укоряют и уничижают» (Рильски 1835: 3). В последующие десятилетия отношение некоторых книжников к чужим наречиям мало изменилось. Д. Попов (Д. Войников) в 1860 г. писал в редакцию журнала «Български книжици», что любой болгарский писатель и переводчик услышал в свой адрес гораздо больше упреков, чем похвалы, причем упреков за то, что он в своем творчестве не следовал наречию и правописанию своего критика или соответствующего «ученого» (Попов 1860: 31). А десятью годами позднее К. Шапкарев отмечал, что многие книжники принимали за «более общее» (т. е. литературный язык) восточноболгарское наречие только потому, что они были воспитаны на этом наречии и поэтому отрицательно относились ко всяким попыткам использования других наречий (Шапкарев 1870).

К сказанному следует добавить, что отрицательное отношение к тому или иному наречию как основе литературного языка иногда могло диктоваться и утвердившимся в населении данной области и разделявшимся отдельными авторами пренебрежительным отношением к наречию соседей как наречию неправильному, не чисто болгарскому и под.

Вместе с этим надо подчеркнуть, что неприятие языка произведений отдельных авторов, как и некоторых грамматик того времени мотивировалось не только привязанностью к собственному наречию. Некоторые книжники были всерьез озабочены тем, что утверждение какого-либо одного наречия в качестве основы общего для всех болгар литературного языка сделает последний на самом деле непонятным для части их соотечественников и лишит его тем самым важнейшей функции. Характерно в этом смысле отношение ряда деятелей Возрождения, особенно уроженцев Македонии (К. Шапкарев и др.) к балканскому наречию, которое довольно быстро становилось господствующим в письменной практике. Некто Т.Р. в самом начале 60-х годов в письме к редактору газеты «Цариградски вестник» отмечал, что жители Македонии («македонцы-те»), наиболее отсталая, по его мнению, в деле об-

разования часть болгароязычного населения, «испытывают наибольшее затруднение в понимании нынешнего письменного языка» («Цариградски вестник», год.13. № 36. 1.IX.1862). Недовольство письменным языком, отождествлявшимся с балканским (восточноболгарским) наречием, высказывали и другие образованные болгары. Цитируемый выше учитель Й. Ковачов в середине 70-х годов писал о «неудовлетворительности исключительного употребления одного только наречия и особенного нашего современного литературного языка или, что одно и то же, балканского наречия», характер которого делает его непонятным для многих болгар (Ковачов 1875).

Немалое число возрожденцев в настойчивом следовании своему наречию видели, таким образом, преграду на пути создания единого общеболгарского литературного языка. Нежелание идти на компромиссы в выборе общепринятой диалектной основы расценивалось обычно как одна из причина ширившегося разнобоя в правилах языка в предлагавшихся грамматиках и в печатных текстах.

Другой путь создания нового литературного языка, предлагавшийся действиями Возрождения, – синтез двух и более наречий. Идея его устройства на полидиалектной основе была довольно популярна. Считалось, что именно таким путем болгары, во-первых, сумеют скорее создать единый действительно общеболгарский литературный язык, и, во-вторых, язык этот будет иметь ряд преимуществ, пренебрегать которыми в условиях многодиалектной Болгарии недопустимо. Приверженцы полидиалектной основы литературного языка полагали, что язык, объединяющий особенности разных наречий, будет действительно общеболгарским, а не частным, включающим особенности лишь одного наречия, и поэтому он будет общепонятным или в равной мере понятным для всех болгар. Другое, не менее существенное, преимущество созданного на полидиалектной основе литературного языка – устранение существовавших распреи между приверженцами разных наречий, поскольку равные возможности участия в таком его устройстве как бы открываются перед всеми наречиями. Наконец, синтез особенностей разных наречий в литературном языке рассматривался некоторыми возрожденцами как наиболее прочная преграда к возможному утверждению ареальных вариантов литературного языка, а в связи с этим и как своего рода гарантия предотвращения разъединения народа. Последнее обстоятельство стало особенно актуальным в конце 60-х – начале 70-х годов, когда обнаружились некоторые симптомы обособленной литературной обработки македонского наречия, ориентированной на нужды местных школ. В поддержку формирования

литературного языка на полидиалектной основе ссылались также и на опыт создания литературных языков у других народов. Г. Раковский, например, указывал, что опыт немцев, французов, итальянцев и других европейских народов свидетельствует о нецелесообразности устройства на базе одного наречия литературного языка, который должен быть понятен всему данному народу. «Было бы, – писал он, – совсем неправильно, если бы мы, болгары, теперь не обратили на это внимание!» (Раковски 1860).

В первых выступлениях приверженцев полидиалектной основы формировался СЛЯ прямых указаний на то, какие именно наречия должны участвовать в его создании как языка общеболгарского, еще не было. По-видимому, предполагалось, что в нем могут и должны принять участие все наречия. В 50-е годы и позднее выступления за полидиалектную основу СЛЯ носят более конкретный характер – в них уже указывается главные наречия, которые должны стать «строительным материалом» для создаваемого СЛЯ. При этом постепенно росло число возрожденцев, указывавших на необходимость привлечения к построению такой основы и македонского наречия. Можно даже сказать, что на рубеже 60-х–70-х годов основной смысл споров вокруг характера диалектной основы в значительной мере касался именно роли и места македонского наречия как одного из базовых наречий в формировании СЛЯ (Й. Константинов, П. Зографский, Р. Жинзифов, В. Стоянов, Хр. Данов, Г. Раковский, П. Славейков, К. Шапкарев и др.).

Этому аспекту устройства литературного языка большое внимание уделял К. Шапкарев, уроженец Охрида в Македонии – один из убежденных противников монодиалектной и твердый приверженец полидиалектной основы литературного языка. Он подчеркивал, что «не следует предпочитать исключительно то или иное наречие», что литературный язык «не должен ограничиваться только одним каким-либо наречием – фракийским, например, мизийским или македонским», что необходимо «учесть (“да земат пред очи”) все наречия и поднаречия» (Шапкарев 1870). К. Шапкарев указывал при этом на бездоказательность ссылок некоторых книжников на историю европейских литературных языков, основанных якобы на одном наречии, ибо эти языки «не имеют никакого сходства» с болгарским, а европейские народы, говорящие на этих языках, не имеют «никакого подобия с происхождением нашего народа» (Там же). В другом месте он настаивает, что «единий общий болгарский письменный язык» должен учитывать особенности двух главных наречий – «верхнеболгарского» (восточноболгарского) и македонского (Шапкарев 1870-а: 5). Для создания такого языка, по его мнению,

необходимы взаимные уступки со стороны болгар разных областей, в том числе и уступки македонским болгарам. К.Шапкарев призывал тех, кто будет создавать грамматики общего болгарского языка и писать сочинения на этом языке, «уступить в чем-нибудь и из уважения к своим македонским братьям добавить в свое наречие немножко и македонской сольцы» (Там же). Осуждая книжников, «презирающих все другие болгарские наречия [кроме своего родного] как непотребную отраву в оформлении нашего языка», он «с радостным сердцем» изъявлял готовность уступить со своей стороны «все, что нужно» (Шапкарев 1870). Если бы так поступили и другие книжники, то они, по мнению К. Шапкарева, не только бы уменьшили трудности в изучении родного языка «потомками Кирилла и Мефодия», но и способствовали бы сближению восточноболгарского и македонского наречий в общем письменном языке (Шапкарев 1870-а: 5).

В условиях, когда единых норм литературного языка еще не было, когда такие нормы еще складывались и не стали общепризнанными, стремление книжников-воздрожденцев утвердить в нем особенности разных наречий представляло собой привлекательную идею создания литературного языка как некоего синтеза особенностей всех или какой-то части наречий, идею, искусственная реализация которой в сложившейся к середине 50-х годов и позднее литературно-языковой ситуации, объективно представлялась бесперспективной. Дело в том, что в то время в развитии СЛЯ уже явно выявились тенденции ориентации его на восточноболгарское, главным образом – балканское, наречие, которое сравнительно легко и быстро утверждалось в качестве основы СЛЯ. Поэтому попытки некоторых возрожденцев привлечь к созданию СЛЯ и другие наречия, в том числе и македонское, неизбежно наталкивались на сопротивление сторонников монодиалектного (восточно-болгарского) характера литературного языка, расценивавших подобные попытки как серьезное препятствие к скорейшему признанию его в качестве единого для всех болгар литературного языка. Критики идеи соединения в литературном языке особенностей разных наречий утверждали, что созданный таким путем язык в действительности окажется непонятным и совершенно искусственным, усматривали ущемление отдельных наречий в виде навязывания их носителям чуждых им особенностей, почерпнутых из других наречий, и вообще создание литературного языка путем синтеза разнодиалектных особенностей считали невозможным.

Таковы в кратком изложении представления образованных болгар-возрожденцев, причастных к живому обсуждению и трудному решению во-

проса о диалектной основе современного болгарского литературного языка на стадии его становления (20–70-е годы XIX в.). На этой стадии истории СЛЯ авторы болгарских грамматик, собственных сочинений и переводов, немалого числа статей и кратких заметок по разным вопросам устройства литературного языка к вопросу о диалектной основе литературного языка подходили с позиций носителей своих родных говоров. Этим определяется положительная оценка ими своих говоров, входящих в ареал соответствующего наречия, и критическое отношение их к другим наречиям, которые в силу одних или других причин, по их мнению, не достойны были стать основой литературного языка. [Подробнее об этом см. в (Венедиктов 1990: 152–194; 2009: 59–70)].

Стадия становления СЛЯ закончилась возобладанием в нем восточноболгарского наречия (главным образом балканского диалекта) в качестве основы, давшей ему совокупность важнейших норм, которые определяют облик функционирующего и в наше время литературного языка. Данная диалектная основа утвердилась в СЛЯ не в результате ее «победы» в острой борьбе с возрожденцами, предлагавшими строить литературный язык на базе других наречий. Возобладание балканского диалекта в качестве основы СЛЯ объясняется не какими-то внутренними, собственно языковыми, его преимуществами или его превосходством над другими диалектами и не каким-то особым их местом в предшествовавшей у болгар литературно-языковой традиции, а прежде всего внеязыковыми причинами, главным образом, тем, что в национально-культурном возрождении болгарского народа именно область распространения балканских говоров играла и сыграла решающую роль. Эта диалектная область дала Возрождению Болгарии большую часть писателей и других образованных болгар, которые через печатные тексты своих сочинений и через школу прямо участвовали в литературной обработке балканского диалекта и утверждали его в качестве основы общеболгарского литературного языка.

Литература

- Берович 1824 – *Берович П. Букварь с различни поучения. Брашов, 1824.*
 Богоров 1858 – Книжевен дневник // Български книжици. Год. I. Ч. 3. 1858.
 Богоров 1858-а – Просветение и книжнина на българети // Български книжици. Год. I. Ч. 3. 1858.
 Венедиктов 1990 – *Венедиктов Г.К. Болгарский литературный язык эпохи Возрождения. Проблемы нормализации и выбора диалектной основы. М., 1990.*

Венедиков 2009 – *Венедиков Г.К.* О критериях выбора возрожденческими книжниками конкретной диалектной основы болгарского литературного языка // *Венедиков Г.К. Исследования по лингвистической болгаристике.* М., 2009.

Попов 1860 – *Попов Д.* Писъмо... // *Български книжици.* Год. III. Кн. 2. 1860.

Данов 1869 – Един българин. Мнение за българското правописание // *Газ. Македония,* Год. III. № 10. 1.II.1869.

Княжеский 1869 – *Княжеский З.* Мнение за българското правописание // *Газ. Македония.* Год. III. № 10. 1.II.1869.

Ковачов 1875 – *Ковачов Й.* Едно мнение върху общи език и по правописание у нас, извикано от оценката на «Български буквар» в Напредък // *Газ. Ден. Год. V.* № 16. 26.V.1875.

Раковски 1860 – *Раковски Г.* Общи черти на старо-български книжевен език, на основания коих, ако ся решат, тряба да ся поправи днешни книжевен български език // *Газ. Дунавски лебед. Прибавка.* Год. I. № 7. 27.III.1860.

Рилски 1835 – *Рилски Н.* Болгарска грамматика сега перво сочинена. В Крагуевце, 1835.

Шапкарев 1870 – *Шапкарев К.* Язикословие // *Газ. Македония.* Год. IV. № 63. 3.VII.1870.

Шапкарев 1870-а – *Шапкарев К.* Голяма българска читанка или втората част на българският буквар. Цариград. 1870.

Summary

The formation of modern literary Bulgarian as perceived by dialect speakers

Modern literary Bulgarian was being formed in the 1820th-1870th in the course of heated debates led by educated Bulgarians of the time concerning the basis of the language – archaic or vernacular. The most discussed topic was the choice of dialectal base for the new literary language. Considerable dialectal heterogeneity of the Bulgarian made the problem especially difficult. Creators of the literary language, natives of different dialectal regions, put forward different criteria of dialectal base for the new language (the most pure Bulgarian dialect, or the most conservative one, the most readily understood, or the most widespread one) and pointed to different dialects as to those meeting there criteria.

O.B. Трефилова (Москва)

К вопросу о литературно-диалектной диглоссии в современной Болгарии

Отношения болгарского литературного языка и болгарских диалектов в разное время становились предметом внимания лингвистов – как диалектологов и историков языка, так и социолингвистов. Как писал выдающийся болгарский диалектолог Стойко Стойков, «отношение между литературным языком и диалектами является сложным... оно не остается постоянно одним и тем же, а меняется» (Стойков 2002: 24). В болгаристике ситуация также менялась в соответствии с изменением отношения между литературным языком и диалектами. Значение имело, кроме того, признание и развитие в последней трети XX в. социолингвистики и ее методологии. В первой трети XX в. преобладало «учительское» направление в обсуждении отношений литературного языка и диалектов, т. е. обсуждались в основном вопросы преподавания литературного языка в диалектной среде. Со второй половины XX в. в связи с изменением социально-политической ситуации в Болгарии и прорывом в изучении диалектов (с этого времени можно говорить о становлении диалектологии в Болгарии как дисциплины) появляются работы, посвященные вопросам взаимодействия диалектов и литературного языка. В это же время, особенно в 1950–1980-е годы, активно изучается и история формирования болгарского литературного языка, берущая начало в эпохе Возрождения, и диалектная основа литературного языка – работы Л. Андрийчина, Е. Георгиевой, Г.К. Венедиктова и др. (Венедиктов 1990, там же библиография; Венедиктов 2009, раздел 1 с библиографией). Глубокий интерес к изучению славянских литературных языков – общая тенденция этого времени (Венедиктов 2009а (1965): 5). В 1960–1980-е гг. публикуются многочисленные описания диалектов болгарского языка (см. особенно серии «Българска диалектология» и «Трудове по българска диалектология»); отмечается повышенное внимание лингвистов к вопросам литературно-диалектных отношений в Болгарии. Это связано не только с прогрессом в болгарской диалектологии, но и с экспансией идей американской социолингвистики в европейскую науку и развитием социолингвистики в СССР (Виденов 2000: 36–43; 52–73); болгарская социолингвистика пользуется в первую очередь достижениями болгарской диалектологии (там же: 52–53). Можно сказать, что особенность болгарской социолингвистики состоит в том, что со-

циолингвистические проблемы тесно связаны с проблемами функционирования в Болгарии территориальных и в значительно меньшей степени социальных диалектов (социолектов)¹. К настоящему времени отношения болгарского литературного языка и диалектов рассматриваются диалектологами, историками языка и социолингвистами. Это обусловлено рядом причин, связанных с (1) формированием болгарского литературного языка, (2) диалектной ситуацией в Болгарии и (3) существованием диалектных и литературной форм болгарского языка.

1. Главная особенность формирования болгарского литературного языка состоит в том, что выбор литературного образца не был связан с центростремительными социально-политическими тенденциями в истории Болгарии, как это было при формировании, например, литературного русского или английского языков, когда в качестве литературного закрепился говор столицы и ее окрестностей (наиболее распространенная модель). Выбору болгарского литературного образца предшествовала долгая культурная дискуссия, в продолжение которой рассматривались различные критерии выбора его диалектной основы (Венедиков 2009в (1979); на этот выбор во многом повлияло преобладание в болгарском образовании и книгопечатании носителей центрального балканского диалекта (Венедиков 2009б (1971): 56–58).

2. Как известно, болгарский язык характеризуется глубокими диалектными различиями, причем эти различия касаются не только лексики, но и фонетики, а именно рефлексов праславянских звуков и сочетаний, отличающих славянские языки (*ě, *o, *tj, *dj) и формирующих так называемые контрастные особенности, ср., например, *дън*, *дан*, *дуб* ‘дуб’; *ходътъ*, *бдатъ*, *бду* ‘ходят’; *ще* [ште], *ке*, *че* (частица будущего времени) в восточноболгарских, юго-западноболгарских и северо-западноболгарских говорах соответственно. Подробно о диалектных различиях в болгарском языке см. (Стойков 2002). Довольно сильная диалектная, и в частности фонетическая, дифференциация² на столь малой территории ведет к тому, что часть диалектов, особенно те из них, которые фонетически кардинально отличаются от диалектов, составивших основу литературного языка, – северо-западные, юго-западные македонские, родопские, – воспринимаются носителями как этих диалектов, так и диалектов, фонетически близких к литературному языку, как отдельные языки, изолированные от литературного. Следует также отметить, что рефлексы праславянских звуков и звукосочетаний, которые могут влиять на фонетический облик слова, в восточноболгарских диалектах в целом едины или близки настолько, что диалектные различия (например, ъ вм. е < є или а) могут восприниматься как небрежная речь, редукция, поэтому

установление части восточноболгарских диалектов в качестве основы болгарского литературного языка способствовало и тому, что остальные восточные диалекты стали восприниматься их носителями как литературный язык или близкие к нему³. Ср.: «Более интенсивно воздействие литературного языка (*книжовен език*) на диалекты, чья структура близка структуре литературного языка. <...> Обратная тенденция наблюдается, когда диалекты имеют многочисленные и резкие отличия от литературного языка. Родопские, фракийские, юго-западные и пограничные (т. е. «переходные» северо-западные. – О.Т.) говоры, например, демонстрируют относительную устойчивость. Они продолжают сохранять и даже консервируют свои яркие диалектные черты и используются нередко как единственное средство общения в семейной среде» (Бояджиев и др. 1987: 42).

3. В болгарском языкоznании вопрос сосуществования и взаимовлияния литературной и диалектных форм болгарского языка обсуждается в социолингвистическом ключе относительно недавно. В 1970-е годы господствует мнение, что диалекты практически вытесняются литературным языком; среди факторов, способствующими этому, называют массовое переселение крестьян в город, бурное вовлечение широких слоев трудящихся в общественную жизнь, влияние кино, СМИ – см., например, (Младенов 1972: 74–75; Лилов 1973: 160–161 и др.). «Сегодня, – пишет М. Младенов, — трудно найти человека до 40 лет, который бы говорил на диалекте в его “чистом” виде» (Младенов 1972: 75). Публикуются исследования в области социолингвистики, развивается социолингвистическая терминология, отражающая особенность социолингвистической ситуации в Болгарии, а именно взаимодействие территориальных диалектов и литературного языка. В 1980-е гг. всё большее внимания уделяется изучению влияния диалектов на литературный язык, а не только литературного языка на диалекты: в частности, отмечается, что в XX в. литературный язык подвергся сильному влиянию западных говоров. Появляются термины «полудиалект» (вероятно, влияние русской германистики)⁴, позднее вытеснившийся термином «мезолект»⁵; «интердиалект»⁶, «городской говор (городское койне)»⁷ (Бояджиев и др. 1987: 43). Вероятно, под влиянием советского (российского) языкоznания в болгарской лингвистике употребляется и термин «просторечие» (там же: 43–44), однако теория просторечия не получает развития – как представляется, по той причине, что говорить о просторечии как о явлении применительно к языковой ситуации в Болгарии невозможно. Значительно более важным для описания социальной стратификации болгарского языка оказывается классификация диалектизмов, которые подразделяют на лексические, семантические, фразеологические, этнографические (этнографизмы) (там же: 46–48), ср. также (Стой-

ков 2002: 314–321). Вот что пишет Стойко Стойков о значении болгарской диалектологии для изучения литературного языка: «Для литературных языков с давней письменной традицией, таких как русский, французский, английский и пр., которые представляют собой какой-либо диалект, возысившийся до литературного языка, данные диалектологии не имеют такого существенного значения, но для таких языков, как болгарский, которые не имеют особенно продолжительной письменной традиции и которые не представляют собой одного диалекта, непосредственно возысившегося до литературного языка, данные диалектов очень важны» (Стойков 2002: 32). По причине такой «младописьменной» традиции (имеется в виду употребление кодифицированного литературного языка, а не сама письменная традиция, насчитывающая более тысячи лет) в болгарском языке слабо дифференцированы функциональные стили; функциональная стилистика как раздел языкоznания формируется в Болгарии скорее под влиянием русистики и работ чешских ученых по социолингвистике и функциональной стилистике. В последнее время вопросы стилистики поднимаются всё больше в связи с изучением коммуникативного аспекта языковой ситуации в Болгарии, языка СМИ, и в первую очередь рассматриваются проблемы загрязнения языка; влияние чешской школы заметно и в этих работах (Гладкова 2004; Гладкова, Ликоманова 2002; Езикът на медиите 1999; Власта на медиите 2003 и мн. др.).

В работах болгарских языковедов конца XX – начала XXI в., посвященных частным описаниям билингвизма или диглоссии на территории Болгарии, в первую очередь анализируются ситуации, связанные с функционированием территориальных диалектов (Байчев, Виденов 1988; Виденов 1993; Каневска-Николова 1998; Димитрова 2004; Маринов 2008 и др.). С одной стороны, социолингвисты пользуются собственными методами для изучения языковой ситуации в отдельно взятом населенном пункте или диалектном ареале – такими, например, как вычисление «диалектного индекса» горожан в зависимости от пола, возраста (Кънчева 2008: 114–116.). С другой стороны, материалом для изучения социолингвистических проблем служит территориальный диалект – как уже говорилось, в силу специфики языковой ситуации в Болгарии. Промежуточные выводы в таких работах оказываются не менее ценными для диалектологии, чем диалектологическое изучение того или иного населенного пункта.

Следует сказать и о том, что с изучением территориальных диалектов в Болгарии также тесно связана социальная диалектология (изучение социолектов, тайных языков). Не излагая здесь историю изучения социолектов в Болгарии, можно отметить то обстоятельство, что социолекты формируются

на базе территориальных диалектов, точнее, территориальные диалекты становятся социально маркированными (см. примеч. 1). Как уже было сказано, болгарский диалектный континуум включает взаимонепонятные диалекты. Особенности (в основном лексические варианты) таких диалектов могут использоваться и социолектами, в частности, при формировании терминологии профессиональных диалектов, например: *бичкйай*, *трион* ‘пила’; *тироn*, *гвоздей*, *клинец*, *парамаreц*, *ексёр* ‘гвоздь’ и др. (Стойков 2002: 345). Диалектная лексика могла быть и одним из источников тайных языков, хотя и не основным (основной источник – заимствования) (там же: 349). Так, тринские строители, где бы они ни были, разговаривают между собой исключительно на тринском диалекте, который в силу того, что практически непроницаем для чужих, воспринимается как тайный язык (Григоров 2009: 9).

Как уже было сказано, в целом отношение между литературным языком (болг. *книжовен език*) и территориальными диалектами в Болгарии двояко. Восточные диалекты могут восприниматься как близкие к литературному языку и даже как его стилистическая или разговорная (коллоквиальная) разновидность. Отношения между «изолированными» диалектами (диалектами с контрастивными особенностями) и литературным языком представляют собой ситуацию гомогенной диглоссии, т. е. такой диглоссии, при которой в ситуации функциональной дистрибуции находятся формы одного языка. Диглоссия понимается как сосуществование двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах (Ferguson 1959) и оцениваемых как «высокая» и «низкая»; см. также определение диглоссии применительно к болгарской языковой ситуации (Виденов 2005: 61)⁸. Несмотря на указания в лингвистической литературе, что диалекты по тем или иным причинам отмирают, довольно значительная часть диалектов сохраняет свои особенности, причем в ареале диалекта престижность диалектной или стандартной формы языка – вопрос дискуссионный. В частности, высокая оценка собственного диалекта наблюдается тогда, когда носители диалекта не только определяют себя как болгар, но и отмечают свою принадлежность к особому этническому образованию, племени – идентифицируют себя как шопы, торлаки и т. п. Особенно это касается таких географически изолированных диалектов, как северо-западные.

Маркеры «высокий» и «низкий» при оценке диалекта и литературного языка меняются местами и в ситуации воспроизведения текстов традиционной культуры. Диалект является единственным возможным языком при трансляции и порождении текстов народной культуры. В связи с этим следует упомянуть и другой тип диглоссии, существующий в Болгарии. Помимо гомогенной диглоссии в Болгарии существует и гетерогенная диглоссия –

существование двух экзоглоссных, т. е. генетически различных языковых форм, находящихся между собой в ситуации функционального распределения, например: болгарских диалектов ~ влашских диалектов (Маринов 2008), болгарского языка (диалекта) ~ гагаузского языка, болгарского языка ~ цыганских диалектов; последнее соотношение рассматривается в работах Хр. Кючукова (Кючуков 1997 и др.). Болгарские диалекты как представляющие форму престижного языка (языка образования, социального общения) в ситуации гетерогенной диглоссии практически эквивалентны понятию «болгарский язык»; т. е. так называемая ситуация «триглоссии» в устной сфере отсутствует. Одним из основных факторов, при котором формируется ситуация гетерогенной диглоссии, является отсутствие письменности на непрестижном языке, во всяком случае в пределах Болгарии. Так, в частности, гагаузский язык в Молдавии, язык гагаузов-переселенцев из Болгарии, обрел в Молдавии письменную форму (ныне гагаузы имеют и свою автономию). Поэтому в Молдавии, если и существуют какие-либо признаки гагаузско-русской или гагаузско-молдавской диглоссии (т. е. функциональное распределение этих языков), основное отношение между гагаузским и русским или гагаузским и молдавским языками характеризуется как билингвизм (двуязычие), в отличие от Болгарии, где гагаузский является языком бытового общения (в Болгарии билингвизм сопровождается диглоссией)⁹. При этом в качестве престижного болгарские гагаузы используют тот диалект болгарского языка, который характерен для местности, где они проживают. Насколько мне известно, исследований, посвященных выявлению гагаузско-болгарской интерференции, не проводилось. Результаты же работы по этнолингвистическому вопроснику (сбор сведений по традиционной духовной культуре) среди гагаузов в течение нескольких лет показали, что в области терминологии духовной культуры такая интерференция отсутствует и налицо ситуация двуязычия (Трефилова 2008) – гагаузская обрядность практически полностью эквивалента болгарской, и гагаузские термины дублируют болгарские.

Фольклорный текст всегда порождается и транслируется на непрестижном языке (диалекте) независимо от эндо- или экзоглоссности (гомогенной или гетерогенной диглоссии), причем это касается не только таких устойчивых в лексическом и ритмическом отношении жанров, как песня, но и повествовательных жанров, например, быличек. О языке фольклора как особом языке писал Е. Бартминский¹⁰ (см., например, (Бартминский 2005), статьи раздела «Текст и стиль»). Как мне кажется, фольклорный текст (особенно прозаический) также можно рассматривать с социолингвистической точки

зрения, а именно как проявление диглоссности членов общества; социолингвистической терминологией пользуется и Е. Бартминский, в частности, он характеризует язык фольклора как интердиалект (там же: 343–344). В ситуации литературно-диалектной диглоссии в Болгарии интердиалектный характер фольклорных текстов проявляется слабо, функционирование этих текстов связано и с проблемой их переводимости.

В ситуации гетерогенной диглоссии в принципе возможен перевод на престижный язык, однако большую роль здесь играют факторы образования информанта и его владения престижным языком. Как показали полевые записи среди гагаузов, фольклорные нарративы в ситуации гетерогенной диглоссии поддаются переводу самим информантам в том случае, если информант имеет хотя бы начальное образование (безграмотных во время экспедиций не было зафиксировано); однако в этом случае неизбежно должны теряться черты, характерные для поэтики фольклорного текста (песенность, ритм, формульность). Об этом говорит и то, что при передаче фольклорных формул перевод представлял для информанта-гагауза очевидную трудность и формулы были записаны непосредственно по-гагаузски.

Что касается порождения фольклорных текстов в ситуации гомогенной диглоссии, то перевод здесь принципиально невозможен, возможно лишь толкование отдельных слов. В качестве примера можно привести текст, записанный в 1997 г. Галиной Вылчиновой в г. Трын от Гинки Христовой, смотрительницы часовни св. Петки (Вылчинова 1999: 145–148, особенно 147–148; информант назван Г.Х.). В августе 2009 г. тот же текст был записан мной от того же информанта в самой часовне. Насколько можно заметить, информант, рассказывая о часовне св. Петки, говорила на языке, близком к литературному, при трансляции фольклорного нарратива оба раза (и в 1997 и в 2009 г.) переходила на тринский диалект, подчеркивая, что именно на диалекте она получила этот текст во сне от своей бабушки. Не менее важным фактором является и адресат: оба раза ритмическая структура текста нарушилась пояснениями информанта, которые она, видимо, считала необходимыми для «чужих». В чистом виде (без комментариев) легенда о св. Петке представляет собой ритмизованную прозу на диалекте.

Таким образом, в настоящее время в Болгарии существуют два вида диглоссии – гомогенная и гетерогенная. Диглоссия существует там, где диалекты воспринимаются населением (не только простыми, но и образованными людьми, недиалектологами) как разные языки – настолько существенная разница между диалектом и языком, что это мешает пониманию. В основном это диалекты, которые практически не участвовали в формировании болгарского литературного языка. Территориальный диалект может выступать в

роли социолекта, использоваться фактически как тайный говор. Особый интерес представляет собой функционирование фольклорных текстов и проблема их переводимости как отражение диглоссности болгарского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Показательно, в частности, название одной из глав в учебнике по социолингвистике М. Виденова «Болгарская диалектология как естественная основа социолингвистики у нас» (Виденов 2000: 54), а также наблюдение, что в болгарских условиях социальные маркеры фактически восходят к территориальным диалектам (там же: 131, 155; Виденов 2005).

² Здесь не рассматриваются причины этой дифференциации, однако этот вопрос представляется весьма интересным и, по-видимому, напрямую связан с генезисом славян. Причины устойчивости диалектных систем и ареалов могут лежать как в системе говора, так и в экстралингвистических обстоятельствах, а именно в географической изолированности этих говоров (горные районы, отсутствие транспорта, других коммуникаций).

³ В частности, это подтверждают мои полевые записи из северо-восточной Болгарии и средней восточной Болгарии (Верхней Фракии): информанты утверждали, что их диалект звучит как литературный язык, при этом им доводилось слышать северо-западный говор, который они воспринимали как сербский или близкий к нему язык. Как близкий к сербскому язык воспринимают северо-западные диалекты большинство носителей восточноболгарских говоров, однако эта близость касается по большей части фонетики, а не морфологии и синтаксиса; аналитическая структура, наличие членной формы, система времен и их употребление свидетельствуют о том, что данный диалект является диалектом болгарского языка, ср. (Стойков 2002: 163–164).

⁴ Форма, переходная от традиционного говора к литературному языку; полудиалект формируется у носителей диалекта, стремящихся говорить литературно (Бояджиев и др. 1987: 43). Термин «полудиалект» ввел в научный оборот В.М. Жирмунский (Жирмунский 1968) для описания немецкой языковой ситуации (Копчук 2002). Этот термин используется и в русской диалектологии, обозначая «структуру, представляющую собою сплав существующих языковых элементов диалекта и литературного языка» (Коготкова 1979: 6).

⁵ Термин заимствован из креолистики; ныне применяется для описания одного из уровней языкового континуума наряду с акролектом и базилектом, обозначая общеразговорное койне, коммуникативную норму устно-разговорной речи (Platt, Weber 1980: 274; Руководство 2001; Виденов 2000: 98; 2007: 111), соответствует нем. *Umgangssprache* (обиходно-разговорный язык). Как отмечает М. Виденов, болгарская действительность близка польской: в Польше отсутствует койне, и разговорная норма в городах является сложным сечением между литературным стандартом и неконтрастными региональными особенностями (Виденов 2000: 61).

⁶ Форма языка, представляющая собой смешение нескольких диалектов и образующаяся в городских центрах как средство общения носителей разных диалектов. В болгарское языкознание термин введен М. Виденовым (Виденов 1973).

⁷ Городские говоры образуются при смешении местного диалекта и литературного языка. По сравнению с интердиалектами городские говоры имеют более широкое распространение и более обобщенную диалектную основу (Бояджиев и др. 1987: 43).

⁸ Далее будут использоваться термины *гомогенная* и *гетерогенная диглоссия* (в болгарском языкознании употребление этих терминов см., например, в [Вачкова 2004]). Синонимами термина *гомогенная диглоссия* в разных лингвистических работах являются: *внутриязыковая диглоссия* (Крысин 1976); *гомогенное двуязычие* (Толстой 1963); *гетерогенное одноязычие* (Хабургаев 1988); диглоссия, характерная для эндоглоссной языковой ситуации (Мечковская 2000: 102 и сл.).

⁹ На практике языковая ситуация всегда более сложна, сбалансированные (равновесные) языковые ситуации редки (Мечковская 2000: 103 и сл.): например, даже при наличии двух государственных языков в определенном виде коммуникации может функционировать только один из них, билингвизм может сопровождаться диглоссией и т. д.

¹⁰ Благодарю Н.Е. Ананьеву за устное замечание по поводу языка фольклора со ссылкой на Е. Бартминского.

Литература

- Байчев, Виденов 1988 – *Байчев Б., Виденов М.* Социолингвистическо проучване на град Велико Търново. София, 1988.
 Бояджиев и др. 1987 – *Бояджиев Т., Радева В., Младенов М.* Между диалектното и книжковното. София, 1987.

- Вачкова 2004 – *Вачкова К.* Тенденции в езика и в науката за него и типология на славянските стандартни езици (с оглед към българския стандартен език) // Тенденции и процеси в българския език (студии и статии) / Шуменски ун-т «Еп. Константин Преславски»; Съст. и ред. К. Вачкова. Шумен, 2004. С. 65–115.
- Венедиков 1990 – *Венедиков Г.К.* Болгарский литературный язык эпохи Возрождения. М., 1990.
- Венедиков 2009 – *Венедиков Г.К.* Исследования по лингвистической болгаристике. М., 2009.
- Венедиков 2009а (1965) – *Венедиков Г.К.* К вопросу о начале современного болгарского литературного языка // Венедиков 2009. С. 5–24.
- Венедиков 2009б (1971) – *Венедиков Г.К.* Диалектная основа болгарского литературного языка и болгарское книгопечатание в эпоху Возрождения // Венедиков 2009. С. 33–58.
- Венедиков 2009в (1979) – *Венедиков Г.К.* О критериях выбора возрожденческими книжниками конкретной диалектной основы болгарского литературного языка // Венедиков 2009. С. 59–70.
- Виденов 1973 – *Виденов М.* Към въпроса за т. нар. интердиалект // Славистични изследвания. Кн. 3. София, 1973. С. 149–155.
- Виденов 1993 – *Виденов М.* Софийският език. София, 1993.
- Виденов 2000 – *Виденов М.* Увод в социолингвистиката. София, 2000.
- Виденов 2005 – *Виденов М.* Диглосията (с оглед на българската езикова ситуация). София, 2005.
- Виденов 2007 – *Виденов М.* Идентификация по езика. София, 2007.
- Властва на медиите 2003 – Властва на медиите: Сб. ст. Шумен, 2003.
- Вълчинова 1999 – *Вълчинова Г.* «Знеполски похвали»: локална религия и идентичност в Западна България. София, 1999.
- Гладкова 2004 – *Гладкова Х.* Езиковата ситуация на границата между две хилядолетия: развойни тенденции в мястото и функциите на книжовния език // Тенденции и процеси в българския език (студии и статии) / Шумен. ун-т «Еп. Константин Преславски»; Съст. и ред. К. Вачкова. Шумен, 2004. С. 5–64.
- Гладкова, Ликоманова 2002 – *Гладкова Г., Ликоманова И.* Языковая ситуация: истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели). Praha, 2002.
- Григоров 2009 – *Григоров Г.* Апология на благодатния труд на самоукния диалектолог // *Младенов А.* Трънските думи: Речник на регионалния говор. София, 2009. С. 7–11.
- Димитрова 2004 – *Димитрова Е.* Диглосията в гр. Криводол. София, 2004.

- Езикът на медиите 1999 – Езикът на медиите: Сб. ст. Варна, 1999.
- Жирмунский 1968 – Жирмунский В.М. Проблема социальной дифференциации языков // Язык и общество. М., 1968. С. 22–39.
- Каневска-Николова 1998 – Каневска-Николова Е. Смолянският градски език. София, 1998
- Коготкова 1979 – Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М., 1979.
- Копчук 2002 – Копчук Л.Б. Статус обиходно-разговорного языка в системе немецких социолектов // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения чл.-кор. РАН А.Н. Десницкой. СПб., 2002. С. 102–108.
- Крысин 1976 – Крысин Л.П. К вопросу о внутриязыковой диглоссии // Методы билингвистических исследований. М., 1976.
- Кънчева 2008 – Кънчева П. Софийският език на преселниците от западните покрайнини. София, 2008.
- Кючуков 1997 – Кючуков Хр. Психолингвистични аспекти на ранния билингвизъм (върху материал от български, турски и ромски език). София, 1997.
- Лилов 1973 – Лилов М. Към характеристиката на нормативността в съвременния български книжовен език // Славистичен сборник (по случай на VII Международен конгрес на славистите във Варшава). София, 1973. С. 157–163.
- Маринов 2008 – Маринов В. Билингвална интерференция в крайния български северозапад. [Велико Търново], 2008.
- Мечковская 2000 – Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М., 2000.
- Младенов 1972 – Младенов М. Диалектно и книжковно в българския език // Въпроси на езиковата култура. София, 1972. С. 62–98.
- Руководство 2001 – Руководство для авторов статей «Языки мира». Приложение 1: Определение к слову «язык». Уровни языкового континуума. Сохранность языка: Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://lingvarium.org/langworld/prilozh1.shtml#LLC>.
- Стойков 2002 – Стойков Ст. Българска диалектология. 4-то изд., фототип. / Ред. на 3-то изд. М.Сл. Младенов. София, 2002.
- Толстой 1963 – Толстой Н.И. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII в.) // Славянское языкознание: Доклады советской делегации: V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 230–272.
- Трефилова 2008 – Трефилова О.В. Гагаузская терминология народной духовной культуры в северо-восточной Болгарии. Семейная обряд-

- ность // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Г.П. Клепиковой. М., 2008. С. 232–270.
- Хабургаев 1988 – *Хабургаев Г.А.* Дискуссионные вопросы истории русского литературного языка: (древнерусский период) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1988. Вып. 2. С. 47–62.
- Ferguson 1959 – *Ferguson C.B.* Diglossia // Word. 1959. Vol. 15. № 4. P. 325–340.
- Platt, Weber 1980 – *Platt J., Weber H.* English in Singapore and Malaysia. Kuala Lumpur, 1980.

Summary

The standard-dialect languages' diglossia in Bulgaria

Two types of diglossia in Bulgaria are analyzed in the article. The difference between Bulgarian standard and dialect forms of language becomes diglossian difference (homogeneous diglossia), if people perceive a dialect and the standard language as two languages. There are some dialects in Bulgaria, differing from standard (literary) language phonetically and lexically so much, that a lot of people speaking the standard language do not understand these dialects. The mentioned dialects (North West, Rodops dialects and some others) almost did not participate in a forming of the Bulgarian standard language and can be used as social dialects or even as one of the sources of secret languages. There is another type of diglossia, heterogeneous diglossia, in Bulgaria. The diglossia situation concerns two languages, Bulgarian and one of "small" languages, which as rule is in only oral form in Bulgaria (Gagauzian, Gipsy) and is used in specially functional situations. Folklore texts as one of the manifestations of diglossia are of special interest.

Отражение диалектных форм языка в современном белорусском литературном языке: лингвогеография и норма

История белорусского литературного языка как коммуникативной единицы, которая реально существует в обществе, это прежде всего история становления и преобразования форм его существования, в первую очередь, история динамики литературных норм. Каждый отдельный синхронный срез открывает языковую картину, в которой ощутимо действие процессов предыдущих периодов развития языковой системы. Изменения, произошедшие в общественной жизни страны в конце XX в., непосредственно затронули и языковую сферу, вызвали определенные сдвиги в системе белорусского языка. Как отмечал академик А.И. Подлужный, в это время «белорусский язык оказался в состоянии расплывчатости и размытости его норм». Более того, последнее десятилетие XX в. явилось особенно сложным и противоречивым во внутренней истории белорусского литературного языка. Если в предыдущий период постепенно и непрерывно складывались и укреплялись орфографические, грамматические и лексические нормы, то в это время языковые приобретения начали разрушаться, и вызывалось это не нуждами внутреннего развития языка, а внешними, политico-идеологическими импульсами, так называемыми экстралингвистическими факторами (Беларуская мова 1997: 12).

Однако на фоне таких негативных выводов общепризнанным был и остается тот факт, что исследования, проводимые академическими учеными, являются основной базой белорусистики, дальнейшей подготовки учебной и справочной литературы на белорусском языке и по белорусскому языку. Выступая аргументированно за укрепление позиций литературного языка, академические лингвисты продолжают работать над стандартами языкового употребления, зафиксированными в таких последних нормативных актах и фундаментальных работах, как: «Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» (2008); «Кароткая граматыка беларускай мовы: Ч. 1. Фаналогія. Марфаналогія. Марфалогія; Ч. 2. Сінтаксіс» (2007; 2009), дополненная справочными словарями: «Граматычны слоўнік дзеяслова» (2007), «Граматычны слоўнік назоўніка» (2008), «Граматычны слоўнік прыметніка, займенніка, лічбніка» (2009); «Беларускі арфаграфічны слоўнік» (2009) и др.

Понятие нормы – центральное в определении национального литературного языка как в его письменной, так и разговорной форме, а стабильное

функционирование языка обеспечивается обязательным подчинением этой норме, поэтому рекомендации белорусских лингвистов должны соблюдаться и сохраняться всеми членами общества. Это подтверждают и последние нормативные акты, которые характеризуются преемственностью в кодификации, а в своей основе имеют устойчивую диалектную базу: «Правілы» 1959 г. – первый опыт создания полного свода белорусского правописания, «Правілы» 2008 г. – новая уточненная редакция, затрагивающая пятнадцать изменяемых языковых позиций. Новые правила призваны обеспечить сохранение единого языкового режима в школьном обучении и единство печатных белорусскоязычных изданий; что повысит престиж белорусского языка в обществе как государственного языка Республики Беларусь.

Целью нашего исследования является сравнение фонетической диалектной системы традиционных белорусских говоров с особенностями функционирования литературной звуковой системы. Взаимодействие говоров, их контакты, различные по своей глубине и сложности, – реальность, в которой живет каждый национальный язык. Изучение современного состояния главного источника диалектной основы литературного языка исключительно актуально для установления динамики взаимоотношений между кодифицированной нормой и традиционными говорами, а также практикой существования вариантов и общепринятых образцов/норм речи. В центре внимания оказались среднебелорусские говоры, поскольку именно они занимали ведущее место при создании нормативного облика современного белорусского литературного языка. Сложность в сочетании различных языковых черт, которая наблюдается в этих говорах, делает их исключительно важными при обсуждении процессов, присущих современному литературному языку.

Народные говоры центральных районов республики – родные говоры Я. Купалы, Я. Коласа, К. Крапивы, многих других деятелей белорусской культуры и литературы, потому и ставшие главным источником при формировании белорусского литературного языка. С опорой на эти говоры создан лексико-фразеологический корпус языка, что неизбежно обусловило и само звучание белорусского литературного языка, его основные фонетические качества. Просодия как совокупность ритмико-мелодических средств устной речи, имеющих решающее значение при восприятии языка на слух, могла быть взята создателями литературного языка только из их родных говоров.

В основе белорусского литературного языка лежат говоры центральной Беларуси (зона Ошмяны – Минск – Борисов – Гомель), вобравшие в себя в процессе развития наиболее характерные черты юго-западного и северо-восточного диалектов. Отсюда более значительное разнообразие и пестрота го-

воров этой отличительной территории по сравнению с основными диалектными объединениями. Понимание их как монолитного, с точки зрения самих носителей говоров, образования (которое существует, несмотря на сложный и многоуровневый параллелизм диалектных явлений, зафиксированных здесь), вызывает определенные возражения при квалификации их как переходных или смешанных. «Кроме диалектов, в составе современного белорусского диалектного языка существует особая междиалектная группа так называемых переходных говоров. Это относительно широкая полоса говоров между основными белорусскими диалектами. Поэтому их называют иногда среднебелорусскими говорами (либо группой говоров)» (Крывицкі, Падлужны 1984: 136).

Как и все белорусские говоры, говоры Минской области неоднократно фиксировались диалектологами. Они представлены в трех фундаментальных изданиях: Диалектологический атлас белорусского языка (ДАБМ 1963), который составлен по материалам, собранным в 1950–1955 гг.; Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА 1988–2009), материалы для которого собирались в основном в 1965–1975 гг. (Вступительный выпуск 1978); Лексический атлас белорусских народных говоров (ЛАБНГ 1993–1998), сбор материалов для которого проводился в 1971–1985 гг. А также на этой территории для фонетики белорусских говоров проводились записи в 1970–1990 гг. (Вусная беларуская мова. Хрэстаматыя 1990). Кроме того, для создания новой хрестоматии в 1998–2008 гг. проведены записи современных говоров центральной части Беларуси (Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогії. Цэнтральная зона 2009). Таким образом, для части населенных пунктов существует пять описаний, разделенных между собой во времени приблизительно в 15–20 лет, что позволяет увидеть динамику изменений в их фонетическом облике. Фиксация традиционных говоров и ориентация при сборе диалектных материалов на язык населения старшего поколения, которые сложились у составителей ДАБМ и ОЛА, остались актуальными и при последующих сборах диалектных материалов.

Традиционное объединение белорусских говоров по близости общих языковых черт обычно сочетается с их территориальным единством. Поэтому если говорить об особенностях среднебелорусских говоров, то необходимо иметь ввиду, что в своей значительной части они размещены на территории Минской области, которая занимает центральное и вместе с тем промежуточное положение в системе белорусских говоров. Отдельным диалектом эту группу не считают, так как она является относительно новым объединением местных говоров, которое сложилось в результате смешения,

взаимодействия и взаимообусловленности говоров основных белорусских диалектов. В этих говорах имеет место разного рода совмещение явлений северо-восточного и юго-западного диалектов. Социолингвистическое положение говоров центральных районов во многом обусловлено, во-первых, принадлежностью территории их распространения к столичной области с ее мощными промышленными предприятиями, требующими постоянного притока рабочих рук из всех регионов страны, во-вторых, в силу своего местоположения эти говоры более остальных ощущают воздействие городского, преимущественно русскоязычного окружения. Именно в этом отношении оказывается воздействие столичного города с его более сильными возможностями, чем у областных центров. Таким образом, возникает сложное сочетание идиолектов, их взаимодействие, которое разрушает традиционную систему говоров, вносит в нее существенные изменения.

Активное изучение диалектных традиций показывает, что на всей языковой территории республики диалектные границы довольно интенсивно размываются. Причин тому несколько, и они хорошо известны всем диалектологам: интенсивное распространение литературных (белорусского и русского) языков через образование, СМИ, компьютеризацию и т. д.; потеря региональных языковых особенностей и размывание диалектных границ по причине интенсивной миграции населения (переселение, агрогородки, новые поселки); затухание народных промыслов, приведшее к потере коммуникативного богатства местных говоров, связанного с традиционным национальным бытом и культурой.

Наименования многочисленных деталей и приспособлений становится все труднее установить во время бесед с современными эксплораторами. Если обратимся к ЛАБНГ, Т. 2 (карта 230 «Абіваць (пра жытага)», карта 231 «Ачышчаць абмалочанае зернэ») и ДАБМ (карта 257 «Назвы цапільна», карта 258 «Назвы часткі цэпа – біча», карта 259 «Назвы прывязкі, якой прымакоўваецца біч да цапільна»), то отметим многочисленную детализацию этих процессов и приспособлений: *абіваць, калаціць, малаціць* и др.; *сціраць, вычыняць, вымітаць, націраць* и др.; *цапільна, цапаўё, цапавільня, цапока* и др.; короткая часть бича – *б'іч, б'іцук, б'ічоўка, б'ійак* и др.; длинная часть – *цап'ільна, цап'ол'на, цапав'іл'на, цапав'ідла* и др.; привязка – *гужык, вужык, ужс, пачопка, рамень* и др. Примеры с конкретизацией механизмов при обработке льна, частей косы и плуга порой насчитывают до полусотни наименований, зафиксированных в материалах ДАБМ и ЛАБНГ. Перестав быть необходимыми, эти невостребованные в повседневной жизни коммуникативные богатства говоров, разработанные для нужд быта, хозяйства, промыслов прошлого, народного творчества постепенно исчезают.

Одновременно с этим в местные говоры, или точнее, в повседневную речь людей входит новая лексика современной жизни, а вместе с ней происходит модернизация традиционного грамматического строя и звуковой системы языка: *камптар*, *мабіла* и т. д. В подобной ситуации даже диалектологам бывает непросто выделить что-то традиционное, характерное для исследуемого говора. Поэтому, приезжая в экспедицию, как и прежде, первым делом устанавливается контакт с местными старожилами, а также с людьми работающими в сфере народного творчества, которое возрождается в стране вместе с развитием агротуризма, создания сельских усадеб для отдыха, активного восстановления памятников архитектуры, требующих воссоздания национальной аутентичности. Благодаря этому в целом возобновляются и сохраняются диалектные традиции в повседневном устном общении людей, особенно местных сельских жителей.

Характер языкового развития в разных уголках Беларуси – ее сельских районах и городских центрах – в основном одинаков: более устойчивой остается фонетическая система и грамматический строй, а наибольшей подвижностью отличается лексический состав. Справедливо отмечают исследователи: «То, что человек, который говорит на литературном языке и хорошо знает его нормы, сочетает и оформляет, а также произносит слова с выразительными диалектными приметами определенного местного говора – обычное явление» (Крывіцкі, Падлужны 1984: 143).

По степени отражения диалектных особенностей в произношении выходцев из центральной группы среднебелорусских говоров выделяется фонетическое оформление гласных звуков. Наиболее устойчивую примету ударного вокализма центральной части среднебелорусских говоров составляет произношение лабиализованного гласного [o] в позиции перед билабиальным согласным [ў] в лексико-грамматических формах слов, в которых во всех других разновидностях белорусского диалектного произношения имеет место гласный [a]: *Ну але ўё адно тэй эсанчыне аддал ягады, назоўтра схадзілі, набралі* (Хрестаматыя 2009: 77); *I маркі ш доў нямецкія той магазінішчык* (Хрестаматыя 2009: 77); *Мне ішчэ адзін у зубы доў я сабралася i пашла <...> у туую самую начь бамбёшка у Барысаве началась* (Хрестаматыя 1990: 63); *Зъдзеў сваю рубашку сподню, разадроў папалам* (Хрестаматыя 1990: 64). Ареал распространения явления показан составителями атласа на карте «Голосныя на месцы націскнога “А” ў пазіцыі перад [ў]: *доў, казоў, проўда, настоўнік* и др., (ДАБМ, карта 28). По мнению исследователей эта позиционная фонетическая особенность является, единственной, которую можно считать самобытной по своей природе чертой

среднебелорусских говоров, а не результатом междиалектных контактов. Кстати, именно она имеет выразительно отличительный от литературной нормы характер и является чертой, по которой определяется диалектная принадлежность говорящей личности.

Показательная фонетическая особенность произношения в этих говорах – употребление ударного гласного [o] в окончаниях существительных среднего рода – названиях молодняка животных: *Мне цялё прысудзілі, а ім карову* (Хрестаматыя 2009: 98); *У нас была кабыла і жарабё было* (Хрестаматыя 2009: 100). Территория ее распространения показана при картографировании лексем “Гусяня” и “Качаня” (ЛАБНГ, карты 115, 116). Это явно гибридное явление, возникшее в результате схождения и контаминации северо-восточных тождественных по значению диалектных лексем с суффиксом /-'онак/ с юго-западными диалектными лексемами с конечным гласным /a/: /гус'ан'онак/ + /гус'ан'a/ → /гус'ан'o/, /ц'ал'онак/ + /ц'ал'a/ → /ц'ал'o/.

Характерной особенностью произношения гласных является наличие безударного [i] в отдельных лексико-грамматических условиях после мягких согласных: в отрицаниях независимо от места ударения и ударного гласного – *Авечак у нас німá ў радоўцы* (Хрестаматыя 2009: 35), *Працэдзім німношка жышику і дабаўлялі ў бліны* (Хрестаматыя 2009: 60), *У нас леса ні былó <...> там німношка каля Дадуліна ніялікі лес быў* (Хрестаматыя 2009: 60); в местоимениях – *Інá пашла, жыве і ніхáй жыве* (Хрестаматыя 2009: 56), *У мінé толька асталася дзьве сястры і брат* (Хрестаматыя 2009: 57), *Ні забіралі сібé саседзі, рас эта ні йіхнае* (Хрестаматыя 2009: 65), *Дык, – кажа, – у цібé рак быў* (Хрестаматыя 2009: 97); в наречиях и других словах – *Ціпér у міне перат свадзьбай мая дочка* (Хрестаматыя 2009: 66), *Зайдігдá і хлеп пíкла неяк іна, мама. Была дзіжá, такая съпіцыяльная* (Хрестаматыя 2009: 59), *Наша мама сушыла зывірабоў, і ablіпіха, і бірода, літа была* (Хрестаматыя 2009: 66), *Ён аткрые, я ўцяку зь вічарынki* (Хрестаматыя 2009: 100), *Дзвіаннцаць чалавек немцаў* (Хрестаматыя 2009: 94), *Я па дзёсіць сотак жжынала сярпом* (Хрестаматыя 2009: 53).

Система фонетических особенностей центральных среднебелорусских говоров характеризуется последовательным недиссимилятивным полным аканьем, которое соответствует аканью в литературном языке. Отличительной особенностью недиссимилятивного яканья в этих говорах является наличие гласного [i] в некоторых лексико-грамматических условиях после мягких согласных. Естественно, что фонетические черты, которые являются нормативными в литературном языке, будут более устойчивыми в сравнении с теми, что попали в состав нормативной системы. А те черты, которые

поддерживает функционирование и белорусского, и русского языков, оказываются в еще более выгодных условиях с точки зрения их дальнейшей экспансии.

История становления отдельных явлений из этого региона в качестве нормативных может быть рассмотрена на примере личных окончаний глаголов. Учитывая, что в белорусском языке фонетический процесс перехода /e/ в /o/ завершился до отвердения шипящих, то перед /ш/ в флексиях глаголов – имеем закономерное /e/ во 2-ом лице ед. числа: *нясеш, плящеш, мяцеш, пасеш, вязеш*. Лишь в северо-восточных говорах белорусского языка непоследовательно встречается: *нясёш, вязёш, пляцёш*. Специалисты по белорусской диалектологии относят единичные случаи типа *нясёш* за счёт влияния русского языка, поскольку в большинстве этих говоров известны также варианты с /e/. Нет условий для перехода /e/ в /o/ и в 3-ем лице ед. числа, так как здесь ударный гласный находится в конце слова (*нясе, пляце, заве, жне, пасе*) или перед ү' (как в северо-восточном говоре): *нясець, плящець, жнечець, завець*. Иной и более сложной представляется картина во мн. числе, где совершенно закономерно в 1-ом лице группы глаголов пережила переход /e/ в /o/: *нясём, вязём*. Лишь в части юго-западных белорусских говоров (на территории Гродненской и Брестской областей и в говорах прилегающих районов) в этой позиции нет перехода /e/ в /o/: *нясем, вязем* (ср. ДАБМ, карта 153). Диалектная база форм на -ем, хотя территориально и ограничена в белорусских говорах, под воздействием правописных норм расширилась в языке художественных произведений середины прошлого столетия. Но несоответствие между диалектной базой и нормой литературного языка привело к пересмотру последней. Учитывая ареал распространения (говоры части Гродненской, Могилевской областей, сплошной массив на север от линии Гродно-Минск-Могилев), принятые в 1957 г. уточнения к белорусскому правописанию, привели в соответствие с диалектной базой нормы литературного языка в области форм 1-го лица мн. числа: господствующие в белорусских говорах формы на -ом (-ём) при ударении на окончании типа *бяром, сцеражом, кладзём* были определены в качестве орфографической нормы. С учетом языковой практики «Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі 2008» оставили эти формы без изменений.

Однако парадоксальность языковой ситуации в Беларуси усугубляется тем, что отдельные, так называемые «добрасумленныя змагары за родную мову», или даже «свядомые» преподаватели ведущих университетов страны, которые на лекциях и практических занятиях учат по одним правилам (в их терминологии «наркамаўскім»), разрабатывают “аля тарашкевіцкі” вариант.

Это хорошо видно на примере книги “Гавары са мной па-беларуску” (Москва: Вариант, 2008), изданной при финансовой поддержке чешских друзей. Здесь можно найти удивительные парадоксальные утверждения: “адзін з першых падручнікаў беларускай мовы ў яе несавецкім варыянце. <...> першы, які напісаны й надрукаваны на Радзіме” (с. 229). Что бы это означало?! На это можно было бы не обращать внимания. Но для носителей языка встает вопрос: рос – говорил – учился, а оказывается «не на той мове». Ведь даже белорусисту трудно понять, что: *швэдэр* – ‘свитер’, *юха* – ‘кровь (родная), порода’, *штрубоўка* – ‘отвертка’, *учасаныне* – ‘прическа’, *друкарка* – ‘принтер’ и др. К сожалению, в наше время стало нормой не подчиняться даже юридическим законам, а поэтому отдельные редакции, издательства, авторы книг, ученые стремятся создать и навязать свою грамматику, лексику, орфографию, свое правописание, выработать личные нормы и придерживаться только их. Так, параллельно с «Правіламі 2008» распространяется «Беларускі клясычны правапіс 2005», утверждающий искусственные инородные образования: *вучэльня*, *на зьбюрках* и др. Но ведь такого не услышишь нигде на всей территории Беларуси. Пестрота и непоследовательность в употреблении языкового материала в настоящее время повсеместно встречаются на страницах белорусской печати, звучат в эфире.

Таким образом, первое десятилетие нового столетия в Беларуси определяется не только функционированием двух государственных языков, но и со-существованием двух наиболее распространенных языковых течений в белорусском литературном языке, каждое из которых непосредственно связано с разными традициями и тенденциями в его развитии и опирается на разные национально-идеологические концепции. Наличие двух вариантов языка, наиболее опасно для самого существования белорусского литературного языка (Мова і грамадства 1997: 4–5).

Любое общество заинтересовано в относительной стабильности языковых норм. Это необходимо хотя бы для того, чтобы те, кто воспринимает устное или письменное высказывание, не тратили лишних усилий и лишнего времени на расшифровку чего-то непонятного или необыкновенного, не спотыкались бы на каждом шагу при чтении текстов, чтобы многочисленные отступления от привычного стандарта не вызывали неприязни у слушателей и читателей. Какими бы мотивами ни руководствовались нарушители норм, два варианта одного литературного языка в то время, когда число активных носителей белорусского языка сужено до минимума и продолжает сужаться, очень опасно для существования самого языка вообще. В такой ситуации это не объединяет, а разъединяет людей. Языковеды отмечают, что население Беларуси разделено на русскоговорящих и белорусскоговорящих, а последние, в свою очередь,

явно разделены на группы в зависимости от отношения к литературной норме, которая формировалась более чем полстолетия. Поэтому необходим надлежащий языковой контроль со стороны государства, чтобы остановить подобный языковой хаос, решив на государственном уровне правописные проблемы литературного языка.

Таким образом, для обеспечения жизнедеятельности белорусского языка особое значение приобретает изучение его диалектной основы, современной языковой практики, а также принятие Закона Республики Беларусь «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі».

Литература

Беларуская мова 1997 – Беларуская мова ў другой палове ХХ стагоддзя. Мінск, 1997.

Крывіцкі, Падлужны 1984 – *Крывіцкі А.А., Падлужны А.І.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.

ДАБМ – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

ЛАБНГ – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак. Т. 1–5. Мінск, 1993–1998.

Хрэстаматыя 1990 – Вусная беларуская мова. Хрэстаматыя. Мінск, 1990.

Хрэстаматыя 2009 – Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогії. Цэнтральная зона. Мінск, 2009.

Мова і грамадства 1997 – *Подлужны А.І.* Мова і грамадства. Мінск, 1997.

Summary

Reflection of dialect forms in the modern Belarusian language: inguogeography and norm

Some problems of the modern Belarusian literary language are considered in the article. Basic phonetical features in oral speech of the Middle Belarusian dialects informats are analyzed. Dialect basis of some grammatical forms in the literary language is revealed.

Орфоэпические правила аканья в современном белорусском языке в сопоставлении с диалектами

Каждый национальный язык представлен своими разновидностями, которые имеют значение как для общества, использующего этот язык, так и для лингвистов, для которых он является предметом изучения. Говоря про литературную норму, мы имеем в виду, прежде всего, литературный язык как обработанную форму общенародного языка, обладающую в большей или меньшей степени письменно закрепленными правилами. Необходимо учитывать и территориальные диалекты, которые сохраняют черты древнего состояния языка, социалекты, характеризующие различные социальные группы их носителей, просторечие, являющееся результатом разнообразных «отклонений» от литературной языковой нормы, и самое главное – диалектную основу литературного языка. Эти разновидности национального языка имеют свое выражение, в том числе в фонетической системе и орфоэпии.

Цель нашего исследования – обозначить соотнесенность различных типов аканья в диалектном языке с литературным аканьем, выявить степень совпадения литературной орфоэпической нормы с аканьем в народных говорах, очертить ареалы различных типов безударного вокализма, опираясь на лингвогеографические источники (ДАБМ 1963; Лінгвістична географія 1968) и на новый материал. В частности, нами использовались данные, представленные в последнем томе фонетико-грамматической серии Общеславянского лингвистического атласа «Рефлексы *о» (ОЛА 2008). Также нами были использованы рабочие материалы очередного выпуска ОЛА, который сейчас готовит белорусская национальная комиссия, где будет показана рефлексия гласного *а в славянских диалектах.

Как известно, одной из наиболее характерных особенностей белорусского языка является аканье. Под аканьем в узком значении этого термина мы понимаем неразличение гласных неверхнего подъема *o*, *a* в безударной позиции после твердых согласных и совпадение их в одном гласном, преимущественно в [a]. Эта фонетическая черта является орфоэпической нормой белорусского литературного языка. Если быть более точным, в качестве нормы фиксируется так называемое «полное аканье», при котором неразличение гласных неверхнего подъема реализуется во всех безударных слогах после твердых согласных и в абсолютном начале слова. Различные типы аканья широко представлены в белорусских говорах.

Стоит отметить, что 23 июля 2008 года в Беларуси был принят Закон «О правилах белорусской орфографии и пунктуации», который готовился в течение нескольких десятилетий и является результатом уточнений и изменений, внесенных в принятые ранее «Правила белорусской орфографии и пунктуации» (Правилы беларускай арфаграфіі 1959). Характерно, что в новых правилах, которые вступают в действие 1 сентября 2010 года, расширен принцип передачи аканья, который распространяется теперь на слова иноязычного происхождения, т. е. слова *адажью*, *трыю*, *сальфеджью*, *Токіо* теперь будут писаться с «а» – *адажыя*, *трыя*, *сальфеджыя*, *Токія* и т. д. (Правилы беларускай арфаграфіі 2008). Данное обстоятельство является примером закономерного развития языка и смены одной литературной нормы другой, более соответствующей актуальному состоянию национального языка и современным речевым реалиям.

В белорусском диалектном языке, на основе особенностей реализации гласных неверхнего подъема в безударных слогах после твердых согласных и в абсолютном начале слова, традиционно выделяются несколько основных типов вокализма:

- 1) говоры с диссимиллятивным аканьем в первом предударном слоге и редукцией с соответствующими изменениями гласных в остальных безударных слогах;

- 2) говоры с недиссимиллятивным аканьем;

- 3) говоры с отсутствием аканья: окающие, укающие, имеющие конотопский тип безударного вокализма.

Специфическая для этих групп вокализма реализация гласных проявляется практически во всех безударных позициях, кроме конечного открытого слога и позиции абсолютного начала слова, в которых гласные неверхнего подъема подвергаются меньшим изменениям. Далее рассматриваем особенности отмеченных типов вокализма.

К первой группе относятся говоры с диссимиллятивным аканьем, в которых наблюдается редукция безударных гласных неверхнего подъема, в результате чего они могут заменяться непередним гласным [ы], который при незначительном подъеме языка может приближаться к [ы].

В рамках этой группы выделяются говоры, в которых редуцируются гласные всех безударных слогов, кроме начального и конечного открытого: *сылыv'ěj*, *тылыkó*, *быгыdá*, *уылыvá*, *быгыzná*, *vыdá*, *sывáka*, *smыlá*, *bыrán*, *тыjá*, *'zólyta*, *kólys*, *n'óysc'*, *b'ényц*, *párytyc'*.

Такой вокализм зафиксирован на северо-востоке Беларуси в говорах восточных частей Витебской и Могилевской, в западной части Витебской и северной части Минской областей (н.пп. 329, 330, 333, 342, 351, 352, 359, 360,

369, 370, 371, 380, 381) (см. карту – тип вокализма 1а). В абсолютном начале слова и в конечном открытом слоге в этих говорах последовательно произносится звук [a]: *av'ós, ayón', atáva, adná, adnyhó, m'asá, malá, ʒ'ac'ká*. Однако в говорах Полоцкого р-на Витебской обл., Крупского и Славгородского р-нов Минской обл. (н.пп. 335, 350, 379) редукции подвергается и гласный в абсолютном начале слова: *əz'aró, ыd'na, ыdnyhó* (см. карту – тип вокализма 1б).

Ко второй группе относятся такие говоры, в которых гласные неверхнего подъема в различных безударных позициях после твердых согласных и в абсолютном начале слова заменяются гласным [a], т. е. реализуется недиссимиллятивное аканье: *a'v'ós, ayón', atáva, adná, adnahó, salav'ej, malakó, baradá, yalavá, barazná, vadá, sabáka, smalá, barán, majá, zólata, kólas, n'óyac', b'éhaç, páparac', n'éba, m'ásá, mála, ʒ'ac'ka*.

Говоры с произношением гласного [a] во всех безударных слогах отмечены в северной части Гродненской, средней части Минской, юго-западной части Могилевской и восточной части Гомельской областей (н.пп. 331, 332, 334, 336–341, 344–346, 357, 358, 367, 377, 378, 387, 388, 391–393, 396–398) (см. карту – тип вокализма 2а).

К этой же группе мы относим говоры с недиссимиллятивным аканьем, при котором гласные *o*, *a* совпадают в [a] во всех безударных позициях, за исключением конечного открытого слога, где безударный *o* сохраняется, в результате чего гласные *o* и *a* различаются: *sálo, žálo, málo, wóko, ʒ'ac'ka, háta, bóčka*. Такой тип вокализма распространен географически южнее относительно предыдущего (н.пп. 343, 354–356, 365, 366, 368, 376, 385, 386, 395, 399) (см. карта – тип вокализма 2б).

Таким образом, применительно к вокализму первой из этих двух групп мы можем использовать термин «полное недиссимиллятивное аканье», к вокализму второй группы – термин «неполное недиссимиллятивное аканье».

Системы вокализма с отсутствием аканья по сетке ОЛА представлены прежде всего окающими говорами. Реализация гласных неверхнего подъема во всех безударных слогах происходит тут в основном так же, как и в первом предударном слоге – безударный гласный [o] в большинстве таких говоров сохраняется: *ov'ós, oyón', otáva, odná, odnohó, solov'ej, molokó, borodá, yolová, borozná, vodá, smolá, borán, mojá, kólos, n'óyoc', páporoc'*.

В открытом конечном слоге при аканье безударные *o* и *a* различаются: *zóloto, n'ébo, m'ásó, málo, ʒ'ac'ka, sobáka*. Ареал распространения аканья – это юг Беларуси, территория южной части Брестской и западной части

Гомельской областей (н.пп. 362, 363, 372, 374, 375, 382, 384, 389, 390, 394) (см. карту – тип вокализма 3).

Безусловно, на широкой диалектной территории встречаются и переходные говоры, в которых совмещаются принципы нескольких описанных выше основных типов вокализма, но в рамках данного исследования мы не ставили себе задачу подробно останавливаться на них.

Таким образом, можно констатировать, что орфоэпическая норма литературного аканья соответствует вокализму полного недиссимилятивного аканья в белорусских диалектах. Ареал распространения такого типа вокализма практически совпадает с ареалом так называемых среднебелорусских говоров (см. карту – ареал совпадения с литературной орфоэпической нормой), которые, как известно, исторически являются основой белорусского литературного языка и акающей орфоэпической нормы.

Литература

- ДАБМ 1963 – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Пад рэд. Р.І. Аванесава. Выд-ва АН БССР. Мінск, 1963.
- Лінгвістичная геаграфія 1968 – Лінгвістичная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Пад рэд. Р.І. Аванесава [і інш.]. Мінск, 1968.
- ОЛА 2008 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 5: Рефлексы *о.М., 2008.
- Правілы беларускай арфаграфіі 1959 – Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. Рэд. К.К. Атраховіч (К. Крапіва), П.Ф. Глебка. Мінск, 1959.
- Правілы беларускай арфаграфіі 2008 – Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. Мінск, 2008.

Summary

Orthoepic rules of akanje in the modern Belarusian language in comparison with dialects

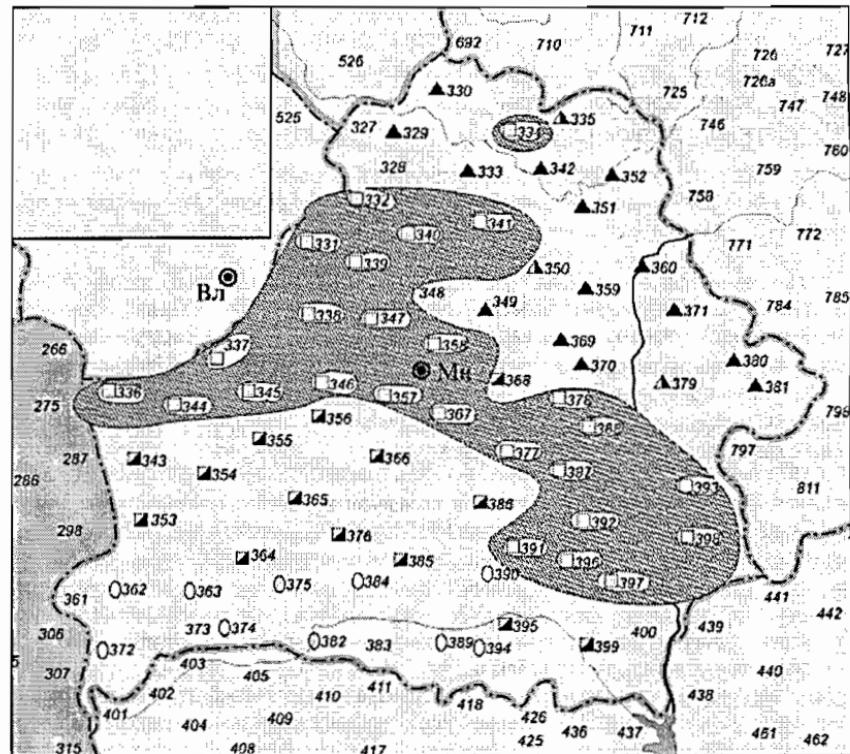
The correlation between main types of the Belarusian dialect akanje and the akanje in literary language is described in the article. It is determined to what extent literary norm of akanje coincides with akanje in dialects. The areas of different types of the Belarusian unstressed vocalism are outlined on the material of The Slavic linguistic atlas.

Карта
**«Орфоэпические правила аканья в современном белорусском языке
в сопоставлении с диалектами»**

Легенда

- ▲ диссимилятивное аканье – тип 1а
- △ диссимилятивное аканье – тип 1б
- недиссимилятивное аканье – тип 2а
- недиссимилятивное аканье – тип 2б
- оканье – тип 3

ареал совпадения с литературной орфоэпической нормой

T.B. Попова (Москва)

Об интерпретации некоторых явлений, характеризующих некодифицированное восточнославянское языковое пространство *

Задача статьи заключается в исследовании одинаковых явлений в восточнославянских диалектах и в разговорной речи восточнославянских литературных языков, а также в обосновании возможности общего генезиса этих явлений. Однако указанная задача потребовала не только довольно пространных предварительных пояснений, но и обращения в ряде случаев к «истории вопроса» из-за слабой степени изученности исходного материала и его недостаточного объема, что, к сожалению, приостановило разработку данной проблемы в восточнославянском языкознании.

* * *

Как известно, каждый литературный язык существует в двух основных разновидностях: это кодифицированный литературный язык (КЛЯ) и разговорный, некодифицированный литературный язык, или разговорная речь (РР)¹. Эти две разновидности литературного языка представляют собой две

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Восточнославянские диалекты в лингвогеографическом аспекте. Теория и практика исследования», проект № 09-04-00577а/U».

¹ В коллективной монографии (Земская 1973) отмечается, что в современной лингвистической литературе термину «разговорная речь» приписывается разное содержание, определяющее разные ее *формы*. Это: 1) любая речь, проявляющаяся в устной форме (например, научный доклад, выступление по радио и телевидению, бытовая речь, городское просторечие, территориальные диалекты и др.); 2) любая устная речь городского населения; 3) бытовая устная речь городского и сельского населения; 4) непринужденная устная (разговорная) речь носителей литературного языка, которая обозначается в указанной монографии термином «разговорная речь» (РР) и означает некодифицированную разновидность современного русского литературного языка (Там же: с. 5–17). Все перечисленные выше формы «разговорной речи», выделяемые разными исследователями, содержат один общий признак – устный характер ее функционирования. Авторы указанной монографии принимают следующее определение *РР современного русского литературного языка* (см. *форму*, выделенную в пункте 4): это «неподготовленная речь носителей литературного языка, обнаруживающаяся в условиях непосредственного общения при неофициальных отношениях между говорящими и отсутствии установки на сообщение, имеющее официальный характер» (Там же: с. 17).

По иному принципу определяется объем понятия «разговорный язык/разговорная речь» в монографии (Нешименко 2003), в которой проблема дифференциации (моделирования) этнического языка решается в рамках коммуникативной (а не традиционной, т. е. стратификационной) концепции; автор отмечает (см. с. 112–116, 134), что в коммуникативный ареал непринужденного повседневного общения, объединенный понятием «разговорный язык» (// «разговорная речь»), входят различные языковые манифестации (среди которых – территориальные диалек-

различные языковые системы, которые функционируют в одном и том же коллективе людей, владеющих литературным языком. Выбор носителями литературного языка КЛЯ или РР обусловливается экстралингвистическими причинами – это специфические для каждой из указанных разновидностей условия ситуации. В лингвистическом плане как КЛЯ, так и РР характеризуются своим собственным набором языковых единиц, особыми законами их функционирования, а также своей собственной системой норм (Земская 1973: с. 23, 26–27; Земская 2004: с. 3, 21).

Если по отношению к КЛЯ ведется кодifikаторская работа, борьба за сохранение его норм, их чистоту и устойчивость, то нормы РР никем сознательно не устанавливаются. Поэтому явления всех уровней (фонетического, морфологического, словообразовательного, синтаксического, лексического) системы РР характеризуются высокой степенью вариативности, «нефункциональным многообразием единиц» (М.В. Панов), т. е. варианты в РР, как правило, являются функционально тождественными. Однако нельзя считать, что в РР все допустимо и какие-либо запреты отсутствуют. Носители РР имеют понятие правильного/неправильного, что позволяет отграничить в РР ошибки, оговорки и тому подобные явления (которые могут относиться, например, к просторечию, диалектам или КЛЯ) от фактов и типических структур, допустимых нормами именно РР (Земская 1973: с. 26–27; Земская 2004). Очевидно, что данные две разновидности литературного языка (т. е. КЛЯ и РР) тесно связаны между собой и активно взаимодействуют друг с другом. В результате многие из явлений, которые появляются в постоянно развивающейся системе РР, обусловлены влиянием КЛЯ и его орфографическими правилами, реализованными в письменной литературной форме.

В то же время хорошо известно, что в РР встречаются и такие явления, которые, безусловно принадлежа системе РР, характерны для тех или иных

ты, являющиеся наиболее стабильным звеном подсистемы разговорного языка, и устная разновидность литературного языка; РР литературного языка и другие манифестиации данного коммуникативного ареала характеризуются целым рядом общих для них дифференциальных признаков (таких, как, например, устное воспроизведение текста, перегулируемость речевого поведения, отсутствие кодификаторских предписаний, стихийный характер эволюции и усвоения нормы, континуальность (т. е. непрерывность) динамики развития нормы и др.). В результате совокупность указанных дифференциальных признаков «обеспечивает ту степень речевой и эмоциональной свободы, вербальной комфортности, которая столь необходима для непринужденного повседневного спонтанного общения» (Там же: с. 114).

Объединение Г.П. Нещименко *территориальных диалектов и устной разновидности литературного языка в одном «коммуникативном ареале непринужденного повседневного общения»* важно для понимания (как будет показано ниже) объекта исследования в настоящей статье.

диалектов. В коллективной монографии (Земская 1973) авторы нередко говорят об общих явлениях, свойственных РР русского литературного языка и русским говорам². Данный факт в значительной степени обусловлен устной формой функционирования РР, а также тем, что нормы РР (в частности, ее такие яркие черты как вариативность и подвижность) близки диалектным нормам, на что в свое время указывал М.В.Панов: «В диалектах, конечно, тоже есть границы между тем, что хорошо и обычно в речи, и тем, что смешно и недопустимо. Однако пределы допустимости очень широки; синонимия единиц и моделей исключительно велика; использование и того, и другого, и третьего способа выражения оказываются функционально никак не разграниченными» (Панов 1962: с. 4).

Наличие многочисленных параллельных (одинаковых) явлений в диалектах и РР характерно для всех уровней языковой системы³. Поэтому актуальность сопоставительного изучения одинаковых фрагментов разговорной литературной и диалектной речи (в объеме одного языка) очевидна. Важной задачей является также и поиск причин этого сходства.

² В указанной коллективной монографии упоминаются такие общие для РР русского литературного языка и русских диалектов явления, как, например: распространение неморфологически образованных звательных форм (типа *Петь!*, *Маш!*, *мам-а-мам!* и под.); утрата непродуктивных словоизменительных моделей под влиянием продуктивных (например, склонение сущ. ср. р. типа *время* без морфонологического сегмента /ен/ по аналогии с сущ. типа *село*: *нет время, стою у знамя*); некоторые типы употребления причастных и деепричастных форм; наличие прилагательных с синонимичными суффиксами *-ац-/уц-*, *-(e)нн-*, *-ш-*; сферы употребления полных и кратких прилагательных; наличие безударных указательных местоимений, примыкающих к имени (типа *этот, тот, он*, ср.: *кедр, он смолистый; а Иванов этот себе на уме*), которые исполняют «поддерживающую» функцию и могут использоваться в системе местоименного удвоения: *по той самой реке*; отмечается, что допустимо усматривать генетическую связь между данными безударными указательными местоимениями и встречающимися в русских говорах и изредка в РР постпозитивными частицами *-от, -та, -то: берег-от, невестка-та хороша, сусло-то, девки-ти* (Земская 1973: с. 33, 156, 157, 175–177, 184, 185, 188, 213–214, 216, 286).

³ Наиболее ярко черты сходства проявляются в синтаксисе. В частности, О.А. Лаптева в свое время подробно исследовала синтаксические конструкции РР русского литературного языка и сопоставляла их (когда позволяла материал) с аналогичными синтаксическими конструкциями в русских диалектах (см., например, Лаптева 1966; Лаптева 1969; Лаптева 1976: с. 84–95). Возможность такого сопоставления она видела в том, что «территориальный диалект по своему коммуникативному назначению принадлежит к языковым средствам массовой коммуникации, что сближает его с устно-разговорной разновидностью (литературного языка. – Т.П.) и отличает от просторечно-жargonных образований... Эти две сферы русского национального языка, представляющие собой область исключительно устного функционирования русской речи, имеют уникальные возможности сравнительно-сопоставительного изучения, определения моментов возможных схождений и расхождений и их причин» (Лаптева 1976: с. 84–85).

Существует некоторый опыт исследования сходствений в РР русского литературного языка и в русских диалектах (особенно в синтаксисе), хотя необходимо отметить, что в настоящее время это направление в русистике пока еще активно не развивается. Е.В. Красильникова, например, справедливо подчеркивает, что отсутствие – как в РР русского литературного языка, так и в русских диалектах – полноценных исходных данных (т. е. конкретного материала и удовлетворительных результатов его анализа) по функционированию причастий и деепричастных форм, а также полных и кратких прилагательных, не позволило ей сформулировать убедительные выводы о сходствах и различиях в организации этих фрагментов в сопоставительном плане⁴.

Работа над коллективной монографией «Восточнославянские изоглоссы» (далее – ВСИ) и новым научным проектом «Восточнославянские диалекты в лингвogeографическом аспекте. Теория и практика исследования» (далее – ВДЛА), которые посвящены изучению явлений, характеризующих восточнославянский диалектный континуум в рамках хронологического среза середины XX в., помогла расширить пространство лингвистических наблюдений. Она показала, что РР русского литературного языка характеризуется наличием целого ряда одинаковых явлений не только с говорами русского языка, но и с целым рядом различных восточнославянских диалектов. Такие параллели образованы, как правило, новообразованиями и имеют в пределах восточнославянского диалектного пространства самую разную локализацию.

Существование одинаковых признаков в РР русского литературного языка и в тех или иных восточнославянских (а не только русских!) диалектах вряд ли является случайным совпадением: можно ожидать наличие между

⁴ Несмотря на то, что «в результате предварительного сравнения отмечены существенные черты сходства диалектной и литературной разговорной речи, хотя отчетливо обнаруживаются и глубокие отличия их» (Земская 1973: с. 216), авторы указанной монографии подчеркивают недостаточность исходного материала для проведения таких исследований, сп.: «...изученность соответствующих фактов (причастий и деепричастий. – Т.П.) РР по сравнению с диалектными еще очень мала. Поэтому и сопоставления еще ограничены. Более содержательным это сопоставление сможет быть только тогда, когда будет сделано описание региональных разновидностей литературной разговорной речи» (Там же: с. 176–177); «Сопоставление употребления кратких и полных прилагательных в литературной разговорной и диалектной речи на настоящем этапе изучения того и другого материала было бы преждевременным» (Там же: с. 213), хотя «определенные черты сходства РР и диалектной речи угадываются и на этом участке системы» (Там же: с. 214). Приведенные высказывания авторов коллективной монографии (Земская 1973) свидетельствуют о том, что актуальность сопоставительного изучения аналогичных явлений в РР русского литературного языка и в русских диалектах для них очевидна.

ними определенной генетической связи⁵. Для обоснования этого тезиса выскажем следующее предположение.

Восточнославянский языковой/диалектный континуум – как единый и целостный лингвистический организм (см., например: Бромлей 1985; Бромлей 2006; Трубачев 1997; Трубачев 2000; Попова 2006) – включает в свой состав не только восточнославянские диалекты, но и разговорные, т.е. некодифицированные, разновидности восточнославянских литературных языков (русского, украинского и белорусского). Как диалекты, так и РР литературных языков существуют в условиях свободного языкового развития, не сдерживаемого целенаправленной (экстраглавионтической) кодификаторской деятельностью. Эти формы языка можно, следовательно, объединить в общий для них восточнославянский «коммуникативный ареал с нерегулируемым речевым поведением» (Г.П. Нещименко)⁶.

И действительно, логика говорит о том, что в одинаковых явлениях, фиксируемых как в восточнославянских диалектах, так и в некодифицированных разновидностях восточнославянских литературных языков, вполне допустимо усматривать реализацию тех общих тенденций, которые были изначально заложены в правосточнославянской языковой/диалектной общности⁷. Именно поэтому сопоставительное изучение материала разговорной

⁵ О.А. Лаптева, например, неоднократно подчеркивала *генетическую общность* РР русского литературного языка и русских диалектов в области синтаксиса, которая базируется «на факте длительной традиции устного существования обеих разновидностей в пределах одного национального языка, на исторической общности их устно-разговорной базы» (Лаптева 1976: с. 85) и на том, что «устно-разговорная разновидность литературного языка всегда сохраняла близость к своим народно-территориальным истокам» (Там же: с. 84–85; Лаптева 1969: с. 23). При изучении синтаксических устно-речевых построений, одинаковых в РР русского литературного языка и в русских диалектах, О.А. Лаптева отмечала, что они «свидетельствуют об *общности* базы литературного языка и диалектов – и *генетически*, и *синхронно*» (Курсив мой. – Т.П.) (Лаптева 1976: с. 87).

⁶ В него входят и другие некодифицированные формы, названные выше (в сносках 1).

⁷ С точки зрения диахронии, устная речь носит первичный характер, она существовала изначально. Об одной из форм ее реализации в истории восточнославянских языков/диалектов рассуждает О.Н. Трубачев. По его мнению, начиная со второй половины I тысячелетия н. э., стало формироваться восточнославянское этническое и языковое пространство, или ареал. Его функционирование выражалось в едином этническом самосознании и в наличии относительно единого (дописменного и долитеатурного) наддиалекта. «Само понятие и название наддиалекта говорит, что он суммирует искую подпитывающую его сложность местных диалектов... Кажется очевидным, что... наддиалект, или общенародный нелитературный язык, он же – “устный литературный язык” – это уннверсалия, нормальная функция множества низовых диалектов, подтверждаемая ближними и дальними параллелями...» (Трубачев 2000: с. 12).

литературной и диалектной речи может прояснить генезис некоторых современных процессов, характеризующих РР литературных языков.

Необходимо отметить, что при обращении к указанной задаче наиболее убедительным следует признать диалектный материал, представленный в лингвогеографическом аспекте. Именно лингвогеографические карты показывают *все реально существующие в пространстве диалектные варианты* того или иного явления, что позволяет *соотнести факт, зафиксированный в РР, с аналогичным диалектным вариантом*.

Изучение в рамках восточнославянской диалектной территории многих явлений, реализованных в разных своих соотносительных вариантах, дает возможность выявить вполне устойчивые диалектные зоны по целому ряду признаков, а также определить тенденции развития и направление распространения в пространстве соотносительных вариантов того или иного явления (см. Попова 2007). Кроме того, именно лингвогеографическое исследование диалектного материала на всей восточнославянской территории позволяет не только понять механизм взаимодействия некоторых явлений, но и объяснить те результаты их развития, которые фиксируются в современных говорах⁸.

Предположение (гипотезу) о том, что существует единое некодифицированное лингвистическое пространство, включающее в свой состав как восточнославянские диалекты, так и разговорные разновидности литературных восточнославянских языков, можно проиллюстрировать некоторыми параллелями, характеризующими, с одной стороны, различные *восточнославянские говоры*, а с другой, – *некодифицированную разновидность (РР) русского литературного языка*⁹.

1. О результатах взаимодействия глаголов I и II спряжений в форме 3-го лица мн. числа настоящего времени.

Известно, что в конце XIX и начале XX вв. представители образованной интеллигенции (прежде всего московской) произносили формы 3 л. мн. числа наст. вр. с наосновным ударением как от глаголов I, так и от глаголов II спряжения с безударной флексией [ут], т. е. не только *плáчут, кóлют*, но и *дéржут, нóсят, хóдют, стóют*. Некоторые лингвисты (например, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф.Е. Корш, Д.Н. Ушаков) даже рекомендовали счи-

⁸ Ср., например, взаимодействие между: а) сущ. ж.р., восходящими к *i- и *ā-основам; б) твердой и мягкой разновидностями склонения в рамках сущ. ж.р.; в) субъективной и адъективной моделями именного словоизменения; г) парадигмами глаголов I и II спряжений и др. – см. соответствующие карты и комментарии в (ВСИ-1, ВСИ-2, ВСИ-3, ВСИ-4, ВДЛА).

⁹ Материалом, характеризующим РР украинского и белорусского литературных языков мы, к сожалению, не располагаем.

тать данное произношение орфоэпической нормой русского литературного языка (Морфология и синтаксис 1968: с. 137–138).

Однако начиная приблизительно с 20-х годов XX в. безударная флексия [ут] в литературном произношении стала вытесняться флексией [ът], т. е. наряду с *плá[чут]*, *кó[л'ут]*, *дér[жут]*, *нó[с'ут]* и т.д. все чаще и чаще стало появляться произношение *плá[ч'ут]*, *кó[л'ът]*, *дér[ж'ут]*, *нó[с'ът]*.

Р.И. Аванесов, занимаясь в течение ряда лет (см.: Аванесов 1937; Аванесов 1947; Аванесов 1954) исследованием данного вопроса на материале глаголов II спряжения, фиксировал динамику в развитии указанного явления, а именно постепенное вытеснение флексии /ут/ [ут] флексией /ат/ [ът] – см. подробнее в (Аванесов 1954: с. 118–121). В 1954 г. он уже подчеркивал, что «*описанная особенность* (т. е. произношение безударного [ут] при написании -ат, -ят в глагольных окончаниях. – Т.П.) уже не свойственна современному состоянию русского литературного произношения: она сохраняется, и то лишь непоследовательно, в устах представителей самого старшего поколения. Произношение форм 3-го лица множественного числа 2-го спряжения последовательно с [у] вместо [а] для современного русского языка либо представляет собой сознательную стилизацию под старое московское произношение, либо характеризует просторечный нелитературный язык» (Там же: с. 119)¹⁰. Появление нового произношения указанных форм в глаголах II спряжения с безударной флексией /ат/ [ът] Р.И. Аванесов объяснял прежде всего влиянием орфографии, но не исключал и влияния севернорусских говоров (Там же: с. 121).

В 60-х годах специальным изучением этого вопроса в социолингвистическом аспекте занимались лингвисты под руководством М.В. Панова (Панов 1964: с. 126; Кузьмина 1964: с. 125–132; Морфология и синтаксис 1968: с. 141). Причину активного вытеснения безударной флексии [ут] флексией [ът] в форме 3 л. мн. наст. глаголов II спряжения они видели в резком и повсеместном повышении культуры населения и во влиянии социальных факторов, усиливших престижность, а, следовательно, и воздействие

¹⁰ Интересные статистические данные приведены в (Антонова 2002). В начале XXI в. она изучала употребление безударной флексии 3 л. мн. наст. глаголов II спряжения [ут] в речи дикторов-москвичей. Так, в речи старшего поколения «старомосковская норма», т. е. указанные формы с безударной флексией [ут], реализуется в 70–80% случаев употребления; у среднего поколения – немногим более 50% употребления; у младшего поколения – 15–20% случаев употребления. Эти данные свидетельствуют о достаточной устойчивости данной «старомосковской» орфоэпической нормы (Там же: с. 193). Следует при этом обратить особое внимание на важное наблюдение автора, что «в детской речи старомосковский вариант произношения рассматриваемого окончания встречается чаще, чем во взрослой» (Там же: с. 195).

письменной формы литературного языка, т. е. придавали особое значение экстралингвистическим факторам. В то же время, вслед за Р.И. Аванесовым, М.В. Панов с коллегами не исключали и значительной роли северорусских говоров, а также допускали реализацию некоторых внутриязыковых тенденций, в первую очередь – в рамках глаголов II спряжения – грамматической аналогии, например: *остáвят* по аналогии с *удешевéйт*, *трáтят* по аналогии с *контáйт*, *повéсят* как *колесáйт* и т. д.

Остановимся также на одном из объяснений этого явления, предпринятым С.В. Бромлей, которая полагала, что появление в современном литературном языке в его разговорной форме безударной флексии /at/ (прежде всего в глаголах II спряжения) вряд ли можно считать закономерным и внутрисистемным развитием «вспять», т. е. «восстановлением» утраченного еще в давние времена этимологического различия I и II спряжений;ср.: «Трактовка этого процесса как реализации тенденции, возникшей в самой системе..., не представляется нам...убедительной (подчеркнуто мной. – Т.П.)» (Бромлей 1973: с. 172). По ее мнению, здесь, скорее всего, имеет место взаимодействие двух разных устных вариантов литературного произношения: *старой системы* литературного произношения форм 3 л. мн. наст. с флексией /ut/ и *новой системы*, характерной особенностью которой является так называемый «произносительный ‘буквализм’», основанный на влиянии литературной письменной орфографии с флексиями /ut/ (для глаголов I спряжения) и /at/ (для глаголов II спряжения). Именно в этом проявилось мощное влияние русского письменного литературного языка на разговорный язык. В результате взаимодействия между указанными двумя формами (вариантами) устного литературного языка в сферу современного литературного произношения и проникла флексия /at/ (в глагольных основах на мягкие парные и непарные по твердости-мягкости согласные) (Там же: с. 172–175).

Однако необходимо при этом обратить специальное внимание на то, что в это же время (т. е. в середине XX в. и несколько ранее) стало достаточно обычным произношение носителями русского литературного языка данных форм и от глаголов I спряжения с той же безударной флексией [ът], как, например, *плá[ч'т]*, *хлопó[ч'т]*, *бó[р'т]ся* (так же, как *хóд'т*, *прóс'т*). С.М. Кузьмина, исследовавшая указанную проблему и отмечавшая общую тенденцию «к устранению [у] из окончаний 3-го лица мн. числа глаголов II спряжения» (Кузьмина 1964: с. 132), делает, по нашему мнению, очень важное и правдоподобное (как будет показано ниже) предположение: «Возможно, эти факты (т. е. произношение данных форм от глаголов I спряжения с безударной флексией /at/ [ът]. – Т.П.), пока единичные, не случайны, и ко-

гда-нибудь снова победит тенденция к слиянию двух личных безударных парадигм в одной, притом уже в виде общей флексии –[ът] в безударных глагольных формах (подчеркнуто мной. – Т.П.)» (Морфология и синтаксис 1968: с. 142).

При рассмотрении вопроса о судьбе безударной глагольной флексии 3 л. мн. наст. необходимо, как уже говорилось выше, привлечь, наряду с данными из РР русского литературного языка, также и восточнославянский диалектный материал, исследованный в лингвогеографическом аспекте.

Следует отметить, что определенный интерес представляет анализ рассматриваемого явления как во всех восточнославянских диалектах, так и в говорах какого-либо одного восточнославянского языка (в частности, белорусского), но непременно в контексте единого восточнославянского диалектного континуума. Такой подход не только покажет общую лингвогеографическую картину распределения в пределах восточнославянского диалектного пространства *всех диалектных вариантов* безударной флексии 3 л. мн. наст. от глаголов I и II спряжений, но и позволит обратить внимание на чрезвычайно специфическую ситуацию в *современных белорусских говорах*, связанную с реализацией этого явления и имеющую самое непосредственное отношение к рассматриваемым фактам в РР русского литературного языка.

Как известно, одно из определяющих различий между глаголами I и II спряжений принадлежит набору флексий парадигмы настоящего времени, а из этого набора – флексии 3 л. мн. ч. Если ударение в данной глагольной словоформе падает на флексию (в глаголах с фиксированным наконечным ударением в парадигме настоящего времени), то она четко различает две разновидности спряжения: /ут⁽¹⁾/ – I спряжение, /ат⁽¹⁾/ – II спряжение. Если же флексия оказывается в заударной позиции (в глаголах с наосновным и подвижным ударением в парадигме настоящего времени), то роль этой флексии в дифференциации глаголов I и II спряжений может быть в диалектном плане различной, поскольку в одних говорах ее различительная функция сохраняется (т.е. ́/ут⁽¹⁾/ ~ ́/ат⁽¹⁾/), в других – реализуется непоследовательно (ср., например, ́/ут⁽¹⁾/ ~ ́/ат⁽¹⁾/ || ́/ут⁽¹⁾/), а в третьих – вообще отсутствует (т. е. ́/ут⁽¹⁾/ ~ ́/ут⁽¹⁾/ или ́/ат⁽¹⁾/ ~ ́/ат⁽¹⁾/)¹¹.

¹¹ Напомним, что в славянских языках и диалектах в глагольном словоизменении изначально выделялись две основные его разновидности – первое спряжение и второе спряжение.

Для исходной морфологической системы языка восточных славян реконструируются, например, такие формы двух парадигм настоящего времени, характеризующих глаголы I и II спряжений, как: *nesu* – *nesetъ* – *nesetъ* – *nesitъ* (I спряжение) и *xval'и* – *xvalitъ* – *xvalitъ* (II спряжение); данная реконструированная система вполне надежно подтверждается

Длительное взаимодействие между глагольными парадигмами I и II спряжений обусловило возникновение многообразных диалектных различий (междиалектных соответствий) в рамках глагольного словоизменения. В результате имеются говоры, которые продолжают этимологическое распределение всех без исключения глаголов в два спряжения (им свойственны формы типа русск. лит. *пекӯ, печёшь..., пекӯт; шлю, шлёшь..., шлют; поріо, порешишь..., порют; пишӯ, пишешь..., пишут; сёю, сёешишь..., сёют – I спряжение и стою, стойшишь..., стоят; сплю, спишь..., спят; вожӯ, вёзишь..., вёзят; спорю, споришишь..., спорят – II спряжение). В других же говорах четкое противопоставление I и II спряжений наблюдается только в глаголах, характеризующихся фиксированным наконечным ударением в парадигме настоящего времени, тогда как в глаголах с подвижным или наосновным ударениями вследствие определенных фонетических и нефонетических (аналогических) процессов дифференциация между ними может отсутствовать (ср., например, формы 3 л. мн. наст.: *пекӯт* и *стойат* – во всех говорах, но *кól'ут*, *п'йл'ут* – в одной группе говоров, *кól'ат*, *п'йл'ат* – в другой, *кól'ут/кól'ат*, *п'йл'ут/п'йл'ат* – в третьей и т. д.).*

Отсюда следует, что *постоянным и общим* для всех восточнославянских диалектов признаком является различие I и II спряжений по реализации ударной флексии в форме 3 л. мн. наст. в глаголах с *фиксированным наконечным ударением* в парадигме настоящего времени. Диалектные же *различия* (или междиалектные соответствия) связаны с глаголами, которые характеризуются такими признаками, как: а) *подвижное или наосновное ударение* в парадигме настоящего времени и б) определенное строение основы: в глаголах I спряжения – это непарные по твердости-мягкости согласные и мягкие согласные *л'* и *р'*; в глаголах II спряжения – это все парные мягкие и непарные по твердости-мягкости согласные.

Диалектные варианты *безударной* флексии формы 3 л. мн. наст. от данных глаголов, которые в одних говорах различают I и II спряжения, а в других не различают, представляют собой соотносительные различительные

зафиксированными в памятниках др.-рус. языка XI в. глагольными формами указанных парадигм (Историческая грамматика 1982: с. 27, 45). Четкое противопоставление глагольных парадигм I и II спряжений в глаголах с любой акцентной характеристикой было проведено в тот период строго последовательно. Однако в дальнейшем, по мере развития восточнославянских языков и диалектов, глаголы I и II спряжений вступали друг с другом в определенные взаимоотношения. Историки языка отмечают, что в период XIV–XV вв. памятники письменности уже содержат некоторые факты, свидетельствующие об определенных проявлениях аналогического взаимовлияния между глаголами I и II спряжений (Там же: с. 124).

элементы, зафиксированные в разных ЧДС. Именно они формируют диалектное соответственное явление (Вопросы теории 1962: с. 13–14). Таким образом, одно из ярких диалектных различий, характеризующее все восточнославянские диалекты, связано с взаимодействием I и II спряжений и с морфологическим оформлением флексии в форме 3 л. мн. наст. тех глаголов, которые имеют определенное строение основы и характеризуются подвижным и наосновным ударениями в парадигме настоящего времени (флексия этой формы находится в заударной позиции)¹².

В современных белорусских говорах сформировались разнообразные модели глагольного словоизменения; некоторые из них встречаются исключительно только в говорах белорусского языка. Диалектные реализации флексии в форме 3 л. мн. наст. свидетельствуют о том, что на всем протяжении существования белорусских говоров система глагольного словоизменения в них развивалась очень активно и в разных направлениях. Одним из главных содержаний (условий) этого развития являлось взаимодействие двух разновидностей спряжения, проявившееся в стремлении к унификации формальных признаков глагольного словоизменения.

Диалектный материал свидетельствует о том, что в указанных говорах употребляется как бы максимальный набор (инвентарь) диалектных морфологических вариантов глагольной флексии формы 3 л. мн. наст., отмеченных в своей совокупности во всех восточнославянских диалектах. Кроме того, только в белорусских говорах фиксируются такие типы распределения указанных флексий по конкретным глагольным основам, которые отсутствуют в материалах по другим восточнославянским диалектам (Попова 2004).

В говорах белорусского языка данная глагольная форма образуется с безударными флексиями -'ут' ([уц', ут']) и -'ат' ([ац', ат', ъц', ъц', ец', ет'...]). По словам формы 3 л. мн. наст. с этими флексиями могут относиться – этимологически – как к глаголам I, так и к глаголам II спряжений (например, *сейц'* и *кóрмл'уц'*, *кáжсац'* и *хóдз'ац'*). В глаголах же с фиксированным начальным ударением смешения флексий быть не может: в парадигме настоящего времени форма 3 л. мн. образуется с помощью ударной флексии

¹² Еще раз необходимо подчеркнуть, что важно учитывать современную ситуацию, связанную с взаимодействием I и II спряжений, в белорусских говорах, которые входят (как одна из составных частей, наряду с РР русского литературного языка) в единое некодифицированное восточнославянское языковое пространство. Именно материал современных белорусских говоров имеет несомненное значение для понимания возникновения аналогичных процессов при взаимодействии двух типов спряжений в других восточнославянских (особенно в южнорусских) говорах и в РР современного русского литературного языка.

/ўг'/ только от глаголов I спряжения (ср. *идуц'*), а с помощью ударной флексии /ат'/ – только от глаголов II спряжения (ср. *с'адз'ац'*). В дальнейшем речь будет идти лишь о форме 3 л. мн. наст. с безударными флексиями /ут'/ и /ат'/.

Весь диалектный континуум белорусского языка разделяется на два больших ареала: северо-восточный и юго-западный (см. ДАБМ, карты №№ 156, 157). Северо-восточный ареал образован говорами, подавляющее большинство которых образует форму 3 л. мн. наст. только с безударной флексией /ут'/ – как от глаголов этимологического I спряжения, так и от глаголов этимологического II спряжения (например, *үрэйуц'*, *майуц'*, *кл'епл'уц'*, *дрэмл'уц'*, *кёл'уц'*, *каксуц'*, *пышуц'* и *вал'уц'*, *каравул'уц'*, *корм'уц'*, *кос'уц'*, *малоц'уц'*, *уворуц'*, *сүшуц'*). В подавляющем большинстве белорусских говоров, которые входят в юго-западный ареал, безударные флексии глагольной формы 3 л. мн. наст. являются дифференциаторами глаголов I и II спряжений (например, *в'ажсуц'*, *нольуц'*, *трэпл'уц'*, *с'епл'уц'*; но *наб'ел'ац'*, *кос'ац'*, *роб'ац'*, *лоб'ац'*).

Следует отметить, что первый (т. е. северо-восточный) ареал примыкает на севере и востоке к ареалу русских говоров, в которых также данные формы употребляются только с флексией /ут'/ (*нор'ут'*, *нос'ут'*); указанные два ареала (белорусский и русский), объединенные общим признаком неразличения безударных спряжений, образуют на всем восточнославянском диалектном пространстве *один общий большой ареал*.

Второй (т. е. юго-западный) белорусский ареал соединяется с ареалом украинских говоров по одинаковому для них признаку различения I и II спряжений в глагольной форме 3 л. мн. наст. с безударной флексией (этот ареал разделяется по горизонтали только узкой полосой крайних южнобелорусских и некоторых североукраинских говоров, которые характеризуются иным – достаточно сложным и пестрым – распределением безударных флексий /ут'/ и /ат'/ по конкретным глаголам и по разным ЧДС).

Таким образом, именно по территории белорусских говоров проходит часть диалектной границы между двумя основными ареалами всего восточнославянского диалектного пространства, которые образованы по разным результатам взаимодействия двух безударных спряжений в форме 3 л. мн. наст.

Наличие в северо-восточных белорусских говорах одной общей для всех глаголов безударной флексии /ут'/, а в юго-западных говорах – безударных флексий /ут'/ (для глаголов I спряжения) и /ат'/ (для глаголов II спряжения) свидетельствует о том, что в процессе взаимодействия двух спряжений бо-

лее сильным партнером в рамках белорусского диалектного континуума являлось I спряжение. Поэтому в северо-восточных говорах аналогичному воздействию были подвержены именно глаголы II спряжения, и унификация флексии в формах 3 л. мн. наст. реализовалась по словоизменительной модели I спряжения, но не наоборот.

Однако данная ситуация характерна не только для белорусских говоров, но также и для соответствующих русских и украинских говоров.

Специфической же чертой только белорусских говоров следует считать достаточно широкое распространение в форме 3 л. мн. наст. (в глаголах, изначально принадлежащих к I спряжению с основой на непарные по твердости-мягкости согласные и согласные *l'* и *r'*) флексии /at'/¹. Это означает, что в таких говорах унифицирующее влияние оказывали уже глаголы II спряжения на глаголы I спряжения. Ср., например, следующие формы 3 л. мн. наст., зафиксированные в белорусских говорах: *дрéм'aц'*, *дрéмл'aц'*, *дрéмл'et'*; *сýм'aц'*, *сýмл'aц'*, *сýмл'am'*, *сýмл'et'*; *шчýм'aц'*, *шчýмл'aц'*, *шчýмл'et'*; *кл'éп'aц'*, *кл'éпл'aц'*; *трéпл'aц'*, *трéп'aц'*; *кáжсац'*, *кáжсем'*; *в'áжсац'*, *в'яжсац'*; *п'ышац'*; *квóкчац'*, *крéкчац'*; *м'él'aц'*, *м'él'et'*; *пól'aц'*; *кól'aц'*; *мéйхац'*, *с'éйхац'*, *знáйхац'*, *урéйхац'*, *мáйхац'*, *шéйхац'*, *пушчáйхац'*, *наичыпáйхац'*, *зарабл'áйхац'*, *дúмайхац'*, *зац'аўдáйхац'*, *хватáйхац'*, *пан'шмáйхац'*, *зав'итáйхац'*, *баранўйхац'*, *зам'ин'йравайет'* и мн.др., см. (ДАБМ, каментарыі №№ 156, 157; Мацкевич 1959: с. 173; Нарисы 1964: с. 269, 270; Попова 2004: с. 121–123, 125–127).

Карта в ДАБМ № 156 «Цвёрды і мяккі зычны і ненацкны галосны ў канчатку 3-яй асобы множнага ліку дзеясловаў I спражэння» показывает, что формы на /at'/ в глаголах I спряжения разбросаны, фактически, по всему белорусскому диалектному пространству, однако, чаще всего, особенно в говорах северо-восточного наречия, они употребляются в качестве вариативных к формам на /ut'/ (т. е. *кáжсац' /кáжсуц'*). В то же время зафиксировано и немало говоров, в которых данные формы на /at'/ употребляются безвариантно. Такие формы на /at'/ (как в качестве вариантов, так и в безысключительном употреблении) отмечены в говорах юго-запада (к западу от 30° меридiana, включая район Гродно) и на северо-востоке (к северу от условной линии Полоцк – Витебск – севернее Орши). Наиболее «густые» скопления говоров с указанными формами на /at'/ находятся в бассейне Вилии (к северо-западу от Молодечно), западнее Минска, в бассейне притока Немана – Березины, в районе Барановичей, Гродно, Гомеля и в бассейне Припяти вдоль южной государственной границы. В качестве иллюстрации приведем из некоторых говоров формы 3 л. мн. наст. с флексиями /at'/ и /ut'/, которые образованы от глаголов I и II спряжений (ДАБМ, каментарыі, №№ 156, 157):

nól'ač', *kól'ač'/kól'uč'*, *sýt'ač'* – I спряжение и *xóz'ač'*, *prós'ač'*, *kós'ač'*, редко *xóz'uč'*, *kós'uč'* – II спряжение (Молодеченская обл.); *n'ýšač'*, *nán'ímájač'*, *zav'ítájač'* (у молодых, но в языке старшего поколения – *raстúč'i*, *жывúč'i*, *póйduč'i*) – I спряжение и *xóz'ač'*, *prós'ač'*, *umón'ač'*, *práv'ač'* (и *uавóruč'*) – II спряжение (Гомельская обл.); *dr'ém'l'et'*, *sýpl'et'* – I спряжение и *kórm'l'et'*, *kós'et'*, *vóz'et'*, *uovóret'* – II спряжение (Пинская обл.); *kájšyč'*, *v'ájšyč'*, *sýml'ýč'* – I спряжение и *kós'ýč'*, *vóz'ýč'*, *uavóryč'* – II спряжение (Минская обл.).

Сопоставление и совмещение карт в ДАБМ № 156 (I спряжение) и № 157 (II спряжение) дают возможность изучить распространение в пространстве и соотношение флексий /ut'/ и /at'/ в форме 3 л. мн. наст. глаголов I и II спряжений. Особый интерес представляют говоры, локализующиеся в пограничной области – между северо-восточным и юго-западным ареалами. В этих говорах распределение вариантов формы 3 л. мн. наст. с флексиями /ut'/ и /at'/ говорит о том, что, во-первых, юго-западный ареал с флексией /at'/ в глаголах II спряжения (*nós'ač'*) имеет тенденцию к расширению в северном направлении, в то время как северо-восточный ареал с обобщенной флексией /ut'/, соответственно, сокращается; во-вторых, в употребляющихся в этих говорах формах не только типа *nós'ač'*, но и типа *nól'ač'* (вместо характерных для северо-восточного ареала форм типа *nós'uč'*, *nól'uč'*) флексию /at'/, которая совпадает по звучанию с этимологической (в тех случаях, когда она зафиксирована в глаголах II спряжения), можно считать самым поздним новообразованием, сменившим более раннее новообразование – безударную флексию /ut'/ (т. е. **nós'ač'* → *nós'uč'* → *nós'ač'*). Об этом свидетельствуют как комментарии эксплораторов, так и лингвогеографический ландшафт, представленный на картах атласа. Следует специально подчеркнуть, что новая флексия /at'/ в соответствующих говорах охватывает глаголы не только исконного II, но и исконного I спряжения типа *nól'ač'*, *kájšač'*, *dréml'ač'* (см. подробнее в Попова 2004).

В некоторых белорусских говорах Гомельской, Молодеченской и Минской областей зафиксированы и такие «экзотические» формы 3 л. мн. наст., в которых флексии /ut'/ и /at'/ распределились по конкретным глаголам как бы «наоборот» с точки зрения этимологической принадлежности глагола к I или II спряжениям, например: *kájšač'*, *myájač'*, *m'él'ač'*, *c'éyač'*, *nól'ač'*, *kól'ač'*, *réyač'*, *znájač'*, *májač'*, *puščájač'*, *naščyplájač'*, *dúmajač'*, *kl'éń'ač'*, *sýpl'ač'*, *ichýl'ač'* – I спряжение и *vóz'uč'*, *uavóruč'*, *váruč'*, *kóč'učač'*, но также и *xóz'ač'*, *lóv'ač'*, *lóm'ač'*, *vóz'ač'*, *uavórač'* – II спряжение (дер. Лысчевичи Минской обл.).

Важно также отметить, что существуют отдельные говоры-«островки» с формами 3 л. мн. наст. на /ат'/ как от глаголов I, так и от глаголов II спряжения, которые находятся в окружении говоров северо-восточного ареала, образованного данными формами с одной лишь флексией /ут'/. Это свидетельствует о том, что в говорах-«островках» принцип неразличения двух спряжений, характерный для указанного ареала, сохраняется. В то же время, реализуя такую унификацию, глаголы идут по новому пути и выбирают словоизменительную модель II спряжения (т. е. флексию /ат'/, которую в данном случае можно считать *самым поздним новообразованием*).

Указанные факты свидетельствуют о том, что в современных северо-восточных белорусских говорах рассматриваемое диалектное явление находится в стадии развития. Сущность этого процесса заключается в том, что отсутствие противопоставленности словоизменительных моделей I и II спряжений с безударными флексиями, как и ранее, остается главным его содержанием. Однако в настоящее время унификация глагольных флексий начинает происходить по образцу II спряжения, которое в конкуренции с формальными признаками I спряжения отвоевывает у него отдельные позиции (в одних говорах данная тенденция реализуется более быстрыми темпами, в других – более медленными). Об этом говорит, например, расширение круга глаголов, образующих форму 3 л. мн. наст. с безударной флексией /ат'/, появление безударной флексии /ат'/ в глаголах этимологического I спряжения в отдельных говорах юго-западного ареала, явное распространение этой флексии в пространстве в направлении с юга на север, а также преимущественное употребление варианта с /ат'/ в речи среднего и молодого поколения.

Данную диалектную ситуацию в белорусских говорах, скорее всего, можно интерпретировать как зарождение и начало реализации во взаимоотношениях I и II спряжений *старой тенденции неразличения двух спряжений* (в форме 3 л. мн. наст. с безударной флексией), но новыми (возникшими *внутри системы*) средствами. Указанная тенденция проявляется во все возрастающем употреблении форм 3 л. мн. наст. с безударной флексией /ат'/ и постепенном вытеснении из употребления общей флексии /ут'/ (а следовательно, в активизации формальных признаков словоизменительной модели II спряжения).

Приведем также достаточно интересные данные из русских говоров. Как известно, вопрос о флексии 3 л. мн. наст. глаголов I и II спряжений подробно исследовала С.В. Бромлей (Бромлей 1973). Ею приведены немногочисленные примеры употребления данных форм с безударной флексией /ат/ (/ат') от глаголов I спряжения – и не только из южнорусских говоров (кото-

рые составляют общий ареал с северо-восточными белорусскими говорами по такому признаку, как наличие общей для двух спряжений безударной флексии /ут'/ в форме 3 л. мн. наст.), но и из севернорусских говоров, в которых в подавляющем их большинстве глаголы I и II спряжений различаются по реализации флексии в формах 3 л. мн. наст. вне зависимости от места ударения в указанной словоформе.

По сведениям С.В. Бромлей, в 32 севернорусских населенных пунктах зафиксированы, суммарно, следующие формы с безударной флексией /ат/ от глаголов I спряжения (употребляющиеся, как правило, в качестве вариантов с формами на /ут/): *стéлят, мéлят, кóлят, трéплят, дрéмлят, рóят, сéят, грéят, мóят, пláчат, тóпчат, скáчат, бормóчат, пíшат, хléщат* (Там же: с. 158). Строение основ этих глаголов совпадает с основами глаголов II спряжения, в которых флексия /ат/ обусловлена этимологически: *пíлят, стрóят, клéят, мóчат, мóрщат*. Данные факты свидетельствуют о том, что тенденция к объединению I и II спряжений проявляется и в севернорусских говорах. Об этом же говорят и достаточно многочисленные случаи употребления общей безударной флексии /ут/ в глаголах I и II спряжений (например, *плáчут, лéчут, вóзют, лóмют*), встречающиеся в каждом шестом из севернорусских говоров, обследованных для атласа по «Программе» (Там же).

По поводу ситуации в южнорусских говорах, С.В. Бромлей отмечает, что тенденция к объединению парадигм I и II спряжений с безударными окончаниями, только наметившаяся в севернорусских говорах, «в основном массиве южнорусских говоров *полностью реализована*: окончание –ут является здесь *единственным* окончанием 3 л. мн. ч. всех глаголов с ударением на основе (курсив мой. – Т.П.)» (Там же: с. 160), т. е. принцип неразличения безударных окончаний прочно утвердился в южнорусских говорах.

Что касается безударной флексии /ат'/ в формах 3 л. мн. наст. от глаголов I спряжения, то она, по данным ДАРЯ, все же употребляется в южнорусских говорах, но чрезвычайно редко. В ДАРЯ-II на карте № 84 «Гласный в безударном окончании 3-го лица множественного числа не I спряжения» на территории южнорусских говоров эта флексия в исключительном употреблении отмечена только в районе Новозыбкова. В качестве варианта флексии /ут'/ флексия /ат'/ образует бессистемно разбросанные на остальной южнорусской территории островки единичных говоров (например, в районе следующих городов: Брянск, Щигры, Обоянь, Воронеж, Тамбов, Борисоглебск, Сердобск, Н. Ломов, Москва и нек. др.); встречается – единично – вариативное употребление безударной флексии /ат'/ (/ат/) и на западе.

С.В.Бромлей, интерпретируя данное явление, пишет: в некоторых южнорусских говорах, на фоне повсеместного, сплошного произношения безударной флексии /ут'/ (/ут/) от всех глаголов, «встречается и безударное окончание *-am'* (или *-at'*). Преимущественно оно встречается у глаголов, “этимологически” восходящих к II спряжению, типа *и́ос'at'*, *л'уб'at'*. У глаголов, восходящих к I спряжению, это окончание отмечено в материалах совершенно единично (формы типа *плáч'at'*, *сéjam'* встретились на территории «Атласа русских говоров юго-западных областей РСФСР» всего в трех пунктах: 339, 428, 441). Надо думать, что формы с безударным *-am'* (*-at'*), отражая современные процессы в диалектах, являются фактами, в которых проявляется влияние литературного языка, мощно воздействующего в настоящее время на разговорную речь новой интеллигенции... Изложенные соображения дают основание рассматривать формы на *-am'* (*-at'*) в качестве фактов внесистемного характера, хотя они и имеют непосредственную связь с переживаемыми в говоре процессами. В дальнейшем изложении мы их на этом основании элиминируем (Подчеркнуто везде мной. – Т.П.)» (Там же: с. 167–168). И далее автор заключает, что «в пользу влияния норм русского литературного языка» на наличие в южнорусских говорах форм 3 л. мн. на *-am'* (*-at'*) говорят следующие факты: «(1)...преобладание в формах с гласным *a* и конечным *m* варианта с *m* твердым, в то время как в формах с гласным *у* (*-ут'//-ут*) резко преобладает вариант с *m* мягким; (2) почти полная неспособность этого варианта окончания (*-am'//-at'*) распространяться на глаголы “этимологически” I спряжения, тогда как вариант *-a*, также обладающий признаком II спряжения, такую тенденцию проявляет; (3) довольно широкая встречаемость окончания *-am'* (*-at'*) во многих южнорусских говорах у глаголов “этимологически” II спряжения» (Там же: с. 171).

С приведенным мнением С.В. Бромлей (о влиянии русского литературного языка на появление в южнорусских говорах форм 3 л. мн. наст. от глаголов I и II спряжений с безударной флексией /ат'/ и, следовательно, о внесистемном характере возникновения этих форм) мы не можем согласиться по следующим причинам. Во-первых, южнорусские говоры образуют общий ареал с рассмотренными выше северо-восточными белорусскими говорами; весь этот большой ареал характеризуется таким типологическим признаком как неразличение I и II спряжений в форме 3 л. мн. наст. с безударной флексией. Во-вторых, в целом ряде белорусских говоров зафиксирована самая последняя инновация, свидетельствующая о дальнейшем внутрисистемном развитии восточнославянской тенденции к неразличению I и II спряжений, но уже на новом материале – общей безударной флексии 3 л. мн. наст. /ат'/, постепенно вытесняющей из употребления более раннюю инновацию – об-

шую безударную флексию /ут'/. В связи с тем, что как южнорусские, так и северо-восточные белорусские говоры образуют *общий ареал*, который входит в единое некодифицированное восточнославянское языковое пространство, то одинаковые по форме (в данном случае – это безударная флексия /ат'/) и по содержанию (неразличение “безударных” спряжений) явления, фиксируемые в разных говорах этого ареала, скорее всего должны иметь одинаковое происхождение и, следовательно, одинаковое объяснение.

Очевидно, что в настоящее время подавляющее большинство восточнославянских диалектов характеризуется реализацией одной из мощных тенденций в развитии глагольной системы. Это неразличение двух спряжений в парадигме настоящего времени с безударными флексиями. Данный процесс в разных конкретных словоформах и в разных говорах проявляется по-разному. В словоформе 3 л. мн. наст. с ударением на основе он может выражаться в употреблении указанной словоформы от всех глаголов либо с безударной флексией /ут⁽¹⁾/, либо с безударной флексией /ат⁽¹⁾/, либо с наличием вариативного употребления обеих флексий (соотношение которых по словам характеризуется чрезвычайным многообразием), см. карту.

Общая безударная флексия /ут/ в глаголах I и II спряжений, свидетельствующая о неразличении данных безударных парадигм в форме 3 л. мн. наст., характеризует большой центральный ареал всего восточнославянского диалектного пространства: это южнорусские и южная часть среднерусских говоров, северо-восточные белорусские говоры и южнобессарабские украинские говоры. Кроме того, об отдельных фактах реализации этой тенденции свидетельствуют некоторые севернорусские говоры (см. выше), а также большой массив юго-восточных украинских говоров, которые характеризуются либо вариативным употреблением безударных флексий 3 л. мн. наст. /ут'/ и /ат'/ в любых глаголах с данным акцентным признаком, либо – реже – исключительным употреблением одной лишь безударной флексии /ут'/ (Попова 2004: с. 129–133).

При этом следует подчеркнуть, что только на белорусской территории (и, в основном, в ареале с общей безударной флексией /ут'/) достаточно часто встречаются говоры, в которых рассматриваемые формы как от глаголов II, так и от (что особенно важно) глаголов I спряжения употребляются с флексией /ат'/. Как было указано выше, в немногих южнорусских говорах, обра-

зующих объединенный ареал с севернобелорусскими говорами, также отмечена безударная флексия /ат'/¹³.

В некоторых белорусских говорах рассматриваемые формы образуют варианты с формами на /ут'/ (т. е. *клéп'aц'* / *клéп'уц'*, *нóс'aц'* / *нóс'уц'*); по отдельным комментариям эксплораторов можно заключить, что формы с /ат'/ характерны для речи среднего и молодого поколения. Но имеются, и это очень важно, и такие говоры, в которых во всех глаголах и жителями всех возрастов употребляется в рассматриваемой форме только флексия /ат'/, например: *дрéм'aц'*, *дрéмл'aц'*, *клéп'aц'*, *сéяац'*, *кáжсац'*, *пíшац'*, *квóкчац'*, *м'él'aц'*, *кóл'aц'*, *знáяац'*, *шчýп'aц'*; *лóв'aц'*, *нóс'aц'*, *вóз'aц'*, *уавóрац'*. Эти говоры локализуются к западу от Молодечно, западнее Минска, в районе Барановичей, около Гомеля, в бассейне Припяти и в некоторых других местах.

Итак, отметим еще раз, что белорусский диалектный материал очень убедительно показывает все стадии развития этого явления как в содержательном, так и в пространственном аспектах. В белорусских картотеках имеются указания, что формы с безударной флексией /ат'/ являются самыми поздними новообразованиями, а лингвогеографическая картина несомненно свидетельствует о том, что они активно распространяются в направлении с юга на север, вытесняя из употребления более раннее новообразование – общую для глаголов I и II спряжений безударную флексию /ут'/¹⁴.

¹³ К сожалению, не удалось дать более точные сведения по южнорусским говорам из-за утраты «Атласа русских говоров юго-западных областей РСФСР», а в ДАРЯ карта № 84 и комментарий к ней содержат лишь обобщенные данные.

¹⁴ Необходимо подчеркнуть, что качество диалектного материала из разных восточнославянских говоров по рассматриваемому вопросу неравноценно: только белорусские данные, наиболее полные, четко показывают, что в ряде белорусских говоров употребляются такие глагольные формы с безударной флексией /ат'/, которые следует интерпретировать именно в качестве самых последних новообразований. Однако можно предположить, что таким путем развития пойдут в дальнейшем (а может быть идут и сейчас) аналогичные глагольные формы и в других восточнославянских диалектах, и, следовательно, распространение в белорусском языке безударной флексии /ат'/ можно интерпретировать как *новую* тенденцию развития глагольных форм 3 л. мн. наст. с наосновным ударением не только в белорусских, но и в тех восточнославянских диалектах, для которых актуально взаимодействие между глаголами I и II спряжений. (К сожалению, в диалектных материалах из других восточнославянских языков доказательства именно такой линии развития данных форм отсутствуют, – возможно, только потому, что эти материалы в большинстве случаев не отличаются полнотой и системностью). Но следует еще раз отметить, что, по свидетельству С.В. Бромлей, в некоторых южнорусских говорах употребляются редкие формы 3 л. мн. наст. с безударной флексией /ат'/ (Бромлей 1973: с. 166–167, 173) (например, *трéп'ам'*, *стáб'ам'*). Возможно, это также последние инновации.

Вполне очевидно, что на возникновение в белорусских говорах указанных глагольных форм с безударной флекссией /ат/ не влияли ни кодификаторская деятельность, ни орфография восточнославянских литературных языков. В этом процессе проявилась реализация одной из тенденций, т. е. тех внутренних закономерностей, которые определяют развитие языковых систем в рамках восточнославянского лингвистического пространства. Поэтому наличие в белорусских говорах безударной флексии /ат/ можно квалифицировать в качестве *закономерно развивающегося нового продуктивного явления*, содержанием которого по-прежнему остается взаимодействие двух спряжений с безударной флекссией (имеющих в исходе основы парные мягкие и непарные по твердости/мягкости согласные) и как результат этого взаимодействия – неразличение этих спряжений. Однако в данном случае аналогической перестройке подверглись уже глаголы I спряжения по модели глаголов II спряжения (а не наоборот, когда общая флексия /ут/ возникла по аналогии с I спряжением).

В связи со сказанным представляется вполне целесообразным усматривать самую непосредственную связь между новообразованиями в белорусских говорах (типа *дрэмл'ац'*, *пішац'*, *кóрмл'ац'*, *нóс'ац'*) и в РР русского литературного языка (типа *сól'ът*, *кól'ът*), а также считать, что и те, и другие формы являются последней инновацией в реализации (в рамках некодифицированного восточнославянского языкового пространства) тенденции к объединению и, следовательно, неразличению I и II спряжений в глаголах с безударными флексиями¹⁵ (см. предвидение С.М. Кузьминой, приведенное выше).

Таким образом, основываясь на сконструированной линии морфологического развития глагольных форм в белорусских говорах (а именно: 1. I спр. /ут/, II спр. /ат/ → 2. I и II спр. /ут/ → 3. I и II спр. /ут// /ат/ → 4. I и II спр. /ат/), можно высказать предположение о том, что и в РР русского литературного языка этот процесс явился результатом реализации внутрисистемной тенденции (а не следствием экстралингвистических факторов – таких, как усиление социальной значимости литературного языка в целом и его письменной формы в частности, влияния орфографии, влияния севернорусских говоров и т. д., как полагали М.В. Панов и его коллеги). Именно на внутрисистемное развитие указывает материал белорусских говоров, а также

¹⁵ Такие формы с безударной флекссией /ат/ в глаголах I спряжения изредка проникают и в письменную форму КЛЯ, ср., например: «...посыпятся просьбы об интервью...» (ж. «Караван историй», июнь, 2010, с. 75).

русские литературные разговорные формы и не только типа *сól'ът*, *стáв'ът*, появление которых можно было бы связать с влиянием орфографии или с аналогическим воздействием глаголов II спряжения с наконечным ударением, но и формы типа *кól'ът*, *плáч'ът*, *рóйът*, *трéп'ът*, *сын'ът*, *бóр'ъца* и др., на появление которых ни орфография, ни аналогии никак не могли оказать существенного влияния¹⁶. В то же время вряд ли можно полностью отождествлять дальнейший путь развития данного (общего по происхождению) явления в говорах и в РР русского литературного языка, поскольку некодифицированная разновидность русского литературного языка, несомненно, испытывает сильнейшее воздействие КЛЯ (что вносит свои коррективы в систему РР), в то время как говоры (в своей *традиционной* основе) развиваются по своим законам, испытывая минимальное влияние со стороны литературных языков.

Подтверждение наличия общих черт и, возможно, общего генезиса в развитии восточнославянских диалектов и РР русского литературного языка обнаруживается и в других фактах, отмеченных на картах ВСИ и ВДЛА. Например, отмечается:

а) широкое распространение склонения существительных типа *время* без морфонологического сегмента-наращения /ен/ в косвенных словоформах: *сколько время?*, *нет время, стою у знамя*; б) распространение разного рода неморфологических образований звательных форм – с усечением (*мам!*, *теть Валь!*), с повторами (*мам-мама!*), с удлинением гласного (*мáм!*, *нáна!*), со специальными лексическими средствами (*мам а мама!*, *иу, нап!*, *эй, Сергей!*); в) широкое употребление глаголов I-ой непродуктивной группы, образованных по модели I-го продуктивного класса типа *нахают, дремают, колебают, прятают, стрекочают, скакают* (по образцу *читают, играют, ласкают*) и, как следствие этого, утрата глаголов I-ой непродуктивной группы типа *нашут, дремлют, прячут, скачут*.

Остановимся кратко на этих явлениях.

2. О парадигмах существительных среднего рода типа рус. лит. *время*.

¹⁶ Однако если во главу угла ставить социальные факторы, объясняющие появление тех или иных черт в РР русского литературного языка, ее тесное взаимодействие с кодифицированной разновидностью (ситуация диглоссии) и особенно с письменной формой, являющейся мощным источником усвоения литературного произношения (С.В. Бромлей), то здесь можно усматривать воздействие орфографии, но только на глаголы II спряжения. Что же касается глаголов I спряжения, то в этом случае проникновение флексии [-ът] в формы типа *кól'ът*, *плáч'ът* следовало бы считать гиперизмом.

В КЛЯ словоформы косвенных падежей существительных, восходящих к основам среднего рода на *-en, содержат в своей структуре морфонологический сегмент-наращение /ен/ (т. е. И.-В. ед. *время*, Р.-Д.-М. ед. *времени*, Тв. ед. *временем*). Однако во многих восточнославянских диалектах (а именно – в подавляющем большинстве русских; в большинстве североукраинских, а также в некоторых юго-западных украинских –буковинских, покутских, гуцульских, надсянских, отдельных волынских и поднестровских; в северо-восточных и юго-восточных белорусских и реже в юго-западных белорусских) широко распространены словоформы косвенных падежей данных существительных без морфонологического сегмента-наращения /ен/ (ср. *врém'о/врém'а, врém'а, врém'у* и т. д.).

Такие же словоформы без /ен/ характерны и для РР русского литературного языка разных периодов. Так, для периода XVIII–XIX вв. С.П. Обнорский отмечает, что употребление данных словоформ (например, *время нет, стоит у знамя, купить толченого семя*) не чуждо и литературной речи: в них отражена «стихия живой разговорной литературной речи». При этом он подчеркивает: «Ср. и в настоящей стадии литературного языка (т. е. в нач. XX в. – Т.П.) возможное употребление (в живой речи) род. ед. *время*, например, *время нет* и под., ср. у Л. Толстого тв. ед. *вымем* и др.» (Обнорский 1927: с. 303). На эту же черту, характерную как для многих восточнославянских диалектов, так и для современной некодифицированной разновидности русского литературного языка второй половины XX в. указывают Е.А. Земская (Земская 2004: с. 78) (ср.: У меня нет *время*; Телевизор отнимает много *время*; Сколько *время*?) и О.Е. Кармакова (Кармакова 1985: с. 114). Однако, как отмечает Е.А. Земская, в РР, в качестве варианта, употребляется и словоформа *времени*, а в Тв.ед. – исключительно только словоформа *временем* (Земская 2004: с. 78)¹⁷.

3. Об употреблении звательных форм, образованных неморфологическим способом.

Однаковые звательные формы употребляются как в восточнославянских говорах разной локализации, так и в некодифицированной разновидности литературного русского языка (РР). Это так называемые неморфологические

¹⁷ В (Земская 1973: с. 156) появление данных словоформ без наращения /ен/ объясняется следующим образом: «Морфологические варианты возникают в РР русского литературного языка под влиянием тенденции к большей регулярности моделей, которая может сопровождаться стремлением к выталкиванию нерегулярных моделей. Примером такого рода является частое усечение в РР наращения -ен- при склонении слов типа *время* и выравнивание их склонения по типу *поле*».

особые звательные формы: в их образовании не участвуют специальные звательные флексии, присоединяемые к основе и, тем более, они не входят в состав парадигмы. К ним относятся: формы с усечением (типа *мам!*, *Кать!*, *ба!* *Ни!*, *теть Лен!* и др.), с удлинением (типа *ма-ама!*, *ма-ам!* и др.), с удвоением (типа *мама-мама!*, *мам-мама!*, *мама-мам!*, *ма-ам-мама!*, *мама-мама!* и др.), с особыми лексическими средствами (*мама а мама!*, *Сергей а Сергей!*, *ну, ма-ам!*, *эй, Петров!* и др.) (ВСИ-1; Земская 2004: с. 76–77). Ср.: «Растяжки гласных в именах употребляются при громком подзывании кого-либо: *Ва-а|ня-я!* *Иди-и|домой!* *Мари-и|ночка-а!* *Де-е|ти-и!* *Кушать!*» (Земская 1973: с. 146).

Исследуя это явление в РР, Е.А. Земская делает чрезвычайно важное наблюдение: звательные формы с удвоением, с растяжками гласных, с усечениями, с частицами типа *а*, *ну* и т. п. особенно широко представлены в речи детей (Земская 2004: с. 77)¹⁸.

Остановимся несколько подробнее на употреблении в звательной функции специальных лексических средств (это так называемые «звательные лексемы», или регулятивы). Они могут быть выражены либо частицами *эй, ой, о* и под., к которым присоединяется имя адресата (например, *Эй, Катя!*, *Ой, Гено!*, *О, Мария!*), либо специальными словами- обращениями, обозначающими родство или характеристику лица: *батюшка*, *братец*, *сыночек*, *дочка*, *ангел мой*, *хозяйка*, *мужчина*, *женщина* и под. (например, *Милок, помоги!*, *Хозяйка, открай!*). Важно отметить, что многие из этих слов, употребляясь в функции обращения, утратили свое первоначальное конкретное значение. Фактически, в таком употреблении они являются лишь средством, обладающим функцией обращения, которое выражено *не словоформой* (которая является единством лексемы и семемы), а односторонней единицей – лексемой, лишенной семантической нагрузки (ср. возможность такого обращения в разговорной разновидности современного русского литературного языка, как «*девушка!*», к женщине пожилого возраста или даже к мужчине). В дан-

¹⁸ Выше приводилось мнение О.В. Антоновой о том, что в настоящее время так называемое московское произношение безударной флексии /yt/ в глагольных формах 3 л. мн. наст. лучше сохраняется в речи детей, хотя в речи взрослых это окончание уже активно вытесняется окончанием /at/. Но если в сфере обращения речь детей отражает самое позднее новообразование, то в произношении глагольных форм детская речь сохраняет более старую произносительную норму. Очевидно, что данный факт нуждается в специальном объяснении. В связи с тем, что в рамках общей проблемы, связанной с изучением РР, необходимо серьезно исследовать речь детей, отметим напоминание Е.А. Земской о следующем важном факте: нормами разговорной речи «владеют все носители литературного языка, но дети ее узнают раньше, чем книжную норму» (Земская 2004: с. 18).

ном случае следует обратить особое внимание на тот сдвиг, который претерпели полнозначные слова (словоформы) в результате последовательного употребления в функции обращения и превратившихся, по сути дела, в одну из разновидностей (наряду с эмоционально-экспрессивными частицами *эй, ой, ау* и под.) служебных слов, обслуживающих appellативную (вокативную) функцию языка. Все эти лексические средства (т. е. частицы и регулятивы) относятся к сфере речевого этикета.

Перечисленные выше формы (растяжки, усечения, удвоения, «звательные лексемы») наиболее активно употребляются в северных и центральных русских, а также в восточных белорусских говорах. В остальных восточнославянских диалектах такие формы встречаются спорадически.

Развитие неморфологически образованных (специализированных) звательных форм у существительных мужского и женского рода типа *пан!* *Саш!* *Петъ!* *Петъ-а-Петъ!* *Петя-а!* *Петя-а-Петъ!* *Эй, Петя!* в системе РР объясняется как «большая дифференцированность РР по сравнению с КЛЯ» (Земская 1973: с. 33, 156–157).

4. О переходе глаголов первой непродуктивной группы в первый продуктивный класс (например, *прятают* < *прячут*).

В 20-х годах XX в. в РР русского литературного языка стали довольно активно употребляться такие формы, как *пахаю*, *пахают*, *пахая*, *пахающий*; *дремают*, *колебают*, *прятают*, *стремокают*, *трепают*, *скакают* и под. (по аналогии с *играют*, *ласкают*) (Морфология и синтаксис 1968: с. 136). Это явление свойственно также и городскому просторечию и, особенно, диалектам (Там же).

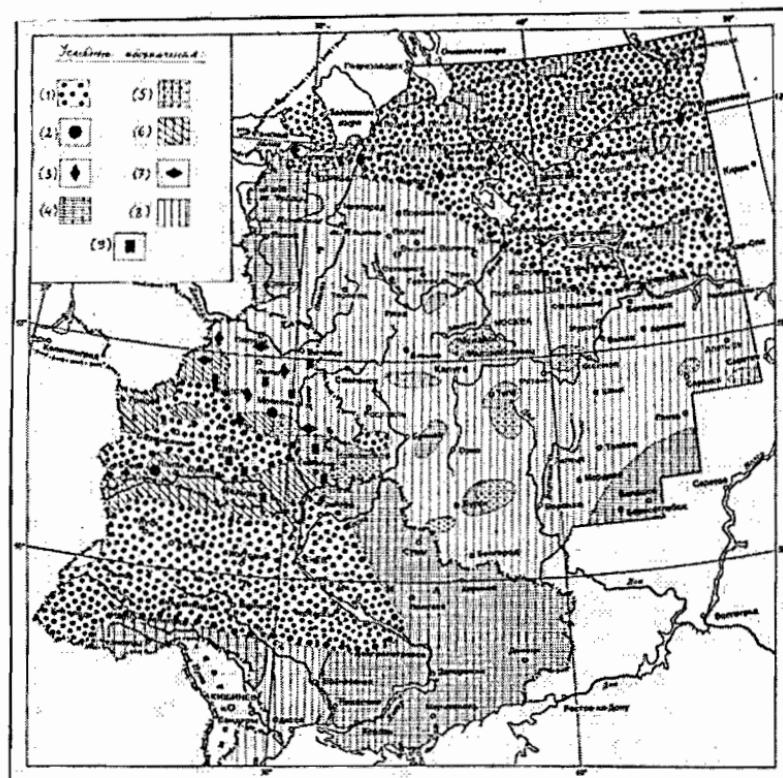
Материалы ВСИ показали, что для многих современных южнорусских, юго-западных белорусских и некоторых украинских говоров данный процесс является живым и продуктивным (например, укр. диал. *дри́мáти*, *дри́мáйеш*; бел. диал. *шчытайу*, *драмáйу* и под.). Продуктивен он в настоящее время и в РР русского литературного языка¹⁹.

Перечисленные факты достаточно убедительно свидетельствуют о том, что как диалекты, так и РР русского литературного языка одни и те же тенденции развития, характерные для восточнославянского лингвистического пространства, реализуют в одном направлении и одинаковыми средствами.

¹⁹ О продуктивности глагольной словоизменительной модели типа *читать* и влиянии ее на глаголы типа *пахать* говорит следующий факт. В телевизионной передаче «Умники и умницы» от 26 июня 2010 г. в конкурсе по русскому языку двое из трех участников-финалистов написали: *сыпают*, *махают*, *мучают*, *колыхают*.

КАРТА

Безударные флексии в глагольной форме 3 лица множественного числа настоящего времени в современных восточнославянских диалектах.

Легенда

I спряжение	II спряжение
(1) yt^0	at^0
(2) at^0	yt^0
(3) $\text{yt}^0 / \text{at}^0$	$\text{yt}^0 / \text{at}^0$
(4) yt^0	$\text{yt}^0 / \text{at}^0$
(5) yt^0	yt^0 / a
(6) $\text{yt}^0 / \text{at}^0$	at^0
(7) $\text{yt}^0 / \text{at}^0$	yt^0
(8) yt^0	yt^0
(9) at^0	at^0

Литература

- Аванесов 1937 – Аванесов Р.И. Вопросы русского литературного произношения // РЯШ, 1937, № 3.
- Аванесов 1947 – Аванесов Р.И. Работа над русским литературным произношением в школе // РЯШ, 1947, № 3.
- Аванесов 1954 – Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1954.
- Антонова 2002 – Антонова О.В. Рефлексы старомосковского произношения в современной речи // Проблемы фонетики. IV. М., 2002
- Бромлей 1973 – Бромлей С.В. Противопоставленность I и II спряжений в русских говорах и литературном языке // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- Бромлей 1985 – Бромлей С.В. Восточнославянские языки как объект лингвогеографии // Восточные славяне: Языки. История. Культура. М., 1985.
- Бромлей 2006 – Бромлей С.В. Восточнославянские изогlossenны // Восточнославянские изогlossenны. Вып. 4. М., 2006.
- Вопросы теории 1962 – Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1962.
- ВСИ-1 – Восточнославянские изогlossenны. 1995. М., 1995.
- ВСИ-2 – Восточнославянские изогlossenны. Вып. 2. М., 1998.
- ВСИ-3 – Восточнославянские изогlossenны. Вып. 3. М., 2000.
- ВСИ-4 – Восточнославянские изогlossenны. Вып. 4. М., 2006.
- ДАБМ – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Карты. Мінск, 1963.
- ДАБМ, каментарыі – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступныя артикулы. Даведачныя матэрыялы, каментарыі да карт. Мінск, 1963.
- ДАРЯ-II – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. Карты. М., 1989.
- Земская 1973 – Русская разговорная речь. Отв. ред. Е.А. Земская. Изд. «Наука». М., 1973.
- Земская 2004 – Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., «Наука», 2004
- Историческая грамматика 1982 – Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
- Кармакова 1985 – Кармакова О.Е. Словоизменение существительных среднего рода на *-теп в русских говорах // Диалектография русского языка. М., 1985.
- Кузьмина 1964 – Кузьмина С.М. О личных окончаниях глаголов // О современной русской орфографии. М., 1964.

- Лаптева 1966 – *Лаптева О.А.* О некодифицированных сферах современного русского литературного языка // ВЯ, 1966, № 2.
- Лаптева 1969 – *Лаптева О.А.* Литературная и диалектная разновидности устно-разговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения // ВЯ, 1969, № 1.
- Лаптева 1976 – *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- Мацкевич 1959 – *Мацкевич Ю.Ф.* Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959.
- Морфология и синтаксис 1968 – Морфология и синтаксис современного русского литературного языка // Русский язык и советское общество. Под ред. М.В. Панова. М., 1968.
- Нарысы 1964 – Нарысы па беларускай дыялекталогії. Мінск, 1964.
- Обнорский 1927 – *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число. Л., 1927.
- Панов 1962 – *Панов М.В.* О развитии русского языка в советском обществе. (К постановке проблемы) // ВЯ, 1962, № 3.
- Попова 2004 – *Попова Т.В.* Безударные флексии в глагольной форме 3 лица множественного числа настоящего времени в современных восточнославянских диалектах // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2001–2002. М., 2004.
- Попова 2006 – *Попова Т.В.* К вопросу об интерпретации восточнославянских изоглосс // Общеславянский атлас. Материалы и исследования. 2003–2005. М., 2006.
- Попова 2007 – *Попова Т.В.* «Восточнославянские изоглоссы»: некоторые итоги работы над темой // Русский язык в научном освещении, № 1(13). М., 2007.
- Трубачев 1997 – *Трубачев О.Н.* В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997.
- Трубачев 2000 – *Трубачев О.Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // ВЯ, № 5, 2000.

Summary

About the interpretation of several appearances of non codificational east-slavonic language space

The article describes similar appearances (phenomena) in modern east-slavonic dialects and in conversational part (form) of modern russian literary language.

Языковая ситуация в малых городах России

Речь жителей города – это тот феномен, который постоянно привлекает внимание отечественных лингвистов, начиная с классической работы Б.А. Ларина (Ларин 1928) и заканчивая современными многогранными исследованиями языка столиц и больших городов. Традиционно в изучении языка города преобладали социологическое и лингвогеографическое направления, позднее актуальным становится описание коммуникативного и коммуникативно-культурологического аспектов.

При этом речь жителей небольших «уездных» городов практически не описана, хотя она, безусловно, представляет интерес для лингвиста, поскольку социальный, географический, коммуникативный, культурологический факторы находятся здесь в тесной связи и порой неотделимы друг от друга. В течение последних лет (2002–2010 гг.) мы записываем речь жителей районных центров Европейской части России и русско-белорусского пограничья. За это время были обследованы в западной диалектной зоне города Невель Псковской области, Любытино Новгородской области, Городок Витебской области Белоруссии, в северной зоне – Устюжна и Белозерск Вологодской области, в северо-восточной зоне – Варнавин Нижегородской области. Информантами явились в основном люди со средним специальным образованием: библиотекари, учителя младших классов, работники почтовых отделений, клубов. Эти записи и послужили материалом для описания.

Среди обитателей провинциальных городов мы выделили носителей следующих языковых страт: 1. *диалекта или региолекта*; 2. *регионального варианта литературного языка*; 3. *смешанного типа речи*; 4. *регионального варианта литературного языка и местного диалекта (диглоссы)*; 5. *просторечия*. Но при анализе конкретного материала не все поддается однозначной трактовке, часто возникают трудности при решении вопроса, к какому именно пласту следует отнести речь информанта. В этом случае имеет смысл ориентироваться на принадлежность человека к тому или иному типу культуры. Напомним, что, по утверждению Н.И. Толстого (Толстой 1995: 17–21), языковые страты всегда связаны с определенным типом культуры: литературный язык – культура образованного слоя, книжная; диалект – культура народная, крестьянская; просторечию и различным типам смешанной речи соответствует промежуточная «культура для народа». Обратимся к рассмотрению каждого из названных языковых слоев.

1. *Диалект*. Число носителей диалекта в провинциальных городах зависит от конкретных историко-географических и экономических условий. Как показывают ежегодные экспедиции, традиционные говоры в деревнях и не-

больших городках сохраняются гораздо лучше, чем этого можно было ожидать. В основном на традиционном диалекте говорят люди старшего поколения, которые по-прежнему являются носителями крестьянской культуры.

Диалектологи, начиная с 30-ых гг. XX в., обращали внимание на гетерогенный характер русских говоров, выделяя в их составе традиционный (архаический) и передовой слои говора, а также различные переходные формы. Подобное расслоение было связано с социально-политическими процессами, проходившими в деревне после революции. Некоторыми исследователями тогда же прогнозировалось разрушение архаических говоров, повсеместный переход к промежуточным формам и литературному языку, но эти прогнозы не оправдались. В 90-ые г. Н.И. Толстой писал: «Диалектные фольклорные тексты, как и элементы народной духовной культуры, и диалектные языковые явления во многих случаях весьма устойчивы» (Толстой 1995: 21). Подобные выводы можно найти в работах многих ведущих диалектологов (Касаткин 1993; Калнынь 1997), однако лингвисты, изучающие русские говоры, отмечают, что говоры заметно изменяются.

В 60-ые годы в отечественной науке появляется термин полудиалект, заимствованный В.М. Жирмунским из немецкой диалектологии, в полудиалекте не сохраняются примарные, первичные признаки – те, которые легко воспринимаются на слух, ярко противопоставлены литературному языку и усложняют коммуникацию, при этом сохраняются менее яркие черты говора (Жирмунский 1936). К сторонникам данного термина приписывается Т.С. Коготкова: «Полудиалект – это такая языковая структура, которая представляет собой сплав существующих языковых элементов диалекта и литературного языка» (Коготкова 1979: 6–7). Термин полудиалект фигурирует и в современных социолингвистических исследованиях (Современный русский язык 2003: 52). В то же время далеко не все диалектологи принимают этот термин. Например, придерживавшиеся московской лингвогеографической школы его не употребляют, так как стоящее за ним лингвистическое содержание представляется достаточно расплывчатым: не ясно, с какого момента можно говорить о переходе диалекта в полудиалект и какие структурные категории его характеризуют.

Изменения в народно-разговорной речи, отмечаемые на протяжении XX в., связаны не только с влиянием литературного языка, но и с взаимовлиянием говоров, а также с эволюцией внутренней системы самих говоров. Поэтому термин полудиалект, понимаемый лишь как сплав литературных и диалектных единиц, упрощает характеристику современного состояния местных языков. К тому же влияние литературного языка часто приводит не к

замещению диалектного элемента литературным, а к трансформации диалектного, замещению диалектного элемента диалектным же.

В современной науке для обозначения подобного типа речи стал широко употребляться предложенный петербургскими лингвистами В.И. Трубинским (Трубинский 1991; 2004a; 2004б) и А.С. Гердом термин *региолект*¹. Региолект – «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса стандартного литературного языка, а с другой – в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием» (Герд 2005: 22).

В.И. Трубинский называет трансформированный диалект «новым диалектом», или региолектом, и делает важный вывод о том, что происходит стабилизация народно-разговорной речи, что современные диалекты, утратив некоторые архаические черты, перестают быть подвижными, выравниваются и преобразуются в системы более устойчивые и менее склонные к изменениям (Трубинский 2004a).

Так, например, ранее южнопсковским говорам было присуще цоканье, а в настоящее время сохраняются лишь его реликты: *псковицъяне* – *те же анулици́яне, тóка нарéц:я друубé*. При этом в языковой системе остается множество других диалектных черт: *w*-билабиальное, диссимиллятивное аканье, *γ*-фрикативное, особые рефлексы редуцированных перед *-j*: *такéй, друуéй*, синкремизм *P., D. и П.п.* существительных жен. р. I склонения: *нет войнý, к войнý, на войнý*, диалектная акцентуация и лексика.

Региолект (трансформированный диалект) представлен в речи определенной части жителей Белозерска Вологодской обл. и окружающих город деревень. В нем утрачено цоканье, горожане поражаются, узнавая, что в их местах это языковое явление было широко распространено (реликты шепелявого цоканья сейчас единичны). В настоящее время уже не зафиксировано *w*-билабиальное, которое было отмечено в материалах Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ 1987). В говоре сохраняется полное оканье, *«уканье»*: *булóто, гурóх, дурóга, пуловикý*, предударное и заударное *«ёканье»*: *трёпáлка, полёжсít, забёгú, нólé, бзёро*, твердые губные в конце слова: *сем, вóсем, любóф*, твердый долгий *ш*: *клáдбíшие, тáшишат*, стяжение в формах прилагательных и глаголов: *ячмéнно пíво*, распространена форма *на лошадé* (П.п.), страдательные причастия прошедшего времени с суф.-*н-* и *-т-*

¹ Однако в научной литературе нет однозначного понимания названного термина, некоторые ученые под региолектом понимают регионально окрашенный вариант ЛЯ.

в значении перфекта: *у меня пуррабо́тоано в колхозе задаром, сколько перестрáдано, на стол-то бráно* (куплено для стола), всего понадáвано, у меня всего навышивáно, диалектная лексика и акцентуация.

Экспедиции последних лет подтверждают важную мысль В.Н. Трубинского о том, что региолект («новый диалект»), утратив определенные архаические черты, становится устойчивой системой и сохраняет противопоставленность литературному языку по целому ряду признаков на всех уровнях языка.

Наличие «региолектов как новой формы диалектного общения» отмечает и Е.А. Нефедова, исследующая лексико-семантическое варьирование на материале архангельских говоров (Нефедова 2009: 163).

Итак, во всех городах, обследованных нами, большой процент жителей говорит на диалекте и региолекте («новом диалекте»).

2. Наиболее широко в малых городах представлен *региональный вариант ЛЯ*. Изучение локально окрашенной литературной речи имеет давнюю традицию, ведущую начало от А.А. Шахматова. Аналитический обзор литературы, посвященный этому вопросу, содержится в работе (Гельгардт 1959), в которой автор отмечает тенденцию к постоянной демократизации литературного языка, рассматривая говоры как источник его пополнения, и полагает изучение языка города «специальной задачей» лингвистов. Р.Р. Гельгардт ставит методологически важный вопрос о границах между диалектно окрашенным литературным языком и местными говорами, пишет о стилистической неоднородности, дифференцированности как литературной разговорной речи, так и диалектной, при этом делает вывод, что само понятие литературной нормы нужно рассматривать на фоне разнообразия «гречевых стилей» (Там же: 96, 97, 99).

Поставленные в статье проблемы находят решение в работах современных лингвистов. Предметом их исследования в первую очередь становится речь жителей крупных городов: Вологды, Екатеринбурга, Курска, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Перми, Ростова-на-Дону, Саратова и др. (Ерофеева 1977; Сиротинина 1988; Шкатова 1988; Ерофеева Т., Ерофеева Е., Гравчева 2000). Важные результаты, касающиеся фонетических особенностей региональной городской речи, включая суперсегментные средства, были обобщены в статье, (Вербицкая, Игнаткина, Литвачук 1984), в которой приведены наиболее устойчивые региональные черты, выявленные с учетом статистики. Отметим, что наши наблюдения во многом совпадают с теми выводами, которые высказаны авторами. Говоря о произносительных тенденциях, многие лингвисты полагают, что литературным следует считать лишь московское и петербургское произношение, а все остальное находится за пределами

лами нормы. Действительно, региональные особенности не кодифицированы, они не находят отражения в словарях и справочниках. Однако ряд лингвистов полагает, что при определении статуса языка на первом месте стоит речевая практика, и если в регионе образованные люди (учители, врачи, работники ТВ, СМИ, работники культуры, представители органов власти) говорят на местно окрашенном варианте, то допустимо подобный тип речи считать вариантом ЛЯ.

В обследованных нами малых городах региональный вариант, как уже неоднократно подчеркивалось, представлен в речи местных уроженцев, получивших среднее и высшее образование. У них сохраняется совсем небольшое количество наиболее устойчивых диалектных черт.

Перечислим диалектные черты, которые характеризуют речь местной интелигенции в разных «уездных» городах.

Так, для городов, находящихся на территории северного наречия: Белозерск, Варнавин, Кологрив, Любыйтино, Устюжна, Мышкин, – устойчивыми являются следующие фонетические черты:

полное или неполное оканье; еканье; утрата интервокального *j* с последующим стяжением (или без него) в формах глаголов и прилагательных: *работат / рабóтаат* (работает) долго, *варнáвинска* (варнавинская) барыня;

в области консонантизма: твердость губных согласных на конце слова в ограниченной лексике: *сем, восем, глуб, церкоф*, упрощение групп согласных в конце слова *жись, радось*.

Интересный материал записан в г. Любыйтино, где помимо обычных северных черт (неполное оканье, еканье) достаточно устойчиво сохраняется особый гласный на месте ять, имеющий дифтонгический характер: *б[иे]гали, д[ие]лали хл[иे]бы*. Иногда диалектные черты жители малых городов сохраняют осознанно. Экскурсовод в краеведческом музее рассказала, что она специально сохраняла оканье, учась в Ленинграде в пединституте, тем самым она хотела подчеркнуть свою принадлежность к новгородцам, в то время как все ее земляки старались избавиться от диалектных черт. Впоследствии она стала энтузиастом краеведческого движения и директором этнографического музея.

В юго-западном варианте регионального литературного языка сохраняется диссимилятивное аканье [тъвá], [γ] фрикативный, имеющий глухую пару [χ]; в Городке (Витебская обл.) еще и шепелявое произношение мягких зубных [c'] и [z']: *c' 'éрый, з' 'емля́²*.

² Как известно, важным показателем, характеризующим речь, является её темп, интонация, фонетическая структура слова, о чем писали многие фонетисты, но эту проблему мы в дан-

Об устойчивости отдельных фонетических черт (оканье, диссимилятивное аканье, [γ] фрикативный, неоглушение губных) пишет и В.И. Трубинский, который связывает это с «коммуникативной безопасностью, безвредностью» подобных явлений (Трубинский 2004а), не влияющих на успешность понимания и общения.

В регионально окрашенной речи обязательно сохраняется местная лексика. Например: юго-западная зона – *аүрэст* (крыжовник), *порéчка* (красная смородина), *лáтина* (заплата), *буráк* (печка-голландка); северная зона – *баскóй* (красивый), *шáньги* (различные типы пирогов), *годíна* (день поминания) и др.

Как уже говорилось, вопрос о статусе локально окрашенных типов литературной речи лингвистами решается по-разному. Он обсуждался и на московской Международной конференции 2008 г. «Язык современного города». Основные проблемы были сформулированы в докладе австрийского исследователя М. Краузе: главным она считает ответ на вопрос «Где находится лингвистическая граница, за которой мы уже не имеем дела с литературным языком, даже в устном его проявлении?» (Краузе 2008: 88).

Важнейшим критерием при разграничении регионального варианта ЛЯ и смешанных типов речи является, на наш взгляд, отсутствие грамматических диалектизмов. Многие из них затрудняют коммуникацию и имеют яркую стилистическую окраску, именно поэтому не сохраняются в речи местной интеллигенции.

3. Смешанный тип речи. В смешанном типе речи кроме фонетических региональных особенностей содержится значительное число морфологических и синтаксических диалектизмов, а также вкрапление просторечия, существенным является и количественный показатель употребления диалектных и просторечных черт. Смешанный тип функционирует в среде, где нарушается связь с традиционной крестьянской культурой и происходит отход от диалекта как системы. По нашим материалам, подобная форма речи характерна в большей степени для мужчин. И это естественно: их образ жизни предполагает большую мобильность (служба в армии, отъезд на заработки), в связи с чем диалект разрушается. Но в то же время мужчины в меньшей степени следят за тем, используют ли они престижный вариант речи, главным для них является успешность коммуникации, поэтому они не стремятся полностью

ном случае не рассматриваем. Во многом именно фонетическая структура слова (тип ударения, длительность ударных и безударных слогов) определяет восприятие речи как литературной или диалектной.

овладеть ЛЯ, даже достигая определенного положения на социальной лестнице.

В 2002 г. в г. Варнавино Нижегородской обл. была записана речь трех представителей семьи Владимировых: сестер Александры (1908 г. р., учительница младших классов) и Марии (1920 г. р., бухгалтер), имеющих среднее специальное образование. В их речи почти нет диалектных черт, сохранилось лишь стяжение в формах прилагательных, а у их брата Владимира (1916 г. р.), также получившего среднее специальное образование, в речи шире представлены диалектные черты: неполное оканье, еканье, стяжение – *сдёлашь, цёло мучёнье*, упрощение групп согласных на конце слова – *жись, радось*, отсутствие оглушения в слабой позиции в конце слова – *хле[б], ну[д], П.п. сущ. З скл. с окончанием -е – на лошадé*; диалектная форма местоимения в Тв п. *с нёй*, просторечные обороты – *вперед войны, пошел в обратный ход* и ударения – *ездóвый* и т. д.

Социальной базой для смешанного типа являются чаще всего пенсионеры, в речи которых с годами увеличивается число диалектных форм. Это люди, получившие среднее или высшее образование, овладевшие литературным языком или региональным вариантом ЛЯ, а в преклонном возрасте частично восстановившие родной говор. О явлении языкового «ретресса» в языковой практике писали Ф.Л. Скитова и Т.С. Коготкова (Скитова 1966, Коготкова 1970). Увеличение количества диалектных признаков зависит от темы разговора и ситуации общения.

В качестве примера приведем анализ речи Анатолия Ивановича Лущикова, (1924 г. р.). Запись сделана в 2004 г. в г. Городке Витебской обл. Информант закончил заочное отделение филологического факультета в Минске, долгое время преподавал в средних классах школы русский язык и литературу (а также другие предметы по мере необходимости). После войны несколько лет работал сварщиком в Москве, Киеве, Минске. За время нашей беседы, длившейся около двух часов, продемонстрировал разные типы речи, причем переход от одного типа к другому зависел от темы и степени официальности разговора. При знакомстве с нами он использовал литературную речь, постепенно перешел на региональный юго-западный вариант литературного языка: стал употреблять γ-фрикативный и твердые губные согласные на конце слова: *сем, восем, вулуб*, когда вспоминал детские годы и оккупацию, количество диалектных черт увеличивалось, и он переходил на смешанный тип речи, появляется [t̪] в формах глаголов 3 л. ед. и мн. числа: *идётъ, идуть*; начальный j – *jéтыт*, постфикс -си: *пронеслоси*, совпадение Д. и Т. п. во мн.ч.: *к домам, за домам*, твердый ш на месте литературного [ш':] *свáшик*, отмечается окончание -ы в П.п. у сущ. 1 скл.: *учился в школы*. Однако все диа-

лективные формы употребляются непоследовательно и полного возврата к диалекту нет: отсутствует билабиальный *w*, *ў* неслоговой, шепелявые *с'', з''*, характерные для данного региона. Надо заметить, что лексика у информанта литературная, включающая книжные обороты и канцеляризмы: *изъян в образовании, все время давал ученикам писать сочинения, чтобы развивали свои мыслительные способности, избегал очковтирательства, переводить двоичников – это подрыв среднего образования.* Анализ речи А.И. Лушникова показывает, что между смешанным типом речи и региональным вариантом ЛЯ нет резкой границы.

4. *Региональный вариант литературного языка и местный диалект.* Информанты, одинаково хорошо владеющие диалектом и литературным языком в его региональной разновидности – диглоссы³, встречаются не часто. По своей ментальности многие из них по-прежнему связаны с традиционной культурой: участвуют в обрядах, обращаются к знахарям, ведут хозяйство по деревенским канонам, а «книжной» культурой владеют лишь отчасти. Чаще всего диглоссами становятся женщины, так как именно они поддерживают самую тесную связь с крестьянской культурой, что и помогает сохранить родной говор, им свойственна рефлексия по отношению к языку, четкое осознание особенностей своего говора. Это библиотекари, клубные работники, краеведы – люди, которые интересуются «материнским» языком, собирают и записывают лингвистический, фольклорный, этнографический материал, создают разного рода музеиные экспозиции. В официальной обстановке, на работе они пользуются литературным языком, а в семье, особенно при общении с пожилыми родственниками, переходят на диалект.

В качестве примера назовем библиотекаря Екатерину Александровну Пунько (1957 г. р., имеет среднее специальное образование, запись сделана в 2006 г. в г. Невеле Псковской обл.).

Основным типом речи для Екатерины Александровны является региональный (западный) вариант литературного языка. В нем сохраняется лишь небольшое количество наиболее устойчивых признаков местных говоров. В речи Екатерины Александровны диалектные черты выражены непоследовательно: это *ў-фрикативный, диссимиллятивное аканье (ръскáзы, дъвáла, гавърят, пъráдуетсѧ)*, акцентные варианты (*дáла, бráла*), региональная лексика. При общении с носителями диалекта: матерью, родственниками, старухами-соседками – информантка легко переходит на «материнский» язык. Вот как она пересказывает разговор с матерью:

³ В терминологии мы идем за теми исследователями, которые, вслед за Б.А. Успенским, под диглоссией понимают функциональное распределение разных форм языка.

я хотела вас со своей мамкой познакомить// я ей уговорю/ к нам из московской академии гости приезжают/ народный уовор изучают// ты будешь ты с ыми уоворить?// она молчать и усё// я/ ну что/ что ты ряшила?// она /не/ я буду/ може не то/не тобе скажу//. Далее комментирует: *Ну вот не – не буду меняться на я на букву// потом может– може / вот так они уоворят//*

Е.А. Пунько хорошо осознает особенности своего говора, его отличия от других, и это отражается в метатекстовых высказываниях:

эта девушки / ее по распределению прислали сюда к нам// она из Красноуродска // это Опочицкий край / тоже Псковская область // но у них другие наречия / ко уда я к ней поехала / в автобус села / как с иностранцами / ничего не понимаю // они там ёбкают / и потом какие-то тоже слова используют // тоуда я только побояла / почему она меня не понимала // она сюда приехала и уоворит // что – что? // я повышаю голос / так что ж ты не слышишь /уухая что ли? // она уоворит / да я все слышу / просто я не понимаю // ты когда [у] в начале произносишь / я слова понимаю / а когда это [у] встречается в середине слова / то /уоворит / получается совсем что-то не понятное //

Информантка по-прежнему связана с традиционной культурой: ведет хождество «по-деревенски», участвует в обрядах, обращается к знахарям, хотя сама ощущает себя скорее городским человеком, чем сельским. Она много читает, собирает этнографический и лингвистический материал. Для понимания ее ментальности, приведем с небольшими сокращениями фрагмент рассказа о знахарке.

вот мне заувáривали // на руке үрыжса //... мне одна не помоугла / уоворит/ нужно с трех рук/ значит/ к трем// на какую/ уоворит/ руку попадешь/ то есть они поулаживают/ вот так водит/ поулаживает/ потом читают молитву/ и божественную молитву какую-нибудь/ специальные такие молитвы// потом поплюет/ сплюет/ стряхнет вот так вот/ чтобы как бы к себе не прилип// вот так вот// ... я ходила с трех рук как раз/ я ездила// она читала/ еще хотела у нее молитву// бабка старенькая/ 101 уод// я хотела у нее// уоворю // расскажите мне молитву/ у меня память хорошая/ думаю запомню//... дочка почему-то запретила ей/ ну может быть нельзя передавать/ может/ уоворят/ передают эти молитвы или старишemu/ или одному// вот если у коуо энергетика очень сильная//

Итак, Е.А. Пунько, типичный представитель диглоссов, владеет двумя разновидностями речи: региональным вариантом ЛЯ и диалектом, умеет размышлять о языке, анализировать отдельные языковые факты на бытовом уровне, ведет записи родного говора и очень тесно связана с традиционной крестьянской культурой.

5. Просторечие, по мнению Н.И. Толстого, соотносимо с «третьей культурой», промежуточной между культурой образованного слоя, «книжной» и традиционной, отраженной в говорах. Этот языковой пласт имеет давнюю традицию изучения (Ларин 1928; Жирмунский 1936; Баранникова 1974; Шмелев 1977; Городское просторечие 1984 Современный русский язык 2003). Интерес к нему не ослабевает до сих пор. В.В. Химик, посвятивший специальное исследование феномену просторечия, замечает: «Просторечие, занимая срединное, промежуточное положение в системе языковых и культурных стратов, несет в себе признаки всех сопредельных подсистем языка: деревенских говоров, региолектов, многочисленных профессиональных подъязыков и социальных арго и жаргонов...» (Химик 2000: 11). Вопрос о бытованиях просторечия в малых городах следует рассматривать специально, имея в виду целенаправленный сбор материала. По нашим записям речь ни одного из информантов не может быть охарактеризована как «чистое просторечие». Для существования современного просторечия должна быть социальная база, предусматривающая наличие предприятий, так как носителями просторечия являются в большинстве случаев люди, занятые на производстве и не имеющие высшего образования. Однако в таких городках на предприятиях работают в основном бывшие деревенские жители, продолжающие говорить на диалекте, просторечие же представлено, как правило, в речи молодого поколения.

Итак, в малых городах шире, чем можно было ожидать, представлена диалектная речь, социальной базой которой являются жители окружающих деревень, сохраняющие традиционный уклад жизни. Представители местной интеллигенции говорят на региональном варианте ЛЯ, в котором сохраняется фонетическая диалектная окраска, а также местная лексика. Между диалектом и региональным вариантом ЛЯ существуют переходные формы, с большим или меньшим количеством диалектных черт – смешанные типы речи, характеризующиеся, кроме фонетических, и морфологическими диалектизациями. Особый интерес представляет речь диглоссов – людей, владеющих двумя кодами: диалектом и региональным вариантом ЛЯ, и в зависимости от ситуации без труда переключающихся с одного кода на другой.

Литература

- Баранникова 1974 – *Баранникова Л.И. Просторечие как особый компонент языка // Язык и общество*. Вып. 3. Саратов, 1974.
 Вербицкая, Игнаткина, Литвачук 1984 – *Вербицкая Л.А., Игнаткина Л.В., Литвачук Н.Ф., Сергеева Т.А., Цветкова М.В., Щукин В.Г. Региональ-*

- ные особенности реализации русской речи (на фонетическом уровне) // Вестник ЛГУ. 1984, № 8, вып. 2.
- Герд 1990 – Герд А.С. Диалект – региолект – просторечие // Русский язык в его функционировании. М., 1990.
- Герд 2005 – Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб., 2005.
- Гельгардт 1959 – Гельгардт Р.Р. О литературном языке в географической проекции. Обзор. ВЯ 1959, № 3.
- Городское просторечие 1984 – Городское просторечие: Проблемы изучения. Отв. ред. Е.А. Земская и Д.Н. Шмелев. М., 1984.
- Ерофеева 1977 – Ерофеева Т.П. О территориальном варьировании устной формы литературного языка (к истории вопроса) // Литературный язык и народная речь. Вып. 1, Пермь, 1977.
- Ерофеева Т., Ерофеева Е., Грачева И. 2000 – Ерофеева Т.П., Ерофеева Е.В., Грачева И.И. Городские социолекты: пермская городская речь. Звучащая хрестоматия // Бюллетень фонетического фонда русского языка, Пермь-Бохум, 2000.
- Жирмунский 1936 – Жирмунский В.Д. Национальный язык и социальные диалекты. М.-Л., 1936.
- Калнынь 1997 – Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // ВЯ, № 3, 1997.
- Касаткин 1993 – Касаткин Л.Л. Русские диалекты и языковая политика // Русская речь, № 2, 1993.
- Коготкова 1970 – Коготкова Т.С. Литературный язык и диалект // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
- Коготкова 1979 – Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М., «Наука», 1979.
- Краузе 2008 – Краузе М. Язык города в свете концепции региолекта // Язык современного города. Тезисы докладов международной конференции Восьмые Шмелевские чтения. М., 2008.
- Ларин 1928 – Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Вып. 3. Л., 1928.
- Нефедова 2009 – Нефедова Е.А. О диалектном варьировании // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. Тезисы докладов. М., 2009.
- Сиротинина 1988 – Сиротинина О.Б. Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
- Скитова 1966 – Скитова Ф.Л. Явление регресса в эволюции речевой практики поколений // Материалы Всесоюзной конференции по общему языкоznанию. Самарканд. 1966.

- Современный русский язык 2003 – Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. Под ред. Л.П. Крысина, М., 2003.
- Толстой 1995 – Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Трубинский 1991 – Трубинский В.И. Современные русские региолекты: признаки становления // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991.
- Трубинский 2004а – Трубинский В.И. О новых территориально-системных образованиях в русской разговорной стихии // Исторические судьбы. Русский язык и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., МГУ, 2004.
- Трубинский 2004б – Трубинский В.И. Русская диалектология. Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем. М., 2004.
- Химик 2000 – Химик В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.
- Шкатова 1988 – Шкатова Л.А. Специфика городского общения // Живая речь уральского города. Свердловск, 1988.
- Шмелев 1977 – Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

Summary

The variety of the colloquial speech in provincial Russian towns

In this article the colloquial speech of the inhabitants of provincial Russian towns is studied. Majority of people use dialect and regiolect (modernized dialect or «new» dialect). The authors also analyze the dialectal features characterizing regional adaptations of the literary language in different areas of Central Russia.

А.Ф. Журавлев (Москва)

Своя песня по чужим нотам: русское диалектное словообразование в контактах с литературным идиомом

**(Влияние русского литературного языка
на народные говоры: лексика. Статья II¹)**

Уже заголовок предлагаемой работы говорит о том, что ее пафос – это оценка территориальных диалектов русского языка как самодостаточных идиомов, характеризующихся устойчивостью и высокой степенью внутренней сбалансированности.

Тем не менее очевидно, что народные говоры являются системами открытыми и изменяющимися, содержат в себе возможности как для реализации внутренних оснований эволюции, так и для восприятия импульсов к развитию, поступающих извне.

Такие импульсы дает прежде всего взаимодействие диалектов с литературным языком.

Предметом внимания здесь является словообразовательная система говоров. Нужно ли говорить, что разработанность этой проблематики в русской диалектологии откровенно недостаточна. В университетских учебных пособиях и даже в крупных академических диалектологических сводах специальный раздел, посвященный словообразованию, до последнего времени вообще отсутствовал. Исключение составляет обновленный учебник: *Русская диалектология 2005* (автор главы «Словообразование», сс. 86–113, – О. Г. Гецова)². Этими обстоятельствами отчасти оправдывается очень беглое упоминание в учебниках предмета настоящей работы – диалектных новообразований на базе заимствований из литературного языка (скажем, одною лишь фразой, включающей всего с полдесятка лексических примеров – «по существующим моделям», – в: *Русская диалектология 1972: 276*).

Хотя территориальным диалектам, как и городскому просторечию, свойственна повышенная, по сравнению с литературным идиомом, сопротивляемость воздействию извне, которая в свое время – применительно к фонетике

¹ Продолжение серии, которая начата статьей: Журавлев 2007.

² Для состояния дел показательны уже объемы списков дополнительной литературы, прилагаемых к отдельным главам этого учебника. Если к главе о морфологии он включает 16 работ, а к главе о фонетике – 24, то словообразовательный раздел сопровожден указанием только одной книги (Азарх 2000).

и морфологии – была расценена как тенденция к монотипизму (см.: Журавлев 1984: 103), диалектное словообразование, после собственно лексики, оказывается наиболее проницаемой для сторонних влияний областью.

В сфере словообразования можно разграничить три основных русла влияния кодифицированного языка на диалекты:

(I) адаптация готовых лексических единиц, заимствованных из литературного идиома, с помощью морфонологических приспособительных реакций, различного рода субSTITУций (аффиксальных и корневых), деаффиксации, «компенсаторных» аффиксальных наращений и проч.;

(II) создание новых словесных единиц на базе лексики, заимствованной из литературного идиома, — по традиционным, разной степени продуктивности, типам и моделям, известным в диалектах ранее;

(III) создание оригинальной лексики – с использованием заимствованных словообразовательных аффиксов, вновь усвоенных способов деривации, в литературном языке по большей части высокопродуктивных, по семантико-словообразовательным моделям, копируемых с образцов в кодифицированных сферах.

Понятно, что формулирование указанных путей их поляризует, проведение же четких границ между этими типами влияния не так просто. Одна и та же новая для диалекта словообразовательная единица, из-за совмещения в ней разнонаправленных особенностей, может быть квалифицирована, в зависимости от актуальных установок исследователя, по-разному, как принадлежащая либо тому, либо иному руслу. Например, существительное *дебоширник* может быть рассмотрено либо как дериват от глагола *дебоширить* (собственно деривация на базе заимствования из литературного языка), либо как результат суффиксального наращения к *дебошир*, материально компенсирующего недостаток особого аффикса для передачи семантического элемента ‘носитель свойства’ (адаптация заимствуемого обозначения) (см. ниже). Сомнения такого рода возникают прежде всего из отсутствия, как правило, данных о базовом спектре и соотносительном весе различных словообразовательных средств в распоряжении носителя диалекта, в речи которого регистрируется данное новое слово, и невозможности непосредственно наблюдать момент вхождения литературного слова в лексический арсенал диалектноговорящего лица.

Даже более того, не всегда сразу ясно, относится ли какой-либо данный случай к области словообразования или же, скажем, к семасиологии, то есть «чистым» семантическим преобразованиям. Сравнительно простой пример. В первом же повествовании, включенном в диалектную хрестоматию под ред. Л.Л. Касаткина (Русская деревня 2009: 5–6), встретилось слово *кулачек*.

ство. Есть все основания предполагать, что это слово заимствовано (в 20-е годы) из речевой практики сельского большевистского актива, где оно существовало в значении ‘социальная группа – относительно зажиточный слой крестьянства’³. В тексте же, о котором здесь говорится, слово употреблено (несколько раз) в значении ‘раскулачивание’: «Как начало *кулачество*, в общем с двадцать пятого началось..., после революции, как начали вот это вот громить...». Очевидно, что здесь мы сталкиваемся не с семантическим переходом ‘социальная группа’ → ‘кампания репрессий против этой социальной группы, властные меры, нацеленные на ее ликвидацию’; такой метонимический сдвиг, по-видимому, невозможен, подтвердить его нечем. Следовательно, к семасиологическому аспекту языковых движений этот пример отношения не имеет. Нужно говорить о стоявшем перед носителем говора ономасиологическом задании (вербализовать смысл ‘репрессии...’), которое решилось привлечением уже существующей формы (*кулачество*), взятой из чужой речи, но осмысленной иначе. И поскольку форма эта представляет собою членимую, многоморфемную единицу, поверхностное устройство которой носителем диалекта до некоторой степени осознается, следует усматривать особые ономасиологические процессы, которые возможны при заимствовании слова из одной подсистемы в другую подсистему того же этнического языка: анализ («демонтаж») частично десемантизованной формы → семантизация составляющих → последующий новый словообразовательный синтез — с тождественным поверхностно-структурным результатом, но иным семантическим эффектом. Ноты те же, но песня другая.

В небольшой работе нет возможности рассмотреть все выявляемые линии и группировки, по которым может быть распределено все многообразие словообразовательных фактов, имеющих отношение к нашей проблеме, поэтому одни из них здесь будут затронуты чуть более подробно, другие — только названы.

(Следует оговорить, что в настоящей работе специальных наблюдений над географией анализируемых явлений не делается, хотя большинство примеров снабжается территориальными пометами. Отсутствие таких сведений при некоторых примерах из сводного «Словаря русских народных говоров» (СРНГ) означает неединичность и географическую разбросанность регистра-

³ В определение понятия *кулачество* входит смысловой элемент ‘использование наёмного труда’; большевистская практика обращения с этим понятием «на местах», как мы знаем, на таких подробностях настаивала далеко не всегда. Толковым словарем В. И. Даля эта лексема отражена в ином значении: ‘занятие, промысел *кулака* [перекупщика, маклака, прасола], ... барышничество’ (Даль₂ II: 215).

ций данной формы, по большей части не сводимых к единому импульсу и представляющих собою независимые реализации словообразовательных потенций местных говоров.)

(I) Сначала о формальной адаптации заимствований из литературного языка.

Морфонологических изменений, которые приводят к возникновению в диалекте новых единиц, формально отличных от литературных (например, *рискануть* – СРНГ 35: 105; *контужить* – СРНГ 14: 270; *безольготной* ‘лишенный льгот, привилегий’ – Арханг. сл-рь 1: 150; *разоврат* ‘разврат, не-приличное поведение’ – СРНГ 34: 49; *снимок* ‘фотография, снимок’ – СРНГ 39: 100, 101; и сотни подобных), можно не касаться: этот материал носит ‘технический’ характер и находится на периферии проблемы.

(I а) К моментам и приемам словообразовательной адаптации относятся различные морфемные субSTITУции.

Во-первых, имеется в виду аффиксальная (точнее, аффиксальная – аффиксальная) субSTITУЦИЯ, когда на место одного аффикса (группы аффиксов) заступает другой (или группа). Часто это синонимичный словообразовательный элемент (не всякий раз, однако, более употребительный или лучше исполняющий свою смысловую функцию, но по каким-то, не всегда вполне очевидным, причинам подошедший носителю говора): *безнімáтельный* ‘рассеянный, невнимательный’ (Псков. сл-рь 1: 149), с явной ориентацией на предложно-падежное сочетание *без внимания* (*оставить, отнестись...*); *безотлóжска* ‘неотложная медицинская помощь’ (Псков. сл-рь 1: 156), ср. *неотложка*, но *безотложный, безотлагательный*; *воспарéние* ‘испарение’ (Воронеж. сл-рь 1: 248), не без воздействия рифмующегося слова *воспаление* (непосредственное заимствование с переменой значения существительного *воспарение* маловероятно ввиду его относительной редкости и книжного, если не поэтического, характера); *выполнíтельный* ‘исполнительный [= старательный. – А.Ж.]’ (Сл. Ср. Урала Дополнения: 93; согласно фреквентарию Засориной⁴, суммарная частотность глаголов *выполнить/выполнять* более чем в 4 раза выше, чем глаголов *исполнить/исполнять*); *выроjёдёнка* ‘уроженка’ (Сл. Ср. Урала Дополнения: 94); *обнисчёстить* ‘опозорить, обесчестить’ (Сл. Карелии 4: 94); *погранíчный* ‘заграничный’ (Сл. Карелии 4: 613); *подселéнная* ‘вселенная’ (Сл. дон. казач.: 385; любопытно, в какой мере могло оказаться существование книжных слов с префиксом *под-* и частично пересекающейся семантикой

⁴ Част. сл-рь: 123, 245.

— поднебесный, подлунный); *громопровод* ‘громоотвод’ (Арханг. сл-рь 10: 79; вероятно влияние слов типа *водопровод*); *прозвонóчник* ‘позвоночник’ (курган., Лютикова: 136); *сократить* 1. ‘подавить, прекратить при помощи военных сил’ («Когда Кронштадтский мятеж сократили, домой уехал»), 2. ‘вылечить, прекратить с помощью лекарств’ («Если заболит что, выпьешь зверобой — всё сократит» — Сл. Карелии 6: 206); *каторжáнец* ‘каторжник, каторжанин’ (сахалин., СРНГ 13: 132); *общежýлище* ‘общежитие’ (томск., 1975, в сказке!, СРНГ 22: 272; заслуживает внимания расхождение в месте ударения между приведенным словом и несомненно повлиявшим на его образование существительным *жилище*); *востýтанка* ‘воспитанница’ (Яросл. сл-рь 3: 39), которое, однако, может быть коррелятом к *воспитанник*, то есть образованием по аналогии; *воститáлка* ‘воспитательница’ (Яросл. сл-рь 3: 39; ср. распространенное училка вместо кодифицированного *учительница*); *пропитáнство* ‘пропитание’ (Сл. Карелии 5: 285); *дружелюбíвой*, *дружелюбíвой*, *дружелюбíваной*, *дружелюбíвой*, *дружелюбíмо* ‘дружелюбный; -но’ (Арханг. сл-рь 12: 310); *капризливый* (смол.), *капризчивый* (волог.) ‘капризный’ (СРНГ 13: 57; возможно, однако, производство от глагола **капризить(ся)*); *церемонíчной* ‘церемонный, строго соблюдающий этикет’ (Сл. Ср. Урала Дополнения: 561; если не от *церемониться*); *нервóвый* ‘нервный’ (зап.-брян., СРНГ 21: 142); *симпатёвый* ‘симпатичный’ (Сл. Карелии 6: 93); *экономисто* ‘бережливо, экономно’ (Сл. Карелии 6: 937); *пассажíрный* ‘пассажирский’ (Сл. Карелии 4: 403; перм., Акчим. сл-рь IV: 16); *брóйлерский* ‘бройлерный’ (Воронеж. сл-рь 1: 144); *общéственский* ‘пр и на д л е ж а щ и й обществу, общественный’ (СРНГ 22: 265; замена оправдывается тем, что суффиксу *-ск-* посессивная семантика свойственна в большей мере, чем суффиксу *-н-*, подвергнутому подстановке); *цемéнтовый* ‘цементный’ (Обск. сл-рь Доп. II: 259; одной из причин замены могло быть меньшее произносительное удобство консонантной группы [нтн]) и т. п.

В ряде подобных случаев замена аффикса может быть объяснена его неприятием в силу иноязычного происхождения: *арендáтель* ‘арендатор’ (Псков. сл-рь 1: 68); *рассортíть* ‘рассортировать’ (Сл. Низов. Печоры 2: 210); *ревíзовый* (комиссия) ‘ревизионный’ (тул., 1933, СРНГ 35: 8); *гармонíщик* ‘гармонист’ (СРНГ 6: 145; Сл. Ср. Урала I: 112; Акчим. сл-рь I: 201), если это не результат «прямой» деривации с помощью собственных средств (см. ниже).

В иных случаях редкий и непродуктивный иноязычный аффикс (сегмент) заменяется также иноязычным, но приобретшим в языке-реципиенте (русском) высокую продуктивность: *спортíст* ‘спортсмен’ (воронеж., СРНГ 40:

232).

Иногда наблюдаются замены, обусловленные неверным пониманием аффиксальной семантики: *трудолюбый* ‘трудолюбивый, работающий’ (забайк., Сл. семейских: 477), с дальнейшей деривацией: *трудолюбимец* (Инверс. индекс: 353); *немиролюбый* ‘сильный, свирепый (о явлениях природы)’ (Коми АССР, СРНГ 21: 81; явное семантическое производное от усвоенного из литературного языка *миролюбивый*). Приведенные примеры показывают утрату причастным по происхождению суффиксом *-им-* его страдательного значения. Однако в подобных же, на первый взгляд, случаях вроде *самолюбый* ‘гордый, самолюбивый’ (новг., СРНГ 36: 92), с дальнейшей деривацией: *самолюбимка* ‘самолюбивая женщина’ (костром., там же), появление страдательного суффикса может быть содержательно оправданным, поскольку они поддаются толкованию как опирающиеся на синтагматическую схему **любимый самим (собою)*.

Необходимо отметить, что аффиксальные субSTITУции могут сопровождаться внесением в семантику членов возникающих противопоставленных пар некоторых расхождений. Так, не исключено, что замещение суффикса *-(н)ость* в литер. *инвалидность* на *-ств(о)* – *инвалидство* (моск., СРНГ 12: 196) – вызвана тонким ощущением различия между значениями ‘инвалидность как физическая особенность, увечность’ и ‘инвалидность как официально оформленное социальное состояние, назначенная ВТЭК «группа нетрудоспособности’’: «Она на инвалидство села, у ней с головой плохо» (там же).

Кроме реальных суффиксов, замене может подвергаться произвольный сегмент формы, не идентифицируемый дериватологией как морфема или не вычленяемый в качестве таковой в русском языке, если слово заимствовано, а морфемный статус он носит в системе языка-донора. Точно, хотя и очень тяжеловесно, такую замену можно было бы назвать «п с е в д о а ф и к - с а л ь н о - а ф и к с а л ь н о й » с у б с т и т у ц и е й. Лишь некоторые иллюстрации: *подсажир* ‘пассажир’ (костром., СРНГ 28: 170; вероятна ориентация на глагол *подсадить/подсаживать*); *арестанец* ‘арестант’ (моск., калуж., тул., СРНГ 1: 274); *студёнец* ‘студент’ (самар., 1912, СРНГ 42: 72); *докторь* (*дóкт/ap'Ь!*⁵) ‘врач’ (Деулин. сл-рь: 146); *сáльник* ‘салинг, рама из

⁵ Составители цитируемого диалектного лексикона ориентировались на графический облик литературного заимствования. Однако в акающем рязанском говоре качество второго, безударного, гласного в этом естественном трансформе допускает его фонемную интерпретацию /a/ и, тем самым, идентификацию исхода слова как суффикса *-арь* (*токарь, знахарь, лекарь*), здесь – вторичного, примыкаемого.

брусьев, устанавливаемая на верхнем конце стеньги для лучшего крепления снастей' (Якутия, СРНГ 36: 69); *балáнец* 'баланс', висячие весы' (СРНГ 2: 73–74); *турнéец* 'турнепс' (Сл. Ср. Урала VI: 113); *катарóк* 'катараракта' (Псков. сл-рь 14: 38; возможно, под влиянием медицинского термина *катар*, с затемненным для носителя говора содержанием). Заметим, что эта разновидность аффиксальной субSTITУции строится на фонетических сближениях.

Видимо, сюда же нужно присоединять и случаи типа *земнóмér* 'землемер' (СРНГ 11: 261–262; Яросл. сл-рь 4: 120), *земнóпáшество* (моск., СРНГ 11: 262), где адъективный суффикс *-н-* появился, не без оглядки на форму *земн(ой)*, на месте эпентетического *-л-*, принадлежащего корню.

Далее, наряду с аффиксальной встречается (гораздо реже) *корневая субSTITУЦИЯ*: *скороспéшная* (чахотка) 'скоротечная' (Новг. сл-рь 12: 41)⁶; *долгосерíйной* (фильм) 'многосерийный' (Арханг. сл-рь 11: 334); *тищеéд* 'птичий желудок' (Сл. Низов. Печоры 2: 41; явный оригинал – книжное существительное *тищевод*, которое в диалектной рецепции претерпело семантическое отклонение). Случай, когда подобная субSTITУЦИЯ затрагивает иноязычный корень, неясный для носителя языка-реципиента, очень близки образцам ложноэтимологической атTRACTии (если фонетическую близость не полагать жестко необходимой). Однако замечательно существительное *животéхник* 'зоотехник' (perm., Беляева: 160), в котором замена греческого корня оправдана семантически: слово, которое по всем параметрам должно проходить по ведомству ложноэтимологических замен, как раз ложной замены не представляет; ср. диалектное кривотолкование слова *зоотехник*, уподобившее его к сложениям с начальным усеченным *зав-*: *завтехник* (Коготова 1979: 269).

Некоторые слова можно квалифицировать как примеры *аффиксаль-но-корневой субSTITУЦИИ*. В существительном *репродуктор* иноязычный префикс *ре-* в томском говоре уступил место корню *радио-*: *радиопродúктор* (СРНГ 33: 248; менее вероятна элиминация морфемы *-ре-*, а с точки зрения не владеющего иноязычным морфемарием носителя диалекта –

⁶ Прилагательное *скороспéшный* известно и другим говорам (ряз., ср.-обск., русские говоры Грузии, см., например: СРНГ 38: 101; Деулин. сл-рь: 519; Оссовецкий 1982: 113). Такое положение дел, на первый взгляд, вынуждает расценивать приведенный пример не как образец корневой субSTITУЦИИ в прилагательном, а как использование уже «готового» адъектива в оригинальном синтагматическом объединении с названием болезни. Однако вернее всего носитель новгородского диалекта имел дело с цельным выражением *скоротечная чахотка*, воспринятым от пользующегося литературным идиомом профессионала, и в этих обстоятельствах любовое столкновение профессионализма и диалектного прилагательного заставляет говорить не только о лексической замене, сколько о словообразовательном явлении – мене корневой морфемы.

слога, которому затруднительно приписать какую-либо семантическую нагрузку, – в двукорневом существительном *радиорепродуктор*). В прилагательном *сознательный* ‘добросовестный, сознательный’ (Сл. Карелии 5: 628) можно констатировать замену приставки *c(o)-* в заимствованном литературном слове *сознательный* корневой морфемой *сам(o)-* под влиянием композитного прилагательного *самостоятельный*. Явления последнего рода обычно рассматриваются под рубрикой контаминаций, ср. известное просторечное *подстамёнт* ‘постамент’, а в одном новгородском говоре – «просто» ‘(любая) подставка’ («Сковороду-ту на подстамент поставить» – Сл. Карелии 4: 675) ⁷.

СубSTITУЦИИ, о которых шла речь, осуществляются по большей части, вероятно, безотчетно и находятся в области номинационной патологии (см.: Журавлев 1982: 48, 75–76, 79). Их нужно отличать от так называемого заменительного словаобразования (см.: Улуханов 1974; Улуханов 1977: 63), где мена одной морфемы на другую, не только синонимическая, но и антонимическая и проч., происходит вполне осознанно. Следовательно, такие слова, как, скажем, ироническое *счетопут* «о колхозном счетоводе, запутавшем учет» (СРНГ 43: 89) или *кривосудие* (в насмешливом обращении к судье *ваше кривосудие*) (костром., СРНГ 15: 247), к перечисляемым примерам уже не относятся, а представляют собою результат оригинального словоизводства путем сознательной антонимической замены корня (*-вод* → *-пут*, *прав* → *крив*-).

(1 б) При адаптации диалектом слова, заимствованного из литературного идиома (иногда речь может идти не о слове, а об основе), нередко наблюдается упрощение его морфемного строения.

Де пре фи кса ция: *гранычник* ‘пограничник’ (Арханг. сл-рь 10: 27); *звонычник* ‘позвоночник’ (Сл. Приамурья: 103); *неусмотренный* ‘непредусмотренный’ (новосиб., СРНГ 21: 197: «Если какая неусмотренная работа появится...»); *оружённый* ‘вооруженный’ (СРНГ 23: 347; Сл. дон. казач.: 340); *подзёрный* ‘подшадзорный’ (петерб., СРНГ 28: 21; Сл. Карелии 4: 633); *рожденец*, *рожёнец* ‘уроженец’ (Сл. Карелии 5: 549); *схождение* ‘снискождение, уступка’ (СРНГ 43: 71); *страдательный* ‘сострадательный’ («Бабушка какая страдательная, все дает деньги» — Сл. Карелии 6: 357); *суждённый* ‘осужденный судом, приговоренный к наказанию’ (СРНГ 42: 183); *целеобра́зный* (Инверс. индекс: 213), ср. *целесообразный*; *ступить* ‘вступить, войти в состав’ (томск., СРНГ 42: 96: «В колхоз ступили сразу»; слово очевидно чужеидиомное); *дмёнить* ‘быть надменным..., смотреть свысока’ (арх., Сл. Рус. Севера III: 229; обращает внимание правильное с историко-

⁷ В более широком плане контаминации слов предполагается уделить внимание в одной из следующих статей настоящего цикла.

словообразовательных позиций вычленение приставки *на-* в основе, для носителей литературного языка уже утратившей внутреннюю форму, – к праслав. **dъmъ*) и мн. др.

Можно отметить, что семантические потери при подобных элиминациях префиксальных морфем бывают не столь уж велики: в сознании носителя диалекта *граничник* может задним числом словообразовательно соотноситься не с *пограничье*, *по границе* через промежуточное звено *пограничник*, от которого оттолкнулась данная диалектная номинативная единица, а прямо с *граница*, понимаясь как ‘тот, кто служит на границе’; *подзорный* – не чересступенчато с *надзор*, *надзирать* (ср. быть *под надзором*), а прямо от *подзирать*, ср. *подзирáть* ‘подглядывать; следить’ (СРНГ 28: 18), *подзирáться* в безличном употреблении («За ним строго подзирается» – Даль₂ III: 174).

«Депрефиксация», породившая глаголы *рендовать* несов. ‘арендовать’ и *рестовáть* несов. ‘арестовывать’ (СРНГ 35: 64, 75) была вызвана ложной оценкой анлаутного *a*- как префикса *o-* (*об-*) с grammaticalным значением совершенного вида («Фашисты *риставали* нас, *расстреливали*» – Сл. дон. казач.: 458; ср. *обрестовáть* ‘арестовать’ – СРНГ 22: 204; далее *зарéс* ‘арест’ – перм., СРНГ 10: 382). Вероятно, такого же происхождения существительное *пробáция* ‘проба’ (Сл. Карелии 5: 233) – из *апробация*, соотнесенного с глаголом *o-проб-овать*. Не исключено, что и слова *авантажный*, *аккуратный*, *ассигнация*, потерявшие в говорах анлаутный гласный и приобретшие соответственно вид *вантажный* ‘чванный’, нижегор. ‘важный, учтивый; статный’ (псков., СРНГ 4: 38), **куратный* → *курати́ст(ка)* (псков., СРНГ 16: 112), *сигнация* (р. Урал, СРНГ 37: 277) и под., при своем вхождении в диалектный лексикон воспринимались в качестве префиксных единиц.

Десификация: *зарегистровáть* ‘зарегистрировать’, *регистровáться* (староверы Эстонии, Паликова – Ровнова: 59); *денатúра* ‘спирт денатурат’ (Арханг. сл-рь 11: 22; здесь разумно усматривать не элизию конечно-го согласного *-t*, а именно устранение суффикса *-át*, иноязычного по происхождению, сопровожденное переводом слова в иной морфологический тип и снабжением его флексией *-a*, сближением со словами на *-(t)ýra*, имеющими вещественные значения, – *политура*, *микстура*, *мануфактура*; *коммуни́ческий*, *по-коммуни́чески* (Псков. сл-рь 15: 139); *продовóльие* ‘продовольствие, средства к жизни’ (моск., СРНГ 32: 122); *развéд* ‘разведка’ («Начальник разведа приказал...» – Сл. дон. казач.: 443); *самоблóг* ‘самообложение’ (урал., СРНГ 36: 77); *дружелíбной* ‘дружелюбный’ (Арханг. сл-рь 12: 310); *четырёхугóлой* ‘четырехугольный’ (Сл. Низов. Печоры 2: 423; несмотря на наличие в диалектных регистрациях параллель-

ных образований от угол без суффикса *-ын-* и притом несомненно оригинальных, не обязанных влиянию литературного языка, ср. *треуглый* – Инерс. индекс: 205, комментируемое прилагательное предпочтительно рассматривать именно как результат преобразования литературного *четырёхугольный*; *чрезвычай* ‘чрезвычайно’ (Сл. дон. казач.: 582; видимо, с ориентацией на наречные формы *невзначай*, диал. *необычай* и под.), и мн. др.

Устранение суффикса часто вызывается неверным пониманием его семантической функции. Так, в нижеследующих примерах суффиксы *-к-*, *-ик-*, *-ок* были рассмотрены носителями диалектов в качестве словообразовательного средства для передачи значения уменьшительности или уничижительности и, при отсутствии необходимости в этом значении, выведены из состава слова: *бердáна* ‘берданка’ (Сл. Приамурья: 22; дальнейшая эволюция слова должна трактоваться как субSTITUTивное преобразование упомянутого выше характера, с вычленением ложного суффикса *-ан-*: *бердáха* – там же; в последнем весьма вероятно присутствие экспрессии); *кушёра* ‘акушерка’ (Сл. Приамурья: 140); *алкоголь* ‘алкоголик’ (в составе фразеологизма *взойти в алкоголи*, параллельного словосочетанию *взойти в алкоголики*) (Сл. дон. казач.: 25); *элéктор* ‘электрик’ (Сл. Карелии 6: 938; ср. в просторечии и жаргоне *рахит*, *фанат* – из нормативных *рахитик*, *фанатик*); возможно, *тéхня* ‘сельскохозяйственная техника’ (забайк., Сл. семейских: 471).

Те же причины заставляют носителей диалекта устранивать сегменты поверхностной структуры слова, которые расцениваются в качестве суффиксальных морфем, не будучи таковыми: *рубáн* ‘рубанок’ (Лит. ССР, СРНГ 35: 213); *фугáн* ‘фуганок’ (Новг. сл-рь 12: 4; Сл. Приамурья: 314; Сл. Низов. Печоры 2: 392).

Устранение суффикса может вызываться неточным пониманием грамматико-семантических отношений между производным словом и его непосредственным производящим в литературном языке и сопровождаться частеречным сдвигом. Так, страдательное причастие *браков-ан-ный* становится де-вербативным прилагательным *бракóвный* («Дóчка в дому – бракóвный товар, а сын – хозяин» – староверы Эстонии, Паликова – Ровнова: 47; ср. диал. *балóвный* – литер. *балóванный*).

При освоении композитных слов иногда констатируется *дерадикация* – устранение одного из корней (вместе с соединительным морфоидом): *водítель* ‘руководитель’ (Сл. рус. говор. Коми-Перм.: 65); *говорítель* ‘громкоговоритель’ (Арханг. сл-рь 9: 176); *трясéнье* ‘землетрясение’ (Камчат. сл-рь: 173); *фамилец* ‘одиофамилец’ (Сл. Ср. Урала Дополнения: 548; Обск. сл-рь Доп. II: 247; Сл. Карелии 6: 677). Сюда же можно присоединить случаи основно-аффиксальной субSTITUTии – замены одной из основ (или

одного из корней) сложного слова сходно звучащим суффиксом, с частичной потерей формально-смысовых соответствий, – явление, противоположное отмеченному выше типу аффиксально-корневой замены: *недальновитый* ‘недальновидный’, *непроницательный*’ (тобол., урал., СРНГ 21: 8).

(І в) Кроме упрощения структуры заимствованного слова (или основы), наблюдается ее **усложнение**, состоящее в **наращении словообразовательных морфем**. Понятнее прочих случаи, когда такое наращение выступает как компенсаторное средство – аффиксальный довесок для морфемной экспликации формально не выраженного семантического элемента. Носитель говора может довольно остро воспринимать моменты знаковой асимметрии, когда некоторому смысловому элементу не ставится в соответствие отдельная словообразовательная морфема.

Весьма часто этот прием наблюдается в сфере грамматического словообразования, в частности для устранения такого неудобства, как двувидовые глаголы. Не желая мириться с невыраженностью отдельным аффиксом грамматического значения законченности действия и развести глаголы разного вида в самостоятельные формы, говорящие на диалекте нередко снабжают двувидовой в литературном языке глагол видеообразующим префиксом, например: *сакстрировать* ‘кастрировать’ (Сл. Карелии 6: 107); *смеханизировать* ‘механизировать’ (оренб., СРНГ 39: 8); *смобилизововать* ‘мобилизовать’ (киров., СРНГ 39: 22); *срадиривать* ‘передать сообщение по радио, радиоровать’ (томск., СРНГ 40: 302); *с организовать* (Инверс. индекс: 401⁸), *с гарнизоваться* ‘организовать(ся)’ (СРНГ 37: 14, с элизией начального *о*- и метатезой согласных); *отмлизовать* ‘мобилизовать’ (арх., СРНГ 24: 242; в словаре – с вероятно ошибочной акцентовкой в инфинитиве); *закаурировать* ‘эвакуировать’ (псков., Русская деревня 2009: 285; с элизией начального *э*-). Такого рода глагольных примеров немалое количество и в городском просторечии.

Морфемные наращения, не добавляющие к слову, заимствуемому из литературного идиома, существенной новой семантики, затрагиваю и именное словообразование. Не рефлектирующий по поводу языка носитель литературного идиома вряд ли ощущает ономасиологическую «недостаточность» существительного *танцы* ‘танцевальная вечеринка’. Однако для некоторой части носителей диалектов в слове *танец* могут замыкаться только значения ‘хореографический «нумер»’ и ‘хореографический жанр’, поэтому для пере-

⁸ Помещенная в index a tergo к СРНГ, в самом словаре эта лексема отсутствует: увы, весьма нередкий для указанного издания случай, когда имеющаяся в картотеке единица при комплектовании очередного тома составителями почему-то игнорируется.

дачи смысла ‘вечеринка с танцами’ они не удовлетворяются, как литературноговорящие, метонимическим использованием формы множественного числа (*Сегодня в клубе танцы*), а прибегают к суффиксальному образованию *танцовка* (Сл. Низов. Печоры 2: 339; Обск. сл-рь Доп. II: 221); ср. *танцульки*. Точно так же невыраженность категориальной семантики отдельной морфемой в слове *падеспана* преодолевается навязыванием ему суффикса, бегущего на себя передачу необходимого смысла: *падеспаңец* (р. Урал, СРНГ 25: 129; рифмовка с гиперонимом *танец*, думается, вовсе не случайна). В сознании диалектоносителя нехватка в структуре слова *галтель* ‘рубанок для фигурных работ’ морфемы, которой можно было бы присоединить категориальный смысловой элемент ‘орудие’, порождает такие суффиксальные формы, как *галтэльник*, *галтэрник*, *галдерник* (арх., Сл. Рус. Севера III: 10, 12). Слово *нотариус*, хотя для носителя литературного языка и членимое (ср. *нотари-ат*, *нотари-альный*), тоже не имеет категориального оформителя, чем вызвано его снабжение таковым в диалектной речи: *тарусник* (брян., СРНГ 43: 195; ударение вызывает некоторые сомнения). Восполнение недостатка в категориальном суффиксе оказывается не только при освоении бессуффиксных имен вроде *космонавт*, *партизан*, *фотограф* или *штукатур*, но названий, в составе которых имеются морфемы, могущие быть отождествленными с материальными элементами, назначенными для передачи значения лица, деятеля, носителя профессии. В результате, помимо слов вроде *космонавт-ец* (Селигер 3: 113), *партизанец* (томск., СРНГ 25: 243; Обск. сл-рь Доп. II: 67), *фотографист* (Новосиб. сл-рь: 565; Сл. Приамурья: 314), *штукатурник* (Сл. Карелии 6: 911), порождаются имена типа *музыкант-щик* (СРНГ 18: 338; Псков. сл-рь 19: 48). Некоторые образцы оснащения категориальным суффиксом существительных, которые в литературном языке им не обладают, вызваны к жизни их словообразовательным соотнесением с глаголами. Таковы, можно думать, слова *дебоши́рник* ‘скандалист’ (Яросл. сл-рь 3: 124), *лицеме́рник*, *лицеме́рщик* (СРНГ 17: 85), *шоферист* ‘шофер’ (Сл. Карелии 6: 905), возникшие, по-видимому, с оглядкой на глаголы *дебоширить*, *лицемерить* (если не к *лицемерный*), *шоферить* ‘работать шофером’ (Сл. Карелии 6: 905). Таким способом достигается уменьшение формально-смысловой асимметрии знака, смутно ощущаемой как некий внутренний недостаток языковой системы, который при возможности нуждается в исправлении (не исключено, однако, что в последнем субстантивном примере на компенсацию суффиксального нуля воздействовало синтагматическое соседство со словом *тракторист*: «Раньше *шоферисты* и *трактористы* жили»; препозиция формы с «лишним» суффиксом по отношению к форме, где он «нелишний», такому предположению не противоречит).

чит: в потоке порождаемой речи явления рифмующей антиципации не столь уж необычны).

(II) Диалектное словообразование на базе слов, заимствованных из литературного идиома.

Словообразование в диалектах несёт те же основные функции, что и в литературном идиоме, – назывную, экспрессивную, строевую (синтаксические дериваты, по Е. Куриловичу) и компрессивную. Очевидно, что в диалектной деривации явно преобладающим образом реализуется номинационная функция: производные создаются для заполнения вновь обнаруживающихся лакун в обозначениях реалий, при концептуальном освоении мира. Здесь целесообразно ограничиться показом примеров, которые реализуют именно ее и отчасти, насколько позволяет имеющийся материал, компрессивную функцию. Иллюстрации относятся главным образом к именному словообразованию, глагольная деривация затрагивается в минимальном объеме.

Нужно отметить, что в неопределимо большом количестве случаев мы сталкиваемся с созданием слова по ходу дела, оно конструируется в устном дискурсе и как правило не претендует на вхождение не только в словарный состав данного диалекта, но и в постоянный лексический запас данного индивида. Перед отправителем речи как правило не стоит особой задачи расширения словаря: обычно он озабочен сиюминутным обозначением реалии в потоке речи. Поэтому довольно большое число приведенных ниже лексических примеров, почерпнутых из диалектных словарей, должно быть квалифицировано как изобретения *ad hoc*, скорее как потенциальный лексикон, чем как отшлифованное временем словарное достояние данного диалекта⁹. Ценность такого материала как раз состоит в том, что он позволяет почти непосредственно прикоснуться к механизмам порождения слова, со всеми возможными его трудностями и непоследовательностью.

Входя в словарь говора, слово, получившее литературную кодификацию, обычно не остаётся одиноким чужеродным элементом, но обрастает произ-

⁹ Из сказанного с необходимостью вытекает оценка почти каждого богатого данными, «нефильтрованного» диалектного словаря в значительной его части как собрания экспериментальных проб, обреченных на последующее забвение. Вероятно, так оно и есть. И хотя перед диалектологом-лексикологом, особенно если он погружен в исторический или лингвогеографический анализ, часто стоит проблема отграничения слов-эфемерид, рожденных злободневной потребностью, от лексики с давним прошлым, устоявшейся и воспроизведимой, больших огорчений такое качество словарей не приносит. Напротив, игнорирование остроактуальных «однодневок» означало бы обрисовку диалектного словообразовательного арсенала в урезанном виде. К сожалению, при создании диалектных словарей практика сегрегации материала не так уж редка.

водными, иной раз, в зависимости от практической важности нового заимствования, довольно многочисленными: *клубник* ‘работник клуба’ (Селигер 3: 48), прозвище ‘мужчины-чужака, живущего в клубе’ (Псков. сл-рь 14: 226); *колхозяня* ‘колхозники’ (костром., СРНГ 14: 202), *обществя́на* ‘члены одного общества (деревни, крестьянской общине)’, ‘*общественники*’ (тобол., 1911, СРНГ 22: 273), с использованием суффикса *-(-)ан(a)*, оформляющего *номина collectiva*, ср. *помочана*, *поезджана*, *клырошана*, *окольчана*, *починшина*, *московляна*¹⁰); *пропускник* ‘сторож или стрелок охраны’ (перм., СРНГ 32: 213); *совхозник* ‘работник совхоза’ (новг., яросл., камч., амур., Горн. Алт., Ср. Урал, СРНГ 39: 194–195; Сл. Приамурья: 279), *совхозец* ‘работник совхоза’ (иван.-вознес., 1933, СРНГ 39: 194); *фермач*, *фермачник*, *фирмач* ‘работник фермы’ (Новг. сл-рь 12: 3; Сл. Ср. Урала VI: 142, Дополнения: 549; Сл. Карелии 6: 682); *штрафаль* ‘человек, берущий штраф’ (Сл. Карелии 6: 911); *винтовочник* ‘меткий стрелок из винтовки’ (сиб., СРНГ 4: 290); *восстаник* ‘участник восстания’ (Новосиб. сл-рь: 74); *издеватель* ‘самодур’ (Сл. Приамурья: 107); *интересник* ‘корыстолюбивый человек’ (смол., 1914, СРНГ 12: 206), *интересница* ‘забавная, смешная женщина’ (Псков. сл-рь 13: 295); *канунница* ‘женщина, которая накануне какого-либо праздника помогает хозяйке готовить’ (Сл. Ср. Урала Дополнения: 225); *комёдник* ‘ломака’ (Новг. сл-рь 4: 97); *концертник* ‘пьяница, дебошир’ (забайк., Сл. семейских: 210); *кофейщик* ‘любитель пить кофе’ (моск., СРНГ 15: 119); *неаккуратень* ‘неряшливый человек’, *неаккуратина* ‘неряха’ (Смолен. сл-рь 7: 70, 71); *неразвитик* ‘глуповатый человек, простофиля’ (Смолен. сл-рь 7: 88); *предвидец* ‘способный предвидеть’ (Сл. рус. гов. Коми-Перм.: 197); *представлюха* ‘ тот, кто старается принять какой-л. вид, казаться кем-, чем-л.’ (перм., СРНГ 31: 79); *протестун* ‘ тот, кто любит спорить, протестовать; спорщик’ (сев.-зап., СРНГ 32: 266); *психовник* ‘нервный, психически неуравновешенный человек’ (Сл. Карелии 5: 341); *сахарник* ‘больной сахарным диабетом’ (Сл. Карелии 5: 635); *секрётница* ‘женщина, которая посвящена в чужие тайны’ (Башкирия, СРНГ 37: 127); *фольклорница* ‘знаток фольклора (о женщине)’ (Сл. рус. гов. Коми-Перм.: 251); *экономка* ‘бережливая женщина’ (Сл. Карелии 6: 937); *вербач* ‘человек, приехавший на специальные работы по договору’ (перм., Акчим. сл-рь I: 115; отметим девиантное использование деривационной морфемы: суффикс *-ач* в отглагольном словообразовании как правило оформляет названия отправителя действия, названного мотивирующим глаголом, а не того, кто подвергается действию); *гербовница* собир.

¹⁰ География таких форм (северорусская, с редкими регистрациями в южно- и среднерусских говорах) на примере *крестья́на* показана в ДАРЯ (II: карта 26).

‘вербованные жители’ (арх., Сл. Рус. Севера III: 21); *кубáторец* ‘цыпленок из инкубатора’ (Селигер 3: 159); *деколóница* ‘парфюмерный и туалетный набор, который дарит жених невесте накануне свадьбы’ (моск., Войтенко: 717); *местополóжина* ‘какой-либо предмет, имеющий определенное место хранения’ (курган., Лютикова: 79): «Так и говорят – местоположина, раз положена на место»; следует подчеркнуть, что здесь представлено именно суффиксальное распространение основы, а не суффиксальная субSTITУЦИЯ *-e-nij(e)* → *-in(a)*, как может показаться с первого взгляда); *нефтáнка* ‘судно для перевозки нефти, танкер’ (терск., волж., СРНГ 21: 200); *пассажíрка* ‘катер, которым перевозят пассажиров’ (perm., Акчим. сл-рь IV: 15–16); *пáстик* ‘шариковая ручка с пастой’ (Сл. Карелии 4: 403); *рессóрник* ‘рессорный экипаж’ (Сл. Карелии 5: 519), *лесóрка* ‘рессорная повозка’ (Сл. Сибири 2: 209); *дюорáлевка* ‘металлическая [дюоралюминиевая. – А.Ж.] лодка’ (Арханг. сл-рь 12: 461); *килогráммник* ‘весы со шкалой измерения в килограммах’ (Сл. Сибири 2: 61); *салфéтина* ‘домотканое полотно, идущее на салфетки, скатерти’ (Сл. Карелии 5: 625); *тэмператúрник* ‘термометр’ (Обск. сл-рь Доп. II: 223); *капитáлка* ‘стена из бревен внутри пятистенного дома’ (Новг. сл-рь 4: 19); *трéхэтáжник* ‘трехэтажный дом’ (Сл. Карелии 6: 512); *хýмка* ‘химический раствор для обработки чего-л.’ (Сл. Карелии 6: 711); *центрáлка*, *цендрáлка* ‘ружьё центрального боя’ (обск., Блинова-Палагина-Сыпченко: 147; Сл. Приамурья: 319; приангар., Петроченко: 109), *цендрóвка* ‘центровое сверло’ (Обск. сл-рь Доп. II: 259); *телегráфник* ‘лес, идущий на телеграфные столбы’ (Новосиб. сл-рь: 534); *экспортник* ‘лес, предназначенный для экспорта’ (Сл. Карелии 6: 937); *атлásник* ‘женская праздничная одежда из атласа’ (Сл. Ср. Урала Дополнения: 11); *вельвéтка* ‘вельветовая куртка’ (Воронеж. сл-рь 1: 201); *газовíк* ‘тонкий прозрачный платок из газовой ткани’ (Яросл. сл-рь 3: 66); *кашемíровик* ‘платье, сарафан из кашемира’ (Псков. сл-рь 14: 68); *инвали́дка* ‘пенсия по инвалидности’, ‘инвалидная машина’ (Псков. сл-рь 13: 280; от *инвалидный*; вряд ли «реидиоматизация», с отталкиванием от значения ‘женщина-инвалид’); *отбыва́лка* ‘ срок заключения по приговору суда’ (Смолен. сл-рь 7: 187, ср. формулу с *отбыванием* *срока наказания*); *номерьё* ‘нумерация (домов)’ (арх., СРНГ 21: 274); *батарéйник* ‘ряд продолговатых холмов, похожих на валы’ (Яросл. сл-рь 1: 41; СРНГ 2: 141); *гармонíща* ‘громкая и продолжительная игра на гармони’ (ряз., Деул. сл-рь: 106); *гектáрница* ‘соревнование по жатве’ (волог., Сл. Рус. Севера III: 21); *маринúха* ‘маринование [; (2) маринованная снедь. – А.Ж.]’ (Селигер 3: 259)...

Многие деадъективные суффиксальные именные образования представ-

ляют собою результат свёртывания устойчивых словосочетаний, имеющих хождение в литературном языке: *бензойка* ‘бензольная кислота’ (Воронеж. сл-рь 1: 97); *высокосие* ‘високосный год’ (Сл. Ср. Урала Дополнения: 95); *гиган* ‘столб для карусели «гигантские шаги»’, мн. *гиганы* ‘карусель «гигантские шаги»’ (арх., волог., Сл. Рус. Севера III: 23); *духовик* ‘духовой оркестр’ (Арханг. сл-рь 12: 397); *указательник* ‘указательный палец’ (Сл. Низов. Печоры 2: 376)…

Нетрудно увидеть, что слова, вновь образованные от заимствований из литературного языка, в семантическом отношении весьма часто являются параллелями (не всякий раз следует торопиться квалифицировать их как синонимы) уже имеющимся словесным обозначениям: *воспитомник* (2) ‘воспитатель’ (Смолен. сл-рь 2: 78, 85); *животник* ‘пастух’ (Сл. Приамурья: 86); *животехник* ‘зоотехник’ (Сл. Ср. Урала Дополнения: 155); *институтник* ‘студент’ (Псков. сл-рь 13: 293; по модели *школьник*); *картиинник* ‘киномеханик’ (Псков. сл-рь 14: 13); *магазинник* ‘продавец магазина’ (Сл. Приамурья: 149); *нёрвенник* (2) ‘невропатолог’ (Смолен. сл-рь 7: 88); *снимальник* (олон., 1927; вызывает сомнение место ударения), *снимальщик* (том.) ‘фотограф’ (СРНГ 39: 107; Сл. Карелии 6: 187); *съёмщик*, *снёмщик* ‘фотограф’ (Сл. Приамурья: 294; новг., СРНГ 39: 101); *самолётчик* ‘летчик’ (ряз., том., казаки-некрасовцы, СРНГ 36: 90); *паровозница* ‘проводница в поезде’ (новг., СРНГ 25: 238); *печатница* ‘секретарь-машинистка’ (Сл. Карелии 4: 497); *руководило* ‘руководитель’ (перм., Беляева: 549); *руководственница* ‘руководительница’ (Сл. Ср. Урала V: 92); *арестантка* ‘тюрьма’ (Воронеж. сл-рь 1: 41); *безнаучность* ‘отсутствие знаний, невежество’ (Псков. сл-рь 1: 155); *вертун* ‘вертолет’ (Псков. сл-рь 3: 98); *гласина* ‘говор, местное произношение’ («Гласина-то у нас друга, сразу заметно» — волог., Сл. Рус. Севера III: 32, ср. *выговор*); *доёрство* ‘доение, [дойка]’ («А я с доярства только приехала» — Сл. Приамурья: 77); *премирёвка* ‘премия’ (Сл. Низов. Печоры 2: 140); *пачпортовка* ‘паспортизация’ (Обск. сл-рь Доп. II: 69); *сознательство* ‘справедливость’ (Сл. Карелии 6: 202).

Разумеется, носитель говора может не знать слов *nevropatolog*, *кинемеханик*, (*секретарь-машинистка*). Но трудно предположить, что ему не известны слова *тюрьма* или *пастух*. Для появления отличных по морфемному составу эквивалентов подобным словам должны существовать какие-то особые причины. Это может быть желание говорящего уточнить те или иные моменты в передаваемой содержательной структуре: скажем, ‘продавец именно в магазине’ (поскольку продавцом называют и человека, сбывающего корову), ‘студент, обучающийся в институте’ (а не в медицинском училище или кулинарном техникуме), ‘пастух, имеющий дело со скотом’ (а не,

предположим, гусями), ‘пилот, управляющий самолетом’ (а не вертолетом), и, таким образом, в словарях, откуда извлечены приведенные примеры, мы, возможно, встречаемся с неполными дефинициями, упускающими существенные для номинатора семантические составляющие. Немаловажной, далее, нередко оказывается прочитываемость внутренней формы слова и, вследствие этого, более определенное место в лексико-семантической парадигме и лучшая его запоминаемость, что заставляет носителя говора искать более прозрачные построения, могущие служить эквивалентами литературным словам вроде *фотограф* или *студент*.

С другой стороны, новообразования могут толкать к выявлению иных по сравнению с литературным языком значений у производящих. Так, не исключено, что *гласина* ‘местное произношение’ соотнесено с *гласить* в смыщенном значении ‘звучать’ (ср. «заурал.» *гласить* ‘звучать’, т. е. ‘быть распространенным, иметь хождение, если судить по восприятию на слух’: «К тому краю уж другие фамилии гласят» — СРНГ 6: 192), а *безнаучность* ‘отсутствие знаний’ адресует к *научный* ‘образованный, просвещенный, прошедший выучку’ (см.: СРНГ 20: 252, ворон., костром.; ср. *научник* ‘учёный человек’ — Смолен. сл-рь 7: 58); относительно наличия в конкретном идиолекте, с которым имел дело собиратель, у слова *паровоз* значения ‘железнодорожный поезд’ (мотивирующего существительное *паровозница* ‘проводница’) можно почти не сомневаться.

Довольно сильным импульсом к созданию новых для диалекта словесных обозначений является стремление номинатора к заполнению смутно осознаваемых пустот в морфолого-словообразовательных матрицах.

Весьма наглядно (хотя и не столь уж часто) это проявляется в глагольном словообразовании. Носитель литературного языка, хорошо владеющий его словарными ресурсами, сравнительно легко мирится с тем, что семантически коррелирующие лексические знаки часто сформированы на разных основах: *заболеть* : *выздороветь*, *выздороветь* : *вылечить*, *присоединить* : *отделить* и т. д. Ограниченностю корнесловного репертуара, находящегося в распоряжении носителя диалекта, и в то же время его чуткость к формальной диспропорциональности имеющихся супплетивных рядов нередко заставляет его образовывать формальные корреляты. Так, создание формы *исключиться* ‘уволиться с работы’ (Псков. сл-рь 13: 305) вызвано неравновесностью глагольной матрицы *уволить* :: *уволиться* : *исключить* : Ø; в литературном языке *исключиться* существует, кажется, лишь в качестве пассива к *исключить* ‘удалить, изъять’, применяемого к неодушевленному объекту. Наличие пропорциональных пар типа *молодеть* : *молодить*, *пьянеть* : *пьянить*, *обескро-*

веть : обескровить заставляет носителя диалекта медиальную форму *выйздороветь* снабдить коррелирующим каузативом *выйздоровать* ‘вылечить’ (Псков. сл-рь 5: 164), восполнив тем самым в литературном языке отсутствующий, но принципиально возможный член морфолого-словообразовательной парадигмы.

Выше говорилось о неудобствах, доставляемых носителям говоров (и просторечия) заимствованными двувидовыми глаголами. Их формы прошедшего времени часто воспринимаются как несущие лишь значение несовершенного вида, и для передачи значения противоположного вида используется аффиксация, добавляющая к семантике формы значение однократности действия (*ревизнуть* ‘проверить, ревизовать’ – СРНГ 35: 8, иван., 1932; *симульнуть* ‘увильнуть, уклониться от чего-л., прибегнув к хитрости, различным уловкам’ – СРНГ 37: 321, моск.) или всеохватности (*поликвидировать* ‘уничтожить всё или многое’: «Все пасёлки вакруж па глупъсти гъликвидиръвли» – Орлов. сл-рь 10: 114; *парализовать* ‘парализовать (всех, многих)’ – СРНГ 29: 297, курск.).

В области именной деривации тяготение диалектноговорящих к заполнению словообразовательных лакун наиболее ярко обнаруживается в формировании «женских» коррелятов заимствованной из литературного языка «мужской» номенклатуре специалистов, профессий, должностей, членов общественных объединений, этнических общностей и проч.: *агрономка* ‘женщина-агроном’ (Воронеж. сл-рь 1: 29); *бригадирка*, *бригади́риха*, *бригади́рша* ‘руководительница бригады, женщина-бригадир’ (Деул. сл-рь: 66; Акчим. сл-рь I: 90; Сл. Ср. Урала 1: 56; Воронеж. сл-рь 1: 142); *ветеринарка* (перм., Акчим. сл-рь I: 123), *ветенáлиха* ‘жена ветеринара’ (Воронеж. сл-рь 1: 210; к *ветенáр* – там же); *врачýца* ‘женщина-врач’ (СРНГ 5: 188; Сл. семейских: 86); *доктурíна*, *дохтори́ха*, *дохтори́ца* (*дохтурíца*), *дохтори́чка*, *дохтурша* ‘женщина-врач’ (СРНГ 8: 100, 162; Арханг. сл-рь 12: 201; Волог. сл-рь. Д-З: 38; Новг. сл-рь 2: 90); *зоотéхница* (Псков. сл-рь 13: 158); *клубáриша* ‘заведующая клубом’ (Яросл. сл-рь 5: 37; к *клубáрь* – там же); *командирка* ‘кто любит распоряжаться, давать указания’ (Псков. сл-рь 15: 125); *коммунистиха* ‘коммунистка’ (Псков. сл-рь 15: 139); *медици́хча* ‘женщина медицинский работник’ (моск., Иванова: 1969: 263; СРНГ 18: 70; к *медик* по образцу *врач* : *врачиха*, но, по-видимому, в предсуффиксальном консонантизме не без отголоска форм *медицина*, *-ский*); *механица* ‘женщина-механик’ (арх., псков., СРНГ 18: 144; с заменой финали заимствованного слова, трактованной как русский суффикс *-ник*, женским «соответствием» *-ница*); *почтальонка*, *почтальончица*, *почтальонша*, *почтальонница*, *почтáрица*, *почтари́ха*, *почтár(ъ)ка*, *почтóвка* ‘женщина-

почтальон' (СРНГ 31: 18–20; последние – к *почтарь*, *почтовик*); *председателька* (казаки-некрасовцы, СРНГ 31: 79); *профсоюзница* ‘женщина – член профессионального союза’ (перм., Акчим. сл-рь IV: 155); *совётка* ‘гражданка СССР – не жительница Прибалтики’ (Литва, 1960, СРНГ 39: 184; из *совёт* ‘гражданин не прибалтийской республики СССР’¹¹); *счетоводка*, *счетоводиха*, *счетоводная* ‘женщина-счетовод’ (СРНГ 43: 89; последнее – формальный деадъектив); *фронтовица* ‘женщина, которая во время войны находилась в действующей армии’ (Сл. Низов. Печоры 2: 392); *шáферка* ‘в свадебном обряде: старшая подруга невесты, которая при венчании держит венец над головой невесты’ (Новосиб. сл-рь: 595), *шаферына* то же и др. значения (орл., Костромичева 150–151), *шаферыца* (там же; Арханг. сл-рь 12: 313); *шéфка* ‘городская женщина, приехавшая помочь в уборке урожая’ (Сл. Карелии 6: 865; ср. *шефство* ‘характерная для социализма повинность по оказанию бесплатной, как правило не требующей значительной квалификации, коллективной помощи работникам неродственных отраслей деятельности’, *шефы* ‘несущие такую повинность люди по отношению к тем, кому оказывается помощь’).

Но поиск равновесия в лексико-семантических парадигмах, базирующихся на противопоставлении признаков «мужской : женский», происходит и в противоположном направлении. Существование «женской» единицы *симпáтия* ‘зазноба’ (и производного *симпáтка*) вызывает к жизни «мужской» коррелят *симпáт* ‘поклонник, ухажёр’ (свердл., СРНГ 37: 320; Сл. Ср. Урала Дополнения: 503), добываемый десуффиксацией (ср. появление слова *дояр из доярка*).

Стремление к регулярности обнаруживается в активном образовании сингулятивов — там, где литературный идиом разделения собирательных и единичных имен не проводит: *доминúшка* ‘одна кость игры домино’ (Арханг. сл-рь 11: 378); *картина* ‘игральная карта’ (Селигер 3: 18); *инструмéтина* ‘инструмент’ (моск., СРНГ 12: 206; Псков. сл-рь 13: 293; очевидно, для отличия от *инструмент* в собирательном значении); *консервина* ‘консервная банка’ (моск., СРНГ 14: 269; ср. *концéрка* то же – дон., там же: 272; *концéрва/концéрва* трактуются как собирательные наименования); *лаврошина* ‘один лавровый лист’ (Камчат. сл-рь: 91; ср. простореч. *лаврúшка*); *томидóрина* ‘стебель помидора’ (курган., Лютикова: 125);

¹¹ Можно предположить, что квазиэтническим *советы* появился из неофициального наименования государства *Советы СССР* в рамках модели «этноним → название страны» (польск. *Włochy* ‘Италия’ < ‘итальянцы’, рус. *Литва, в Чехах, из Варяг в Греции*), но с обратным вектором семантических зависимостей.

марлѝпа ‘марля’ (Новг. сл-рь 5: 72; точнее — ‘кусок, отрезок марли’: «Вот комфорка-то закрывши марлиной»); *галифѝпа* ‘штанина галифе’(?) («Кустики, талиночки, / Извиты тополинами. / Парни моду проявили / Шоркать галифинами» — курган., Тимофеев: 117, ср. *штанина*); *торфѝпа* (Инверс. индекс: 85, вероятно, в значении ‘кусок торфа’). Далеко не всегда, однако, такое разделение проводится с последовательностью. В одном и том же узко-региональном словаре (Иванова: 75; повтор: Войтенко I: 110) суффикс *-ина* замечен в оформлении основы *газет-* и для ‘повоременного издания’ («Выписывали газетины...»), и для ‘штуки, экземпляра повременного издания’ («Газетину бы принести», «Зачем газетинъ валяицц?»); впрочем, в первом из приведенных примеров скорее, видимо, наблюдается семантический синкрезизм. С другой стороны, терпимость литературного идиома к совмещению в одной форме собирательного и сингулятивного значений в диалектах преодолевается выработкой специальных словообразовательных единиц и для передачи семантики собирательности, например, *инструмия* ‘оснащение, ряд инструментов для выполнения какого-л. действия’ (Псков. сл-рь 13: 158), *консервица* собир. ‘консервы’ (Селигер 3: 92). Любопытный случай представляет собою форма *редисенье* ‘редис’ (Сл. Карелии 5: 506): суффикс *-ень(е)* толкает к пониманию слова как собирательно-вещественного, ср. *вишенье*, нар.-поэтич. *орéшенье, черéшенье*¹², диал. *груздéнье* собир. ‘грибы грузди’ (Яросл. сл-рь 3: 111; СРНГ 7: 165), *клубéнье* собир. ‘кочны капусты’ (новг., СРНГ 13: 310) и под., однако в вытегорской регистрации именно образование на *-енье*, возможно, является сингулятивной формой, поскольку способно употребляться во множественном числе («...у меня для нее принесено редисеньев да луку», «...быстро-то редисеньев нарви...»).

Сопоставление диалектов с литературным языком показывает два немаловажных различительных момента: во-первых, у нелитературных форм языка выявляется меньшая толерантность к асимметрии словообразовательных гнезд; во-вторых, ощутима тенденция к устраниению в пределах говора (или идиолекта) фактов словообразовательной омонимии. Местные говоры, несмотря на расшатывающее влияние литературного полисистемного идиома, в области оригинального аффиксального развития заимствованных основ также в той или иной степени тяготеют к монотипизму и пропорциональности словообразовательных парадигм (понятно, что речь в этом случае идет

¹² В современных словах *вишня, черешня /н’/-* принадлежит корню; строго говоря, в их производных *вишенье, черешенье* должен выделяться лишь суффикс */-ј/-*. Однако исторически *-н(я)* — суффикс (*-ьп(a)*, см.: ЭССЯ 4: 78–79), чем, впрочем, и оправдывается фольклорный параллизм *вишенье – орешенье*.

об отдельных говорах, а не о «суммарной» наддиалектной сверхсистеме).

(III) Говоря об усвоении диалектами новых для них словообразовательных средств и созданию с их помощью оригинальной лексики, нужно иметь в виду три основных момента, в соответствии с которыми рубрицируются новые диалектные факты: проникновение в говоры семантико-словообразовательных моделей, сложившихся в литературном языке; заимствование новых для диалектов аффиксальных элементов; заимствование новых способов словообразования.

(III а) Труднее всего увидеть воздействие литературного языка в *переносе семантико-словообразовательных моделей*: с формальной стороны слова, образованные по таким моделям, могут не содержать ничего заметно иностранныго по отношению к исконной для диалекта морфемике и способам соединения морфем в целое, и исследовательские оценки таких фактов рискуют оказаться спорными. К усмотрению влияния извне может подталкивать лишь ненаходимость в говорах параллельных образований с тою же устойчивой семантической подоплекой. Так, например, наименования людей, страдающих заболеваниями внутренних органов, оформленные с помощью суффикса *-ник/-ница* – *кишечник* ‘человек, у которого постоянно болит живот’ (Сл. Сибири 2: 66; ориентацию на переосмыщенное «готовое» слово *кишечник* ‘совокупность кишок’ исключать, видимо, нельзя, но все же здесь предпочтительнее видеть независимое внутридиалектное образование), *нёргенник* (1) ‘беспокойный человек’ (Смолен. сл-рь 7: 88), *нёрвница* ‘нервная женщина’ (арх., СРНГ 21: 141), – похоже, сложились под влиянием модели, существующей в неофициальной профессиональной речи¹³,ср. *сердечник/-ница, лёгочник/-ница, желудочник/-ница, почечник/-ница*¹⁴.

(III б) Гораздо более наглядны многочисленные случаи освоения народными говорами **новых аффиксальных элементов**, в русском языке по большей части заимствованных.

В глагольной деривации единственный, видимо, такой суффикс *-ир(ова)-*: *абортiroваться* ‘сделать выкидыши [о скотине. – А.Ж.]’, ‘делать

¹³ Применяемый иногда для нее термин «профессиональное просторечие», на наш взгляд, не является удачным.

¹⁴ Замечательно, что от названий видимых органов с суффиксом *-ник* образуются не имена больных, а наименования специалистов-целителей: *кожник*, *глазник*, *зубник*, *ушник* и т. д. При этом, однако, в профессиональном дискурсе возможные «женские» параллели на *-ница*, кажется, не употребительны.

[себе. — А.Ж.] аборт' (Брян. сл-рь 1: 14; Селигер 1: 15¹⁵); *депутировать* ‘исполнять обязанности депутата’ (Арханг. сл-рь 11: 37–38); *драгировать* (1) ‘(о морских водорослях) извлекать с помощью специального приспособления – драги’, (2) ‘выезжать куда-н. для сбора водоросли’ (Арханг. сл-рь 12: 225); *командировать* ‘командовать’ (Сл. Ср. Урала II: 42–43); *кампанироваться* ‘сочетаться, подходить’ (Сл. рус. гов. Коми-Перм.: 116, ср. *компоновать(ся)*); *коммерсировать* ‘заниматься коммерцией, торговать’ (Селигер 3: 89); *претензирировать* ‘претендовать на первенство’ (арх., СРНГ 31: 96–97, формирование глагола явно отталкивалось от существительного *претензия*), отглагольное производное *газиробка* ‘загазованность’ (Арханг. сл-рь 9: 27). Он оформляет не только, как в приведенном списке, основы с иноязычным по происхождению корнем, но и исконные основы: *нерестироваться* ‘нереститься’ (Сл. Приамурья: 172).

Область, в которой господствующим образом реализуются заимствованные аффиксы, в первую очередь суффиксы, – словообразование имен существительных.

При этом можно различать собственно аффиксацию и аффиксацию субститутивную. Например, среди новообразований с суффиксом *-ист* к первой разновидности относятся слова *баландист* ‘болтун, пустомеля’ (Воронеж. сл-рь 1: 63; ср. *баланда* ‘беспредметный разговор, болтовня’, *травить баланду*, диал. *баланда* ‘болтун, пустомеля, праздный человек’ – СРНГ 2: 73), *бубнистка* ‘бьющая в бубен, шаманка’ (Камчат. сл-рь: 32); *дункарист* ‘человек, наблюдающий за движением паровоза по отношению к впереди прицепленной к нему вагонетке’ (Арханг. сл-рь 12: 359; к *дункар*, литер. *думпкар*); *премийист* ‘тот, кто получил премию’ (калуж., СРНГ 31: 86), *оловыйист* ‘человек, занимающийся ловлей соловьев’ (иван., СРНГ 39: 279), *форсистка* ‘форсунья’ (Новг. сл-рь 12: 4); *фотографист* ‘фотограф’ (Инверс. индекс: 345; Сл. Приамурья: 314). Вторая разновидность – заменительная суффиксация – реализована в образцах типа *агличанист* ‘англичанин’ (онеж., СРНГ 1: 202), *бандист* ‘бандит’ (Псков. сл-рь 1: 106), *наймист* ‘тот, кто занимается в солдаты вместо призывающего’ (Бурнашев – нижегор., СРНГ 19: 299; ср. олон. *наймит* то же – там же), *паразист* бран. (Сл. дон. казач.: 355; из *паразит*), *спортист* (приводилось выше). Но уже примеры вроде *алкоголист* (забайк., Сл. семейских: 23), *волхвист* ‘колдун, знахарь, ворожбить’ (великолук., СРНГ 5: 76) или *семьянист* ‘член семьи’ (сев.-зап., СРНГ

¹⁵ Возможно прямое заимствование глагола *абортiroвать* из специальных терминологических систем, зоотехнической в частности; однако внутридиалектное производство от *аборт*, особенно применительно к человеку (женщине), не исключается.

37: 159) могут вызывать разнотечения: от *алкоголь* (прямая деривация) – или же *алкоголик* (суффиксальная субSTITУЦИЯ)? от *волхв*, *волховать* – или же *волх(в)йт* (см.: СРНГ 5: 76–77)? от *семьяни*, основы единственного числа, – или же *семьян-e*, основы множественного числа, да еще с допустимой оглядкой на прилагательное *семьянист-ый* (ворон., СРНГ 37: 159)? Однако целью настоящей рубрики является показ меры усвоенности говорами того или иного аффикса, степень его внедренности в диалектные деривационные системы, поэтому указанные различия не столь существенны, и при демонстрации материала ими можно пренебречь.

Суффикс *-а́н(-?)*: *капризáн*, ж. *капризáнка* ‘капризный человек (обычно о ребенке)’ (ряз., влад., перм., СРНГ 13: 57), *капризáнство* ‘капризы’ (псков., там же). В ряде случаев этот заимствованный суффикс трудно отделить от омонимичного исконного, обнаруживающегося в словах *братан*, *мальчуган*, *орлан* (с трудноопределимой семантикой аффикса) или *голован*, *губан*, *ушан* (означающих существа с аномальным развитием части тела, названной осново-вою). Ср. *языкáн* ‘острый на язык’ (Сл. Ср. Урала VII: 69); *партуогáн* ‘партизан’ (смол., 1981, СРНГ 25: 243: «слово, почти вымершее»; сознанием номинатора в его составе выделяются, по-видимому, корень *парт-*, в литературном языке заимствованный из лат. *par*, и суффикс *-'уг-*, как в *хитрюога*, *мальчуган*); *фигурáн* (Инверс. индекс: 305; если это не упрощение консонантной группы в *фигурант*).

Суффикс *-áр-* (в составе суффиксального комплекса *-ар(ый)*), оформляющего прилагательные, производные от ряда заимствованных существительных: *дисциплинарный*, *легендарный*, *паразитарный*, *пленарный*): *пенсионárный* ‘пенсионный’ [точнее, ‘находящийся на пенсионном обеспечении’. – А.Ж.] (арх., СРНГ 25: 342: «Я пенсионарна, пенсию получаю»).

Суффикс *-áтор* со значением деятеля: *воздыхáтор* ‘вздыхатель, обожатель’ (сарат., 1911, СРНГ 5: 22); *проводжáтор* ‘тот, кто сопровождает кого-л. для охраны, указания пути; провожатый’ (томск., Карел. АССР, СРНГ 32: 99). Этот суффикс может образовывать производные не только от глаголов: *плугáтор* ‘пахарь’ (южн., СРНГ 27: 164; ср., впрочем, *плугáрь*, *плугáтарь* – там же). Каковы бы ни были непосредственные пути возникновения слова *лобáтор* ‘сплавщик леса в весенне полноводье’ (СРНГ 17: 95; Псков. сл-рь 17: 131; ср. *лободáрь*, *лободýр(ъ)*, *лоботýрь* ‘буллак’, ‘сплавщик’ и под. в тех же словарях), приспособление диалектного слова к модели с суффиксом *-атор* очевидно.

Суффикс *-ízm*: *пучízm* ‘вздутие, пучение’ («В мене пучизм в животе» – калуж., СРНГ 33: 168).

Суффикс *-ал* (? ср. *капитал*, *персонал*, *универсал*): *кварцál* ‘облучение кварцевой лампой, кварцевание’ (Псков. сл-рь 14: 77; возможно, по фонетической ассоциации с *квартал*).

Суффикс */-иј-/ (-ия)* существительных женского рода: *алкоголија* ‘алкоголизм’ (perm., Акчим. сл-рь I: 41); (?) *вракомија* ‘ложь, неправда’ (олон., СРНГ 5: 186; связано с *вратъ*, *враки*, однако конкретные деривационные шаги неясны¹⁶); *картофија* ‘картофель’ (СРНГ 13: 104); *картузия* ‘высшие сорта табака’ (енис., СРНГ 13: 107; ср. *картузный табак* – там же); *claveикордија* ‘умствование’, *человек с claveикордијами* ‘который выставляет себя за умного’ (смол., 1858, Доп. к Опыту: 80; к *claveикорды*, хотя метафорический мотив не очень ясен, форма по аналогии с *фисгармонија*); *негодија* ‘сильный ветер’ (дельта Дуная, СРНГ 20: 372; ср. юж.-рус. *негодá* ‘ненастье’ – там же: 371; ср. *негодня* – там же: 374); *пользија* ‘польза’ (СРНГ 29: 181); *проказија* ‘проделка, шутка, проказа’, ‘событие, случай, происшествие’ (смол., калуж., брян., СРНГ 32: 151–152; для второго значения вероятна параллелизация с заимствованием *оказия*); *ремозија* ‘узкие полоски от старой одежды, из которых шьют половики’ (свердл., СРНГ 35: 61; ср. *ремазье* то же, к *рем-* ‘полоска, лоскут’, *ремень*); *стремелюбдија* иронич. ‘принадлежности, инструменты (слесаря)’ (томск., СРНГ 41: 324; искусственно слово без этимологии, ср. *мерехлюндия*; к суффиксальному оформлению ср. *стремелюбд(i)на* ‘детали, принадлежности чего-л.; домашняя утварь, посуда’ – омск., тобол., там же: 325–326); *стуپија* ‘ступа для толчения’ (орл., СРНГ 42: 101); *сунсија* ‘супесчаная почва’ (р. Урал, 42: 270; вероятно, из *сунесь*); *такција* ‘такса, расценка’ (к *такса*), ‘мотив, мелодия’ (видимо, от *такт*; словарное толкование ненадежно и может отражать плохую осведомленность составителя статьи в музыкальной терминологии), ‘тактика’ («Да вы про Суворова-то разве не читали? Какой генерал был – знаменитый! А по *такции* никогда не действовал. Все больше по глазомеру» – СРНГ 43: 233); *танција* ‘танец’ (СРНГ 43: 266); *телеграмија* ‘телеграмма’, *хверуѓија* ‘хоругвь’ (Инверс. индекс: 512). Во множестве случаев наблюдается переоформление слова изначально среднего рода по женскому, и следует говорить о явлениях, принадлежащих не столько словообразованию, сколько морфологической епархии: *безобрáзия* ж. (Псков. сл-рь 1: 155; Акчим. сл-рь 1: 60; и др.); *ижедивéнија* (ряз., СРНГ 43: 139, в иллюстрации к ст. *Сыньин*); *извéстия* (СРНГ 12: 104); *накáзия* ‘печальное событие; наказание’ (смол., новосиб., СРНГ 19: 303); *обрядија*

¹⁶ Нельзя исключить фантомность этой лексикографической регистрации. Может быть, *lapsus legendi*, вместо **вракомиј < *враковиј?* В словах на *-омиј* (*громиј*, *поломиј*, *посоромиј*, *содомиј*) сегмент *-ом-* принадлежит корню.

‘праздничная одежда, платье’ (казаки-некрасовцы, СРНГ 22: 222; ср. *обрядье* в том же значении); *орудия* ж. ‘оружие’ (СРНГ 23: 346–347); *погоды* ‘попутный ветер’ (дельта Дуная, СРНГ 27: 300; ср. *погоды* — там же: 301); *подобия* ‘порода’ (казаки-некрасовцы, СРНГ 28: 107: «Подобия у этой собаки хорошая»); *пособия* ж. ‘пособие, материальная помощь’ (новг., томск., СРНГ 30: 190), *способия* то же (СРНГ 40: 240; ср. *способие* — там же); *пристрастия* ж. ‘любовь’ (р. Урал, СРНГ 31: 419–420); *развилья* ‘рассеянная, невнимательная женщина’ (яросл., СРНГ 33: 288; ср. *развилье* ‘вязый, рассеянный, нерасторопный человек’, ‘неаккуратный человек, неряха’ — тул., костром., яросл., там же); *родствия* собир. ‘родня’ (Дон, Крым, СРНГ 35: 144; ср. *срдствие*); *снятия* ж. ‘съемка, фотографирование’ (воронеж., 1949, СРНГ 39: 136); *события* ж. ‘случай, происшествие’ (ворон., СРНГ 39: 177); ряд отлагольных имен на *-ние*. Однако здесь для нас представляется важной именно экспансия заимствованного суффикса *-и(я)* под заметным воздействием литературного языка¹⁷.

Суффикс *-ик(а)*: *мёдика* ‘медицина’ (костром., СРНГ 18: 70: «У меня Наталька учится по медике»); *лэктрика* ‘электричество, электрический свет’, *лэкстрика* ‘электричество’, ‘электрическая лампочка’ (брян., Литва, СРНГ 16: 343; обратное образование от *электрический*. Судя по показаниям Национального корпуса русского языка, в литературном языке существительное *электрика* ‘электрическое оборудование’ в высшей степени реально, но толковые словари его сильно не полюбили).

Суффикс *-иён*: *ревизиён* ‘ревизор’ (новг., 1936, СРНГ 35: 8; реально — деадъектив, ср. *ревизионный*); *персиён* ‘из названий трав и цветов’ (твер., СРНГ 26: 288; возможно, связано с прилагательным *персидский*, ср. *персидская сирень*, или, скорее, с гнездом *персианский*, *персианин*, *персианка*). Слово *пенсиён*, *пензиён* ‘пенсия; вознаграждение’ является прямым заимствованием (в диалектных глоссариях, если судить по воспроизведениям в СРНГ, отмечается с первого десятилетия XX века), но его записи в значениях ‘пенсия’ и ‘пенсионер’ (СРНГ 25: 340: «У меня муж — пенсион») относятся и к 60–70-м годам, применительно к которым трудно предполагать, что диалектноговорящим информантам не была известна форма *пенсия*, следовательно, форма *пенсион* представлялась членимой, и суффиксальная ее часть *-ион* вполне воспринималась как выделимая морфема.

¹⁷ Тем любопытнее случаи с обратным вектором перемены рода — широко распространенное *фамилье* (выравнивание форм в синтагматическом единстве *имя — фамилия*), *пролетáрие* собир. ‘пролетарии’ (арх., СРНГ 32: 171; ср. *пролетáрия* ж. ‘рабочий’ — по-видимому, тоже собирательное: «В Москве рабочий — пролетария», — ‘пролетарка’, там же).

Суффикс *-у́ра* (ср. *аппаратура*, *культура*, *теппература*): *политу́ра* «о лице человека» (дон., СРНГ 29: 75: «Прямо аж его политура»; ср. дон. – и проч. – *поли́че* ‘наружность, обличье’ – там же); *смехоту́ра* о чем-либо, способном рассмешить (урал., смол., СРНГ 39: 9); *смокату́ра* ‘рыба хамса’ (брян., СРНГ 39: 25: «Иди купи смокатуры грамм триста»; по-видимому, производное от *смок(о)тáть* ‘сосать; грызть, обсасывая (кость)’ – там же; в таком случае ‘хамса’ – это значение ситуативное, не «словарное»); *спецу́ра* 1. ‘*спецпереселенцы*’ [ссыльные. – А.Ж.], 2. ‘рабочая одежда, спецовка’ (том., СРНГ 40: 139); *шесту́ра* ‘часть бревна, полена (?)’ (Сл. Карелии 6: 865; ? ср. *шестёра* ‘бревно длиной в шесть метров’ – там же); возможно, в производном *нестату́рный* ‘особенный; ненастоящий’ (смол., СРНГ 21: 164).

Формант *-нт* (-ант, -ент и др.). Исход *-Унт* (*арестант*, *диктант*, *брэнт*, *момент*, *президент*, *бинт*, *ремонт*, *фронт*, *бунт*, *грунт*) составляет яркую фонетическую черту слов иноязычного происхождения, посредником в продвижении которых в диалекты является литературный язык. Известная «респектабельность» этой фонетики для ушей и сознания человека неискушенного служит причиной ее «мелiorативного» распространения на лексику с конечным *-Un*, реже *-Vm*, при этом, за незначительными исключениями, также заимствованную: *варгант* с не вполне ясно прописанным значением – ‘варган, примитивный язычковый музыкальный инструмент’, ‘шарманка’ или ‘хвастун’ (perm., СРНГ 4: 46); *изъянт* ‘недостаток, порок’ (кемер., СРНГ 12: 178); *крант*, *кráнтик* ‘кран’ (СРНГ 15: 168); *партизант* ‘партизан’ (сталингр., новосиб., СРНГ 25: 243); *плант*, *плáнтик* ‘чертеж, план’ и др. значения, *плантоватъ* ‘планировать’ и др., *плантовой* ‘предусмотренный планом, плановый’, *плантовщик*, *плáнтиц* ‘землемер’ (СРНГ 27: 27: 82–83); *политикант* ‘человек, хорошо разбирающийся в политике’, ‘политический ссыльный’, ‘революционер’, ‘книжник; человек, любящий читать’ (СРНГ 29: 74–75; Сл. Сибири 3: 356); *ресторант* ‘ресторан’ (моск., новосиб., СРНГ 35: 75; вероятность опоры на иноязычное написание, так же как и прямого воспроизведения *-ant*, слышимого в ряде европейских языков, например, итальянском, но не во французском или немецком, исключительно мала); *урагант* ‘ураган’ (Инверс. индекс: 343); *бальзамéнт* ‘*Impatiens balsamina* L., бальзамин садовый’ (олон., СРНГ 2: 89); *мезимéнт* ‘мезонин’ (Волог. сл-рь [К–М]: 79); *рентгéнт* ‘рентген [= обследование с помощью рентгеновской аппаратуры. – А.Ж.]’ (томск., р. Урал, СРНГ 35: 64); *чечéнт* ‘чеченец (?)’ (Инверс. индекс: 343); *казакíнт* ‘мужская одежда казакин’ (новг., СРНГ 12: 308); *резонт* ‘позор’ (р. Урал) < *резон*, фразеологизмы (*не*) *принимать резонт* ‘(*не*) принимать в расчет, во внимание’ (влад.), *произвести резонт* ‘дать бой;

энергично потребовать чего-л.' (моск., СРНГ 35: 38); *сезо́йт* 'сезон (?)' (Инверс. индекс: 344; в СРНГ не включено); *фонт* 'фон (?)' (Инверс. индекс: 344); *кли́мáнт* 'климат', 'погода', 'условия жизни' и др. (СРНГ 13: 296); *портамéнт* 'портмоне' (перм., СРНГ 30: 92; проследить цепь конкретных трансформаций исходного *porte-monnaie* затруднительно, ср. еще *портамет*, *портмонет*, *прот(о)монет*). К незаимствованным словам, которым в духе гиперкорректности приписывается формант *-нт*, относится, например, *жбант* 'бочонок, жбан' (ряз., СРНГ 9: 88). Вопрос о морфемном / субморфемном статусе сегмента *-нт* в приведенных иллюстрациях может решаться по-разному, лишь в некоторых примерах суффиксальный его характер не вызывает сомнений (*-ант* в *политикант*, ср. *музыкант*; *-ент-* в юмористическом и явно искусственном *обжорéнтий* 'обжора' — арх., СРНГ 22: 48, вероятно сознательное рифмование с антропонимом *Терентий*), но ощущаемая цельность ряда, за которым стоит единое явление, заставляет в данном случае отказатьься от строгого разведения в стороны фонетических преобразований и собственно словообразовательных фактов¹⁸.

Формант *-ция* (в суффиксальных комплексах *-ация*, *-анция*, *-енция* и др.): *бунтáция* 'волнение, бунт' (забайк., Сл. семейских: 61); *мурáция* 'смесь различных веществ; неизвестно что' (Псков. сл-рь 19: 62; ср. *мурá* 'похлебка...', 'тюря', 'обносчики, ненужное тряпье, вещи, не стоящие внимания' — СРНГ 18: 347); *паралиzáция* 'паралич' (Сл. Приамурья: 194); *нагráция* 'награда; награждение' (смол., СРНГ 19: 212; с наложением морфем); *натирáция* 'напор' (дон., СРНГ 20: 75); *писáция* 'запись' («Тут две девки приезжали, всё писацию делали» — Сл. Карелии 4: 519), *надписáция* 'надпись' (урал., СРНГ 19: 248); *полирáция*: *дать полирацию* 'задать взбучку, наказать' (смол., 1914, СРНГ 29: 73; ср. *полировáть* 'обучать, воспитывать...' — смол., там же: 74); *разгробáция* 'шумнаяссора, скандал' (ворон., СРНГ 33: 315); *разделéция* 'ссора, приводящая к разрыву отношений' (иркут., СРНГ 33: 325); *результатáция* 'результат; ответ' (вят., СРНГ 35: 39: «Вот и результатия моему делу наступила»); *фигурáция* 'вид, форма' (Сл. Карелии 6: 683); *потакáния* 'потакачка, поблажка' (псков., СРНГ 30: 263); *штукерáния* 'штука, снасть' (курган., Тимофеев: 117), *штукара́нция* (Инверс. индекс: 513); *лупсéния* 'битье, лупцовка' (псков., твер., СРНГ 17: 203; ср. *лупсíть*, *лупсовáть* 'бить, лупцевать' — там же); *рыбéния* 'большая рыба' (р. Урал, СРНГ 35: 295); пре-

¹⁸ Аккуратности ради следует отметить обратное (вряд ли существенно более редкое) явление — упрощение финальной группы *-нт* > *-н*: *рестáн* 'недисциплинированный человек; хулиган' < *арестант* (свердл., СРНГ 35: 75); *кватирáн*, *фатерьян* 'квартирант, жилец' (томск., СРНГ 13: 162; Новосиб. сл-рь: 564), уже приводившееся *гигéн(ы)*.

образование множества производных от *вести*: *заведёнция* ‘обычай, порядок’ (псков., твер., СРНГ 9: 301), *изведёнция* ‘израсходование, употребление чего-либо’ (твер., псков., СРНГ 12: 102), *наведёнция* о кушанье, приготовленном в большом количестве (псков., твер., СРНГ 19: 153; ср. *наводить* ‘разводить, приготавливать (пищу, питье)’ – ряз., там же: 171), *переведёнция* ‘напрасный расход, перевод (денег)’ (псков., твер., СРНГ 26: 43), *поведёнция* ‘обычай, традиция’ (Сл. Карелии 4: 581), *разведёнция* ‘весенняя распутица’ (енис., СРНГ 33: 282; ср. *разводить*, *развело* ‘быстро таять, образуя лужи (о снеге)’ – там же: 291) и проч., вплоть до *мáсция* ‘масса’ (моск., 1928, СРНГ 18: 18), *мiliция* ‘мята полевая’ (Сл. Ср. Урала II: 132; преобразование *мiliца* ‘то же’) — широко, в том числе твер.), *столиция* ‘столица’ (ворон., новг., петерб., СРНГ 41: 216), *тánция* ‘танцы (?)’ (Инверс. индекс: 513) и даже *разделю́ция* ‘разделение’ (томск., СРНГ 33: 325: «Разделюцию сделают каждой вещи»). Новообразования с последовательностью -*Инц-* примыкают к словам с гиперкорректным -*Инт*, рассмотренным выше. Многие из приведенных примеров могут быть заподозрены в иронической окраске и игровом характере их суффиксального переоформления, чего, к сожалению, в словарных регистрациях не отмечается.

(III в) Освоение новых способов словообразования.

Творческое начало в диалектном словообразовании присутствует в более широком плане, чем об этом обычно думают.

Принято, например, считать, что «говорам не свойствен такой способ словообразования, как аббревиация. Все слова, образованные этим способом, заимствованы в них из литературного языка» (Русская диалектология 2009: 86). Однако материал, поставляемый региональными словарями, говорит об ином. Освоение новых для диалектов деривационных моделей затрагивает, пусть немногими зарегистрированными примерами, и область сокращений (если под последними понимать не только *собственное абрэвиацию*, но и создание *сложносокращенных слов*). Некоторые сложносокращенные слова относятся к местной номенклатурно-административной лексике, технической и промысловой терминологии: *сырзавóд* ‘молочный завод’ (краснодар., СРНГ 43: 151; здесь не вполне можно исключить, однако, синкопирование безударного гласного в сложном слове **сырозвавод*, ср. *молокозавод*); *руддолготá*, *рудстóйка* ‘бревно определенной длины, используемое как опора в шахте’ (Сл. Карелии 5: 576, 577; *руд-* – очевидное усечение прилагательного *рудничный*)¹⁹; *конгрáбли* ‘конские [= конные. – А.Ж.] грабли’ (Сл.

¹⁹ В дальнейшем слово испытывает деэтимологизацию – упрощение консонантной группы и

рус. гов. Коми-Перм.: 125); *голжир* ‘жир рыбы голомянки’ (забайк., Элиасов 91; если это не изобретение отличавшегося великолепным дурновкусием составителя лексикона), известный на Севере и Дальнем Востоке промысловый термин *морзверь* собир. ‘моржи, тюлени и проч.’ (который, кажется, местному населению навязан «хозяйственниками-теоретиками» райкомовского уровня). Однако могут быть приведены диалектные примеры сокращений, не связанные со специализированным словарем: *культурдворец* ‘дворец культуры’ (Сл. Ср. Урала II: 74); *стардом* ‘дом для престарелых людей’ (1965; СРНГ 41:67).

Не следует полагать, что этот способ словообразования для диалектов совершенно нов: слово *конкорм* ‘корм для лошадей’ (СРНГ 14: 258), например, извлечено из рукописных ивановских материалов В. А. Водарского, относящихся, видимо, ко времени не позже начала 20-х годов прошлого века (допустимо предположить, что оно возникло не прямо в крестьянской среде, а изошло от некоей мелкой деревенской администрации).

Некоторые из рассматриваемых сложений изначально могли носить шутливый характер. Слово *дёддом* ‘дом для престарелых и инвалидов’ (Арханг. сл-рь 10: 405), контексты которого, впрочем, не содержат никакого юмористического плана (по-видимому, он быстро выветрился), представляет собою скорее не результат прямого сложения с усечением первой из основ, а субSTITУТИВНОЕ образование — замену одного корня другим, омофоничным, произведенную в слове *детдом*. Но вот примеры «чистой» аббревиации и способа сложносокращенных слов как приемов языковой игры: *завчух* о прилике ‘зяте, принятом в семью жены, живущем в доме жены’ («К саседям новый завчух пришел. Завчух п'чиму? Заведуит чужым хазяйствъм» — орл., Костромичева: 124²⁰; несомненно ориентация на окраинный экспрессией корень *чух-*: чухаться, зачуханный); *суксовёт* ‘группа женщин, любящих сплетничать, злословить, обсуждать’ («Ежели обсуждает девку суксовет, ничем не отмоешь ее имя»), но также ‘сборище разгульных женщин, ведущих себя беспутно, развратно’ (орл., 2003, СРНГ 42: 217; образцом служит литературная модель *горсовет*, *спецсовет*). Бранное слово *глухтетеря* ‘глухой, глуховатый человек’ (тул., СРНГ 6: 217) несомненно появилось вследствие

метонимический сдвиг: арх. *рустойка* ‘сорт древесины, идущей для крепления столов и потолков в шахте’, ‘сорт леса низшего качества’ (СРНГ 35: 273).

²⁰ Заметим, что данное информантом «толкование» является единицей предикативной. Такая манера расшифровки аббревиатур, между прочим, характерна для низовых идиомов, в частности, уголовного арго (истолкование татуированных на теле слов, подающихся как буквенные сокращения, и др.).

отсечения адъективной флексии с дальнейшим слиянием основ²¹.

Аббревиация и создание сложносокращенных слов базируются на усечении производящей основы. Этот формальный прием иногда приобретает самодовлеющий характер, и словесные «обрубки», границы которых, однако, обычно совпадают с морфемными границами, приобретают права цельнооформленной лексической единицы: *элек्�тró* ‘электричество’ (Новосиб. сл-рь: 603; слово, по-видимому, несклоняемое); *финáнс* ‘страховщик’ (Новосиб. сл-рь: 565); *сúпер* ‘суперфосфат’ (Литва, СРНГ 42: 249); *защитáт* ‘самые мелкие гвозди’ (костром., СРНГ 11: 193); *престóл* ‘престольный праздник’ (перм., Акчим. сл-рь IV: 123); *принúд* ‘принудительные работы’ (Обск. сл-рь Доп. II: 55, 125); *орúды* мн. ‘оружие’ (арх., СРНГ 23: 347, в фольклорном тексте; из литер. *орудие*). В некоторых случаях усечения подобного рода трудно отделить от явлений десуффиксации, о которой была речь в начале статьи, в разделе, посвященном приспособительным реакциям диалектов на заимствования из литературного идиома.

Факты диалектно-литературных контактов в области словообразования, которым уделено внимание в настоящей работе, свидетельствуют о том, что даже неискушенный носитель языка (в нашем случае диалекта) имеет представление о системной организации и отдельных участков языка, и языка в целом.

Такое представление вряд ли может быть верbalизовано носителем диалекта в удобоваримой для нас форме (хотя как знать!), но в его реальности сомнений нет. Во всяком случае примеры тяготения носителей говоров к выравниванию рядов, к заполнению пустующих клеток в деривационных матрицах, примеры уклонения от словообразовательной омонимии, явные тенденции к устраниению знаковой асимметрии, к большей равновесности формы и семантики и т. п. говорят о развитом чувстве языка, свойственном многим диалектноговорящим, – чувстве, которое опирается на неосознанное представление о системной природе внутриязыковых связей и зависимостей. Кроме того, как нетрудно было заметить, языковое чутье имядателя оказывается в иронической окраске многих приведенных в этой статье лексических новообразований.

²¹ От подобных слияний, приводящим к появлению сложносокращенных слов, нужно отличать поверхностью сходные случаи вроде *любососед* название игры между девками и парнями (Сл. рус. гов. Мордовия К-Л: 138). Последнее, не относящееся к новым словам, должно быть трактовано как слияние с существительным *сосед* краткого прилагательного *люб* ‘любый, милый’ в игровом вопросе «Люб (мил) соед?» (см. СРНГ 40: 41; ср. 42: 295).

Спору нет, многие новые диалектные слова, возникшие по деривационным образцам, которые дает литературный язык, могут внушать ощущение негладкости осуществленного словосозидающего акта, неточного владения его отправителем языковой техникой, выражающегося в оперировании смещенной семантикой этимологически непрозрачных основ или вновь усвоенного аффикса, нарушениях морфосинтаксических канонов, смешении производительных моделей, «непопаданий» в некие задающиеся извне «правила игры».

И все же в целом преобладает другое впечатление. Сознание стороннего наблюдателя задевается не столько недостаточной «уклюжестью» нового диалектного слова, сколько его новизной, непривычностью, рожденностью в ином, не нами назначенному и вымеренному ономатетическом пространстве. Между тем свобода, с которой носителями говоров создаются новые слова, нескованность писанными установками и неподдаваемость литературно-словарным узусом (хотя бы и в силу некоторой превратности представлений о нем), разнообразие используемых в словоизъятии формальных средств, неожиданность мотиваций, выразительность, подчас тонкое острумие рождающегося на глазах обозначения подвигают к большей осторожности в суждениях о неравноправности отношений в диаде «общенародный (литературный) язык — территориальные диалекты». При всей неоспоримости воздействия кодифицированного «общенародного» идиома на местные говоры, при благотворности или же — с противных позиций — пагубности нивелирующих тенденций преувеличивать их значительность не следует. Русским территориальным диалектам достает сил подходить к лексическому материалу и приемам его словообразовательной обработки, которые поставляются литературным языком, не подражательно, но творчески.

Библиографические сокращения:

- Азарх 2000 – Ю. С. Азарх. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000.
- Акчим. сл-рь – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Вып. I–. Пермь, 1984–.
- Арханг. сл-рь – Архангельский областной словарь. Вып. 1–. М., 1980–.
- Беляева – О.П. Беляева. Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
- Блинова, Палагина, Сычченко – О.И. Блинова, В.В. Палагина, С.В. Сычченко. Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья. Томск, 1977.

- Войтенко – *А.Ф. Войтенко*. Словарь говоров Подмосковья. Вып. I–. М., 1995– (издание прервано).
- Волог. сл-рь – Словарь вологодских говоров. [А–Г–]. Вологда, 1983–.
- Воронеж. сл-рь – Словарь воронежских говоров. Вып. 1–. Воронеж, 2004.
- Даль₂ – *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955 (перепечатка 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882).
- Деулин. сл-рь – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.
- Журавлев 1982 – *А.Ф. Журавлев*. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
- Журавлев 1984 – *А.Ф. Журавлев*. Иноязычные заимствования в русском просторечии (фонетика, морфология, лексическая семантика) // Городское просторечие. проблемы изучения. М., 1984.
- Журавлев 2007 – *А.Ф. Журавлев*. Влияние русского литературного языка на народные говоры: лексика. (Статья I) // Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: Социокультурный аспект. М., Ин-т славяноведения РАН, 2007. С. 245–280.
- Иванова – *А.Ф. Иванова*. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
- Инверс. Индекс – Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров. Составили *Ф.П. Сороколетов, Р.В. Одеков*. Около 240 000 слов. СПб., 2000.
- Камчат. сл-рь – Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск, 1977.
- Коготкова 1979 – *Т.С. Коготкова*. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М., 1979.
- Костромичева – *М.В. Костромичева*. Словарь свадебной лексики Орловицы. Орел, 1998.
- Лютикова – *В.Д. Лютикова*. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
- Новг. сл-рь – Новгородский областной словарь. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
- Новосиб. сл-рь – Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- Обск. сл-рь Доп. – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (дополнение). Ч. I–II. Томск, 1975.
- Орлов. сл-рь – Словарь орловских говоров. [Вып. 1–] Ярославль [Орел], 1989–.
- Оссовецкий 1982 – *И.А. Оссовецкий*. Лексика современных русских народных говоров. М., 1982.
- Паликова, Ровнова – *О.Н. Паликова, О.Г. Ровнова*. Словарь говора староверов Эстонии. Тарту, 2008.

- Петроченко – Словарь рыбаков и охотников Приангарья. Сост. В.И. Петроченко. Красноярск, 1994.
- Псков. сл-рь – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л. (СПб.), 1967–.
- Русская деревня 2009 – Русская деревня в рассказах ее жителей. М., 2009.
- Русская диалектология 1972 – Русская диалектология. Под ред. Н.А. Мещерского. М., 1972.
- Русская диалектология 2005 – Русская диалектология. Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005.
- Селигер – Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь. Вып. 1–. СПб., 2003–.
- Сл. дон. казач. – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- Сл. Карелии – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- Сл. Низов. Печоры – Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1–2. СПб., 2003–2005.
- Сл. Приамурья – Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
- Сл. рус. гов. Коми-Перм. – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь, 2006.
- Сл. рус. гов. Мордовии – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. К-Л. Саранск, 1982.
- Сл. Рус. Севера – Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–. Екатеринбург, 2001–.
- Сл. семейских – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- Сл. Сибири – Словарь русских говоров Сибири. Т. 1–. Новосибирск, 1999–.
- Сл. Ср. Урала – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. I–VII. Свердловск, 1964–1988; Дополнения. Екатеринбург, 1996.
- Смолен. сл-рь – Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1, 2. М.; Л., 1965–1966; вып. 3–. Л. (СПб.), 1968–.
- Тимофеев – В.П. Тимофеев. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.
- Улуханов 1974 – И.С. Улуханов. Словообразование путем замены морфем // Русская речь, 1974, № 2.
- Улуханов 1977 – И.С. Улуханов. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.

Част. сл-рь – Частотный словарь русского языка. Около 40 000 слов. М., 1977.

Элиасов – Л. Е. Элиасов. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–. М., 1974–.

Яросл. сл-рь – Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

Summary

Russian dialectal word-formation in contacts with the literary language

In the word-formation sphere the literary language impacts dialects in three ways: (a) the adaptation of ready-made lexical formatives (adopted from literary language) with the help of morphonologic adaptive reactions, various affixal and root substitutions, deaffixations, compensatory affixal increments etc; (b) creation of extra derivatives based on recently assimilated vocabulary according to traditional types and models (earlier known in dialects); (c) creation of original vocabulary based on new (borrowed) derivational models, adopted new word-formative affixes.

The very methods which native speakers use for assimilation and creation of new words indicate that even unsophisticated native speaker grasps the system nature of the language as a whole and its separate parts. Dialect native speakers hardly can express their knowledge in correct linguistic terms. However the existence of this knowledge does not leave doubts about: dialect native speakers' striving for row alignment and for derivational matrices' cells filling; instances of deviation from word-formation homonymy; obvious tendency for sign-oriented asymmetry elimination, for greater equilibrium of form and semantics etc. Many dialect speakers have a fullfledged sense of language. This sense is based on unstated notion of systematic nature of intralingual relationships and dependencies.

E.B. Колесникова (Москва)

Семантика прилагательных *белый – черный* в русских говорах

В последнее время возрос интерес ученых к проблеме функционирования общерусского слова в составе диалектных лексических систем. Данная лексика оказалась практически неизученной, по сравнению с собственно диалектной, которая анализировалась с различных позиций лингвистической науки.

Исследования отдельных лингвистов выявили и показали многогранность и своеобразие семантики общерусского слова в диалекте по сравнению с литературным языком (Гецова 1999, Ильинская 2002, Нефедова 2007 и др.). Тем не менее, вопрос специфики семантической структуры слов, общих для литературного языка и диалектов, остается малоизученным.

«Общерусскими словами» мы называем такие слова, которые, по определению О.Г. Гецовой (Гецова 2000), представляются общими для литературного языка и диалектов, в последних они являются исконными, не заимствованными ни из литературного языка, ни из других языков.

Данная работа посвящена анализу семантической структуры общерусских прилагательных–цветообозначений *белый* и *черный*, функционирующих как в литературном языке, так и в русских говорах.

Выбор указанных единиц был обусловлен богатым семантическим потенциалом этих прилагательных, реализующимся как в одной, так и в другой языковой системе, а также их частотной употребительностью. Материалом для анализа послужили данные картотеки и электронной базы данных «Архангельского областного словаря» (далее – АОС) кафедры русского языка МГУ, материалы диалектных словарей, а также личные записи автора, сделанные во время диалектологических экспедиций.

Прилагательные *белый* и *черный* в говорах участвуют в описании и определении самых разнообразных явлений действительности. Прилагательное *белый* определяется как «имеющий цвет снега, молока, мела» (ССРЛЯ 1: 378), используется для обозначений предметов, обладающих белой окраской:

Пóртно дак вод бéлоё, лён мочи́ли в рекý. КАРГ. Ош. Бéла ю́тка, и с кружевáми (ижння) ПИН. Ср. Как сметáнка, бéлые тóчи, когда́ соберу́цца. ШЕНК. Ктж. Дúтки высóкие, бéльм цветёт. КАРГ. Ус.

Прилагательное *черный*, в свою очередь, в говорах также активно употребляется в своем основном значении «имеющий цвет сажи, угля, самый темный из всех цветов» (ССРЛЯ 17: 888):

Рáньшэ длынны-то сапогí шы́ти ис чёрной кóжсы. ОНЕЖ. Тмц. Онý шы́тко тибе вýдно, чёрныйе (яркий белый циферблат с черными цифрами).

ВИЛ. Пвл. (А овцы были темные или светлые?) – *Фсяки бýти, были бéлье и чёрные, и пёгийе.* МЕЗ. Аз.

Отметим также, что оба прилагательных и в литературном языке, и в говорах употребляются как свободно, так и в составе устойчивых сочетаний: названий животных, птиц, растений, т. е., как было отмечено Т.И. Вендиной, «работают» в онтологическом регистре, выполняют денотативную, маркирующую функцию, выделяя предмет среди ему подобных» (Вендина 1998: 288). Большое количество подобных реализаций представлено в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ I: 229–233).

I. Как уже было отмечено многочисленными исследователями (Чирнер 1974: 63, 68), производными от основного значения прилагательных «черный» и «белый» являются лексико-семантические варианты: «темный, отличающийся темнотой окраски» и «светлый, бесцветный, ясный». В данных значениях прилагательные выражают не полное качество белого или черного, а только их относительное цветовое качество. А.И. Смирницкий отмечал: «Применение слова «белый» к вину, хлебу, шахматам, коже человека, мясу птицы наталкивает на то, чтобы и в цвете этих предметов находить нечто общее с обычным цветом снега и пр., но реальное отличие цвета каждого из этих предметов от обычного цвета снега и пр. оказывается настолько существенным, что мы в этом случае уже по-иному воспринимаем значение слова «белый»: отношение этого слова к самой действительности (то есть отнесение его к тем или другим реальным физическим предметам) заставляет нас отличать в семантике значения «светлый» от значения «собственно белый». Так, белое вино является «белым», то есть «светлым» сравнительно с более темным красным, белый хлеб «белым, светлым» сравнительно с коричневым, так называемым черным хлебом и т. д.» (Смирницкий 1955: 25–26).

В литературном языке производные значения «темный» и «светлый» употребляются с небольшим количеством слов: *вино, хлеб, мясо, шахматы, кофе, чай, виноград* и др. В говорах прилагательные в данных значениях встречаются значительно чаще, в первую очередь, представим пары, реализующие цветовую контрастность:

«Белый мох(ягель)» – «черный мох (сфагnum)»:

Бéльй мóх, он убиráет воду. Леш. Смл. Йéли бéльй мох, ягель, ростёт на борú. ПРИМ. Лпш. Там ráньше мóх драли для скотá. Мох бéльй есть, мóх кра́сной есть, такóй для строительства в деревнях, дом стрóят на мóху на кра́сном, а бéльй мох для скотá, лишайник. МЕЗ. Аз. Бéлою мох том хруской порáто, ф пазы не ложьца. ХОЛМ. ПМ.

Этот чёрный мох ф пазы́ кладут. ЛЕШ. Рдм. С мамой йёэдли за чёрным мохом, три медвётка принесли. На мох наряжали, мох драсть, чёрный ф стёну ложат. Мы чёрным называем, а он коричневой, так-то пакли не напасёссе. ЛЕШ. Плщ. На болоте ростёт чёрной мох, толкли толченину, колосину. Чёрный мох на давношных колодах ростёт, стёну на моху, на строение идёт, мох драли, на потолок волочат. ЛЕШ. Шгм.

«Белая рыба» – «черная рыба» (Промысловая рыба, различающаяся темной или светлой окраской чешуи):

Рыба бывает белая и чёрная, ну, котёра, тёмна – шишка – это чёрная рыба, а вот сёмга, нельмы, сиги – это бела рыбка. МЕЗ. Дрг. Сик – он тёэксэ белой, чешуй белая у него. Серебристый. КАРГ. Клт. Сорога – тёэксэ бела рыбка, только красивые глаза у её. ХОЛМ. БН.

И трицать четыре сёмги, не шишиятая белой рыбьи. ПИН. Квр. Бела рыбка мелка попадала. Берегом уйдёш, сёмги наловишь, белой рыбьи наловишь. ПРИМ. 33.

Озерная она такая чёрная рыбка. Она отличайца от речной: та светлая, а она чёрная. Рыбка речная-то беленька, а озерная-то чёрная, да как на фку́с разная, беленька рыбка или чернильша да. ХОЛМ. БН. Зубатка-то хороша, чёрна рыбка, жирная. КРАСН. Нвш. Окунь-то чёрный, фсё головастики зовут, как головёшки. ОНЕЖ. АБ. У пыкии чёрный-от пояс. ХОЛМ. Сия. Котёра тёмна шишка – это чёрна рыбка. МЕЗ. Длг.

«Белое» сено – «чёрное» сено (сено, различающееся по качеству заготовки: высококачественное и, соответственно, низкокачественное, прелое, гнилое):

Белым сёном коробушек кормят. КАРГ. Нкл. Бело сено, хорошо, добро, без дожжá. КАРГ. Клт. Сено хорошее как вёдрье да бело, а как плохое, скажут, чёрное сено. ПИН. Квр.

Чёрно-то тако сено, чёрно. А то возили тако чёрно сено, валяшио, оно валялось под дожжом, чернильшио. ОНЕЖ. АБ. А как дожж хватит, да чёрное оно сено. ШЕНК. Ктж. Нету вёдря да дёши, вот тогда-то оно чёрное. МЕЗ. Дрг. Чёрно сено не сосьно, оно было под дожжом. ПИН. Квр. А гнилое сено называлца чёрно сено. Как не хожэ питательность уже не та у чёрного сёна. ПЛЕС. Фдв. Чёрно сено пластинами смёрзнецца. ЛЕШ. Рдм.

«Белая» мука (овсяная или пшеничная) – «чёрная» мука (ржаная или ячменная):

Можно из белово теста, а можно и ржаново, когда хлеб пекёш, на том же тесте. ХОЛМ. БН. Раньше мы пекли сковородники, ис чёрной муки – ржаной и жирней. ПИН. Ср. Бело муку только покупали на праёзники на престольны / а так фсё ячнева пекли. ХОЛМ. Сия. Йёсли белой тесто

(дрожжевое тесто), то с морёшкой пироги пекут. ягоды высушить, а зимой она отмякнет, и в белой тесто. КАРГ. Ух.

А вот чёрные (ржаные) шаньги. ПЛЕС. Фдв. Как ячмень котрый, как не так белый, так называлась чёрна мука. Чёрные пироги, большей, ячневая мука. ПИН. Ср. Ковригу пекут из чёрной муки, из ржаной. КАРГ. Крч. Иш чёрной тесто такоё тугое, из белой муки он на ножках не стоят. ПРИМ. ЛЗ.

Сходное противопоставление отмечается в паре: «белое» пиво (брага) – «чёрное» пиво (брага), т.е. изготовленное из белого солода, ячменя, пшеницы с прибавлением дрожжей или, наоборот, из черного (пережаренного) солода, ржи.

Пережгать сухарей, чтобы пиво не было белое. КАРГ. Ух. Люди варили белу (брому), а я не хочу белой, я сухарей побольше, штоп она была румянецка, пережгуй. ПИН. Лвл. Воды холодной нальёши и будё квас, белой квас. ПИН. Яв. Йёсыли ячневое пиво свариши - оно белей пиво, а ржаное - оно тёмное. ВИН. Кнц.

«Белый» лес (березовый) – «чёрный» лес (густой хвойный или смешанный):
Белый лес – это берёзник значит. Церна тундра. МЕЗ. Рч. На степи чёрной вот лес. МЕЗ. Длг. Суземье – чёрной лес, раньше был, суземье – сущилось там, тёмный лес, какой-то ляги, овраги, только зверямходить, да страшно место там. ЛЕШ. Вжг.

«Белый» лен (лен – кудряши) – «чёрный» лен (лен – долгунец). «Белый» лен обладает более грубым волокном и дает большее количество семян, чем «синий» лен.

Лён-то был неодинаковой, белый да чёрной. НЯНД. Мш. Ис чёрново лыну не зделаш такой. НЯНД. Мш. Когда белый-то день – цисто лён отреплёт, а веером-то чёрный лён оцешаши утром снова набело лён оцошиши. ВИЛ. Пвл.

«Светловолосый, белокожий» – «темноволосый, смуглый»:

Я сама-то не бела, моё платье белое. ВИЛ. Трп. йжемьзы-то веть беленки, она белеёе русского народа. МЕЗ. Сфн. А Людде-то худо, она веть белая (светловолосая). ВИЛ. Трп. У тебя кожа белая, белых-то пуще кусают (комары). ПИН. Ср. Белой человёк, так заговариваю белой, а то не пристанет (бронетка ли). ПИН. Яв.

У нас светленьких нет, у нас фсё чёрны. ПИН. Влт. Ульшка вот чёрна. ПИН. Трф. Она и на тело чёрна. ПИН. Пкш. Чёрной он был (смуглый). ШЕНК. Уй. Котрой человек чёрной, том мόжэст озевать человека. ШЕНК. Рбл. Я чёрная беда – загорелый. КАРГ. Хтн. Я чёрна на тело-то, да чёрный загар. ПИН. Квр. Чёрный, чёрный, угленно чёрной, а иесть опеть и светлые.

КРАСН. Брз. *Йесли чёрный заболёл – чёрному надо и лечить, а то не по крови.* НЯНД. Лм.

Сема «светлый, бесцветный, ясный» реализуется в говорах в следующих значениях:

«Светлый, бледный, неяркий по окраске»:

У ковó-то и бéлье глазá. У неё глазá бéлы. ВИЛ. Слн. *А глазá-то бéлье, фсé бéлье глазá, молóчныиe (веки у новорождённого молочного цвета).* КАРГ. Ух.

«Неяркий, холодный (о солнечном свете)»:

Сóлнышко бéло, ждём дош. ЛЕШ. Юр. *Холóдно какó-то вýглянет, бéло софсéм, не жгёт.* ПРИМ. ЗЗ. Сóлнышко-то хошь йесь малéнько, но такé бéло, не тёпло. МЕЗ. Дрг. *Так-то фсё к морóзу скáжут, - бéло сónце-то. У, сóунышко како бéло / свéтло бéценъ / да бéло (...) к вéдрию.* ПИН. Яв. *Сónце кра́сно поутрú - морякú не по нутрú, сónце кра́сно с вéчера, морякú бойца нéчего. Сónце кра́сно - это к рúскуму вéтру, а сónце бéло - к холóдному вéтру, сéверному. Это к морскóму вéтру, к морскóму вéтру сónце бéлоио. А к южному вéтру, кра́сно, румáю сónце бывáт.* ПРИМ. ЗЗ.

«Приготовленный на основе муки, молока, картофеля»:

Она не любит кисéль бéлого, она любит кисéль кра́сный, на ѿгодах. ПРИМ. ЗЗ. Мóжно бéлово сварíть, я бéлово сварíо. Это мусыница называеца, бéлая мусёна. Из бéлой мусёнки вáрим. ОНЕЖ. АБ. Гостéй угощили пíвом, бéли такíе братыни с носком, фсéх обносíли. Бéлый кисéль носíли уш на стол ф послéднюю ѿцереть. Бéлый кисéль йеещ раньшэ варíли из оfcáнки кáмнями горячима. ШЕН. ВП. *А бéлый кисéль - это мукúто жéйтную просéюд дак жмéхги остáнуцца, их в водé помочáть, потóм процéдítъ, кáша такá бúдет - так ы называеца жéйтный кисéль. Его молоком захлáбывают.* ШЕНК. ЯГ. Бéлу налифку дéлали картофельну. ПРИМ. Ннк.

«Замутненный, непрозрачный»:

Бéлая водá бывает, от рыбы и от погоóды. Вéтер смуутит, и бéла вода. КАРГ. Ар.

«Некрашенный (о деревянном изделии)»:

Пол белый, стол белый дак, лафки белы. В-Т. Врш. *Вот домик-то, дверь синя, воин стоит, дверь синя, нет, не жолтенько тут, а бело, хозяин опишыват, видиш? Пол белой, стены белые, а ныне фси замазаны. Шоркали белы потолки. Избы мыли белые песком.* ПРИМ. ЗЗ. *Полы ф стáро врéмья ѹелóвы дéлали. Соснá кра́сная, а ѿель бéлая, не кра́сили.* ПИН. Ср. *А веть некрашено было, фсё надо шóркать дресвой, у начáльника, и тóт бéлой был, шóркать*

нáдо. ПИН. Чкл. Пóл-то нáть штобы бы́л как скорлúпка бéлыи. ШЕНК. Ктж.

«Незрелый, несозревший»:

Кráсна я́года-то бéла ишо. ХОЛМ. Гбч. Йесъсть иещё такá бéла (малина), так она иещё не дошла. ПРИМ. Лпш. Морóшка-то ишиó фся бéла. ПИН. Нхч. Клубни́ка не поспéла, ишо бела, дак ишо рóхло. Леш. Смл. Она иешиó белá. (черника). ПИН. Ср. Они щас иещó рóхлы, бéлы, не созрéли ешо. ПИН. Ёр. Черни́ка иесь, да говоря́т ишиó бéла софсéм. МЕЗ. Бч. Почему бéлово колóсся много? Бéло колóссыо. Штóбо бéлого колóсся, да стра́сь! ШЕНК. Пти. Щás я́году бéлую (незрелую) выта́скивают фсю, грибы стóпчют. ВИИ. Кнц. Они щас иещó рóхлы, бéлы, не созрели иещё. ПИН. Ср. Ишиé бéла, а ужé гниёт: не дохóдит. ОНЕЖ. ББ.

«Достигший восковой спелости (о зерновых)»:

Надо жéсто жать, когда бéло бúдет. ЛЕШ. Вжг. Жéсто бéло, жать поспéло. ЛЕШ. Юр. А потóм кóлос наливáйеца, он зелёной, а потóм он бéлыи. На господжéйки нáдо иегó жать. МЕЗ. Бч.

«Седой»:

А нýне опáть бéлыи, стáрый у ней. ВИИ. Зст. Парáнька ты тóжэ порáто бéла стáла. МЕЗ. Сн. А отéц седой, и сестра была фсá бéлая. ЛЕШ. Смл. Я гляжу - бéлы вóлосы, а кто это идёт? (седой) ПИН. Ср. Дáтька-то идёт, фсю войнú прошóл - везь бéлыи тожо. ПИН. Яв.

Прилагательное «черный» в говоре может реализовывать различные варианты темной окраски, т.е. передавать относительное цветовое качество в отличие от чего-либо более светлого:

«Темно-синей и иссиня-черной окраски»:

В лéсе чéрны я́годы ие́сь, черни́ца, стихá ие́сь, голубéнь, кráсны я́годы. ЛЕШ. Тгл. Чéрных я́гот засу́шат, а зимóй напáрят. Побирáшкой чéрны я́годы и кráсны я́годы берут. А бúдё морóшки нéту, мы чéрной я́годы наберём. КРАСН. ВУ. Сíха-то и ие́сь ссы́ха. А мы зовём чéрные я́годы, простые чéрные я́годы. Чéрные я́годы вóт на кустáх тám ростúт, они и в лесу ростúт, но там слáтишэ. Такой кусы́тик небольшой на пескé, тám растёт. ПРИМ. Лпш.

«Цвета обожженной глины, терракотовый»:

Ф чéрную посúду кладут сúдник. ВИИ. Брк. А мне нальёт ф чéрную кры́шку. ПЛЕС. Мрк. Ф Солофkáх хорóшу посúду дéлали – свéту, чéрну, да кráсну – бéлой не дéлали. ПРИМ. Пшл.

«Тёмно-коричневого цвета»:

16. Пымы чёрны-те в гости надевают, сёры-те так. МЕЗ. Бч. Чёрны-те, шоколадны-те не люблю, мне фсё леденёшки. ВИЛ. Пвл.

«Светло-коричневого цвета»:

17. До трёх месяцеф пъёксик чёрный. МЕЗ. Бч. Йегб ишишо сварим, оно тако густобе, чёрное (сгущ. молоко). ШЕНК. Ктж. Чёрный песок можно тóжэ пережгать (жженый сахар). ПИН. Трф. Песок превратился ужэ в сахар, сплылся весь, чёрный. ХОЛМ. БН. Молоко не выпело, пёнка-то бела, а должна быть чёрна, румяна. ПИН. Брк. Молоко на чёрный вит перепарила. ЛЕШ. УК.

«Непроницаемо густой, тёмный (о воде, туче)»:

Чёрная водá можно быть такая вода идёт по чёрной водé лёд гонили. Попынья она скатывазца в реку и идёт поверх реки, по этой по чёрной воде сплавляли лес. КРАСН. ВУ. У нас на болоте идёш, чёрнота такая, Чёрные ямы – засасывает. ПЛЕС. Фдв. Где глубокó тут и чёрная водá. Чёрна водá, родничья вода, на глубях бывает чёрная вода. КАРГ. Нкл. Ф чёрно место уш не ходи, перейти не можно. МЕЗ. Длг. Чёрна водá - первой лёт. Цёрна вода – осенью река станет, когда лёт ужэ на реке, потходит водá - чёрна водá. ЛЕШ. Ол. Там река чёрна, угрюма, дак не смёют купацца. ОНЕЖ. Прн. Я нόчью разбудиласе - да там тако чёрно место (туча), не знай будёд доши-то. ШЕНК. ЯГ. Здесь чернó фсё стойт, думайеш щас дождь будёт (определяет погоду). ШЕНК. Шгв.

М.А. Кожемякова, проанализировав семантическую картину индоевропейские праформ и общеслав. форм *bēlъ* и *съгть*, делает вывод о том, что «для архаического сознания представление о белом цвете было неотделимо от представления о свете, то есть белый равнялось «светящийся». Однако как светящаяся воспринималась, вероятно, поверхность предмета, обладавшего не обязательно идеально белой окраской (в современном понимании), но и очень светлой и минимально насыщенной окраской» (Кожемякова 2001: 18–19). Исследователь подчеркивает, что цветовой и световой признаки в сознании человека постепенно дифференцируются и белый цвет перестает восприниматься как эквивалент света, сема «светлый, светящийся, ненасыщенный» уходит на периферию значения в литературном языке. В говорах же мы наблюдаем сохранение архаичного представление о белом цвете, связанного с идеей «света».

II. Слова «белый» – «черный» имеют производные от цветового значения лексико-семантические варианты (ЛСВ) «чистый» – «грязный». В литературном языке круг словоупотреблений в данных значениях очень ограничен, пожалуй, указанные ЛСВ можно обнаружить только в сочетаниях типа «бе-

лай бумага», «черная кастрюля» (подгоревшая), «черные руки», «черное от пыли лицо» и некоторых других. В говорах же данные значения свободно функционируют:

Перескоцila на белое мёсто. Где платьё грязно ли бело ли. Походит размажст гресь на рукé, я грит, намылась, бела. - Ой, какой грязный, поди вымойся, вот, белой тепέрь. КАРГ. Оз. Я их постирала, штобы они белé бýти МЕЗ. Мсв. Белый пáриши. Кýт ф пéчку запехáют, да онó вýпремт, отопрét грясь - белé бýдет. Бело-белó дéлайеца. МЕЗ. Цлг. Посты́лки-то чёрны, а постираТЬ не могу. ВЕЛЬ. Сдр. Грязный пол-от, цёрной, ой, какой, невымытой. ЛЕШ. Ол. Как приéдут чёрные, так никак не простираешь. КРАСН. Брз.

Указанное значение реализуется и в составе наречных образований и существительных с корнем *-бел-*:

У тя тák бело, а ты потолкí мыть надумала. ВИЛ. Трп. У тебá и тák бело, мы вымойем, да у нас такои белы нету. ХОЛМ. Сия. У фторóго пárня жёнка коль бело стирала. ПИН. Нхч. У менé Ко́сьти фчерá йезьдил, высыпалсе. Дородно высыпалсе, бело. ПИН. Квр. А бело стирало-то (белые стирали чисто). УСТЬ. Брз. Навéрх нéпелу полóжыши, каг золá пройдёт - бело. А каг зола не пройдёт - ой, худо сегодня побу́тилось. (о стирке) УСТЬ. Сбр.

В пределах данных значений в говорах также функционируют ЛСВ «незамутненный, прозрачный» и «мутный, непрозрачный»:

Охвацю, да потом иешэ белой водой охвацю. КАРГ. Оз. С коло́ца бела водá, чистая. ПРИМ. ЛЗ. Белая (прозрачная) водá, свéтлая, фку́сная. ПРИМ. Ннк. Смородник да малы́ник заворя́т - лайк бы не белая водá. УСТЬ. Сбр. В однóм чёрна водá, а в другом бела водá, грунт такои. Белоie о́зеро иешё Свéтлое. ШЕНК. ВП. В белой водé рыбá лúчишэ стойт, а ф чёрной не тák. КАРГ. Нкл. А ф тóй цёрна водá, в этой свéтла, сéйгот грязнеé стáло. КРАСН. Брз. Водá з болóт, болóта веть чёрна водá-то, коричнева. ПРИМ. Ннк.

Сема «прозрачности» представлена и в сочетании БЕЛОЕ ВИНО в значении «водка»:

Мужы́к бело винó пíли, а мы - красно, ну кликофка-то, лёгонька. ХОЛМ. БН. Затолкчí в бáнку плóтно и навéрх стóпку белого винá (водки). КАРГ. Клт. Коля винó пить любит, винó белой - это вóтка рúсска, а фсё осталыно - красно винó. ВИЛ. Трп. Я белово не бýду, белой порáто горько (водка). Мáмушка, не лей стóлько, это и белой винó-то!

(водка) КАРГ. Ар.

К этой группе значений примыкает лексико-семантический вариант «курной», реализующийся в таких сочетаниях, как «черная баня», «черная изба», «черная печь». И противоположный семантический вариант «имеющий дымоход, выведенный наружу, через крышу», представленный в следующих словоизданиях: «белая баня», «белый овин», «белая печь», «белая изба».

Бéлыie бáни угáрныie, а ф чéрных угар выхóдит бýстро. ПРИМ. Ннк.
Бéлая бáня - так пéчка, да котёл влóжэн ф середíну вóду грéть. Щяс фсé бéлы бáни, чéрных нет. Мóжно угорéть и в бéлоj бáне и ф чéрной, наdо знать как закрывáть (трубу). ВИН. Кнц. Я слéшала, што бéлыe-то бáни наdо выстрáивать дóлго, а ф чéрной дýмту-то мнóго. КАРГ. Шлх. А бáни-ти цéрны бýли с камéнями и леснý избúшки тóжэ такý: складóут такý пéцьку, штоn дровá-ти кláсь. ПИН. Нхч. Цéрна бáня, бес трубý навéрх, топítъ отkрóйут, дым вылéзает, камница, ис кирпичý края склádenы. ПИН. Шрд. Рáньшэ хáты бýли без окóн. Пéчи были чéрные, дýмники тóлько бýли. ВЕЛЬ. Сдр. Пéчи собыóт эти без вýвода, вýкушат да вом этой кицýгой молóтят. МЕЗ. Сfn. Вот цéрны-то избý я йешó пóмню. ПИН. Влт. Бýли цéрные бáни, слыхáла? Так говорýли онý были фkúсные, не угáривые. ПИН. Врк.

Особо хочется обратить внимание на реализацию в говорах значений «красивый» – «безобразный», связанных с древними народными представлениями о красоте человека.

А былá бéла, здорóва. Он красíвой был, бéлоj. МЕЗ. Сн. Уш кудéбыt былá бéла да áла. МЕЗ. Дрг. Аля-то рóстом по мáтери. Вáся по отцó небольшой бýу, черновáтой, а Кóля красíвой бýу, бéлоj.. Дуня бéла руменá, Зачём либши ты менá. ХОЛМ. Сия. Такáя пóлная, кругломýца, бéлая. ВИЛ. Трп. Самá чéрна, не баскáя. КАРГ. Лкшм. Она чéрная была, небáская. В-Т. ЧР. Былá бы какá завéдна, а она худýшча, чéрна. ЛЕШ. УК. Он цéрной, старообрáзой. ПИН. Квр. Самá чéрная, некрасíвая, сухáя. КОН. Хмл. Ба-бёнко-то чéрноj, стрáшноj, фсé пьет. КРАСН. Тгл.

III. Анализируя такие ключевые понятия, как *красный*, *крепкий*, *чистый* в древнерусском языке, Е.С. Яковлева приходит к выводу, что подобные характеристики не мыслились носителем языка как обозначения независимых и объективных характеристик предмета, только в перспективе некоторого синcretического образца, эталона (Яковлева 2000: 283) Данное наблюдение применимо и к теме нашего исследования. «Белый», как показывает диалектный материал, это не просто красивый, но и обязательно здоровый, крепкий, кровь с молоком, а «черный», напротив, болезненный, худой, чахлый:

У нас пять мужыкоф не пришло с войнЫ, бёльх да хороших. МЕЗ. Лмп. Высокой мушынта, белой, хорошой. МЕЗ. Сн. Была дёфка бела да пригожа. КАРГ. Нкл. Зять толстый, белой. ПРИМ. Ннк. Посмотри, как Лёшка поправился, белой да красной стал ("кровь с молоком"). ЛЕШ. Смл. Была бы кака завидна, а она худышня, чёрна. ЛЕШ. УК. А мужычёнко чёрно тако было не заживи. ЛЕШ. Юр. Тато говорит – Я нёс тебя, ты фся чёрна была от нуды. МЕЗ. Сфн.

Прилагательное «черный» в литературном языке имеет значение «физически тяжелый, грязный и вместе с тем подсобный, не требующий особого умения, знаний». Так же, как и в литературном языке, данный ЛСВ в говорах функционирует с ограниченным кругом существительных: *работа, труд* (исключение составляет слово «задание»), а также с обозначением лиц, выполняющих данную работу.

Рáньиш бýло чёрно задáниe, знáете что это, это как наказáниe - менý лес рубить послáли. Рáньиш чёрное задáниe бýло: лес пилить. ПИН. Влт. Надо чёрну работу мать нашemu брату. МЕЗ. Длг. Вот эти чёрны рабóчи. ВЕЛЬ. Сдр. Прислúга - чёрны люди (слуги). ПРИМ. Ннк. По чёрным людям ходíла. ХОЛМ. Члм.

Обратим внимание, что данная сема модифицируется в значении «позорный, постыдный» в сочетании ЧЕРНАЯ ДОСКА:

Посадíли менý вéдьмы на чёрную дóску, не знаю пошто. Не вéтолниш задáния – на чёрную дóску отпраvят. КАРГ. Крч.

Интересно отметить, что в говорах отмечено антонимическое значение у прилагательного «белый»: «легкий, не требующий физических усилий, связанный с интеллектуальной деятельностью».

Тебе што, сидíши бумáгу маrаш, рабóта бёла, лёгка, не то что мы. А рабóта бёла она тяжэле физической, попробуй-ка мозгáми подвигай. МЕЗ. Сфн.

В псковских говорах отмечено значение «образованный, культурный»

Нарóт, гаварíть, тепéрь белый, рáньиш были сéрые (ПОС. 1: 168).

В современном русском языке у прилагательного «черный» обнаруживается значение «не главный, не парадный, предназначенный для повседневных нужд», реализующееся в сочетании с именами существительными, обозначающими вход в дом, помещения, например «черное крыльцо», «черный ход», «черная лестница». В говорах же мы обнаруживаем интересную реализацию данного значения в сочетании с существительным «угол». «Черный угол» – это место в нежилой части дома, где обычно располагается туалет, отхожее место, свалка.

Взялá да и ф чёрном углú, да и удавлюсь, я хúдо жыла. Мез. Цлг.

Говоры сохраняют у прилагательного «белый» устаревшее значение «парадный, главный, предназначенный для избранных обитателей, почетных гостей, праздничных собраний».

Што, проходите туды в бéлу полови́ну. КАРГ. Лкшм. А где обéдают да чай пьют – бéла полови́на. Вот ра́ньшэ-то бýто, гóсти к нам приду́т, гостей угощчали в бéлой полови́не. КАРГ. Клт. Мáнько было помешчёньё, а дéфка пошла ф тý-там, я пла́чу, а почему́ у нас нéту, кто бéлой избой зовё. ПИН. Ср.

Сема «парадный, главный» - «не главный, не парадный, будничный» реализуется также и по отношению к одежде:

Одевáлись в бéлое, ѹесли во ржсану́ю страду. Трепáть да мять – ф заплáтно, ф чёрно – в офсáнью страду. ВЕЛЬ. Пжм. ѹтрошно плáтье-то чёрно. ЛЕШ.

Указанная сема реализуется и в бытовых терминах, связанных со строительством дома:

«Белый» пол (пол в жилом помещении, сделанный из струганных досок, высококачественной древесины) и «черной» пол (нижний настил бревен и брусков под основным полом)».

На потблки кладём бáлки, а на эти бáлки потóм пол настила́ем бéльй, што ф кóмнате хóдим. ВИН. Мрж. Чёрный и чýстый пол, а между нýми – муравéйник – игóлки и прóчее. ОНЕЖ. ББ. Чёрный пол кладут сначáла, а потóм бéльй, чёрный – фторóй пол, пот пóлом – двойнóй пол. КАРГ. Влс.

В говорах отмечено также переносное значение прилагательного «черный»: «мрачный, безотрадный, тяжелый»:

Навéрно уш, на чёрный день оставлено. ПИН. Нхч. Жыльё-то уш стáло чёрное. КАРГ. УХ. Не пасí делá, пасí хлебá – поговорка говорýца. Нáдо делá крýду фсё дéлать, не затягивать, и хлебá берегí на чёрный день. ОНЕЖ. АБ. А какóй гот не родиця хлеб, то чёрный, худой гот. ЛЕШ. Вжг. Скóро врёмя тёмно будет, чёрно. МЕЗ. Длг.

Но в отличие от литературного языка прилагательное «белый» образует оппозиционную пару в значении «счастливый, хороший, отрадный»:

А вот ѹещё год бýдет не белéйе. ВИЛ. Пвл.

Тепéрь-та бéлая жызынь нарóду, асóбинна маладёжси. Тапéрь жысты маý бéлая, эта хорошо жысты горáст. Тапéрь у нас бéлая жысты. (ПОС 1: 168).

Нельзя и обойти вниманием значение прилагательного «черный» «чародейский, колдовской, связанный с нечистой силой»:

Цёрной гла́с – заболеёши, температу́ра поды́меца, позевáеши – вот это прикось ЛЕШ. Вжг. Возьми́ жеребек в зúбы, у ней цёрны гла́зы-ти. ЛЕШ. Вжг. Язы́к прику́сывай, чёрная дума. ШЕНК. Рбг. Чёрные – лю́ди, которые мòгут сглáзить. МЕЗ. Бч. Когдá человéк убийбца - не свойёй смéртью умрёт - то с чёрными сíлами свýзан. Штоп посвятíца ф колдуны́, насть на перекрёсток ити́, в бáню, на клáдбище, в двенáцать часóф. Ф колдуны́ обра́щáюсь, бу́ду свýзана с чёрной сíлой. ВИН. Кнц. Ба́ня была чёрным ме́стом, обдерíха эсыла. Ходи́ло такóие повéрье, оди́н попросíлся в бáнию ночевáть. Рáс попросíлся, она йево и бережóт, обдерíха, да задерíха, фсéко звали. ПИН. Ср. Какой-нибу́ть чёрный взглýт на них взглýнет, прикось. ХОЛМ. Сия. Бó зна какí - чёрны ли рогáты - не знаю, на́м не привáжывалось (о нечистой силе). Сám бу́деш овýнница. ПИН .Ср.

В качестве оппозиции выступает значение прилагательного белый «связанный с естественными силами природы, способный избавить от зла, вылечить». Словарь современного русского языка отмечает данное значение с пометой *нар.-разг.*

Бéлье колдуны́, поштó, они с чертýми свýзаны, бéлье лéчат, мнóго зáговороf-то. ШЕНК. ВЛ.

Итак, прилагательные «белый» и «черный» в литературном языке обладают широким семантическим потенциалом. Однако диапазон различий значений диалектного слова и литературного достаточно велик. В диалекте представлено гораздо больше значений, чем в литературном языке, кроме того, многие из представленных в литературном языке значений стилистически маркированы. Также необходимо еще раз отметить факт сохранения в диалекте многих архаических значений, бытовавших в древнерусском языке. Обратим внимание и на то, что черный и белый в говорах гораздо «более близкие» антонимы, чем в литературном языке.

Хочется подчеркнуть, что наши материалы еще раз подтверждают выводы О.Г. Гецовой (Гецова 2000) о том, что системы литературного языка и диалектов – это разные языковые системы, сформировавшиеся независимо друг от друга.

**Условные сокращения районов и населенных пунктов
Архангельской области**

(В-Т) ВЕРХНЕ-ТОЕМСКИЙ

АП Аверин Почкинок

Вдг Вадюга

Врш Вершина

Грк Горка

Збр Зaborье

Кнд Кондратьевская

Крн Корнилово

Кчм Качем

Лрн Ларионовская

НТ Нижняя Тойма

Пчг Пучуга

Тмш Тимошино

Тнв Тинева

Сгр Согра

Смн Семёновская

Сфт Сефтра

УВ Усть-Выя

УЁ Усть-Ёрга

ЧР Черный Ручей

(ВЕЛЬ) ВЕЛЬСКИЙ

Брз Березники

Врх Верхопуя

Гр Горы

Длм Долматово

Лнв Леново

Лхд Лиходеево

Пвл Павловское

Пжм Пежма

Пкш Пакшеньга

Снг Синега

Сдр Судрома

Уг Угреньга

(ВИЛ) ВИЛЕГОДСКИЙ

Грд Городок

Ив Ивновская

Пвл Павловск

Сли Селяна

Три Теринская

Трп Тырпасовская

Шлм Шалимово

(ВИН) ВИНОГРАДОВСКИЙ

Брк Борок

ВВ Верхняя Баеньга

Зст Заостровье

Кнц Конецгорье

Мрж Моржегорское

НВ Нижняя Баеньга

Слц Сельцо

Тпс Топса

УВ Усть-Ваеньга

Шдр Шидрово

(КАРГ) КАРГОПОЛЬСКИЙ

Ар Архангело

Влс Волосово

Грк Горка

Дмн Думина

Клт Калитинка

Крч Кречетово

Лди Лядины

Лкш Лёкшмозеро

Лкшм Лёкшма

Мсл Масельга

Нкл Нокола

Оз Озёрко

Ош Ошевенское

Трф Труфаново

Ус Усачёво

Ух Ухта

Хтн Хотёново

(КОН) КОНОШСКИЙ

Влц Вельци

ГП	Грехнев Пал	Схд	Суходол
Клм	Климовская	Тхт	Тохта
Кнш	Коноша	<u>ЛЕШ</u> ЛЕШУКОНСКИЙ	
Пдг	Подюга	Блщ	Белащелья
Твр	Тавренъга	БН	Большая Нисогора
Хмл	Хмельники	Брз	Березник
<u>(КОТЛ) КОТЛАССКИЙ</u>		Вжг	Вожгора
Блт	Болотиха	Врх	Верхнее
Збл	Заболотье	Ед	Едома
Збл	Забелино	Зсл	Засулье
Кзн	Кузнецово	Кб	Кеба
Мкх	Мокеиха	Клч	Кельчемгора
Прв	Приводино	Кнс	Койнас
Фдт	Федотовская	Крщ	Каращелье
<u>(КРАСН) КРАСНОБОРСКИЙ</u>		Ксс	Кыssa
Ббр	Бобровская	Лбс	Лебское
Блш	Блешково	Лшк	Лешуконское
БН	Березонаволок	Ол	Олема
БП	Большая Пихтовица	Плм	Пылема
ВУ	Верхняя Уфтуога	Плщ	Палащелья
Двд	Давыдовская	Пст	Пустыня
Ис	Истомино	Рдм	Родома
Кзм	Кузьминская	Рз	Резя
Клг	Кулига	Смл	Смоленец
Нвш	Новошино	Слщ	Селище
Нмц	Наумцево	Тгл	Тиглява
Нрд	Нарадцево	УК	Усть-Кыма
Прж	Поржаковская	Цнг	Ценогора
Прм	Пермогорье	Шгм	Шегмас
Тлг	Телегово	Юр	Юрома
Фмн	Фоминская	<u>(МЕЗ) МЕЗЕНСКИЙ</u>	
Чрв	Черевково	Аз	Азаполье
Шдр	Шадрово	Бкв	Баковская
<u>(ЛЕН) ЛЕНСКИЙ</u>		Бч	Бычье
Ир	Ирта	Длг	Долгощелье
Лн	Лена	Дрг	Дорогорское
Пст	Паста	Кд	Койда
Рбв	Рябово	Кмж	Кимжа

Крп	Карьеполе	(ПИН) ПИНЕЖСКИЙ
Лбн	Лобан	Брз Березник
Лмп	Лампожня	Влд Валдокурье
Мд	Майда	Влт Вальтево
Мсв	Мосеево	Врк Веркола
Плг	Палуга	Гр Гора
Рч	Ручьи	Ёр Ёркино
Сви	Совполье	Ззр Заозерье
Слш	Селище	Знх Занюхча
Сн	Сояна	Зсл Засулье
Сфи.....Сафоново		Квр Кеврола
Тмщ	Тимощелье	Кгл Киглохта
Цлг	Целегора	Пкш Покшеньга
(НЯНД) НЯНДОМСКИЙ		Ср Сура
Вдз	Вадъезерская	Шрд Шардонемь
Врл	Верола	Штг Шотогорка
Лм	Лимь	(ПЛЕС) ПЛЕСЕЦКИЙ
Мш	Моша	Кнв Конёво
Нкш	Никишинская	Прш Першлахта
Стп	Ступино	Црк Церковное
(ОНЕЖ) ОНЕЖСКИЙ		(ПРИМ) ПРИМОРСКИЙ
АБ	Анциферовский Бор	33 Зимняя Золотица
ББ	Большой Бор	КГ Красная Гора
Врз	Ворзогоры	ЛЗ Летняя Золотица
Клщ	Клещёво	Лиш Лопшеньга
Кнд	Кянда	Пшл Пушлахта
Крл	Корельское	(ХОЛМ) ХОЛМОГОРСКИЙ
Лмц	Лямца	Гбч Гбач
Млш	Малошуйка	Звз Звоз
Пдп	Подпорожье	Кзм Кузомень
Прг	Порог	ПМ Плёсо-Мякуре
Прн	Пурнема	Сия Сия
Тмц	Тамица	Члм Чёлмохта
Трч	Турчасово	(ШЕНК) ШЕНКУРСКИЙ
УК	Усть-Кожа	ВП Верхопаденьга
Хчл	Хачела	

Литература

- Вендина 1998 – *Вендина Т.И.* Символика цвета сквозь призму словообразования // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 1998.
- Гецова 1999 – *Гецова О.Г.* Место общерусской лексики в лексических системах русских говоров (в свете новых диалектных данных) // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. Екатеринбург, 1999.
- Гецова 2000 – *Гецова О.Г.* Глагол *образоваться* в русском диалекте // Слово в тексте и словаре. Сборник статей к семидесятилетию Ю.Д. Апресяна. М., 2002.
- Ильинская 2002 – *Ильинская Н.Г.* Общерусское слово в грамматическом и стилистическом аспектах (на материале архангельских говоров). Петропавловск-Камчатский, Изд-во ЮПУ, 2002.
- Кожемякова 2001 – *Кожемякова Е.А.* История формирования семантики прилагательных цветообозначений в русском языке. ДКФН. Новгород, 2001.
- Нефедова 2007 – *Нефедова Е.А.* ВРЕМЯ и ПОРА в диалектной картине мира // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2007. № 4.
- Смирницкий 1955 – *Смирницкий А.И.* Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя, М., 1955.
- Чирнер 1974 – *Чирнер Х.* Семантический объем прилагательных, обозначающих цвета в русском языке в сопоставлении с немецким. ДКФН. М., 1973.
- Яковleva 2000 – *Яковлева Е.С.* О языковой картине мира в аспекте ее динамики: переосмысление старых значений // Слово в тексте и словаре. Сборник статей к семидесятилетию Ю.Д. Апресяна. М., 2002.

Словари

- АОС – Архангельский областной словарь. Под ред. О.Г. Гецовой. М., 1980–2009. Вып. 1–13.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными, Л., 1967–2006. Вып. 1–17.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.–Л.; 1965–2010. Вып. 1–42.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. М.–Л., 1948–1965. Т. 1–17.

*Summary***Semantics of adjectives ‘*belyi*’ – ‘*chernyi*’ (‘white’ – ‘black’)
in the Russian dialects**

This article considers the semantics of such adjectives ‘*belyi*’ – ‘*chernyi*’ (‘white’ – ‘black’) in the modern Russian language and the dialects of Archangelsk region. In these dialects substantive have another, more detailed semantic structure in comparison with literary language. These facts prove once again, that the system of Russian literary language develops independently of the system of Russian dialect language.

И.И. Исаев (Москва)

Артикуляционное пространство и формантная характеристика гласных в русских говорах

А.А. Шахматов, впервые изучавший говор деревни Лека в начале XX века (современный Шатурский р-н Московской обл.), не сразу обратил внимание на то, что каждая из гласных /o/ и /e/ имеет две реализации, зависящие от этимологии. Между тем, эта черта очень устойчива и даже в наше время лепинские рефлексы /*ω/ и /*ѣ/ могут быть представлены *открывающимися* (понижающими подъём) дифтонгами [ŷo] и [ie], а рефлексы */o/ и */e/ *закрывающимися* (повышающими подъём) дифтонгами [ou̯] и [e̯i] (Шахматов 1913; Высотский 1949; Касаткин 1999: 376–389).

Определения инвентаря и системы гласных единиц в диалектах и сегодня далека от окончательного решения. Характеристика диалектных гласных дается в основном на слух с позиции наблюдателя, имеющего фонетический опыт носителя литературного языка. Такая позиция ущербна в отправной точке: исследователь может услышать лишь то, к чему подготовлен языковым опытом. Плен перцептивных эталонов исследователя настолько силен, что даже квалифицированные исследователи диалектов иногда пропускают принципиальные диалектные фонетические черты.

Необходимость внешнего взгляда на фонетические явления отразилась и в конце XIX – начала XX века в классических описаниях русских говоров О. Броха и Д.В. Бубриха. (Брок 1907, 1910, 1916; Бубрих 1913).

Процесс узнавания гласного звука по сложности выполнения работы мозгом человека сопоставим с узнаванием музыкальных нот в составе гармонии. Дело в том, что гласный звук представляет собой аккорд: он образуется сразу в нескольких частотах. Частоты, участвующие в создании звука, называются формантами (обозначаются буквой «F»). Для узнавания гласных важны первые две форманты, которые соответствуют подъему (F_1) и ряду (F_2) гласного. На рис.1 показаны форманты гласного [а] под ударением и в безударном слоге в слове [спрѣ́в'ила]. Форманты выглядят как горизонтальные затемнения, которые могут быть различной интенсивности (следствие разной громкости и напряженности гласного) и различной степени однородности (это свойство дифтонгов и гласных под эмфазой).

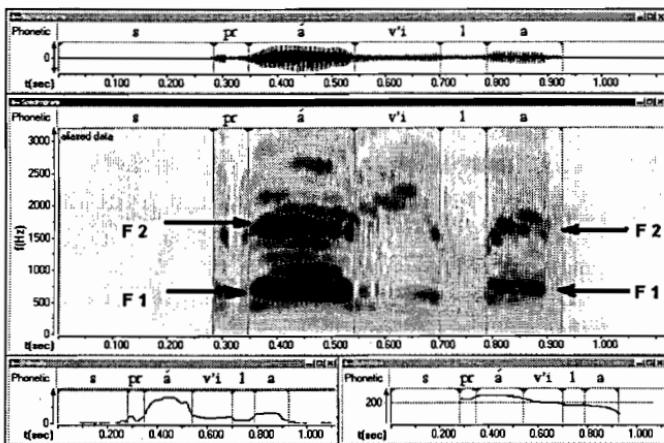

Рис.1

Гласный является диффузным звуком, то есть он образуется не в конкретной точке, а в некоторой зоне, которая задана артикуляционной традицией языка/диалекта. Такое артикуляционное поле гласного может иметь различную площадь в разных системах.

Фонетическую систему гласных в методических целях удобно изображать в виде треугольника или трапеции. Этот прием позволяет выполнять функциональное описание системы гласных, опираясь на дифференциальные признаки гласных (ряд-подъем). Однако такое схематическое изображение скрывает важное качество гласного – его диффузность. Для изучения диалектных различий в области вокализма принципиально «видеть» зону артикуляции.

Если расположить частоты F1 на оси X по вертикали, а частоты F2 на оси Y по горизонтали, то мы получим пространство артикуляционного тракта в привычных координатах треугольника гласных. Опытным путем было установлено, что цена деления шкалы 50 Гц достаточна для дистрибуции гласных.

На динамической спектрограмме гласного (в программе акустического анализа звука PRAAT, например) определяются частоты F1 и F2, которые заносятся в формантную сетку. Контекст, в котором выступает гласный, определяет его место в зоне: переднеязычные согласные, например, сдвигают его вперед, носовые согласные отодвигают в заднюю часть зоны.

На рисунке показан фрагмент системы гласных Вологодского и Владимирского говора.

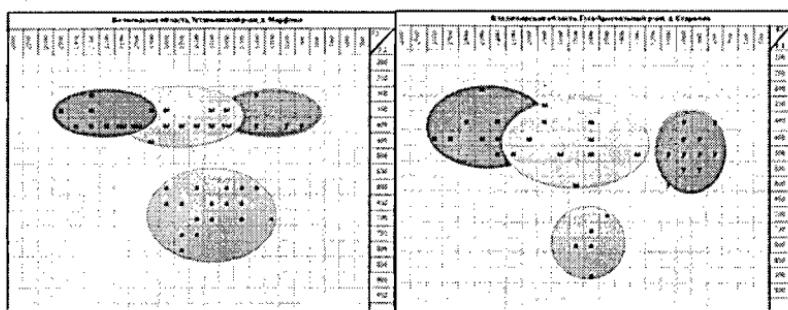

Рис. 2

Интонация фонетического отрывка может сильно менять гласный. Резкое движение основного тона тянет за собой формантную структуру гласного. Именно поэтому иллюстрация гласного в фонетических работах должна сопровождаться четырьмя параметрами: осциллограмма (верхнее окно, рис. 3), динамическая спектрограмма (среднее окно), частота основного тона (интонация, нижнее правое окно) и огибающая интенсивности (громкость каждого звука, нижнее левое окно).

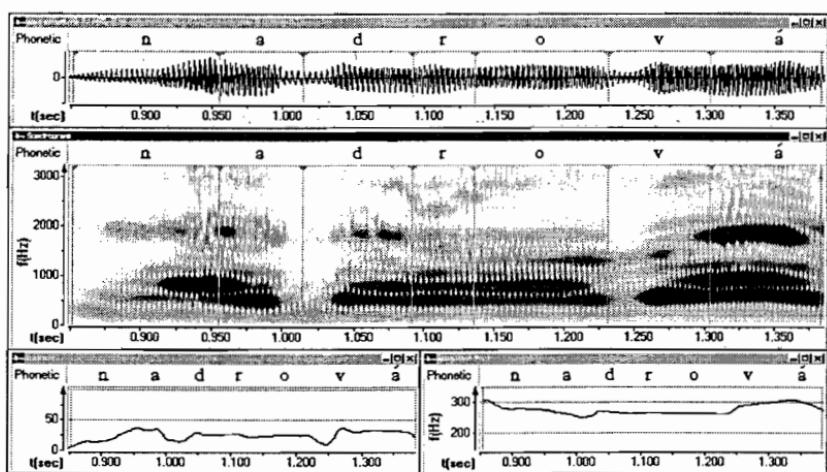

Рис. 3

При определении состава и качества частей полифонга следует опираться на эти параметры. Неоднородность гласного на картинке не является доказательной сама по себе. Только такая неоднородность гласного, которая подтверждена относительно ровной интонацией и равной громкостью частей звука может быть доказательной.

Размещение на формантной сетке монофтонгов и дифтонгов (полифонгов) имеет особенности. Мгновенный срез для получения формант должен выполняться в зоне пика интенсивности гласного. Для монофтонга это один пик, расположенный как правило в средней части гласного; для дифтонга это два пика, соответствующие частям гласного. Если условно разделить гласный на три равные части, то первая и третья будут обременены коартикуляционными процессами, а ширина формант и расстояние между ними будут зависеть в значительной мере от фонетического контекста. Положение дифтонга на формантной сетке нельзя отметить точкой. Дифтонг, как правило, имеет скольжение по диагонали или горизонтали. Изображение дифтонгов целесообразно вынести в отдельную формантную сетку.

* * *

Опуская подробное описание каждой из трёх приведенных ниже таблиц (рис. 4–6), можно сказать, что такая методика позволяет определить не только зону образования гласных и их напряженность, но и зону неразличения гласных под ударением и без ударения. Кроме того, обнаруживается связь

места гласного в зоне с интонацией, позицией и дискретным фонетическим окружением. Отличия диалектной системы гласных оказываются разительными с точки зрения литературного языка.

[Э] – редукция гласных после твердых согласных в непервом предударном слоге, которая работает в литературном варианте национального русского языка, объясняется как стремление редуцированного гласного к состоянию покоя, кнейтральному укладу органов речи. Диалектный материал показывает, что примеры типа [дэмэвла^тдэл'и^ц] с гласным «покоя» [э] не являются фонетической необходимостью, а всего лишь одной из возможных систем редукции. В меленковском говоре с. Синжаны представлена [ы]-редукция, которая несомненно требует большего напряжения и не может считаться стремлением гласных, удаленных от ударения, в «зону покоя» речевых органов.

Методика «формантная сетка» позволила обнаружить и еще одну чрезвычайно важную черту окающих Владимирско-Поволжских говоров. Считается, что эта территория занята особым типом ритмико-редукционной структуры слова, которая называется «неполное оканье». Различие гласных /а/ и /о/ в говорах с неполным оканьем возможно только в первом предударном слоге после твердых согласных, а все остальные слоги не обладают такой способностью и гласные в них совпадают в одном кратком гласном звуке [э], редуцированном непереднего ряда (эта ритмико-редукционная схема роднит Владимирско-Поволжские говоры с литературным языком, в котором существует динамическое ядро слова, образуемое ударным и первым предударным слогом). В результате работы по методике «формантная сетка» было установлено, что за краткими гласными непервого предударного гласного, которые транскрибируются как [э], очень часто стоит различие, а не редукция. Так происходит и в «классических» северных говорах Новгородской и Вологодской областей, где фиксируется отклонение от полного оканья. Оказывается, что отличие владимирских говоров с неполным оканьем от говоров с полным оканьем не в степени редукции, а в динамической и ритмической структуре слова. Исследователи воспринимают краткие гласные так, как позволял перцептивный этalon: краткие, значит – редуцированные.

Еще один очень важный фактор оценки системы гласных – их напряженность или ненапряженность – может быть описан в рамках метода формантной сетки. Обычно исследователями констатируется напряженное или ненапряженное образование гласного, но единичный пример не дает права судить о свойствах всей системы. Вполне может оказаться, что отдельные слова по причинам, находящимся вне границ сегментной фонетики, могут иметь напряженные или ненапряженные гласные. Только поместив все примеры в формант-

ную сетку, можно установить размер зоны гласного. Как правило, напряженность является следствием четырех подъемов в системе гласных и выражается в очень компактном распространении гласного в зоне. Необходимость размещения в артикуляционном тракте большого количества единиц требует четкой дистрибуции каждой из них. И напротив, меньшее количество единиц можно разместить просторнее, что выражается более широкой зоне гласного. Во всех говорах самой широкой зоной обладают гласные [и], [ы], [а].

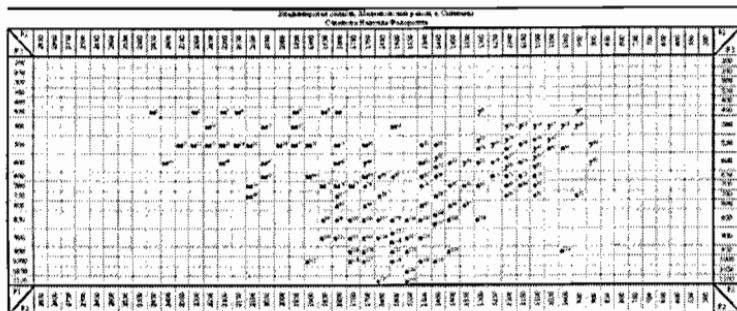

Рис. 4. Гласные под ударением после твердых согласных

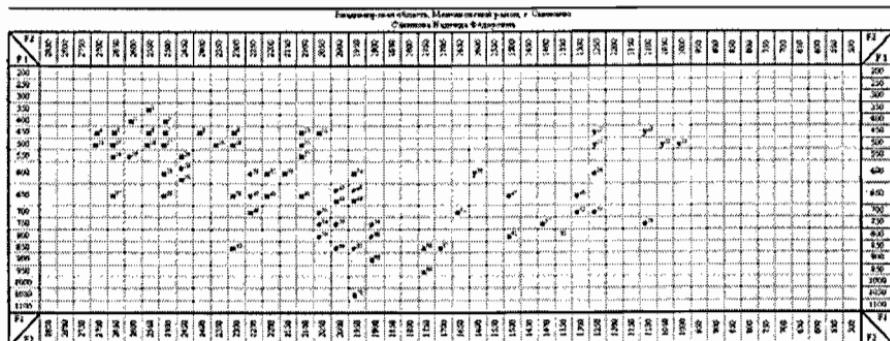

Рис. 5. Гласные под ударением после мягких согласных

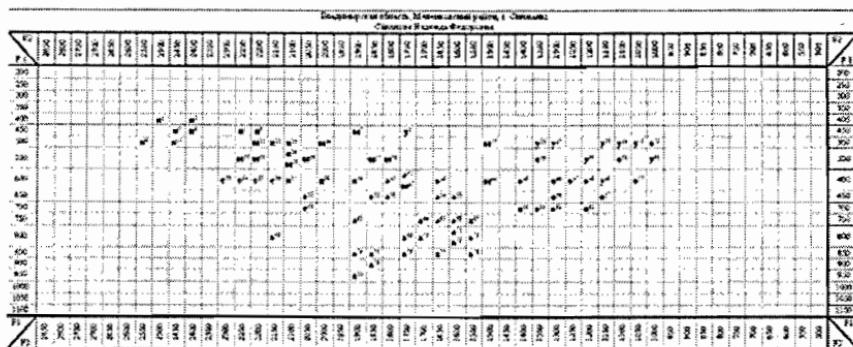

Рис. 6. Гласные в безударном слоге.

Кроме всего прочего, формантные сетки позволяют проследить зоны неразличения гласных. Это наблюдение имеет принципиальное значение для описания динамического компонента системы гласных. Методика, показывающая зоны неразличения, позволила С.В. Дьяченко проследить и описать изменение типов диссимилятивного яканья, основанных на архаическом принципе (см. рис. 8) (Дьяченко 2010: 51–52).

Сопоставление артикуляционных баз диалектных систем может иметь графическое представление. На рис. 7–8 показана система 2-х архаических говоров – Владимирского и Воронежского (воронежский материал подготовлен С.В. Дьяченко). Чёрным цветом обозначены гласные в позиции под ударением после твердых согласных, серым – после мягких.

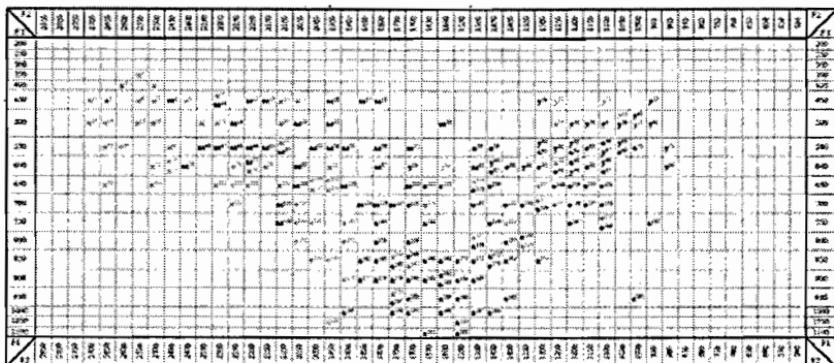

Рис. 7. Владимирская обл., Меленковский р-н, с. Синжаны

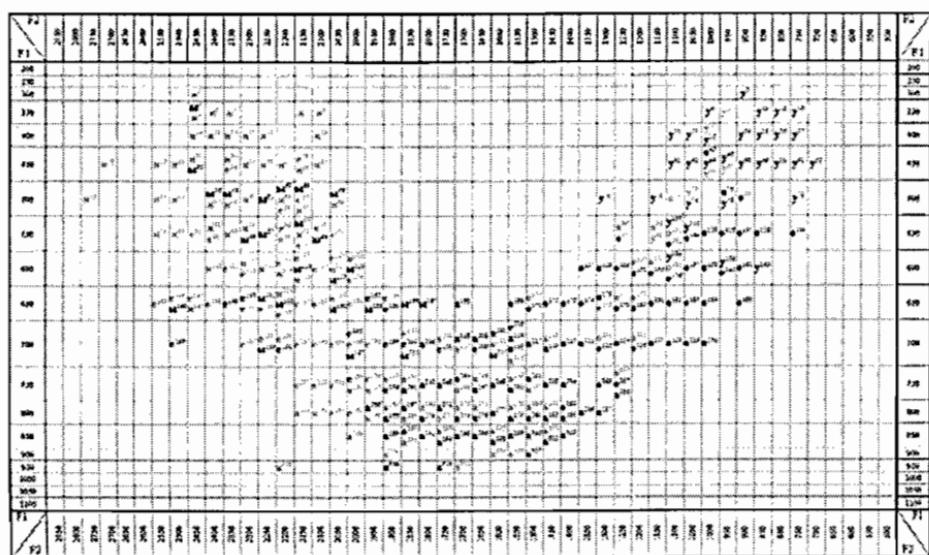

Рис. 8. Воронежская обл., Каменский р-н, с. Татарино

Даваемые на слух характеристики гласных «открытый», «закрытый», «сдвинутый вперед», «сдвинутый вверх» и т. д. могут иметь исчислимые параметры. Применение метода формантной сетки дает возможность изменить позицию наблюдателя и позволяет переместиться на место диалектоносителя в оценке качества звука. Во время выполнения работы по описанию диалектной системы часто оказывалось, что, например, гласный в позиции второго предударного слога после твердых согласных, который оценивался мною как [у] (*тупоры*), является для говора гласным зоны [о].

Несмотря на усилия комиссий, формирующих международный фонетический алфавит (IPA), транскрипция диалектной речи не является объективной фонетической картиной, а выражает, как правило, традиционные представления диалектолога о диалектной фонетике, зажатые в перцептивный этalon его собственного языка. Детальность и лингвистическая точность её зависит от многих факторов. Именно поэтому использование чужой транскрипции для детальных фонетических исследований оказывается практически невозможным.

Удивительно тонким фонетическим слухом обладал С.С. Высотский, его опыт был основан на огромной практике. В 1967 году он предложил 20 схем, иллюстрирующих особенности устройства северного и среднерусского окающегося диалектного вокализма (Высотский 1967). Сейчас появилась воз-

можность создать альбом русских диалектных систем, схемы в которых составлены на материале объективных физических данных. Такая работа даст диалектологии обширный фактический материал, который может быть картографирован и интерпретирован.

Литература

- Брок 1907 – *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сб. ОРЯС. 1907. Т. 83. № 4.
- Брок 1910 – *Брок О.* Очерт физиологии славянской речи. СПб. 1910.
- Брок 1916 – *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.
- Бубрих 1913 – *Бубрих Д.В.* Фонетические особенности говора с. Пустошь (Ягодинск. вол., Судогодск. уезда, Владимирск. губ.) // Изв. ОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 4.
- Высотский 1949 – *Высотский С.С.* О говоре д. Лека (по материалам экспедиции 1945 г.) // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., Л. 1949. Т. 2.
- Высотский 1967 – *Высотский С.С.* Определение состава фонем в связи с качеством звуков в северорусских говорах // Очерки по фонетике северорусских говоров. М., 1967.
- Дьяченко 2010 – *Дьяченко С.В.* Система гласных первого предударного слога после отвердевших согласных в южнорусских говорах с архаическим вокализмом (на примере говора с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл.) // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8–10 октября 2010 года. М., 2010.
- Касаткин 1999 – *Касаткин Л.Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Шахматов 1913 – *Шахматов А.А.* Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Изв. ОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 4.

Summary

Articulation space and formant characteristic of the vowels in Russian dialects

The characteristics of vowels received as a result of hearing «The opened», «The closed» Etc. can have countable parametres. The formant grid method changes a position of the observer and allows to rise to the place of the user of a dialect in an estimation of quality of a sound. We create an album of Russian dialect vowel-systems schemes in which are made on a material of the physical data.

C.B. Дьяченко, Е.В. Корпекчкова (Москва)

К вопросу о влиянии литературного языка на говоры с архаическим типом вокализма

Вопрос о сосуществовании диалектов и литературного языка и о влиянии последнего на диалекты неоднократно затрагивался исследователями. При этом, как правило, отмечалось, что воздействие литературного языка приводит к нивелировке диалектов на разных языковых уровнях, в том числе на фонетическом. Так, Н.А. Волкова видит причину изменения системы предударного вокализма в говорах центральных регионов Курской области в «интенсивном, хотя и опосредованном влиянии литературного языка» (Волкова 2009: 49–50).

Однако, как показала Л.Э. Калнынь, диалектные системы хорошо сохраняют структурную устойчивость, которая присуща живому языку (Калнынь 1997: 115–124). Как представляется, диалектным системам свойственно развитие в соответствии с внутренними закономерностями. Любая вокалическая система представляет собой устойчивое образование, предполагающее определённые отношения между слогами в слове, ассимилятивные и диссимилиативные межслоговые процессы и т. д. Разрушение или перестройка этой системы посредством лишь внешнего влияния кажется едва ли возможными.

Архаическое аканье и обоянское яканье отмечено в говорах, отличающих семь фонем под ударением. Но до конца не решён вопрос о фонетической зависимости предударного гласного от качества ударного. К.Ф. Захарова в работе 1959 года отмечала, что в некоторых говорах с обоянским яканьем «по-видимому, нет уже непосредственной связи между ударенным вокализмом и безударной системой яканья. Связь эта лишь генетическая и в настоящее время не является собственно фонетической. Утрата системы семи гласных фонем, которая в разной степени известна почти всем говорам, хотя и ведёт к видоизменению типа яканья, может быть, даже к утрате его, но не вызывает таких изменений, которые бы шли параллельно за изменениями ударенного вокализма и были бы обусловлены только характером гласной под ударением» (Захарова 1959: 21).

Задачей нашей работы было установить характер связи ударного и предударного вокализма в современных говорах с архаическим типом аканья и обоянским типом яканья.

Материалом исследования послужили аудиозаписи, сделанные в с. Веретье Острогожского района Воронежской области и в с. Солдатское Старицкого района Белгородской области в экспедициях 2000-х гг. сотрудниками ИРЯ РАН И.И. Исаевым, О.Г. Ровновой, Д.М. Савиновым и аспирантами С.В. Дьяченко и Е.В. Корпековой. Аудиозаписи были проанализированы с помощью программы PRAAT.

1. Ударные гласные.

В обоих говорах различаются семь гласных фонем под ударением.

С. Веретье. Фонема /ы/ в большинстве случаев представлена дифтонгом [иē], фонема /e/ – звуком [e] среднего подъёма, фонема /ω/ – дифтонгом [үð] либо звуком [ø], фонема /o/ – звуком [ɔ] средне-нижнего подъёма. Однако такое распределение звуков выдерживается непоследовательно. Фонемы /ы/ и /e/ могут совпадать, реализуясь монофтонгами [e] верхне-среднего подъёма или [e] среднего подъёма в слабой фразовой позиции: *n[’é]ли, p[’é]чку, d[’é]душка, дов[é]ришиь и дет[’é]й, н[’é]сть, прив[’é]зть, кол[’é]нья, возым[’é]м, мен[’é] (меня), от н[’é]й*, а также реализуясь дифтонгом [иē] в сильной фразовой позиции: *б[’иē]гала, б[’иē]лаи, д[’иē]д, к р[’иē]чке, н[’иē]ту, поб[’иē]гла, сял[’иē], хл[’иē]б и бер[’иē]шь, зов[’иē]м, кон[’иē]чно, напик[’иē], н[’иē] было, отколунн[’иē]тся* (см. рисунки 1, 2). Фонемы /ω/ и /o/ также могут совпадать, реализуясь монофтонгом [o] в слабой фразовой позиции: *вод[ó]й, гот[ó]вим, дов[ó]зить, мн[ó]го, спр[ó]сиши, хор[ó]ший и д[ó]миках, забр[ó]сили, пос[ó]дим, ст[ó]рону*.

С. Солдатское. Фонема /ы/ в большинстве случаев представлена дифтонгом [иē], фонема /e/ – звуком [e] средне-нижнего подъёма, фонема /ω/ – дифтонгом [үð], фонема /o/ – звуком [ɔ] средне-нижнего подъёма. Такое распределение звуков функционирует довольно последовательно, но в некоторых случаях фонемы /ы/ и /e/ могут совпадать, выражаясь звуком [e] в слабой фразовой позиции: *гляд[’é]ли, к сяст[’é], няв[’é]стки и повез[’é]м, ячи[’é]нь* (см. рисунки 3, 4), фонемы /ω/ и /o/ также в слабой фразовой позиции могут совпадать в звуке [o]: *вядр[ó], дом[ó]й, дял[ó]в, проиш[ó], с сяст[’ó]й и пр[’ó]тив, т[ó]к*.

Таким образом, системы ударных гласных рассматриваемых говоров претерпели существенные изменения по сравнению с первоначальной системой ударных гласных в говорах с семью фонемами, которая предполагала реализацию фонем /ы/ и /ω/ дифтонгами [иē] и [үð], а фонем /e/ и /o/ – дифтонгами [үð] и [еи] (Касаткин 1999: 388).

Анализ всего массива примеров показывает, что более последовательно фонемы верхне-среднего и среднего подъёма различаются в говоре с. Сол-

датское, чем в говоре с. Веретъе. Это связано с тем, что в говоре Солдатского в качестве аллофона фонемы /e/ выступает звук средне-нижнего подъёма [ɛ], который свидетельствует о параллелизме в реализации фонем /ɪ/ и /ʊ/, /e/ и /o/, в то время как в говоре Веретъя фонема /e/ реализуется в звуке [e], то есть параллелизм нарушен (см. схемы 1, 2). Подробнее об этом см. (Савинов 2011).

Схема 1

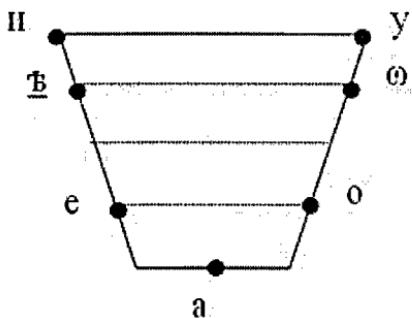
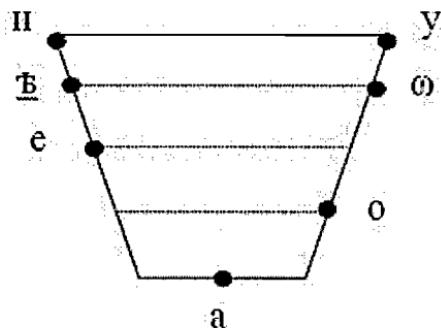

Схема 2.

2. Предударные гласные. Аканье

Система предударного вокализма после твёрдых согласных представлена в обоих рассматриваемых говорах архаическим аканьем: перед гласными верхнего и верхне-среднего подъёма произносится [а], перед гласными среднего и нижнего подъёма – [ɛ]. Важно заметить, что дистрибуция выдержива-

ется в строгом соответствии с тем, какая фонема оказывается в ударной позиции. Звук, который произносится в предударном слоге, не зависит от конкретной реализации этой фонемы.

Так, в предударном слоге произносится [a] при ударном дифтонге [ie], монофтонгах [e] или [e], если они представляют собой реализации фонемы /ѣ/, а также перед ударным дифтонгом [ю] и монофтонгами [o] и [o], если они представляют фонему /ѡ/: с[аб'иे], с[ас'иे]ди – и[ајे]дем, и[аје]ли, – и[ав'иे]си, сг[ар'ие]ли; г[ат'о]вим, и[аз'о]р, и[ал'о]ть – в[ас'о]м, г[ал'о]вку – вт[ар'о]го, г[ат'о]вила (с. Веретье) (см. рисунок 5), д[а р'е]чки, заб[ал'е]л, М[аскв'е]; д[амб]ий, к[аро]вах (с. Солдатское).

Звук [э] (а также варианты [a] и [э°]) произносится в предударном слоге перед ударными звуками [e], [e], если они являются аллофонами фонемы /e/, а также перед ударными [ɔ], [o], если они реализуют фонему /օ/: бл[эжé]нная, в[эз'м'е]м, х[арч'е]й – мол[эд'э]и, хол[эд'э]и; вых[адиб]й, з[эДó]ном, и[э тó]рх – м[эхó]точки, и[эстрó]йка, им[этó]к (с. Веретье), и[эд'е]м (см. рисунок 6), и[эт п'е]чью – вол[эк'е]ш, р[эжд'е]ния; вт[эрб]й (м.р.), лок[этó]к – ста[кэнб]к, топ[эрб]м (с. Солдатское).

Распределение звуков в предударном слоге после твёрдых согласных выдерживается очень последовательно в обоих говорах, отступлений не отмечено. Следует заметить, что перед средними и нижними ударными гласными встречается звук, приближающийся по формантным характеристикам к [a] (в данной статье мы обозначаем его как [a]), однако он выше по подъёму, чем [a], который произносится перед ударными гласными верхнего и верхненесреднего подъёма, и гораздо короче по длительности, чем последний.

3. Предударные гласные. Яканье

Система гласных после мягких согласных представлена диссимиллятивным архаическим яканьем обоянской разновидности, при котором перед ударными гласными верхнего и верхненесреднего подъёма произносится [a], а перед ударными гласными среднего и нижнего подъёма произносится [и].

Распределение этих звуков, как и в позиции после твёрдых согласных, не связано с конкретной реализацией той или иной ударной фонемы, и перед любым из всего набора аллофонов фонем /ѣ/ и /ѡ/, произносится предударный гласный [a]: в кур[’ан’е], и[’а үр’е]буваютъ, и[’а д’е]лали – и[’аде]ли, и[аје]лися – пер[’ар’е]жешь, пер[’астр’е]ли; [яуχó]рий, и[’амнó]жко – и[’а по]мнио, с[’ад’о]м – и[’а хó]цы, с[’алó], хр[’астó]в (с. Веретье) (см. рисунок 7), гл[’ад’иे]л – вес[’ал’е]й, к с[’астр’е], и[’ав’е]стки; в[’адруб] – з[’арнб], и[’а по]мнио, с[’астрó]й (с. Солдатское), а перед звуками, реализующими фонемы /e/ и /օ/, произносится [и]: зад[’ир’е]шь, пл[’ит’е]нь,

m[’ик’é] – д[’ит’é]й, запл[’ит’é]; м[’ишó]чках, н[’исó]к, св[’итó]й – н[’исó]к, с в[’идró]м, с[’идó]й (м.р.), с[’илó]м (с. Веретье), д[’ир’é]вна, т[’ип’é]рь, чер[’ис пл’é]чи – пов[’из’é]ши (см. рисунок 8); э[’ирнó]м, н[’и брó]ши, уз[’илó]к – н[’и прó]тив, н[’ишкó]м, св[’икрó]вья (с. Солдатское).

Следовательно, зависимость предударных гласных от ударных гласных не является собственно фонетической, поскольку перед одинаковыми с акустической точки зрения гласными могут произноситься разные предударные гласные на месте фонем неверхнего подъёма. Система предударного вокализма существует как модель, при которой качество предударного гласного зависит от фонемы под ударением.

В говоре с. Веретье отмечены примеры, в которых перед ударными гласными верхне-среднего подъёма произносится [и]: *вес[’ил’é]е, н[’и в’é]шаютъ, н[’и з’д’иé]лаютъ, пер[’ијé]хал – э[’ирнúд], н[’и по]мню, у в[’идрó].* Более того, распространение [и] в первом предударном слоге наблюдается не только перед гласными верхне-среднего подъема, но и перед гласными верхнего подъема: *б[’ирú]ть, н[’и бú]дет – кр[’ис’т’í]ли, н[’и п’í]ли, н[’и слý]шно.* Все эти примеры свидетельствуют об изменениях в говоре к икающему произношению.

4. Выводы

В говоре Веретье довольно последовательно сохраняется система архаического аканья, при том что обоянское яканье разрушается, уступая место иканью. Этот процесс становится возможным в говоре в тот момент, когда система ударных гласных утрачивает параллелизм в противопоставлении фонем /ѣ/ и /е/. Подробнее об этом см. (Дьяченко 2011). Большая устойчивость вокалической системы после твёрдых согласных обусловлена тем, что она существует как ритмическая модель, которая выражается в «волнообразной смене последовательности долгих и кратких слогов» (Касаткин 2009: 98).

В говоре с. Солдатского система предударных гласных и после твёрдых, и после мягких согласных сохраняется более последовательно. Это связано с относительной стабильностью противопоставления семи фонем в ударной позиции.

Таким образом, развитие системы вокализма происходит по внутренним законам, которые в одном случае вызывают структурные сдвиги, в другом – сдерживают изменения системы. Соответственно, влияние литературного языка само по себе не может вызвать кардинальной перестройки диалектной вокалической системы.

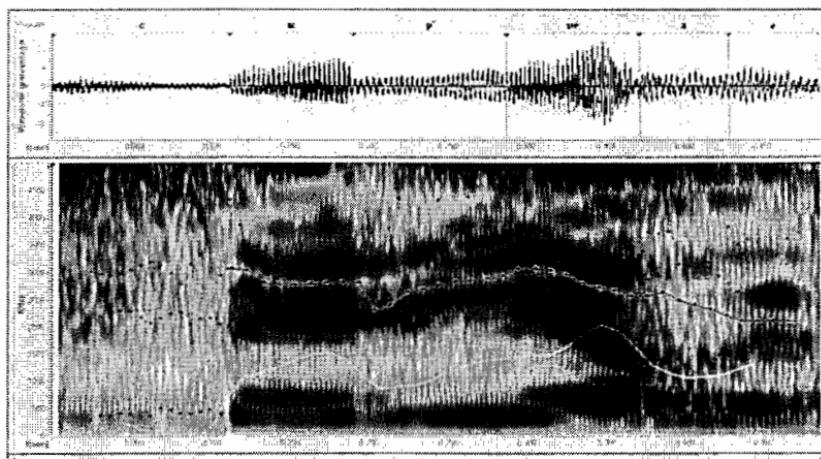

Рисунок 1.
Спектрограмма и осциллограмма слова [сыр'йёлэ] – сырела
(с. Веретье)

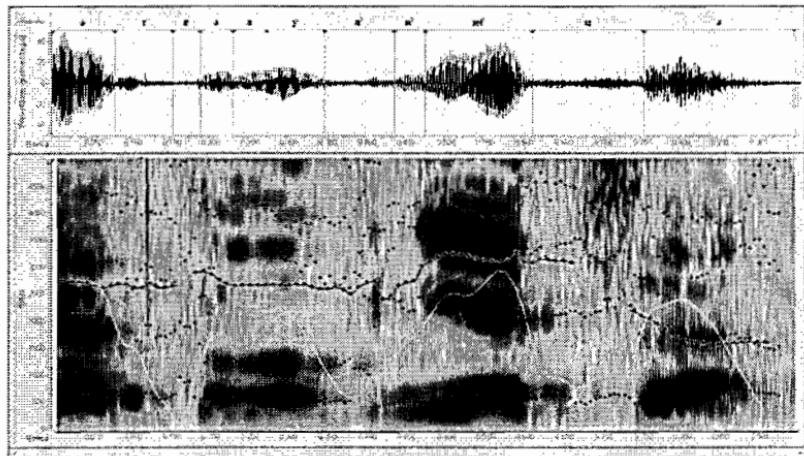

Рисунок 2.
Спектрограмма и осциллограмма слова [эткэлуп'н'яецэ] – отколупнётся
(с. Веретье)

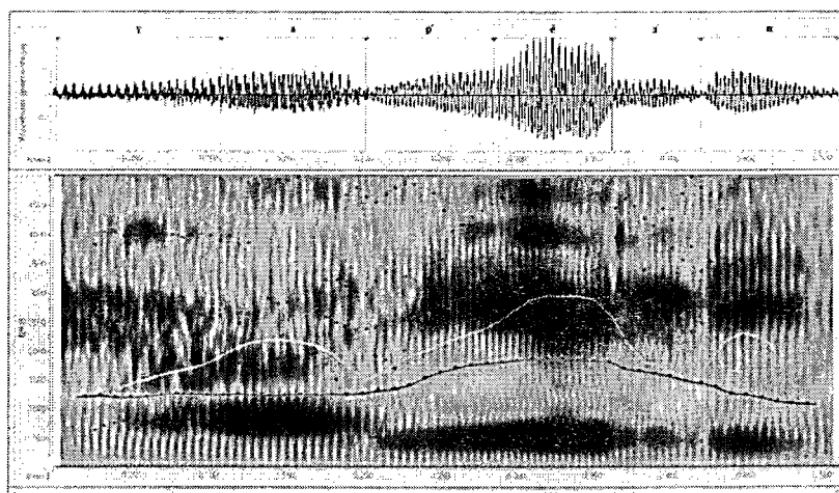

Рисунок 3.

Спектрограмма и осциллограмма слова [γар'ёл'и] – горели (с. Солдатское)

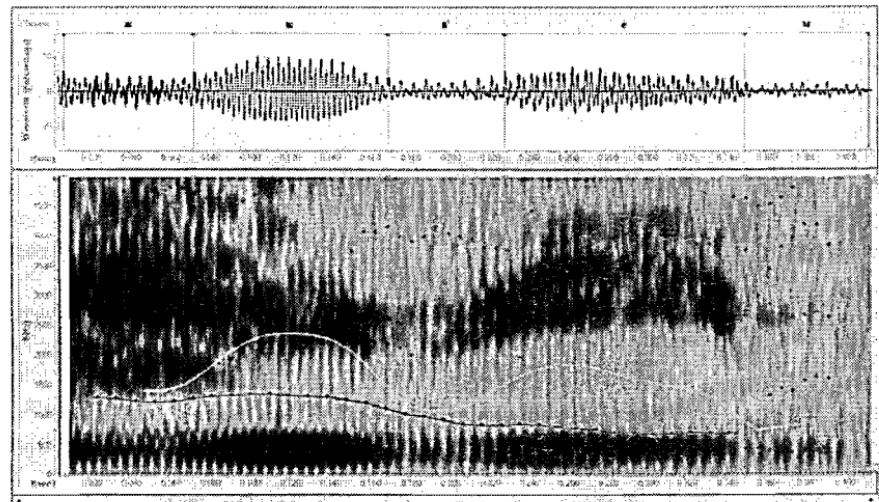

Рисунок 4.

Спектрограмма и осциллограмма слова [жыв'ём] – живём (с. Солдатское)

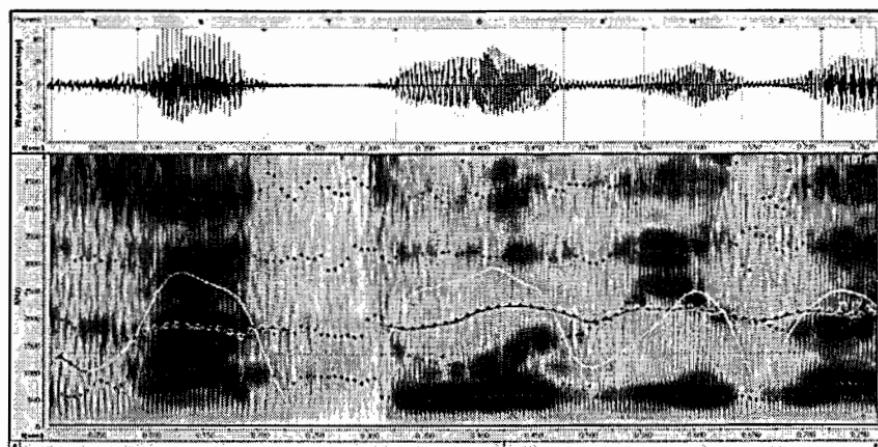

Рисунок 5.

Осциллограмма и спектрограмма слова [yatob' ilə] – *готовила* (с. Веретье)

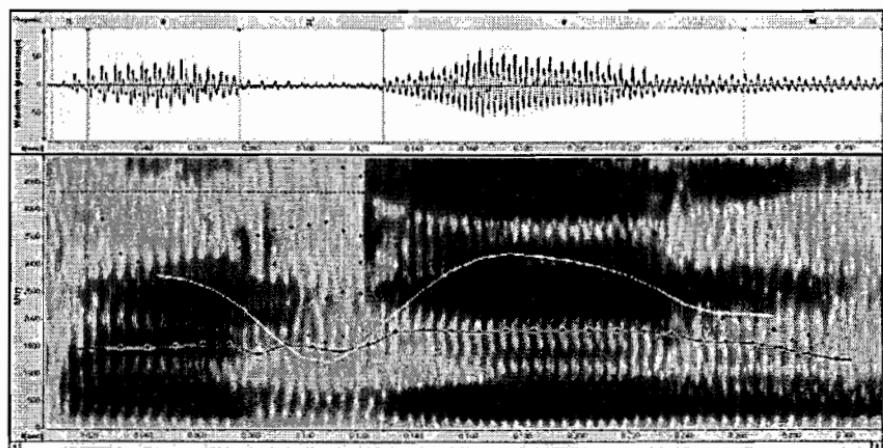

Рисунок 6.

Спектрограмма и осциллограмма слова [pad' em] – *пойдём* (с. Солдатское)

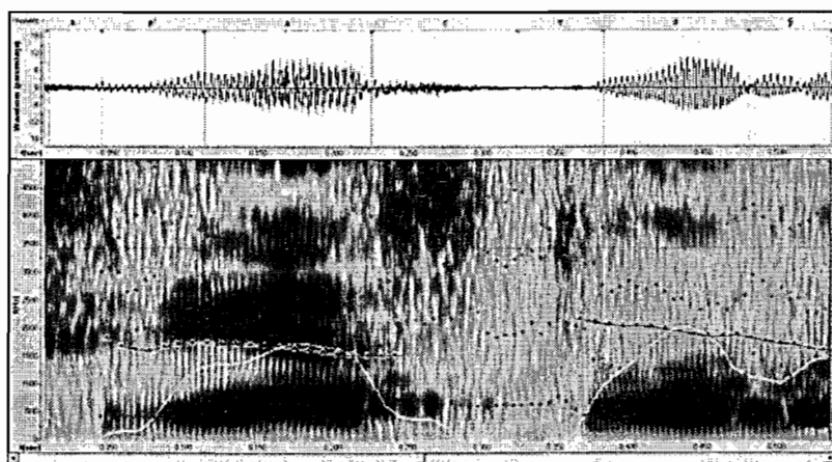

Рисунок 7.
Спектрограмма и осциллограмма слова [xp'astóy] – крестов
(с. Веретье)

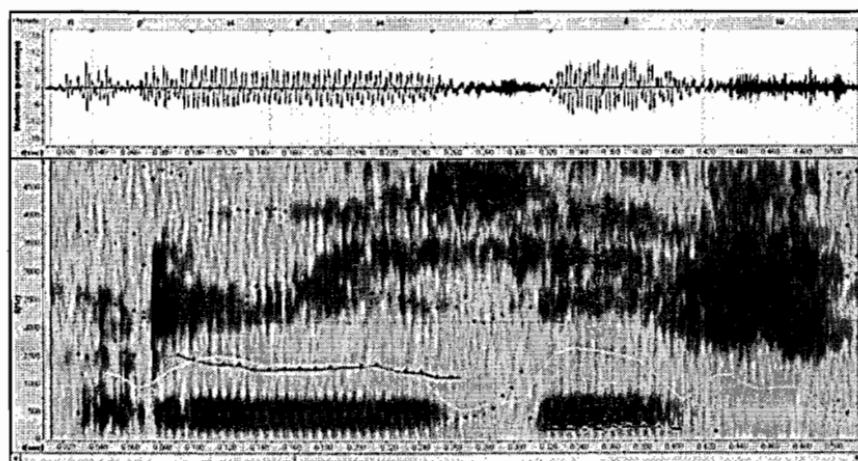

Рисунок 8.
Спектрограмма и осциллограмма слова [pr'iv'iz'eš] – привезёшь
(с. Солдатское)

Литература

- Волкова 2009 – *Волкова Н.А.* Об изменении диалектного ландшафта южно-русского наречия (динамика безударного вокализма в курских говорах) // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: Тезисы докладов Международной конференции 19–21 октября 2009 г. М., 2009. С. 48–50.
- Дьяченко 2011 – *Дьяченко С.В.* К вопросу о соотношении между предударными гласными после твёрдых и мягких согласных в южнорусских говорах (на примере говора с архаическим типом вокализма) // РЯНО. № 1, 2011 (в печати).
- Захарова 1959 – *Захарова К.Ф.* Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1, М., 1959. С. 6–55.
- Калнынь 1997 – *Калнынь Л.Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // ВЯ, 1997. №3. С. 115–124.
- Касаткин 1999 – *Касаткин Л.П.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин 2009 – *Касаткин Л.П.* К истории аканья-яканья // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. Тезисы докладов Международной конференции 19–21 октября 2009 г. М., 2009. С. 96–99.
- Савинов 2011 – *Д.М. Савинов.* Архаический диссимилятивный вокализм в развитии // Активные процессы в русской фонетике: фонетические отцы и дети / Под ред. Р.Ф. Касаткиной (в печати).

Summary

Towards the influence of standart language on dialects with archaic type of vocalism

In article the opinion that in dialects with archaic type vocalism there is a phonetic dependence between quality pretonic vowels and quality stress vowels both after firm, and after soft consonants is denied.

Позиция притяжательного местоимения и языковые регистры древнерусских текстов

0. Общие положения

В древнерусской языковой ситуации есть некоторые черты, напоминающие сосуществование литературной и диалектной форм языка. В роли литературного языка выступает церковнославянский язык, в роли диалекта – устная форма некнижного восточнославянского языка. Второй объект (живая восточнославянская речь) нам не дан непосредственно, но некоторые тексты в той или иной степени его отражают.

В настоящей работе анализируется один синтаксический параметр: положение притяжательного местоимения относительно существительного (*брат мои / мои брат*). Вначале показывается, что этот параметр можно использовать как различительный для двух вариантов древнерусского языка (относительно последовательная препозиция местоимения характеризуют некнижный язык, а постпозиция – книжный). Далее рассматривается употребление этих синтаксических вариантов в Галицко-Волынской летописи. Граница в употреблении «книжных» и «некнижных» вариантов именной группы проходит между галицкой и волынской частью летописи.

Галицко-Волынская летопись, описывающая события XIII в., является одной из трех (наряду с Повестью временных лет и Киевским сводом) крупных частей Ипатьевского списка летописи (и двух других родственных списков – Хлебниковского и Погодинского). Граница между киевской и галицко-волынскими частями свода выделяется надежно, разительно меняется содержание и стилистика текста. Сложнее с членением Галицко-Волынской летописи. На основании содержательного анализа историки высказали несколько разных гипотез о том, на какие фрагменты можно разделить Галицко-Волынскую летопись. Можно считать устоявшимся членение летописи на «галицкую» и «волынскую» часть по границе между записями, датированными 1260 и 1261 годами¹. В частности, эту границу подтвердил лингвистический анализ, проведенный Д. Вортом. Начиная с записи, датированной 1261 годом, резко увеличивается количество восточнославянских языковых черт (прежде всего восточнославянские причастия *река, рекуче*; союзы *оже* и *акы*) и некоторых специфических конструкций, отличающих волынскую

¹ Датировка в летописном тексте внесена редактором и неточна с исторической точки зрения, ср. сравнительно недавнюю работу с подробным обзором проблем – [Толочко 2005], однако для работы с крупными фрагментами текста она кажется наиболее наглядной.

часть от галицкой (*начати* с глаголом несовершенного вида и некоторые фразеологизмы)².

1. Данные древнерусской письменности

При вычислении доли препозиции притяжательного местоимения в текстах разного типа предпочтительно иметь максимально однородный материал. В противном случае сравнение может быть затемнено действием дополнительных факторов. В своих подсчетах мы основываемся на «простых» именных группах (т. е. на тех, в которых кроме существительного и притяжательного местоимения может еще быть только предлог), потому что наличие еще одного атрибута или аппозитива (например, *безбожнъимъ твоимъ богриномъ Филипомъ*) в какой-то степени влияет на положение местоимения, см. Минлос 2010). Кроме того, в некоторых текстах на положение атрибута влияет также предлог, поэтому еще более однородный материал был бы получен, если материал был бы ограничен только беспредложными группами.

В церковнославянских текстах препозиция притяжательного местоимения составляла менее одной пятой примеров. Наиболее «постпозитивными» являются евангельские тексты, в других церковнославянских памятниках была возможна значительно большая доля отклонений. Статистика по старославянским текстам приводится в (Вечерка 1989: 78). Переводы Нового Завета и Псалмов содержат ничтожное количество препозитивных согласуемых посессивов: 0,2% в Синайской Псалтыри, около 4% в Евангелиях и в Енинском Апостоле. В других текстах доля препозитивных притяжательных атрибутов заметно выше: требник (Синайский Евхологий) и гомилии (Glagolita Clozianus) демонстрируют около 20% препозитивных посессивов, жития (Супрасльская рукопись, жития Кирилла и Мефодия) – 32–38%.

Следует подчеркнуть, что Р. Вечерка считал все именные группы с притяжательными местоимениями, а мы считаем только простые группы. Процент препозиции, полученный при анализе простых групп, должен быть ниже, чем полученный при фронтальном анализе. В качестве примера рассмотрим первые 1000 строк Жития Андрея Юродивого – восточнославянский перевод XI–XII в. по изданию (Мoldovan 2000): притяжательное местоимение находится в препозиции в 15% (15 из 100) простых именных групп и в

² Правда, потом употребление специфических фразеологизмов волынской части, а также в какой-то степени и конструкции с *начати*, уменьшается (после страницы 214 по изданию ПСРЛ 1843, что примерно соответствует границе 1285/1286, предложенной в работе – Генсьорський 1957).

22% (25 из 116) от общего числа именных групп. Это различие связано с тем, что среди сложных именных групп много примеров с препозитивным посессивом, стоящим после прилагательного (например, *честьнаæ своæ оуста* 713), см. подробнее ниже.

Относительно последовательная постпозиция притяжательных местоимений в евангельских переводах была создана лингвистической установкой переводчиков, а не греческим оригиналом. Достаточно характерна ситуация, в которой постпозиция славянского перевода соответствует греческой препозиции, см. (Večerka 1989: 79; Horálek 1954:227; Widnäs 1952: 97–98). В древнерусском евангелии-апрокос (Архангельское Евангелие 1092 года) евангельские чтения (с очень небольшим процентом препозиций) часто вводятся словами рече *гъ своимъ ученикомъ* (например, 14v, 15г, 17г, 18г, 18v, 19v) с препозицией. Получается, что установка на использование постпозиции могла не распространяться даже на сопроводительный текст (который, впрочем, формально тоже можно считать евангельской цитатой).

В восточнославянских агиографических текстах XI–XII вв. показатель препозиции для простых групп составляет примерно 10–20%: 14% (35 из 244) в Житии Феодосия Печерского (оригинальный древнерусский текст XII в., по Успенскому сборнику, издание [Князевская, Демьянов, Ляпон 1971])³, 15% (15 из 100) в вышеупомянутой выборке – первые 1000 строк – из Жития Андрея Юрьевича (древнерусский перевод XI–XII вв.)⁴, 19% (17 из 89) в выборке из Синайского патерика (древнерусский перевод XI–XII вв., (Голышенко, Дубровина 1967), для анализа использованы листы 3г–30v. Необычно низкий процент препозиции продемонстрировал проанализированный отрывок (8б–14г) из Жития Бориса и Глеба (оригинальный древнерусский текст XII в., по Успенскому сборнику, издание (Князевская, Демьянов, Ляпон 1971): 8%.

Доля препозиции в древнейшей гимнографии иногда выше, чем в житиях. Так, в материале восточнославянского минейного сборника XI–XII вв., известного как «Ильина книга» (издана в [Крысько 2005]), именные группы с препозитивными притяжательными местоимениями составляют 32% (112

³ А.А. Шахматов установил сильное влияние текста жития Саввы Освященного на житие Феодосия Печерского, однако приводимые примеры прямых заимствований ничтожны для количественных оценок.

⁴ Для характеристики языка этого перевода можно отметить, в частности, сверхсложное прошедшее быть *вшель*, см. также (Молдован 1996): в этой статье рассматривается, в частности, употребление глагольных форм (индикатив vs. сослагательное наклонение) после *да*, которое оказывается различительным для книжного и некнижного языка.

из 350). Конечно, этот сборник неоднороден – в некоторых текстах препозиция вообще не отмечена или почти не отмечена, в некоторых других ее очень много. В «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона, оригинальном русском тексте XI в., по списку XV в.,циальному в (Молдован 1984), доля препозиции, напротив, ниже (11%, т. е. 11 примеров из 101 простой группы).

Для более детального изучения линейного порядка в церковных текстах необходимо вынести из общих подсчетов именные группы, в которых процент препозиции заведомо очень низок – 1) некоторые частотные группы, которые всегда выступают с постпозицией атрибута (например, *бѣгъ нашъ*), 2) именные группы в евангельских цитатах. Однако это не входит в задачу настоящей статьи.

Максимальный контраст с евангельскими текстами составляют светские юридические тексты, в которых согласуемые притяжательные местоимения обычно находятся в препозиции. Например, в пространной Русской правде (по Троицкому списку XIV в.) препозиция в простых группах составляет 80% (21 пример из 26), в смоленских торговых договорах (смоленская Торговая правда) – 78% (29 примеров из 37).

В Псковской летописи по Строевскому списку и в Новгородской первой летописи по Синодальному списку примеры с препозицией в простых группах составляют примерно 50%. В других летописных текстах (например, в Киевской летописи, в Повести временных лет) доля препозиции меньше. Жанр летописей невозможно однозначно считать светским или церковным: излагая преимущественно события светской истории, летописец (обычно духовное лицо) в той или иной степени встраивал эти события в церковную историческую концепцию. На лингвистическом уровне этому соответствует так называемый «гибридный» язык летописи, который невозможно однозначно отнести ни к светскому («древнерусскому»), ни к церковно-книжному языку. В рамках своего жесткого бинарного членения на «церковнославянский» и «русский» язык Б.А. Успенский относит летописный язык к церковнославянскому, отмечая его «русифицированность» (Успенский 2002: 100-101); при этом он отмечает наличие церковнославянских синтаксических черт, но не упоминает некнижные черты (прежде всего повтор предлогов). В переводных текстах сходного жанра близкие значения: в выборке из «Иудейской войны» (древнерусский перевод XI в., для подсчетов использованы лл. 381а – 389а по изданию (Пичхадзе и др. 2004)) препозиция в 30 примерах из 54, что составляет 56%; в выборке из Хроники Григория Амартола (древнерусский перевод XI в., использованы лл. 1–306 Троицкого спи-

ска по изданию (Матвеенко, Щёголева 2006)) препозиция в 25 примерах из 55, что составляет 45%.

Для более точной оценки того, как связано положение местоимения с регистром, важны данные берестяных грамот. Там примеры с препозицией, как и в Новгородской первой летописи, составляют примерно половину всех примеров простых именных групп. Объяснить это большей степенью книжности невозможно. Следовательно, устойчивая препозиция притяжательных местоимений в юридических текстах отражает не только некнижный, но и специальный юридический язык с более строгим синтаксисом. Берестяные грамоты демонстрируют не только большее количество постпозиции, но и более свободный порядок в других сочетаниях, коммуникативные разрывы и т. п.⁵

Любопытное место в этой картине занимает церковнославянский юридический памятник – Пандекты Никона Черногорца (древнерусский перевод XII в., [Максимович 1998]). В изученном фрагменте (до 152 страницы издания), если изъять опознанные нами цитаты из Библии, доля препозиции в простых группах составляет 64% (43 AN, 24 NA). В этом контексте, возможно, следует считать совершенно точным высказывание С.П. Обнорского про Русскую правду: «обращает на себя внимание устойчивое препозитивное употребление местоимения *свои* (...). Эта устойчивость препозиции местоимения *свои* связывается с деловым [выделение наше. – Ф.М.] жанром памятника» (Обнорский 1946: 26). В данных, которые приводит Р. Вечерка, следует отметить довольно большой процент препозиции в Номаканоне, древнем юридическом памятнике.

Итак, доля примеров с препозицией притяжательного местоимения в древнерусских текстах коррелирует с типом текста. Эта корреляция не укладывается в бинарную схему церковнославянско-русской диглоссии. В юридических текстах притяжательное местоимение чаще стоит в препозиции, в церковно-книжных – в постпозиции; менее формальный синтаксис частных писем тоже благоприятствовал постпозиции (хотя и в не в такой степени, как образцовый церковно-книжный).

Сравнение древнерусского и старорусского языка, произведенное в (Санников 1968: 68–69) и повторенное в (Санников 1978: 180), показало рост доли препозитивных определений. Согласно этим данным, в древнерусских текстах притяжательные местоимения находятся в препозиции в 22%, в старорусских – в 34%. Подобные подсчеты, в которых недифференцированно используются данные памятников разных жанров, имеют достаточно невы-

⁵ Отдельной любопытной темой, которую мы не рассматриваем, является интерпретация совсем небольшой доли препозиции (около ¼) в «Слове о полку Игореве».

сокую ценность: зафиксированная процентная разница может отражать не реальные исторические изменения, а различие в жанровом составе исследованных памятников (очень вероятно, что в проанализированном древнерусском материале выше доля церковных памятников).

2. Данные Галицко-Волынской летописи

В первой части Галицко-Волынской летописи (до 1260 г. включительно) препозиция притяжательных местоимений встречается очень ограниченно. В простых именных группах отмечено всего 20 примеров препозиции на 272 примера постпозиции, т. е. чуть больше 7%. Это даже более «строгий» церковнославянский, чем жития. Видимо, в какой-то степени галицкий летописец конструировал собственный стиль, отличный от существовавших в славянской словесности. При этом он мог сознательно отталкиваться от того, что воспринималось как некнижное⁶.

Во второй («волынской») части препозиция отмечается примерно в 40% простых именных групп (140 AN, 200 NA), то есть соотношение близкое к тому, которое наблюдается в новгородской и псковской летописи (50%).

Рассмотрим подробнее немногочисленные примеры препозиции притяжательного местоимения в галицкой части летописи и некоторые факторы, которыми можно объяснить эту препозицию.

Как отмечено выше, в сложных именных группах положение атрибута определялось особыми закономерностями. Так, в именной группе с препозитивным прилагательным притяжательное местоимение часто ставится после него. В галицкой летописи есть два таких примера: *безбожнъимъ твоимъ болариномъ Филипомъ* (1230, л. 258 об.; отметим, что это пример из прямой речи); *оубогавоса злаго своего створения* (1234, л. 261). Препозиция в этом контексте обычна для церковнославянских памятников. Так, в житии Феодосия Печерского в таких группах есть 6 примеров «тривиальной» постпозиции (например, *прѣстыя мѣре твоѧ* 55в) и 10 примеров препозиции местоимения (например *дховныимъ твоимъ брашнънъмъ* 27в, *въ стою свою пещероу* 37г, *оубогаго моєго тѣла* 63в).

Другим контекстом, определяющим препозицию притяжательного местоимения, является дистрибутивная именная группа, ср. *когожде ихъ со своимъ вои* (1211, л. 248об), *каждо со своими киазмы* (2х, 1224, л. 252).

⁶ Точно так же Нестор, по предположению А.А. Зализняка, сознательно отталкивался от некнижного языка, избегая препозитивного использования глагольной клитики *съ* (коэффициент препозиции *съ* 3-5% в Житии Феодосия Печеского отличается от 6% в Марининском Евангелии и 16% в Супрасльском кодексе, см. (Зализняк 2008: 214).

«Плавающий квантификатор» *къждо* соглашается по роду с «основанием» дистрибутивной конструкции (англ. distributive key), обычно субъектом и примыкает к «долевой» именной группе (англ. distributive share)⁷. Существуют определенные синтаксические ограничения на вид «долевой» ИГ, см. (Testelets 2001). В частности, долевая именная группа может содержать предлог с возвратным притяжательным местоимением. В этом случае препозиция притяжательного местоимения была нормой для тех древнерусских текстов, в которых эта конструкция встречалась, а это как раз тексты, в которых предлог сам по себе не индуцировал препозицию притяжательного местоимения.

Киевская летопись: *такоже и сынове его разидошася кождо въ свою волость* (1126), *и повелѣ имъ Всеволодъ чинити гати комуждо своему полку* (1144), *и тако по ъхаша кождо въ свои товары* (1150, 140об), *поткоша вси к нї*⁸ *кождо въ свои бродь* (1152, л. 162), *и тако оугадаша кождо въ свои домъ . по ъхати* (1152, л. 165), *иныѣ воеводы Иставиша . и кнази когождо оу своихъ людии* (1182, 219 об.), *и поиде . когождо во своихъ вежа* (1185, л. 224 об.);

Новгородская первая летопись: *кождо съ своими бояры и дворяны* 1218 (есть пример и с постпозицией, однако в нем универсальный квантификатор стоит неконтактно к именной группе: *придоша кождо десятыи въ дома своя* 1237);

Элементы этой конструкции тесно связаны друг с другом: притяжательное местоимение в этом контексте обязательно (т. е. **кождо въ домъ* вместо *кождо въ свои домъ* было бы неграмматично). Вероятно, именно по этой причине порядок слов в конструкции особенно стабилен. Более того, сама препозиция местоимения, возможно, определяется существованием конструкции: естественно ставятся рядом слова, тесно связанные синтаксически и семантически (даже если формально они не составляют, возможно, одну синтаксическую единицу).

Как кажется, в греческом синтаксисе нет ничего, что могло бы послужить моделью этой конструкции. В житии Андрея Юрьевского эта конструкция используется (*каждо въ свои домъ* строка 415, *каждо на своею листѣ* 810, *каждо по своему гла*⁹ 811), однако в оригинале одного фрагмента *автοῦ* стоит, как обычно, в постпозиции (*έκαστος εἰς τὴν οἰκίαν αὐτοῦ* строка 415), а оригиналы двух других фрагментов не содержат квантора *έκατερος* ‘каждый’ – см. строки 810-812).

⁷ Русскоязычная терминология для дистрибутивных конструкций не устоялась, см. (Рубинштейн 2002).

В житии Феодосия Печерского (Успенский сборник) только один пример представляет интересующий нас контекст, в котором квантификатор непосредственно предшествует именной группе с местоимением: *дѣлающема има къждо свое дѣло* 44г. Два других примера демонстрируют свободное расположение в предложении плавающего квантификатора и долевой именной группы: они либо разорваны другим элементом (*къждо въ ноци свою часть измелашеть* 36а), либо стоят в другом порядке (*въ своей келии къждо вась да молить бoga* 43г.). В настоящих церковно-книжных памятниках порядок слов в дистрибутивной конструкции свободный, ср. в Архангельском Евангелии 1092 г.: *къждо братоу своюю* 40 об., *къждо написатися въ свои градъ* 143; в Козьме Индикоплаве: *кожъ о дръжаса старѣниства свое* 51 об., *кожъ о ѿмѣста своего* 69, *каждо брата своего и каждого своего* 71 (Голышенко, Дубровина 1997).

Среди примеров препозиции местоимения в галицкой летописи выделяется передача прямой речи: в прямой речи доля препозиций составляет 19% (13 AN, 64 NA), а в авторском тесте 3% (7 AN, 208 NA). В литературе указывалось, что прямая речь светских персонажей по некоторым параметрам дальше от церковно-книжного языка, чем основной текст летописи. Это различие изучалось, в частности, на материале употребления полногласных и неполногласных корней (Кандаурова 1968), со ссылкой на Т.Н. Кандаурову также (Hüttl-Folter 1983), и на материале правил расстановки клитик (Зализняк 2008). Были высказаны разные точки зрения относительно того, в какой степени это различие связано с точностью цитирования в прямой речи. Д.С. Лихачев считал, что прямой связи нет: «В летописи прямая речь постоянно соответствует традициям устной речи, а не письменной – вне зависимости от того, передает ли она действительно произнесенные речи или только те, которые, по предположению летописца, должны были быть произнесены» (Лихачев 1952: 96). Т.Н. Кандаурова, напротив, приводила аргументы в пользу того, что некнижный характер прямой речи связан преимущественно с ее точными фиксацией и воспроизведением. Во-первых, при передачи речи иноязычных персонажей (греков, хазар и половцев), для которой было невозможно точнее цитирование, преимущественно используется неполногласная лексика (Кандаурова 1968: 91–92). Во-вторых, исследовательница обратила внимание на то, что прямая речь в сравнительно небольшой степени подвергается варьированию между списками (в ее исследовании – между Ипатьевской и Лаврентьевской летописью) – следовательно, у составителей и переписчиков была установка на точное воспроизведение этих фрагментов текста (заметим, что особый статус этих фрагментов кажется вполне естественным, если учитывать их заметную афористичность).

Вот примеры препозиции в прямой речи: *молви же емоу моя словеса* (1201, л. 245), *да лоуче есть на своей землѣ* костью лечи (1201, л. 245), [*Мъстиславоу бо рекию*]. *твоа бѣ рѣчъ Илью* (1225, л. 253 об.), но людье *твои есмы а ваша братъя* есмы (1229, л. 256 об.); *а свою чѣть оуничижши* (1229, л. 257); *ни да оуповаетъ . вашъ Даниль . на Гѣа* (1229, л. 258); *даи нашоу братью .* (1235, л. 262); *не лѣпо есть держати нашее штѣчины* (1235, л. 262 об.); [*молващимъ имъ лѣстю. гражсаномъ*]. *гдѣ соуть кнѧзи Рязаньстии вашъ гра*⁷ (1237, 263 об.); *пьеши ли черное молоко . наше питье* кобылии коумоузъ; *ты оуже нашъ же Томаринъ. тии наше питье* (1250, л. 271); *и бещестыя своего . нашими бо головами сдергжати. чѣть свою* (1251, л. 272 об.). Отметим, что среди этих примеров немало случаев передачи речи иноязычных действующих лиц – половецкого князя Сырчана (*моя словеса*), венгерских послов (*вашъ Даниль*), монгольских послов (*вашъ гра*) и Батыя (*ты оуже нашъ же Томаринъ. тии наше питье*). Таким образом, наш материал не подтверждает наблюдений Т.Н. Кандауровой о не книжном языке как особенности прямого цитирования русскоязычных персонажей летописи.

Контраст между прямой и авторской речью в отношении препозиции местоимений не является универсальным для летописных текстов. Так, в Новгородской первой летописи по Синодальному списку⁸ в авторском тексте 50% (59 из 120) простых групп содержат препозицию местоимения, в прямой речи этот показатель составляет 49% (20 из 41), т. е. почти в точности то же самое. Вероятно, это следует связывать с тем, что в НПЛ и так значительно выше доля препозиции местоимений, ее некуда повышать (напомним, что доля препозиции в НПЛ почти совпадает с долей препозиции в бестиях грамотах).

В галицкой части летописи отмечено всего 6 примеров, которые не сводятся к рассмотренным выше рубрикам, причем 4 из этих примеров локализуются на фрагменте л. 253–254 об.: *пороучивше по смерти свою волость; Данилови же избивающи ихъ своимъ полкомъ* (1224, л. 253); *Олександъръ все враждоу имѣшае ко своимъ братома Романовичема. Данилови и Василкови* (1225, л. 253), *иде во свою землю* (1226, л. 254 об.). Два других примера имеют некоторые особенности: пример *и приде во свою землю* (1201, л. 245) почти буквально повторяет словосочетание *на своей землѣ* из непосредственно предшествующей прямой речи; наконец, последний пример находится в относительно независимом фрагменте –

⁸ Исключая повесть о взятии Царьграда (лл. 64–72), рассказ про Довмонтта (лл. 141–142) и церковные пассажи.

описании Батыева побоища: *кюръ Михашович же оутече со своими людми до Соуждала* (1237, л. 263).

Вопрос о том, в какой степени однороден с точки зрения рассматриваемого параметра текст «волынской» части летописи, не вполне ясен. Окончание волынской части содержит меньшую долю препозиции; она также отличается по типу записей и по некоторым другим параметрам.

3. Заключение

Количественный анализ препозиции и постпозиции притяжательных местоимений дает формальное основание для классификации идиомов, текстов и даже фрагментов текста. Следует подчеркнуть отличие этого параметра от тех бинарных параметров, которые обычно используются, чтобы противопоставить церковнославянский и русский «языки». Процентное соотношение, которому посвящена настоящая работа, позволяет указать конкретное место текста в многообразии древнерусских языковых вариантов (которое не сводится не только к бинарному противопоставлению двух языков, но даже к их континууму).

Литература

- Генсьорський 1957 – Генсьорський А.И. Значення форм минулого часу в Галицько-Волиньскому літописису. Київ, 1957.
- Голышенко, Дубровина 1967 – Синайский патерик. Подг. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина. М., 1967.
- Голышенко, Дубровина 1997 – Книга нарицаема Козьма Индикоплав. Подг. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина. М., 1997.
- Зализняк 2008 – Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Кандаурова 1968 – Кандаурова Т.Н. Полногласная и неполногласная лексика в прямой речи летописцев // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968. Стр. 72–94.
- Князевская, Демьянов, Ляпон 1971 – Успенский сборник XII–XIII вв. Подг. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М., «Наука», 1971.
- Крысько 2005 – Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. Подг. В.Б. Крысько. М., «Индрико», 2005.
- Лихачев 1952 – Лихачев Д.С., Возникновение русской литературы. М., 1952.
- Максимович 1998 – Максимович К.А. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М., «Языки русской культуры», 1998.

- Матвеенко, Щёголева 2006 – *Матвеенко В., Щёголева Л.* Книги временные и образные Георгия Монаха. В 2-х томах. М., «Наука», 2006.
- Минлос 2010 – *Минлос Ф.Р.* Что притягивает притяжательные местоимения? или Линейная позиция атрибутов // Вопросы русского языкоизнания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. М., 2010. Стр. 279–290.
- Молдован 1984 – *Молдован А.М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, «Наукова думка», 1984.
- Молдован 1996 – *Молдован А.М.* Из синтаксиса древнерусского перевода Жития Андрея Юродивого // Рустика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., «Индрик», 1996. Стр. 56–275.
- Молдован 2000 – *Молдован А.М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., «Азбуковник», 2000.
- Обнорский 1946 – *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.–Л., Изд. АН СССР, 1946.
- Пичхадзе и др. 2004 – «История Иудейской войны» Иосифа Flavia. Древнерусский перевод. Подг. А.А. Пичхадзе., И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. Т. I–II. М., 2004.
- Рубинштейн 2002 – *Рубинштейн М.Л.* Именные группы в русских дистрибутивных конструкциях с предлогом «по» // Труды Международного семинара Диалог'2002 по компьютерной лингвистике и ее приложениям, т. 1 [доступно по адресу <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7371&y=2002&vol=6077>].
- Санников 1968 – *Санников В.З.* Согласованное определение // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., «Наука», 1968.
- Санников 1978 – *Санников В.З.* Согласованное определение // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. Под ред. В.И. Борковского. М., «Наука», 1978.
- Толочко 2005 – *Толочко А.П.* Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи // *Paleoslavica*. XIII/2005, no. 1. Cambridge – Massachussetts, 2005.
- Успенский 2002 – *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Изд. 3-е. М., Аспект-пресс, 2002.
- Horálek 1954 – *Horálek K.* Evangeliáře a čtveroevangelia. Příspěvky k textové kritice a k dějinám stroslověnského překladu evangelia. Praha, 1954.
- Hüttl-Folter 1983 – *Hüttl-Folter G.* Die trat/ torot-Lexeme in den altrussischen Chroniken. Wien, 1983

- Testelets 2001 – Distributive Quantifier Float in Russian and Some Related Constructions // Current issues in formal Slavic Linguistics ed. Zybatow G. et al., Frankfurt am Main etc., Peter Lang, 2001. P. 268–279.
- Widnäs 1952 – *Widnäs M. La position l'adjectif épithète en vieux russe*. Helsingfors, 1952
- Večerka 1989 – *Večerka R. Altkirchenslavische (altribulgarische) syntax. I. Die lineare Satzorganisation*. Freiburg, 1989.

Summary

Possessive pronoun placing and language varieties of Old Russian

The aim of the paper is to analyze the frequency of prenominal (vs. postnominal) placement of possessive pronouns in Old Russian as a parameter signalizing a language variety. The postnominal placement is a marker of bookish usage (first of all, of ecclesiastical texts); the consistent prenominal placement is characteristic of legal documents. A “normal” usage seems to be somewhere in between.

The paper focuses on Galich & Volyn’ chronicle. While the second part (Volyn’ chronicle) resembles some other chronicles in having about half of possessives preposed, the first part (Galich chronicle) only scarcely contains prenominal possessives.

Формирование вепсского литературного языка в условиях русско-вепсского двуязычия

Любой язык, не имеющий официального статуса, испытывает проблемы, которые не являются специфическими только для него. Обычно ситуация для языков с небольшим числом носителей имеет сходный характер. Ряд проблем носит объективный историко-экономический характер и вряд ли возможно в обозримом будущем прогнозировать изменение в лучшую сторону лингво-социальной ситуации для вепсского языка, как, впрочем, и для большинства миноритарных языков. Так, например, в словаре-справочнике малочисленных народов России представлено 66 языков, находящихся под угрозой исчезновения (Красная Книга 2002). Вепсский язык еще только вступает в экологически опасную зону, нахождение в которой грозит полной этноязыковой ассимиляцией. Анализируя современную этно-социальную ситуацию в отношении вепсов можно выделить следующие характерные особенности.

1. Малое число носителей языка, проживающих разбросанно в разных субъектах Российской Федерации среди русского населения (Ленинградская, Вологодская области, Республика Карелия).

2. Отсутствует простое воспроизведение населения ввиду низкой рождаемости и высокой миграции.

3. Отсутствует кодифицированная форма языка, которая являлась бы общепризнанным койне для носителей всех диалектов.

4. Нарастает языковая и этническая ассимиляция. Круг носителей вепсского языка постоянно сужается.

А.Е. Кибrik предложил шкалу, по которой оценивается жизнеспособность миноритарных языков (Кибrik 1992: 67–69).

Здоровые языки	Больные языки	Мертвые языки
	Исчезающие языки	

Согласно классификации А.Е. Кибрика, оценивающего степень утраты жизнеспособности языков малочисленных народов, выделяется 5 групп.

1. В первую группу входят языки, на которых говорят несколько человек (керекский, югский, алеутский)¹. Языки этой группы уже стоят на пороге

¹ Состояние языков дано на момент написания статьи А.Е. Кибрика, сейчас ситуация изменилась: последний носитель керекского языка умер в 2005 г., югский, по всей видимости,

небытия.

2. Во вторую группу «смертельно больных» входят языки, нуждающиеся в срочных мерах по их ревитализации (орокский, энецкий, негидальский, ительменский, удэгейский)².

3. Третья группа «серьезно больных языков» охватывает эскимосский, юкагирский, алюторский, нивхский языки.

4. Для четвертой группы «хронически больных языков» характерно сохранение тенденции к сопротивлению и культтивированию родного языка (орочский, ульчский, игнасанский, селькупский).

5. К пятой группе относятся бесписьменные «исчезающие» языки, обслуживающие малочисленные этносы на уровне разговорно-бытового общения в семье, среди односельчан (водский, ижорский) (Кибрик 1992: 71–79).

Пятиступенчатую градацию степени утраты жизнеспособности языков малочисленных народов предлагает также Ст. Вурм. Согласно этой градации, самой благополучной является первая группа (язык живет, но дети меньше говорят на родном языке, предпочитая другой язык), менее благополучной – вторая (дети говорят на родном языке значительно меньше, средний возраст носителей приближается к 50-ти годам), третья группа – неблагополучная (дети уже не говорят на языке родителей, а возраст носителей языка превышает 50 лет), четвертая группа – язык находится на грани исчезновения (на языке говорят только пожилые люди), пятая группа – носители языка отсутствуют (Wurm 2001).

По разным оценкам, в зависимости от региона, для носителей вепсского языка характерны следующие ситуации: а) носители языка от пятидесяти лет и старше владеют языком удовлетворительно; б) носители от двадцати до сорока лет владеют языком преимущественно пассивно (понимают, но практически не говорят); в) дети обычно не владеют языком вообще.

Вепсский язык всегда существовал как диалектная речь сельского населения. Вряд ли усилия педагогов и литераторов смогут помочь повысить его статус и превратить за короткое время в полноценное средство общения и носителя информации, сравнимое с русским языком. Понятно, что лингвисты-вепсологи, занимающиеся весьма трудной работой создания письменного

перешел в разряд мертвых еще в 90-х годах. (Комментарий Ф. Минлоса)

² Понятие «ревитализации» не используется в статье А.Е. Киброка, который преимущественно пишет о возможностях документации и о том, что можно затормозить переход некоторых языков ближе к мертвым. Даже про игнасанский язык (из четвертой группы) сказано лишь, что «чрезвычайные меры по документации языка будут эффективны в течение ближайших 10–15 лет». (Ф.М.)

вепсского языка, уже давно выработали базовые понятия и фундамент, на котором эта форма языка разрабатывается. Однако в отношении любого языка, как общественного явления, ситуация меняется постоянно. Это касается и вепсского языка, который в настоящее время вошел в кризисное состояние катастрофического сокращения числа носителей. И, как нам кажется, дальнейшая его судьба определяется именно в настоящее время. Поэтому в данной работе и предпринимается попытка еще раз обозреть узловые моменты, которые уже получили разрешение в конкретном языковом строительстве, и анализ их не претендует на совершенную новизну.

1. Проблема диалектной основы письменного языка.

Любой язык существует как совокупность диалектов и выработка общезыкowego койне, даже при наличии письменной традиции в донациональную эпоху, происходит обычно поступательно, хотя имеются случаи и быстрых реформ (обычно уже в новое время). Только в моноязыковом обществе близкородственные диалекты безболезненно воспринимают общезыковое койне, выработанное стихийно в ходе эволюционного процесса или предложенного реформатором. Если в каком-либо этноязыковом социуме с ограниченным числом носителей и с развитым билингвизмом отсутствует выработанный предшествующими поколениями стандартный (письменный, литературный) язык, то при наличии какого-либо другого койне для таких носителей оно непременно будет непреодолимым (в большинстве случаев) тормозом на пути развития или создания нового общенационального языка.

Так, например, присутствие в Карелии финского языка, с одной стороны, и русского с другой, является причиной того, что для серьезной научной общественности вопрос создания общекарельского языка даже не ставится на повестку дня. Хотя в мировой истории имеется множество примеров, когда эволюционно в сходной ситуации такой общий язык вырабатывался.

Однако в правительственные кругах идеи разработки общего литературного языка имеют место. Так, например, Т. Рудова (Министерство образования Республики Карелия) в интервью журналу «CARELIA» (№ 4, 2005 г.) говорит следующее: «Я сама – карелка, но многие причины пробуждают во мне пессимизм в отношении карельского языка. В мире сейчас господствует такая тенденция, что языки малочисленных народов исчезают. В течение целых десяти лет подъема этнического сознания карельский язык не удалось сделать вторым официальным языком наряду с русским. Среди карелов не было единого мнения о том, каким они хотят видеть единый карельский язык. Вместо этого начали развивать два диалекта карельского языка, ливви-ковский и собственно-карельский. Разделение языка и существующая борьба

диалектов могут просто привести вообще к исчезновению карельского языка, в то время как у единого языка больше возможностей выжить».

С аналогичными идеями выступают официальные лица Мордовии. Председатель Государственного комитета Республики Мордовия по национальной политике А. Лузгин полагает, что единый мордовский «язык нужен для того, чтобы консолидировать мордовский этнос. С учетом того, что по территории Российской Федерации мордва расселена очень дисперсно, и ее численность, судя по переписи 2002 года, сокращается, нам важно, чтобы именно посредством языка шел процесс объединения мордовского народа. Ведь язык – один из самых ярких символов этноса. Задача состоит в том, чтобы за счет формирования единого языка укрепить мордовскую общность» («Комсомольская правда в Саранске» от 29.01–05.02.2009 г.).

Сторонники выработки единого литературного языка совершенно не учитывают тот факт, что в настоящее время большинство носителей языков России являются билингвами, которые родной язык используют наряду с русским. При этом в сферах образования, общественно-политической жизни, техники и т. п. русский язык явно занимает доминирующее положение. Выработка же нового варианта общеязыкового кодекса, будь то общемордовский или общекарельский, на наш взгляд, возможна только в условиях моноязычия. Сами носители, например, мокшанского или эрзянского варианта мордовского языка говорят о взаимном непонимании и переходят на русский язык при мокшанско-эрзянской языковой коммуникации. Что же касается собственно-карельского, ливвикового и людиковского диалектов, то в отношении их взаимопонимание вообще отсутствует. А сторонники общекарельского языка явно игнорируют исторический базис этих диалектов, показанный еще Д.В. Бубрихом, который писал следующее: «Непонимание сложности происхождения карельского народа было вполне естественно до тех пор, пока мало знали о древнем племени Vepsä (Весь)... С этого момента уже можно было ставить вопрос, не вошли ли некоторые части древней Веси в состав карельского народа. Но такой вопрос ставился только разве применительно к карелам-людикам, протянувшимся узкой полосой вблизи западного берега Онежского озера. Их речь совсем мало отличается от речи вепсов и резко отличается от речи собственно-карел. Что касается карел-ливвиков, обитающих у берега Ладожского озера и дальше вглубь Олонецкого перешейка до стыка с карелами-людиками, то применительно к ним названный вопрос вообще не ставился. А между тем их речь обнаруживает (и в фонетике и, особенно, в морфологии и синтаксисе, не говоря уже о словаре) больше общностей с речью вепсов, чем с речью собственно-карел. С языковой точки зрения связь не только карел-людиков, но и карел-

ливвиков с древней Весью совершенно очевидна» (Бубрих 1947: 2).

Для вепсского письменного языка в качестве основы были выбраны средний и северный диалекты вепсского языка, и не использовались материалы южного диалекта, за исключением некоторых парадигм глагольного спряжения.

Как справедливо писала Н.Г. Зайцева³ – создатель новой вепсской письменности: «Создание нового литературного языка – тяжелый процесс. Литературный язык рождается медленно, столетия. А нам, вепсам следует найти другой путь, который мог бы сократить это время, поскольку у нас нет столько много времени, чтобы ждать, когда родится литературный язык» (Zaiceva 1998: 99).

2. Вопрос кодификации и нормы, разработка письменного языка.

При выработке стандартного языка следует иметь ввиду, что единица любой языковой нормы складывается как регулярное воспроизведение и употребление в речи большинства, т. е. норму определяет узус. А затем уже норма влияет на узус. В случае с вепсским языком, когда под угрозой находится его существование, нам кажется более продуктивным фиксирование в образовательных программах грамматических, лексических и т. п. особенностей языка в рамках существующих трех диалектов. Вероятно, обучение вепсскому языку следует разграничивать от обучения вепсской разговорной кодифицированной речи. В идеале неплохо было бы добиваться того, чтобы человек, говорящий по-вепсски, не отвергал грамматическое своеобразие его родной речи на уровне говора, а напротив получал бы толчок к прогрессу в отношении знания своего родного языка-диалекта.

3. Билингвизм и диглоссия.

Проблемы двуязычия и билингвизма актуальны в целом для современного российского социума (см. Бурыкин 2006; Кузьмин 1998; Тудвасева 2006). Так уж сложилось исторически, что вепсы с самого начала славянской колонизации их этнической территории попали в зону влияния православной культурной традиции. Это – эпоха, когда конфессиональное самосознание было единственным средством идентификации себя во внешнем мире. В настоящее время все вепсы являются билингвами. Причем ситуация меняется в худшую сторону: если первоначально был билингвизм с доминированием родного (вепсского языка), то в настоящее время в большинстве случаев, преобладает билингвизм с преобладанием русского языка. Очень часто фиксируется у информантов вепсская речь с русскими интерференциями.

Следует отметить, что даже такое понятие как родной язык при тщательном анализе в отношении вепсов получает другую трактовку. Родной язык

³ Н.Г. Зайцева научный сотрудник ИЯЛИ КФ АН СССР, кандидат филологических наук.

осваивается в естественной языковой ситуации, в силу чего механизмы речепорождения и речевосприятия закладываются автоматически. Преимущество родного языка состоит в том, что он изучается первым. Быть изученным первым – настолько большое преимущество, что такой язык уже по самому определению обычно считается родным языком. Например, подчёркивая важность порядка изучения языка, У. Вайнрайх пишет: «Быть изученным первым – настолько большое преимущество, что язык, который усваивается первым, т. е. “родной язык”, уже по самому определению обычно считается доминирующим. На начальной стадии двуязычия родной язык действительно обладает высшей степенью владения, но позже, при определенных обстоятельствах, многие двуязычные приобретают во втором языке степень владения более высокую, чем в родном» (Вайнрайх 1979: 133).

По видам речевой деятельности, вслед за Е.М. Верещагиным, различают рецептивный, репродуктивный и продуктивный билингвизм. При рецептивном билингвизме человек способен только понимать иноязычную речь, в то время как при репродуктивном он может воспроизводить текст на неродном языке по образцу. Оба этих типа билингвизма традиционно относят к пассивному владению неродным языком. Продуктивный билингвизм предполагает умение творчески строить речь посредством вторичной языковой системы, и его можно рассматривать как активное владение языком (Верещагин, 1969).

Таким образом, при разработке различных учебников, учебных пособий следует учитывать такую языковую ситуацию, когда для большинства вепсов первым (родным) становится русский язык.

Особенность бытования вепсского языка Й. Фишман разъясняет в терминах билингвизма и диглоссии. Эти термины должны охарактеризовать некоторые особенности предпочтения того или иного языка в двух- и более языковых общностях, в которых билингвизм и диглоссия могут сосуществовать или бытовать раздельно друг от друга. Возможна ситуация, когда люди используют оба языка во всех сферах – это стабильный билингвизм; а также ситуация, когда люди используют тот или иной язык в различных сферах жизни, трактуемая как диглоссия (Fishman 1980).

Вне всякого сомнения, исторически вепсы находились в ситуации близкой к диглоссии, когда коммуникация на вепсском языке осуществлялась только в неофициальной сфере, преимущественно в устном общении, в семейном быту, а в качестве письменного языка использовался русский язык.

4. Проблема алфавита.

В начале 30-х годов произошло крупное событие в гуманитарной сфере: была создана вепсская письменность. И уже с 1932 года обучение вепсских

детей в начальных классах стало проводиться на родном языке, а для подготовки учителей в Лодейнопольском педтехникуме было открыто вепсское отделение. Именно в 30-е годы вышло 30 книг на вепсском языке, была по сути ликвидирована неграмотность среди вепсов. В это время отмечается и самая большая численность вепсов – около 35 тысяч. Так сложилось исторически, что в основе вепсской письменности был положен латинский алфавит. Вероятно для прибалтийско-финского языка это оправданный выбор. Однако он нам не кажется единственным. Так, например, саамский язык первоначально, в 30-е годы развивался на основе латинской графики, а воссозданная письменность в 80-е годы уже была на основе кириллицы. Большинство финно-угорских языков в России имеют письменность на основе кириллицы: обско-угорские (хантыйский, мансийский), мордовские (эрзянский, мокшанский), марийские (горный и луговой). Создаваемые вепсские тексты на основе латинской графики конечно же предназначены для чтения. Но встает вопрос, кто умеет читать на латинице? – Молодое поколение, которое изучает в школе иностранные языки. Пожилые люди, ходившие в русскую школу, научившиеся грамоте по-русски, умеют читать, но только тексты, напечатанные с использованием русской графики (среди вепсов 10% неграмотных, 30% имеют начальное образование, 32% – среднее и незаконченное среднее и только 1% – высшее и незаконченное высшее). Таким образом, тот, кто знает вепсский язык, обычно имеет трудности с чтением латинской графики, а тот кто знает латинский алфавит – не знает языка, т. е. создаваемые тексты, которые могли бы иметь в качестве читателей всех вепсов от мала до велика, не доходят до читателя.

Вот, например, что писала по поводу выбора алфавита Н.Г. Зайцева в 1988 г.: «На каком алфавите разработать вепсскую письменность теперь? С одной стороны вепсы с давних пор живут бок о бок с русскими, владеют русским языком, русским письмом. И если в Карелии у вепсов еще может быть какая-то привычка к латинскому алфавиту (они видят газеты, журналы на финском языке, вывески на учреждениях, наконец, паспорта заполнены на русском и финском языках), то у вепсов Вологодской и Ленинградской областей, которые живут в глубинке среди русского населения, этой привычки нет. С другой стороны, мы, вепсы, входим в семью родственных нам прибалтийско-финских народов. Финны и эстонцы имеют старые письменные традиции, основанные на латыни. Карелы, которые развернули в настоящее время широкую деятельность по воссозданию письменности, больше склоняются также к латинской основе. Кроме того, латинский алфавит больше соответствует звуковому строю вепсского языка. В решении вопроса об алфавите сейчас нельзя ошибиться, надо взвесить все за и против, и очень

важно выяснить, что думает сам вепсский народ по этому вопросу. Правильное решение всех назревших вопросов поможет нам, вепсам, обрести самих себя, поверить в себя, узнать больше о своей славной истории, с большей гордостью относиться к своему родному языку, который наряду с русским языком будет служить делу воспитания патриотизма, любви к своему краю, своей Родине» (Коммунист Прионежья. 1988. 4 августа).

В 1990 г. были подготовлены рукописные варианты вепсских букв. Были написаны два варианта: Р.Ф. Максимовой и Э.В. Коттиной на кириллице, Н.Г. Зайцевой и М.И. Муллонен – «Abekirj» – на латинице. Однако в условиях Карелии совершенно естественно выбор был сделан в пользу письменности на латинице. С 1993 г. начался регулярный выпуск приложения на вепсском и русском языках «Kodima» к газете «Прионежье». В 1994 г. «Kodima» получила статус самостоятельной газеты. По признанию Н.Г. Зайцевой, редактора газеты, создание «Kodima» имело большое значение не только для возрождения языка и культуры вепсов, но и для их объединения. Читателями газеты стали вепсы, проживающие в Карелии, Вологодской и Ленинградской областях. В газете появились регулярные рубрики: «Из истории вепсского народа», «Вести с земли вепсов», «Из жизни вепсского народа», «Как раньше жили вепсы», «Известные люди вепсской земли», «Заботы сегодняшнего дня», «Новые имена», «Письма в газету». Газета рассказывает читателям о народных обрядах, мифологических представлениях вепсов, их фольклоре и т. д. К настоящему времени вышло 204 номера (главный редактор Марина Гиниятуллина).

5. Школьное образование.

Еще в 2001 году была опубликована «Концепция модели этнической (национальной) школы для коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации» (Концепция 2001). Родной язык необходим не только как средство общения и познания окружающей действительности, но и как средство фиксации, сохранения национальных культурных традиций и приобщения к ним последующих поколений. Язык выступает здесь не только как универсальное средство общения и социальной адаптации индивида, но и как мощный ретранслятор культурного наследия, связывающий социальный и культурный опыт многих поколений. Сокращение традиционных сфер хозяйственной деятельности привели к резкому сужению функций родного языка, а иногда фактически и к его отмиранию. И тогда изучение родного языка (особенно если он не поддерживается языковым коллективом, семьей) становится для ребенка сродни изучению иностранного языка, что требует соответствующей мотивации, методики преподавания и технического обеспечения. К сожалению, последним двум составляющим образова-

тельного процесса уделяется мало внимания: в лингводидактике недооценивается изменившийся статус родных языков малочисленных народов, не используются новейшие методики обучения иностранным языкам и часто не придается значения качеству учебников родного языка и учебных пособий. Если ранее учебники в условиях углубленного знания родного языка служили по преимуществу средством **обучения грамотности** на этом языке, то ныне они становятся основным средством обучения языку.

Авторы Концепции, например, выступают против того, что «диалектный материал в учебниках подается бессистемно с педагогической точки зрения, смешение материала разных диалектов в учебниках родного языка не приводит к созданию какого-либо обогащенного единого родного литературного языка в силу того, что этот процесс характерен только для языка учебников» (Концепция: 16–17). Однако, в виду малочисленности вепсов школьного возраста, вряд ли идеи этнической школы, отраженные в Концепции, можно осуществлять на вепсской почве, поскольку преподавание вепсского языка в большинстве школ (где оно ведется) не является обязательным.

6. Угасающая этничность.

К сожалению, большинство вепсов до недавнего времени были совершенно равнодушны к судьбе родного языка. Практически отсутствует их самоидентификация как вепсов – вепс является вепсом только на автохтонной территории, а покинув ее он теряет такую самоидентификацию.

На примере валдайских карел можно проследить, как быстро угасает этническое самосознание с утратой языка. В наше время завершилось их обрусение. П.Ю. Пальмеос в 1961 году нашла только 50 человек, которые могли говорить на этом карельском диалекте (Palmeos 1962: 4). А проведенные уже в 90-х годах автором экспедиции в Валдайский р-н Новгородской обл. выявили полную ассимиляцию этой диалектной группировки (Мызников 1998: 41–43). Точно так же мы можем наблюдать завершение ассимиляции вепсов Вытегорского р-на Вологодской обл. (Рут 1984: 39). Давно завершилась ассимиляция вепсов Исаевской волости (ныне это северная часть Вытегорского р-на). Еще в 1890 г. Hj. Basilier характеризовал их как обруссевших и предпочитающих говорить на русском языке, хотя и не утративших свой родной язык (Basilier 1890: 71). В Южном Приладожье жителей деревни Лигово называли кайванами, что свидетельствует об их прибалтийско-финском происхождении (Егоров 1998: 219).

Таким образом, завершая анализ ситуации создания письменного вепсского языка, можно сказать, что при наличии безусловных успехов в деле разработки грамматики, общеупотребительной лексики, начала работы над терминологией и прочих достижений, в процесс создания письменного

языка вовлечен лишь узкий круг ученых. Большинство представителей вепсского этноса безучастны к процессам, связанным с созданием письменного языка, имеющим большое значение для сохранения этого этноса.

Литература

- Бубрих 1947 – *Бубрих Д.В.* Происхождение карельского народа. Государственное изд-во Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1947.
- Бурыкин – *Бурыкин А.А.* Русско-национальное двуязычие в социуме малочисленных народов Севера России и его роль в сохранении и развитии языков, находящихся на грани исчезновения // Теория и практика образовательной политики в условиях модернизации полигэтнического общества. Сб-к статей, посвященный 75-летию чл.-корр. РАО М.Н. Кузьмина. Ч. 2. М., 2006. С. 145–158.
- Вайнрайх 1979 – *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Перевод с английского языка и комментарии Ю.А. Жлуктенко. Киев, 1979.
- Верещагин 1969 – *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969. 160 с.
- Егоров 1998 – *Егоров С.Б.* К этнонимике вепсов // Царскосельские чтения. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1998. С. 216–219.
- Кибрик 1992 – *Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Концепция 2001 – Концепция модели этнической (национальной) школы для коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации». М., 2001. 70 с.
- Красная книга 2002 – Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. Гл. ред. В.П. Нерознак. М., 2002. 378 с.
- Кузьмин 1998 – *Кузьмин М.Н.* Полигэтничность российского общества и задачи системы образования как инструмента модернизации России. М., 1998.
- Мызников 1998 – *Мызников С.А.* О лексике прибалтийско-финского происхождения в новгородских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1995. СПб., 1998. С. 41–43.
- Рут 1984 – *Рут М.Э.* К проблеме разграничения субстратной и заимствованной лексики финно-угорского происхождения на территории Русского Севера // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 31–41.
- Тудвасева 2006 – *Тудвасева З.К.* Проблемы двуязычия: педагогический аспект // Теория и практика образовательной политики в условиях мо-

- дернизации полиглантничного общества. Сборник статей, посвященный 75-летию чл.-корр. РАО М.Н. Кузьмина. Ч. 2. М., 2006. С. 122–125.
- Baker, Jones 1998 – *Baker C. Jones S.P. The Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education*, Clevedon: Multilingual Matters. 1998.
- Basilier 1890 – *Basilier Hj. Vepsäläiset Isajevan voolostissa* // Suomalaisugrilaisen seuran aikakausikirja. VIII. 1890. S. 43–84.
- Fishman 1980 – *Fishman P. ‘Conversational insecurity’* // in H. Giles, W.P. Robinson and P.M. Smith (eds) *Language: Social Psychological Perspectives*, Oxford: Pergamon Press. 1980.
- Palmeos 1962 – *Palmeos P. Karjala Valdai murrak* // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Emakeele Selt. Toimetised, 5. Tallinn, 1962.
- Wurm 2001 – *Wurm S.A. (Ed). Atlas of the World's Languages in Danger of Disappearing*. Paris, UNESCO Publisher, 2001.
- Zaiceva 1998 – *Zaiceva N. Vepsän kirjkelen probleemad: olem-ik surmankündusel?* // Nordlyd. Tromsø University working papers on language and linguistics. Tromsø, 1998. P. 95–101.

Summary

Formation of Vepsian literary language in conditions of Russian-Vepsian bilingualism

The article deals with the problems of Vepsian literate language. Vepsian nowadays is the easternmost Balto-Fennic language. It is spoken on the southern coast of Lake Onega in Karelia and the northeast of the St-Petersburg region and the northeast of the Vologda region. Only rural population spoke and speaks Vepsian. Nowadays in the conditions of Russian-Vepsian bilingualism the successful decision of creation literate language faces numerous problems.

Д.Ю. Ващенко (Анисимова) (Москва)

К описанию языковой ситуации в Южной Словакии

Статья посвящена оценке носителями венгерского языка идиомов «литературный язык» / «диалект» в условиях компактного проживания венгров в Словакии на правах национального меньшинства.

Словакия в диалектном плане традиционно делится исследователями на три части – Западная Словакия, Средняя Словакия и Восточная Словакия, где проживают носители трех словацких диалектов – западнословакского, среднесловакского и восточнословакского. Помимо этого разделения, правомерно говорить также о социокультурной дихотомии Северная Словакия – Южная Словакия. Характерной чертой Южной Словакии является тот факт, что на данной территории компактно проживает венгерское население численностью более пятисот тысяч человек, при этом словацкие венгры не являются переселенцами. На территории другого государства они оказались автоматически – сначала после Трианонского раздела Австро-Венгрии, затем после декретов Бенеша. В результате северная часть территории, занимаемой венграми, отошла под юрисдикцию Словакии. Словацкие социологи отмечают, что: «несмотря на то, что число граждан, которые относят себя к венгерской национальности, снижается, венгерское меньшинство в Словакии остается и будет оставаться сообществом с сильной этнической идентичностью» (Šutaj 2009: 438).

Помимо венгров, на данных территориях также проживают словаки. При этом южные словаки могут иметь двоякое происхождение – (а) словаки, проживающие в соответствующих словацких населенных пунктах сравнительно давно (более одного поколения); (б) переселенцы, попавшие в Южную Словакию в результате действия целевой государственной программы. В диалектном отношении группа (б), как правило, состоит из носителей среднесловакского диалекта (расселение шло преимущественно из районов Банской Бистрицы и Зволена). Идиом группы (а), на данном этапе четко определить сложно. Исконные южные словаки в диалектном отношении исследователями не квалифицируются, данные территории не включаются ни в одно диалектологическое описание. Аудитивно, впрочем, как носитель словацкого языка, так и иностранец, чувствует разницу между произношением исконно южных и не-южных словаков (Ondrejovič 2007: 142).

Мы рассматриваем языковую ситуацию в Средней Южной Словакии (район городов Вельки Кртиш и Шаги). В октябре 2009 года мы провели 10-дневную экспедицию в город Шаги и окрестные села Ипельске Уляны и Плаштовце. Одной из наших целей являлось установление закономерностей

динамики языковой ситуации в Южной Словакии и оценки языковых идиомов их носителями.

При составлении выборки мы ориентировались на среднее поколение жителей региона. Было выбрано несколько опорных социodemографических параметров, внутри которых мы подбирали по возможности равномерное число информантов. Таковыми параметрами являлись: (а) возраст информантов (26–40 либо 40–55 лет); б) пол (мы стремились опросить приблизительно равное количество мужчин и женщин); (с) образование (среднее либо высшее); (д) место проживания (постоянное проживание в городе / постоянное проживание в деревне / регулярные миграции город–деревня).

Два последних параметра представлены неравномерно, поскольку в деревне практически не встречается людей с высшим образованием, либо они совершают регулярные трудовые миграции. Большое количество информантов живет «между городом и деревней», поэтому в данном случае разграничение «город / деревня», на наш взгляд, более корректно проводить на основе вектора трудовых миграций, о котором подробно будет сказано ниже.

По сравнению с опросом школьников, опрос среднего поколения имеет свою специфику, связанную с тем, что представители среднего поколения образуют менее гомогенную среду. Кроме того, представители среднего поколения, как правило, имеют сформировавшиеся взгляды на жизнь, и в большей степени ориентированы на социальную ситуацию в регионе. Это предполагает большую индивидуализацию информантов, поэтому в качестве методики сбора данных нами была использована методика скрытого микрофона. Скрытый микрофон использовался нами в двух типах ситуаций: (а) спонтанное интервью в общественных местах; (б) расширенное интервью во ходе подробной беседы с носителями языка. Задаваемые вопросы касались сфер использования языка, этнической и языковой идентичности, а также отношения к словацкому и венгерскому языкам. Опрос населения сопровождался включенным наблюдением языкового поведения информантов в различных коммуникативных ситуациях. Полученные данные дополнялись данными статистики, в частности, данными переписи населения, и сведениями о социо-экономической ситуации в регионе; сходную методику опроса см., например в (Плунгян 2000).

Имеет свою специфику социо-экономическая ситуация рассматриваемого региона в ее проекции на языковую ситуацию. Среди основных социо-экономических особенностей региона, влияющих на языковую ситуацию, выделяются факторы, поддерживающие венгерский язык, и факторы, провоцирующие ассимиляцию.

Факторами, поддерживающими венгерский язык, являются:

(а) Наличие двух пограничных переходов – Шаги-Парашишапуста и Словенске Дярмоты-Балашшадьярмат. В результате вхождения Словакии и Венгрии в страны Шенгенской зоны перестала действовать пограничная служба. Близость пограничных переходов создает благоприятные условия для торговых и трудовых миграций населения. Единственным фактором, осложняющим экономические контакты, является отсутствие прямого транспортного сообщения через границу, поэтому регулярные миграции в Венгрию могут позволить себе только те, у кого есть автомобиль.

(б) Близость венгерской столицы. Будапешт находится в 80 километрах от Шагов, в то время как столица Словакии – Братислава – находится в 160 километрах. Как следствие, в регионе нет проблем с венгерским радио и телевидением. Венгерское население данного региона достаточно редко прибегает к словацким СМИ. Кроме того, близость венгерской столицы служит дополнительным стимулирующим фактором для осознания местными венграми своей национальной идентичности.

(с) Обособленность данного региона от остальной Словакии. Процент миграций на большие расстояния незначителен, в поисках работы, как правило, люди едут либо в город Левице (Словакия), где венгры составляют около шестидесяти процентов населения – либо в Австрию и Великобританию. Трудовые сезонные миграции в Братиславу либо другие словацкие города представлены в значительно меньшей степени. Подавляющее большинство населения региона существует в кругу: окрестные села – Шаги – близлежащие венгерские города.

В свою очередь, фактором, поддерживающим языковую ассимиляцию, является высокий уровень безработицы как в самом регионе, так и в прилегающих областях Венгрии. В результате сезонные трудовые миграции в Венгрию постепенно прекращаются, первыми увольняют словацких венгров как подданных другого государства. Повышается престиж словацкого языка, поскольку люди надеются, что высокий уровень знания словацкого языка поможет им найти работу. Как следствие отсутствия работы, идет отток населения из автохтонных венгерских деревень в более крупные населенные пункты, где процент венгерского населения заведомо ниже.

В распределении сфер использования словацкого и венгерского языков в регионе прослеживаются различия между городским и сельским населением.

В автохтонных венгерских селах венгерский язык используется практически во всех сферах, в том числе и в административной, поскольку главами сельских администраций, как правило, являются венгры. Сфера активного использования словацкого языка ограничивается общением со «вторичными» словаками – то есть со словацкими дачниками. При общении с местны-

ми словаками каждый, как правило, говорит на своем языке. Абсолютное владение литературным венгерским языком является пассивным, литературный венгерский язык представители среднего поколения воспринимают по радио или телевидению.

Отметим также, что ввиду возрастающего уровня безработицы в сельской местности формируется слой «нового старого населения» среднего возраста. Сюда в основном относятся женщины, потерявшие работу в городе и вернувшиеся в деревню ухаживать за своими матерями. В их речи происходит частичное оживление диалектных черт, стершихся в результате жизни в городе.

Город, являясь административным центром региона, является автохтонным венгерским городом (венгры составляют семьдесят процентов населения Шагов, словаки – тридцать процентов) и вместе с тем пограничным переходом, связывающим окрестные села с Венгрией. В городе венгерский язык используется преимущественно в сфере семейно-бытового общения, частично при обучении и повсеместно при просмотре телепередач / прослушивании радиопередач. Использование словацкого языка касается административной сферы (в Шагах общение в официальных учреждениях идет по-словацки), а также при коммуникации с «вторичными» словаками, которые либо недостаточно усвоили венгерский язык, либо усвоили, но не хотят на нем разговаривать (в основном это люди из семей, где отсутствуют венгерские родственники).

Как следствие, противопоставление «город / деревня» идет не по большей / меньшей степени владения литературным языком, а по большей / меньшей степени владения словацким языком.

С этим связана специфика оценки носителями венгерского языка своего идиома. В общей сложности нами было опрошено 60 носителей языка, относящихся к среднему поколению (в возрасте от 35 до 50 лет) из них: 32 женщины и 28 мужчин, из них 50 человек без высшего образования и 10 человек с высшим образованием.

Идиом, на котором говорят словацкие венгры, может оцениваться носителями сравнительно двух различных языковых образований. С одной стороны, диалектный идиом может оцениваться по сравнению со словацким языком. С другой стороны, он может оцениваться по сравнению с венгерским языком – как с литературным венгерским языком, так и с языком венгров «по ту сторону границы». В самих оценках могут доминировать внешние аспекты (легкость-трудность в освоении, нужность-ненужность в практическом применении) либо внутренние ощущения (более красивый / менее

красивый, более правильный / менее правильный) (см., например, Виноградов 2009: 37–38).

Отметим еще одну сложность, возникающую при анализе спонтанных интервью носителей языка. Хотя оценка какого-либо этноса не идентична оценке его языкового идиома (Виноградов 2009: 38), не всегда представляется возможным четко разграничить эти две оценочных отнесенности. Это связано с тем, что:

(а) часто представители этноса рассматриваются носителями языка сквозь призму их языковой компетенции. Для жителей пограничья, помимо собственно этнического разделения, более важную роль играет разграничение «местный» (билингвальная компетенция) / «не-местный» (монолингвальная компетенция) – независимо от этнической отнесенности конкретного лица.

(б) в сознании носителей языка не всегда разграничаются собственно языковые и социокультурные помехи в коммуникации.

Учитывая это, в дальнейшем изложении мы будем говорить о преимущественно языковом либо о преимущественно этнокультурном характере оценки.

Общим для всех оценок является восприятие своего венгерского языка как особого идиома, отличного от литературного венгерского языка и разговорного венгерского языка, употребляемого «венгерскими венграми». Частотным является указание на локальный характер идиома, а также на локальную закрепленность словацко-венгерского билингвизма. Кроме того, все носители языка отмечают динамику языковой ситуации и утрату многих диалектных черт.

Дифференциация оценок проходит по шкале эмоционально-субъективного отношения к локальной закрепленности идиома и билингвизму его носителей. Данные показывают, что решающим фактором в дифференциации оценок является направленность трудовых миграций. В зависимости от того, осуществляются трудовые миграции в Шаги, в Венгрию или в Левице, выделяются три основных подхода носителей языка к своему идиому.

Группа 1. Носители венгерского языка, которые выше всего оценивают свой диалектный идиом.

К этой группе относятся носители языка, осуществляющие либо осуществлявшие локальные внутригосударственные трудовые миграции. Это люди, имеющие среднее образование и постоянно проживающие и работающие в селе либо в Шагах – либо люди, которые постоянно курсируют между городом и деревней.

Оценка своего идиома находит выражение в следующих характеристиках.

С позиции представителей данной группы, локальный идиом является странным ввиду его исконности, поскольку эта территория исконно принадлежала венграм и местный язык является более правильным, либо по меньшей мере более традиционным, чем язык венгерских венгров. Для респондентов язык венгерских венгров – это в первую очередь литературный язык, который они слышат в средствах масс-медиа. В данном случае проходит четко осознаваемая дифференциация «диалект / литературный язык». Диалектный идиом носит локальную закрепленность и является законсервированным «предшественником» литературного языка. В качестве диагностических признаков диалекта называют три-четыре фонетических параметра, морфологические характеристики являются менее осознаваемыми. Далее, поскольку представители рассматриваемой группы в минимальной степени контактируют с венгерскими венграми, они сравнительно редко говорят об общении с ними. В тех случаях, когда это происходит, сложности в коммуникации возникают, однако они обусловлены не языковыми, но социокультурными причинами. Среди информантов очень развита локальная самоидентификация «мы сельские», «мы живем среди холмов», и далее, «мы палоцы» (носители палоцкого диалекта). При этом информанты признавали, что по другую сторону границы тоже живут «палоцы», однако разное историческое прошлое затрудняет взаимопонимание «что знаем мы, того не знают они», «нам всегда было сложнее в жизни».

Восприятие литературного венгерского языка, а также разговорного венгерского по ту сторону границы, с позиции опрошенных, также осложняет неполное знакомство словацких венгров с венгерской культурой: «мы в школе проходили больше словацких писателей, чем венгерских», «иногда по телевизору говорят «Йокай Мор» или «Дюла Ийеш», а мы и не читали». Вообще, любые лакуны в своем информационном фонде носители языка из данной категории склонны связывать с тем, что в школе они получали образование на словацком, а не на венгерском языке.

Информанты из этой группы негативно оценивают словацко-венгерский билингвизм, они подчеркивают, что изучение словацкого языка является вынужденным. При этом часто отношение к словацкому языку как таковому негативным не является «зато было легче учить русский», «если я умею говорить по словацки, отчего же мне на нем не говорить?». Негативным является отношение к тому объему, в котором преподавался словацкий язык – все представители данной категории считают, что этот объем был чрезмерным.

Отношение к языку несколько отличается от отношения к его носителям. Представители первой группы в большей степени, чем представители второй и особенно третьей группы, проводят разницу между «местными» и «не-

местными» словаками. Местные словаки оцениваются позитивно ввиду их исконного проживания «они всегда здесь жили, как и мы» и билингвальной языковой компетенции, по которой чаще всего определяется местный житель. Частотными были фразы вида «если я научился по- словацки, пусть словак научится по-венгерски, и только тогда я буду говорить с ним... по- словацки».

Среди «не-местных» словаков респонденты данной категории выделяют две группы. Это – дачники, общение с которыми происходит сравнительно редко и является актом помощи, венгры подчеркивают, что дачники «не могут говорить по-венгерски, поэтому мы переходим на словацкий, если надо помочь». Другую группу образуют сотрудники государственных учреждений, которые «не желают говорить по-венгерски». Именно эта категория носителей словацкого языка оценивается местными венграми наиболее негативно.

Внутри группы, в свою очередь, проходит различие по гендерному признаку. Женщины в большей степени ориентированы на сохранение диалекта, они больше общаются со своими материами. Кроме того, в речи женщин, которые потеряли работу в Шагах и вернулись в деревню ухаживать за своими материами, проходит вторичное оживление диалекта. Часто женщины могут назвать черты, которыми диалект отличается от литературного языка с примечаниями «мама так говорит, но я так не говорю» или «мама так говорит, и я так говорю». Мужчины в этой категории меньше ориентированы на диалект и более позитивно относятся к словацкому языку «это язык моих друзей», «мы вместе работаем и вместе общаемся».

Группа 2. Носители языка, которые выше всего оценивают венгерский литературный язык.

Сюда относятся словацкие венгры, регулярно осуществляющие / осуществлявшие межгосударственные миграции Словакия-Венгрия. Эти миграции могут быть:

(a) торгового характера (посещение супермаркета в Балашшадьярмате) – если у словацкого венгра есть собственное транспортное средство, вероятность межгосударственных миграций резко возрастает;

(b) учебного характера – часть словацких венгров едет учиться / отдает своих детей учиться в венгерские гимназии по ту сторону границы – как правило, также в Балашшадьярмат;

(c) трудового характера – эти миграции с началом экономического кризиса существенно снизились.

Оценка своего идиома находит выражение в следующих характеристиках.

С позиции информантов из второй группы, локальный идиом является странным ввиду изолированности его носителей от остальных венгров, и этот факт оценивается представителями этой группы крайне негативно. В отличие от представителей первой группы, респонденты из данной категории со скепсисом относятся к архаичности своего языка. Язык венгерских венгров для них – это не столько язык масс-медиа, сколько разговорный идиом венгров по ту сторону границы, поскольку представители указанной группы часто с ними общались / общаются. Подобно приверженцам диалектного языка, приверженцы венгерского литературного языка указывают на слабое знакомство словацких венгров с венгерской культурой и с венгерской терминологической лексикой, однако этот факт оценивается ими на порядок более негативно, поскольку ввиду этого им сложнее найти работу в Венгрии и многому приходится доучиваться.

Другой отличительной чертой респондентов из этой группы является позитивная оценка коммуникации с венгерскими венграми и негативная оценка коммуникации с собственными земляками. С их точки зрения, с венгерскими венграми легче найти взаимопонимание, чем со словацкими венграми. Этнокультурно венгерские венгры являются для них более привлекательными, чем земляки, поскольку «они открыты и с ними можно говорить обо всем, хочешь – о политике, хочешь – о собственной жизни». Земляки для информантов из второй категории характеризуются замкнутостью, закрытостью, сосредоточенностью на собственных интересах и тотальным невниманием к чужим проблемам. В этом, с позиции респондентов, они стали напоминать словаков – «наши угрюмые и замкнутые, они стали прямо как словаки». Подобно информантам первой группы, информанты второй группы осознают специфику словацких венгров, однако они связывают этот факт не с большей исконностью локального языка, но с негативным влиянием словацкого языка. Кроме того, по мнению опрошенных, венгерские венгры говорят «более правильно» и «более красиво», их речь больше приближена к литературному языку.

Носители языка, которые общались с заграничными венграми других государств (например, с украинскими венграми), отмечают большую «красоту и правильность» их языка по сравнению со своим собственным. Рационального объяснения подобной оценке они привести не могут: «я был в Украине, там тоже есть венгры, они так красиво говорили, ну так красиво, прямо как музыка лилась, вот это язык!».

Билингвизм оценивается приверженцами венгерского литературного языка однозначно негативно. При этом они в меньшей степени проводят разницу между «исконными словаками» и «приезжими». С этнокультурной

точки зрения фактически ставится знак равенства между словацкими венграми и словаками. С другой стороны, информанты упоминают о наличии словаков в Венгрии и говорят, что те тоже практически перешли на венгерский язык. Таким образом, билингвизм является для носителей языка из второй группы не столько знаком локальной самоидентификации, сколько ассилиативной тенденцией, равным образом действующей по обе стороны границы. Выход один – надо уезжать учиться и работать в Венгрию и по возможности перебираться туда на постоянное место жительства.

Группа 3 Сторонники адаптации, носители языка, которые выше всего оценивают словацкий литературный язык.

К данной группе относятся носители языка, осуществляющие / осуществлявшие глобальные внутригосударственные трудовые миграции (село, Шаги – Западная Словакия – Левице либо Братислава). Эти люди сами получили образование в Западной Словакии и, как правило, отправляют своих детей учиться в эти же, исконно венгерские, города, но в словацкие школы. В представлении сторонников адаптации, данные города обладают более развитой инфраструктурой, чем Шаги и приграничные города в соседней Венгрии.

Оценка своего языка находит выражение в следующих характеристиках.

С позиции информантов из этой группы, локальный идиом является странным ввиду отсутствия в нем терминологической лексики. Это – «язык деревни», поэтому в практической жизни диалектный идиом неприменим. Подобно носителям языка из второй группы, опрошенные негативно оценивают архаичность локального языка, часто информанты в данной категории указывают на необходимость избавления от диалектных черт в собственной речи. В своей речи они стараются приблизиться к литературной норме.

С венгерскими венграми носители языка из этой группы общаются в минимальной степени. Это не мешает им, к примеру, летать за рубеж через Будапешт или совершать покупки в Балашшадьярмате, но стабильных связей с венграми по ту сторону границы они не поддерживают. При этом они достаточно много общаются с венграми из Западной Словакии, которая в их представлении наделена большим социальным статусом, чем собственный регион.

В отличие от информантов предыдущих категорий, основная сфера общения информантов из этой категории лежит не в среде венгров, но в среде словаков. Как правило, они проводят уже упомянутое разграничение между южными и северными словаками как между «своими» и «пришлыми», но в отличие от остальных информантов, они не избегают общения с «пришлыми». С их точки зрения, словацкий язык имеет более высокий социальный престиж, именно поэтому его надо осваивать в совершенстве, в том числе терминологическую лексику. Образование также следует получать на сло-

вацком языке, поскольку в дальнейшем это сыграет благоприятную роль в карьере, так как построить карьеру в Словакии легче, чем в Венгрии. По мнению сторонников адаптации, при устройстве на работу определяющую роль играет гражданство. Они позитивно оценивают словацко-венгерский билингвизм, изучение словацкого языка является рационально обоснованным. Примечательно, что город Левице (удаленный на 60 километров) является преимущественно венгерским по составу, однако именно трудовые мигранты в Левице наделяют словацкий язык более высоким статусом, чем венгерский.

Информанты этой группы проводят разграничение не по принципу «местный» / «пришлый» и не по принципу «венгр» / «словак», но по принципу «деревня» / «город». Для представителей этой категории деревня наделена более низким престижем, чем город. Проживание в небольшом венгерском городе по ту сторону границы является, с их точки зрения, труднодостижимым. Поэтому желаемым ориентиром является проживание в венгерском городе в Западной Словакии.

Естественным образом проживание в деревне (в венгерской деревне) в большей степени допускает монолингвальную языковую компетенцию. Проживание в городе (в венгерском городе в Западной Словакии) предполагает билингвальную языковую компетенцию и высокий уровень владения словацким языком – с дальнейшей перспективой трудоустройства в столице. Именно поэтому опрошенные из третьей группы являются сторонниками никоим образом не ассимиляции, но адаптации и социализации в рамках Словакии, что предполагает высокий уровень владения обоими литературными (именно литературными!) языками.

Таким образом, граница между городом и деревней является в данном регионе нечеткой вследствие многочисленных миграций населения в обоих направлениях. Миграции могут быть как периодическими, так и постоянными. С одной стороны, они способствуют нивелировке части диалектных черт, с другой стороны, они способствуют консервации другой части этих черт. При этом оценка локального идиома может колебаться от позитивной до негативной, определяющим фактором является направленность трудовых миграций населения.

Литература

- Виноградов 2009 – Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология. М., 2009.
- Плунгян 2000 – Плунгян В.А. Догоны бамако: Этническое меньшинство в иноязычном окружении // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. Под ред. Л.П. Крысина. М., 2000. С. 162–177.

- Ondrejovič 1996 – *Ondrejovič S. Zo slovensko-mad'arských jazykových a jazykovo-ethnických kontaktov // Sociolinguistica Slovaca 2. Sociolinguistica a areálová lingvistika. Bratislava 1996. S. 142–147.*
- Šutaj 2009 – *Šutaj Š. Postavenie mad'arskej menšiny na Slovensku a jej identita po roku 1918 // My a tí druhí v modernej spoločnosti. Konštrukcie a transformácie kolektívnych identít. Bratislava 2009. S. 416–438.*

Summary

Language situation in southern Slovakia

The article analyzes factors influencing the evaluation of the Slovak and Hungarian languages by representatives of the Hungarian national minority, compactly living in southern Slovakia. It shows that in the middle generation the evaluation is influenced by direction and regularity of labor migration, as well as gender differences. Those Hungarian speakers who travel for earnings in the regions inhabited by Slovaks, estimate Slovak positively. Men appreciate Slovak highly than women.

Г.П. Пилипенко (Москва)

О диалектных включениях в сербской речи венгров Воеводины

На территории Воеводины, которая входит в состав республики Сербия на правах автономного края, проживают представители разных народов: сербы, венгры, хорваты, русины, словаки, румыны, буневцы, украинцы и другие. По переписи 2002 года в Воеводине проживает более двух миллионов человек, из них сербы составляют 65% населения, на втором месте по численности – венгры – около 14% (Bašić, Cipjanski 2006: 22). Венгерское население компактно проживает на севере края, вдоль реки Тиса, убывая к югу. Венгерский язык наряду с сербским, словацким, румынским, русинским и хорватским является одним из официальных языков в крае.

Данный регион на протяжении веков отличался пестротой этнического состава. Несколько раз этнический состав края полностью менялся. Формирование современного полигэтнического характера Воеводины относится к XVIII веку, когда на опустошённые австро-турецкими войнами земли, отошедшие монархии Габсбургов, переселяются сербы, позже на плодородные

земли в качестве колонистов поощряется переселение немцев, словаков, русинов, а также венгров (Hadrovics 1983: 77; Szabó 1990: 149). Естественно, представители этих народов происходили из разных диалектных зон и переселение происходило в течение длительного времени. Так, в речи венгров Сенты и Тополы до сих пор прослеживаются реликты палоцкого диалекта, а венгры из Скореновца сохраняют секейский диалект (Molnár Csikós 2003: 83; Kálmán 1977: 75). Тем не менее, сегодня эта территория рассматривается как область распространения южного диалекта венгерского языка.

Сербы также переселялись в Воеводину несколькими волнами. Это были переселенцы из Центральной Сербии, из Восточной Герцеговины и из косовско-ресьавской диалектной зоны (Ивић 1956: 48, 79, 80). В Воеводине формируется воеводинско-шумадийский диалект сербского языка экавского типа, в котором, впрочем, имеется достаточное количество икавизмов. Кроме того, в крае сегодня проживают относительно недавние переселенцы из иекавских диалектных зон, а также хорваты и буневцы (в окрестностях города Суботицы), носители икавского типа штокавской диалектной системы (Поповић 1968: 6).

Предметом нашего рассмотрения является второязычная речь воеводинских венгров, т. е. как представители венгерского национального меньшинства в Воеводине говорят по-сербски. Источником послужили письменные тексты информантов – студентов и школьников учебных заведений с венгерским языком обучения, собранные во время экспедиции весной 2009 года.

В современной социолингвистике язык рассматривается как множество кодовых репертуаров (Белл 1980: 152), главными из которых являются литературный язык и диалекты данного языка. Овладение вторым языком может происходить через приобщение индивида к разным формам стандартного литературного языка, а также через овладение диалектами второго языка. Границы между этими языковыми идиомами проницаемы (в этом случае следует говорить о разновидности языковых контактов); в функциональном отношении литературный язык и диалекты дополняют друг друга (Нещименко 2003: 49, 58). Для представителей национальных меньшинств важно освоение нормы официального языка, поскольку только в таком случае возможна успешная социализация. В большинстве случаев так и происходит. Например, в словенском Прекмурье венгры преимущественно владеют словенским литературным языком, а не местным диалектом, прекмуршиной (Begnjak 2004: 91).

Сама венгерская речь венгров из Воеводины насыщена местными диалектными особенностями, она более «диалектологична» (*nyelvjárásiásabb*), чем речь венгра из Венгрии (Göncz 1999: 136, 137).

Такие явления как *ő-zés* (произношение звука [ö] вместо [ë], например: *embér* – *embör*, *löhét* – *löhet*, *Széged* – *Szöged*), *suksükölés/szuksükölés*, (глаголы, оканчивающиеся на -t, в формах 3-го лица ед.ч и 1-3-го лица мн.ч. совпадают в изъявительном и повелительном наклонениях, например: форма повелительного наклонения *lássa* используется вместо формы *látja* в изъявительном наклонении), *nákolás* (использование показателя сослагательного наклонения –ná- в 1-м лице ед.ч. безобъектного спряжения у неиковых глаголов с гласным заднего ряда вместо показателя –né-, который не подчиняется закону гармонии гласных, например: *vár-ná-k* вместо *vár-né-k*), использование окончания *-tól/-től* при сравнении и др. широко представлены в речи воеводинских венгров, в частности, в письменных работах школьников (Andrić 2002: 52).

По данным нашего исследования, сербский язык венгры приобретают в разных условиях: в одних коммуникативных ситуациях происходит усвоение нестандартной, часто пронизанной диалектными вкраплениями формы языка (общение с родственниками, соседями, друзьями, которые родом из местности с большой степенью сохранности диалекта), в других ситуациях – усвоение литературной нормы языка (обучение в школе, СМИ).

В работах информантов представлен в основном сербский литературный язык. Тем не менее, некоторые примеры свидетельствуют о том, что диалектные особенности как венгерского, так и сербского языков всё же проникают в речевую практику респондентов.

Так, диалектное окончание глаголов в 3-ем лице, мн.ч., н.вр. *-du*, которое широко используется в говорах Баната и Бачки: *đrēdu*, *nđvādu*, *slušādu*, *čekādu*, *nácedu* и т. д. (Ивић 1956: 75; Реко 1989: 87, 89; Поповић 1968: 18; Степановић 2003: 228, 229), проникает в систему глагольного спряжения. Происходит смешение в пределах одного высказывания (у одного и того же информанта) элементов стандартного сербского языка и диалектных особенностей¹:

Oni nosidu Emo stil

Bojim se da čedu poništiti testovi

Neke su rekli, da oni nečedu da opet urade maturski

Отличительной особенностью воеводинских говоров является употребление формы Тв. п. у прилагательных и местоимений муж. и ср. рода ед.ч.

¹ Примеры приведены в оригинальной орфографии информантов.

вместо формы Дат.-Мест. п.: *то је било у нашим селу, говорио сам вашим брату* (Стевановић 1975: 13). Фиксируются такие примеры и у наших информантов:

U drugim svetskim ratu su dogodile strašne stvari

Čovek u današnjim svetu

...jer gledao sam u crtanim filmu

На большой части территории распространения сербского и хорватского языков (за исключением некоторых районов Боснии, Хорватии) согласный *h* либо утратился, либо замещается другими звуками, например: *v, j*. Так, в воеводинских говорах находим: *(x)r̄eň, (x)lđbač, mu-(x)v-a, snà-(x)j-a, (x)(v)fála, (x)vámati* и т.д. (Степановић 2003: 229; Ивић 1956: 76). Примеры наших информантов демонстрируют эту черту воеводинско-шумадийского диалекта²:

Uvek taj prođe najgore ko ozbiljno s-(h)v-atiti prijemni

Onima koji su ozbiljno s-(h)v-atili maturski

В воеводинских говорах на месте **ě* (Ђ) находим экавский рефлекс: *lěto, těrali, svět* и т. д. Однако в некоторых позициях появляются икавизмы; так, фиксируются следующие примеры: *lět-i-ti, žiće-i-la, gr-i-jđta, sm-íjati se* и т. д. (Ивић 1956: 68; Ресо 1989: 84). В наших примерах также встречаются икавизмы. Вероятно, подобные примеры также можно было бы трактовать как обобщение основы инфинитива и настоящего времени информантами, которые владеют сербским языком в редуцированной форме (*živeti* (инф.) → *živim* (1 л., ед.ч., н.вр.); *živeti* (инф.) → *živeo* (ед.ч., перф.); *živim* (1 л., ед.ч., н.вр.) → **živio* (ед.ч., перф.)).

Grad je bio prljav i sve je smrdilo

Jako volim ovde živiti

Ali nije živio toliko dugo

Umio je

Смешение падежей направления (В.п.) и местоположения (М.п.) является характерной чертой воеводинских говоров. Например, *živi u Kikindu, le-*

² Этимологический *h* восстановлен в скобках.

жи под астал; *ide u Beograd, živi u Beograd, ostavi pod astal*; у друштво седимо, био сам у Бачеј, седе на клупу; била сам у школу, стоји прит кући (Ивић 1956: 77; Ивић 1958: 125; Поповић 1968: 224, 225; Степановић 2003: 228). Следует отметить, что и в других диалектных областях сербского и хорватского языка распространено смешение М.п. и В.п.: в косовско-ресавских говорах (*ja sam u treći razred*), в зетско-съеницких говорах (*kad smo bili pod Bar, izadi pred kućom*) (Ивић 1956: 102, 163).

Чаще всего нами фиксировались примеры смешения падежей при предлогах *u* и *na*. Ниже приведены примеры использования В.п. вместо М.п. у существительных м.р., ж.р. и спр. р.:

Kad će u bioskop biti film
Hoću da isprobam život u jedan grad
Šetamo u jedan park
Bila sam na Palić
<i>U zadnji film</i> će glumiti velike tineđerske zvezde
Ja živim u Horgoš
Oni su živeli u Eger
Opština Mali Idoš je najmanji opština u Srbiju
Već u osnovnu školu sam učila o njemu
Puno puta sam bila na takmičenje
Ja živim na selo

Следующие примеры иллюстрируют употребление М.п. вместо В.п. у существительных муж., жен. и спр.р.:

Neko je stavio pitanje na internetu
Ona je otisla u Mađarskoj i napravila je veliku muzičku karijeru
Kad ja ulazim u jednoj prodavnici u Temerinu, uvek mogu da pričam mađarski
Otišao je u Afriči
Svako veče posle konferencije sam išao sa drugovima na žurkama

Sa kojim smo išli na moru

Volim da idem u pozorištu

Однако данное объяснение, на наш взгляд, не является единственным. Как уже было отмечено, в сербском языке предлоги *i* и *na* (а также другие пространственные предлоги) сочетаются с В.п., если речь идёт о движении в определённом направлении, и с М.п., когда речь идёт о нахождении в конкретном месте (*idem* и *bioskop*, *sada sam* и *bioskopu*; *stavite na sto tanjire, tanjiri su na stolu*). В венгерском языке при обозначении движения в зависимости от целевой поверхности используются падежи *-ba/-be* (иллатив) (русск. соотв. в+В.п.) или *-ra/-re* (сублатив) (русск. соотв. на+В.п.), при обозначении местонахождения в зависимости от поверхности используются падежи *-ban/-ben* (инессив) (русск. соотв. в+М.п.) или *-n* (суперессив) (русск. соотв. на+М.п.): *mozi-ba megyek, most mozi-ban vagyok, tegye fel a tányérokat az aszalal-ra, a tányérok az asztal-o-n vannak*.

В диалектах венгерского языка, в том числе в диалектах на территории Воеводины, в падеже инессив (-*ban/-ben*) отпадает конечный согласный *-n*³. Таким образом, формально иллатив и инессив совпадают (*az islolá-ba megyek, az iskolá-ba(n) tanulok*). Происходит и обратный процесс: гиперкоррекция форм иллатива: употребление окончаний инессива *-ban/-ben* вместо стандартных *-ba/-be* (*Varsó-ban* вм. *Varsó-ba utazom*) (Göncz 1999: 156, 157; Samu 1971: 316). Такая ситуация приводит к неразличению предложно-падежных конструкций также во втором языке информантов: *Opština Mali Idoš je najmanji opština u Srbiji* по образцу: *Szerbiá-ba(n)* (*-ba/-be* =у+В.п.). Кроме того, происходит смешение других падежей направления и места, в частности сублатива (*-ra/-re*) и суперессива (*-n*): *ki van a mező-re* (вм. *mező-n*), *odavótam az erdő-re* (вм. *erdő-n*) (Kálmán 1977: 58).

Частое использование предлога *od* в притяжательных конструкциях характерно для сербских диалектов на территории Воеводины. Встречаются такие конструкции и в речи наших информантов:

Emir Kusturica priprema operu zvanu "Most na Drini" *od* Ive Andrića

Imam jako puno CD-ova *od* nje

³ Следует отметить, что в диалектах в других падежах также происходит отпадение конечного согласного. Например: вм. *-nál/-nél* употребляется *-ná/-né*; вм. *-ból/-ből* употребляется *-bu/-bü, -bú/-bü, -bó/-bő* и т.д. (Samu 1971: 316).

Emir Kusturica poznati svetski reditelj operu pravi na temu Na Drini Ćupriju od našeg slavnog pisca Ivo Andrića
 Višak od stanovnika je zemljoradnik
 Od tada sam pročitala više knjiga od njega
 Moja omiljena pesma od njih je "Reci" (Mond)
 Ja volim da slušam pesme od Đorđe Balaševića
 Mislim da najbolja knjiga je "Egri csillagok" od Geze Gardonija

Так, в воеводинских говорах отмечаются следующие примеры: *гàздарица от салáша, ал сам ja влáсник ð[ð] тога, господдар од жéне, дёвојке, кòзе и т.д.* Считается, что подобные примеры могли возникнуть под влиянием немецкого языка, в котором существует притяжательная конструкция с предлогом *von* (Поповић 1968: 221, 222). Тем не менее, в других сербских диалектных зонах, в которых не было контактов с немецким языком, также фиксируется данная конструкция. Интересно, что подобные примеры зафиксированы в работах информантов, собранных другими исследователями венгерско-сербского билингвизма: *Ona je majka od pisca, и Santovu je kuća od moje bake, sestra od mog tate* и т. д. Лингвисты объясняют это явление влиянием венгерского языка (Arsenijević 1993: 499, 500).

Последним диалектным явлением, которое стоит отметить, является употребление предлога *c(a)* при Тв.п. В сербском литературном языке, когда выражается совершение совместного действия, использование предлога обязательно: *idem s Markom* (Ivić 1958: 125). В других случаях в сербском литературном языке Тв.п. используется без предлога *c(ac)*: *pišem hemijskom olovkom, putujem vozom*. В воеводинских говорах Тв.п. употребляется с предлогом *c(a)*, даже если не выражается совершение совместного действия: *kópa c mótkom, ugásim cас вýnom; tâj grâd c ôtim gâzduje, c j c màшином* и т.д. (Ивић 1956: 75, 89; Поповић 1968: 227, 228). Ниже приведены примеры использования предлога *c(a)* при Тв.п.:

Становници се баве са пољопривредом
Bavite se sa boksom
Putovali smo sa autobusom
Teško bi bilo putovati sa vozom

Поддерживающим фактором при употреблении предлога *c(a)* при Тв.п. может являться влияние венгерского языка. Так, венгерские имена, оформленные окончанием *-val/-vel* (падеж социатив), в одних случаях переводятся на сербский язык с предлогом *c*, в других случаях – без предлога (в зависимости от значения): *a gyerekekkel játszott* → *igrao je sa decom; autóval utazott* → *išao je kolima*. В сербской речи венгров происходит обобщение, в результате чего предлог *c(a)* употребляется при любом использовании Тв.п.

Сербские лингвисты отмечают, что данное явление можно было бы объяснить влиянием других языков, в частности, немецкого (Поповић 1968: 228). Однако в других диалектных зонах сербского и хорватского языков, в которых не было контактов ни с немецким, ни с венгерским языком, это явление также распространено, в частности, в косовско-ресавских (*da ga udari sas onu motiku*), призренско-тимокских (*posluži sъs vino*) и восточно-герцеговинских (*sijeci s nožom*) говорах (Ивић 1956: 102, 110, 137).

Таким образом, в сербской речи воеводинских венгров проявляются диалектные особенности как сербского языка, так и венгерского. Этот процесс происходит при усвоении языков в неформальной ситуации общения.

Литература

- Белл 1980 – *Белл Роджер Т.* Социолингвистика. Цели, методы, проблемы. М., 1980.
- Ивић 1956 – *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод у штокавско наречје. Нови Сад, 1956.
- Нештименко 2003 – *Нештименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.
- Поповић 1968 – *Поповић И.* Говор Госпођинаца. У светlostи бачких говора као целине. Београд, 1968.
- Стевановић 1975 – *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Граматички преглед и књижевнојезичка норма. Увод, Фонетика, Морфологија. Београд, 1975.
- Степановић 2003 – *Степановић П.* О говорима Срба у Мађарској // Друштвене науке о Србима у Мађарској. Будимпешта, 2003.
- Andrić 2002 – *Andrić E.* A vajdasági magyar diákok nyelvi hibáiról // Hungarológiai közlemények. Újvidék, 2002, № 4.
- Arsenijević 1993 – *Arsenijević N.* Problemi u vezi sa iskazivanjem posesivnosti u srpskoхrvatskom kao sekundarnom jeziku // Magyarok és szlávok. Szeged, 1993.

- Bašić, Crnjanski 2006 – *Bašić G., Crnjanski K.* Politička participacija i kulturna autonomija nacionalnih manjina u Srbiji. Beograd, 2006.
- Bernjak 2004 – *Bernjak E.* Slovenščina in madžarščina v stiku. Maribor, 2004.
- Göncz 1999 – *Göncz L.* A magyar nyelv Jugoszláviában (Vajdaságban). Budapest-Újvidék, 1999.
- Hadrovics 1983 – *Hadrovics L.* Ungarisch-slawische Zweisprachigkeit in der Dichtung des 18. und 19. Jahrhunderts // Hungaro-Slavica. Kiev, 1983.
- Ivić 1958 – *Ivić P.* Die serbokroatischen Dialekte. Ihre Struktur und Entwicklung. s' Gravenhage, 1958.
- Kálmán 1977 – *Kálmán B.* Nyelvjárásaink. Budapest, 1977.
- Molnár Csikós 2003 – *Molnár Csikós L.* A vajdasági magyar nyelv rétegei // Hungarológiai közlemények. Újvidék. 2003, № 2.
- Peco 1989 – *Peco A.* Pregled srpskih dijalekata. Beograd, 1989.
- Samu 1971 – *Samu I.* A mai magyar nyelvjárások rendszere. Budapest, 1971.
- Szabó 1990 – *Szabó I.* A magyarság életrajza. Budapest, 1990.

Summary

The dialect features of Serbian language of Hungarians in Vojvodina

Serbian language of Hungarians living in Vojvodina (Serbia) manifests the dialect features of Serbian and Hungarian. This article focuses on analysis of different features in Serbian language of Hungarian students, e.g. the confusion of Accusative and Locative, constructions with preposition *od*, and *s(a)* etc.

А.Д. Дуличенко (Тарту)

Нужны ли нам диалекты? (по анкетным данным конца 80-х годов XX в.)

Из всех форм существования этнического языка только территориальные диалекты (resp. наречия) являются первичными, в то время как две другие страты являются производными от них, — это литературный язык и социальные диалекты. В XX в., касаясь вопроса о «победном» шествии литературного языка в обществе, стали писать о «бесперспективности» диалектов, нередко приписывая им такие признаки, как, якобы, устарелость, упрощенность и даже примитивность. Достаточно открыть некоторые университетские учебники по истории русского литературного языка второй половины XX в., чтобы убедиться в этом. Один автор писал о «вытеснении их [диалектов] из всех (!) сфер функционирования», другой утверждал, что «развитие образования, массовых средств коммуникации привело (!) к постепенному стиранию диалектных различий и переходу носителей диалектной речи к использованию литературного языка» и под. (см. соответственно: Ефимов 1971: 272; Шкляревский 1984: 147).

Итак, если верить подобным заявлениям, уже в те времена в нашей жизни не оставалось места для древней диалектной речи: отовсюду она вытеснена, а носители ее (почти) «переведены» на литературный язык. Нетрудно заметить, что такие констатации и прогнозы были чрезмерно идеологизированы, так как находились в русле общих идей централизации, унификации и под. Тогда (а порою и ныне) не все понимали, что в языке действуют диалектически противоречивые фундаментальные тенденции: одни из них направлены на унификацию (литературный язык), другие — на сохранение (территориальные диалекты и говоры), третьи — на дифференциацию (социальные диалекты) этнического языка.

Если обратиться к русскому языку, то в нем длительное время проявляются все три указанные тенденции, хотя хорошо известно, что русское общество всегда было ориентировано на единый литературный язык, — таково следствие многовекового функционирования лингвистического образца, который мы называем старославянско-церковнославянским литературно-письменным языком. Прежде всего, по этой причине, в отличие от хорватской, итальянской и некоторых других ситуаций, в истории русского языка не было «диалектных вспышек», т. е. попыток придать устному диалекту письменную форму, создавать на нем литературно-художественные произведения и под. Редкие эксперименты в этом направлении, как, например, рассказ Веры Галактионовой «Трескуча трава», написанный на волжском го-

воре (близ Жигулей) и опубликованный в № 26 за 1991 г. в еженедельнике «Литературная Россия», просто не идут в счет.

Реальная угроза существованию диалектов и говоров действительно существовала на всем протяжении XX в. и остается таковой и в начале века нынешнего. Причина этой угрозы — современная цивилизация, проявляющаяся в масштабной урбанизации и технологическом переустройстве, в широком внедренных и внедряемых в общество СМИ и под. В СССР к этому добавлялась также идея централизации и унификации, находившая свое воплощение, помимо прочего, в едином литературном языке как некоем лингвистическом идеале. В таких условиях естественным образом вставал вопрос: а что же все-таки станет с диалектами и говорами, объективно разнообразящими этнический язык? Неужели и впрямь их ждет забвение? И осознаем ли мы ценность этой формы национального языка? И т. д.

Задавшись подобного рода вопросами, я по своей инициативе решил провести в 80-е гг. XX в. анкетирование, хотя находился в сложном положении: жил не в России, в Украине или в Белоруссии, а в Эстонии. Тем не менее, я составил небольшой вопросник, который намеревался с помощью коллег распространить по университетам указанных республик. Анкета была адресована молодому университетскому поколению, более того — студентам-филологам. К сожалению, социальные события, известные под названием «перестройка» и приведшие к началу 90-х гг. к развалу страны, разрыву связей (в том числе почтовых) между республиками, не позволили завершить этот эксперимент-анкетирование.

В моем архиве сохранилось лишь 59 анкет, собранных в 1988–1989 гг. на Украине и в Эстонии.

На Украине анкетирование среди студентов Тернопольского педагогического института по моей просьбе проводил преподаватель славистики Сергей Васильевич Ткачев, приславший 25 анкет от 13 января 1988 г., которые заполнили студенты 1-го курса, и 10 анкет от 14 марта 1989 г. — студентов 3-го курса. Всего 35 анкет.

В Тартуском университете анкетирование проводил я сам во время чтения лекций по истории русского литературного языка для студентов 4-го курса. 24 тартуские анкеты датированы 20-м декабря 1988 г. Следует иметь в виду, что тартуские студенты заполняли анкеты после того, как в читавшемся мною курсе был освещен вопрос о соотношении литературного языка и диалекта, о творческом отношении к диалектам и говорам в ряде славянских и неславянских стран и т. д., в то время как тернопольские студенты в этом плане подготовлены не были.

В отличие от студентов указанных учебных заведений, к анкетированию резко отрицательно отнеслись, например, будущие филологи из Харьковского университета. Преподаватель Галина Николаевна Карнаушенко в письме от 3-го мая 1989 г. написала мне:

«<...> Должна сказать, что реакция подавляющего большинства курса на объявленную тему анкеты была отрицательная и даже пренебрежительная, что в какой-то мере дает ответ на некоторые вопросы анкеты. Подтвердилось то, чего я опасалась во Львове [там во время конференции я просил автора письма об анкетировании], — русское отделение не может быть показательным в этих вопросах: они в основном городские, диалекты для них — вещь далекая и совершенно непрестижная, а к украинской речи окружающих Харьков сел они относятся еще хуже. <...> К сожалению, не могу прислать ни одной анкеты, потому что они так и не дошли до кафедры».

Это печально и в то же время показательно: молодые «любители слова» программами были ориентированы только на литературный язык, при этом многие из них считали, что пришли в университет только для того, чтобы научиться «красиво и правильно говорить» (понятно, что на литературном языке).

В анкете было 7 вопросов:

1. Литературным языком или диалектом Вы пользовались с рождения?
2. Каково значение диалектов для языка в целом?
3. Каково значение диалектов для литературного языка?
4. Литературный язык и диалект: нужны ли они друг другу?
5. Литературный язык в условиях бездиалектности: выигрыш или проигрыш?
6. Возможно ли и нужно ли литературное (поэтическое, прозаическое) творчество на современных диалектах? Почему его нет? Нужны ли издания (книги, журналы) на диалектах?
7. Каковы перспективы современных диалектов?

Не претендуя на серьезные обобщения, попытаюсь все же привести некоторые мнения из этого, несколько «однобокого», анкетирования.

1. Литературным языком или диалектом Вы пользовались с рождения?

Представлю в таблице данные с ответами на первый вопрос анкеты:

группы студентов	пользо-вались с рождения диалектом	пользовались с рождения диалектом и литературным языком	пользовались с рождения литературным языком
студенты Тартуского университета			
русская группа русской филологии	1	—	13
эстонская группа русской филологии	—	—	10
студенты Тернопольского пединститута			
группа украинской филологии	14	2	7
группа русской филологии	8	—	2
всего	23	2	32

Примечание: одна студентка из группы украинской филологии с детства владела суржиком, т. е. смесью украинского и русского языков; в одной анкете не было ответа на заданный вопрос.

Из таблицы видно, что из студентов Тартуского университета владел с детства родным диалектом лишь один человек, в то время как среди студентов украинского вуза таковые преобладают, — 22 человека + 2 человека, одинаково владевшие и литературным языком, т. е. всего 24 человека. Украинские студенты, следовательно, ближе к изначальной, т. е. диалектной, речи. Это объясняется прежде всего тем, что они в большинстве своем выходцы из сельской местности, в то время как студенты Тарту — преимущественно городские жители.

Итак, представим наиболее характерные ответы на вопросы анкеты.

2. Каково значение диалектов для языка в целом?

Подготовленные тартуские студенты отвечали на этот вопрос таким образом (в скобках подаются фамилии респондентов или инициалы, а также, если указывается, место рождения):

«Национальные языки, имеющие большое число диалектов, очень богаты и сочны. По-моему, без диалектов и говоров национальный язык выглядел бы очень скучным и примитивным» (Артур Барсегян);

«Диалекты — хранители истории языка. Изучая, сравнивая диалекты, можно решать многие спорные вопросы языка и противоречия в нем. Диалекты — это наша память» (Н. Матвеева);

«Развитие диалектов — это история развития языка, фундамент, основа этнического языка» (ТВ);

«В национальном языке это (диалекты) и база, и хранители его. В диалектах отражается история различных групп населения. Диалекты обогащают национальный язык»(?);

«Специфика национального языка, его богатство создается благодаря существованию диалектов» (Крицюк);

«Диалекты обогащают языка, делают его более разнообразным. Через диалекты есть возможность получить знания об истории развития языка в целом, так как диалекты сохраняют некоторые ‘забытые’ литературным языком формы» (С. Крехова);

«Территориальные диалекты играют роль хранителя устаревших слов и форм (из-за удаленности от центра) и в этом смысле их функция — историческая, очень ценная для исследователя и просто интересная для обычного носителя языка» (В.И. Гехтман);

«Являются базой для исследования истории национального языка, источником национальной памяти, хранителями наиболее древних представлений, что важно для истории культуры вообще и самосознания личности в частности» (М.М.);

«Исчезновение какой-либо формы языка отрицательно скажется на нем и обеднит его» (Н.А.);

Эстонские студенты, обучавшие русской филологии, обратили внимание на такие особенности:

«Диалекты — сохранившаяся историческая (живая) культура народа» (М. Аймсалу);

«Язык без диалектов — не язык» (?);

«Диалекты — это база национального языка. Диалекты помогают сохранять особенности национального языка. В нашем языке уже и так много заимствованных слов» (Р. А.).

Некоторые ответы **украинских студентов** (здесь и далее также в переводе на русский язык):

«Чтобы передать быт, жизнь отдельных этнических групп, нужно обязательно использовать диалекты» (О.И. Петрук, Тернополь);

«Диалекты являются своеобразной окраской языка, и поэтому значение их велико» (У. Боченюк, с. Подилля);

«Диалекты украшают язык, обогащают его. С помощью диалектов можно узнать, из какого этнографического региона тот или иной человек» (Шумская, г. Тернополь);

«Диалекты, по моему мнению, имеют значение потому, что с их помощью мы можем проследить историческое развитие языка. Существуют разные диалекты, и некоторые из них через некоторый промежуток времени могут стать отдельными языками» (Г. Фендью, г. Тернополь);

«Все же диалекты обогащают, разнообразят, придают языку национальный колорит» (О. Шорак, г. Тернополь);

«С помощью диалектов мы глубже узнаем о культуре, обычаях наших предков» (Осуховская, г. Золочив).

В 4 анкетах было выражено негативное отношение к диалектам, так как они, по мнению респондентов, «загрязняют» (литературный) язык.

3. Каково значение диалектов для литературного языка?

Тартуские студенты:

«Литературный язык на более ранних этапах своего развития соприкасался с диалектами больше, чем теперь. Значение диалектов для литературного языка уменьшается» (Н.А.);

«Держат нормы литературного языка в постоянном напряжении, тем самым актуализируют их в сознании носителей литературного языка» (М.М.);

«На современном этапе, думаю, литературный язык не соприкасается с диалектами» (А.С.);

«Литературный язык находится в конкуренции с диалектами, он противостоит диалектам. Если в диалекты возможно проникновение элементов литературного языка, то обратного влияния нет. Диалект — это сугубо территориальная особенность» (И. Шевченко);

«Диалекты освежают любой литературный язык, обогащают его, делают более выразительным. Но я считаю, что обилие диалектных слов приведет к тому, что литературные нормы нарушатся, литературный язык дестабилизируется» (ТВ);

«В настоящее время знать диалект — хорошо, литературный язык — престижно. “Умирание” диалектов — это забвение нашей истории» (Н. Матвеева);

«Нельзя забывать, что до появления литературных языков люди говорили на диалектах, и, по-моему, на их базе были созданы практически все литературные языки. Сейчас многие из них очень богаты и не пользуются услугами

диалектов и говоров, но это ни в коем случае не умаляет достоинств диалектов» (Артур Берсегян);

Эстонские студенты:

«Для литературного языка диалекты нужны, например, в художественном стиле, где они ярко отражают национальные особенности языка» (О.М.);

«Диалекты обогащают литературный язык, особенно художественную литературу. Литературный язык становится более выразительным» (Р.А.).

Украинские студенты:

«Литературный язык создается на основе каких-то диалектов, поэтому он тесно связан с ними. Как правило, литературный язык вбирает в себя все наилучшее из диалектов, обогащается за их счет» (В.Г. Гайда, г. Тернополь);

«Без диалектов литературный язык был бы обедненным, менее мелодичным» (Ништа, г. Тернополь);

«Диалекты являются одним из важнейших источников пополнения литературного языка, прежде всего его лексики и фразеологии. В историческом плане диалекты или один из них являются основой литературного языка» (Л.М. Пархонюк, г. Тернополь);

«По моему мнению, диалекты обогащают литературный язык, с их помощью можно узнать о развитии самого литературного языка» (Шумская, г. Тернополь).

В 5 анкетах украинских студентов было высказано отрицательное отношение диалектов к литературному языку.

4. Литературный язык и диалект: нужны ли они друг другу?

Тартуские студенты:

«Во всем, считаю, должна быть мера. Носители диалектов не смогут обойтись без литературного языка. Знание литературного языка престижно. Знание же диалектов не обязательно. Литературный язык без диалектов — дерево без корней» (ТВ);

«Литературный язык может заглушить, постепенно подавить развитие диалекта» (И. Шевченко);

«Нужны для взаимного обогащения» (Крицюк);

«Полагаю, что литературный язык для диалектов нужен, а диалекты для литературного языка не нужны» (А.С.);

«Нужны, так как только во взаимосвязи литературного языка и диалектов возможно национальное (а значит, и культурное) самосознание» (М.М.);

Эстонские студенты:

«Дополняют друг друга» (Р.А.);

«Значение диалектов для литературного языка большее, чем значение литературного языка для диалектов» (М. Аймсалу);

«Нужны: они обогащают друг друга»;

«Нужны. Они влияют друг на друга» (А. Антон);

«Нужны, особенно диалекты для литературного языка» (Юхков).

Украинские студенты:

«Нужны, так как диалекты способствуют в некоторой степени обогащению литературного языка» (Наталья М. Байцун, г. Житомир);

«Нужны, потому что именно на основе диалектов и возник литературный язык» (Т. Щербань, г. Тернополь);

«Да, нужны. Только на базе этого можно говорить о богатстве литературного языка, о его народной основе» (В.Г. Гайда, г. Тернополь);

«Они должны развиваться вместе, неразрывно друг от друга» (Ништа, г. Тернополь);

«С помощью диалектов литературный язык обогащается. Литературным языком должно говорить все население Украины, но ведь неинтересно слышать ото всех одно и то же самое» (Шумская, г. Тернополь).

В одном случае на вопрос дан отрицательный ответ (без аргументации).

5. Литературный язык в условиях бездиалектности: выигрыш или проигрыш?

Тартуские студенты:

«Проигрыш для литературного языка, так как он сильно оторвется от своих естественных корней. Это будет похоже на высыхание его русла» (А.Г. Прокопенко);

«Литературный язык в условиях бездиалектности окажется в состоянии застойной воды, нормы иссушатся. Литературный язык лишится разнообразия, а его средства выразительности заштампуются» (М.М.);

«По-моему, проигрыш. Потому что в прошлое безвозвратно уходит диалектное слово, которое, вероятно, уже никогда не будет сказано. Теряется в целом богатство и разнообразие национального языка» (С. Крехова);

«А каким будет литературный язык в таких условиях?» (И. Шевченко);

«Литературный язык в условиях бездиалектности, конечно, проиграет, так как диалекты придают ему выразительные возможности» (ТВ);

«Безусловно, проигрыш. Это мне так же трудно представить, как суп без воды, а ребенок без матери» (Артур Барсегян).

Эстонские студенты:

« Я не верю, что существуют языки без диалектов» (Р.К.);

«Я считаю, что проигрыш. Например, художественный текст, написанный литературным языком, богаче, когда в нем используются и диалектные слова» (Я. Либлик);

«По-моему, литературный язык без диалектов много потеряет» (О.М.);

«Безусловно, проигрыш. Было бы нормальным, чтобы каждый человек владел и литературным языком, и диалектом своего родного края, чтобы сохранять традиции, старые обычаи. Это не будет мешать развитию литературного языка — скорее, обогатит его»(?).

Украинские студенты:

«Я думаю, что литературный язык в абсолютно бездиалектном состоянии невозможен. Без диалектов наша духовная жизнь, наша культура обеднеет» (Михайлышина, г. Тернополь);

«Проигрыш. Потому что литературный язык без диалектов существовать не может» (Т. Щербань, г. Тернополь);

«Я думаю, что литературный язык без диалектов проиграет. Все говорящие будут ‘на одно лицо’» (И. Фендью, г. Тернополь);

«Язык без диалектов — это история без событий» (Панцю, г. Тернополь);

«Может, да и нет. Но я все-таки за диалекты» (О. И. Петрук г. Тернополь);

«По моему мнению, в условиях бездиалектности литературный язык выиграет» (Гавлич, г. Тернополь).

Абсолютное большинство респондентов считает, что литературный язык в ситуации бездиалектности проиграет.

6. Возможно ли и нужно ли литературное (поэтическое, прозаическое) творчество на современных диалектах? Почему его нет? Нужны ли издания (книги, журналы) на диалектах?

Тартуские студенты:

«По моему глубокому убеждению, они очень нужны. Я бы, например, с удовольствием почитал журнал на моем родном диалекте» (Артур Барсегян);

«Возможно и нужно. Как средство а) сохранения истории, б) продления жизни диалекта» (Н. Матвеева);

«Литературное творчество на современных диалектах возможно. Думаю, что его нет потому, что уже мало осталось носителей диалектов. Литературный язык давит на диалекты (радио, телевидение, СМИ)» (ТВ);

«Нужно. В первую очередь непосредственно на территории распространения самого диалекта. Диалект не должен умереть. Его нужно поддержать. Любой диалект для его носителя — это его история, он продолжает традицию его отцов» (И. Шевченко);

«Литературное творчество на современных диалектах возможно, но вот нужно ли?»(?);

«По-моему, необходимость этого творчества должны решать сами носители диалекта» (В.И. Гехтман);

«Такое творчество нужно, но его нет потому, что 1) подавляющее большинство людей, испытывающих интерес к слову, — наследники литературного языка; 2) сами носители диалектов мало интересуются печатным словом (а это в основном пожилые люди)» (М.М.);

«Литературное творчество на современных диалектах возможно и нужно. Отсутствие такового можно объяснить авторитарностью литературного языка, его общеупотребительностью, огромным потоком изданий, исключающих диалекты» (А.Г. Прокопенко).

Эстонские студенты:

«Думаю, что издание книг на диалектах не нужно, тем более что число носителей диалектов уменьшается» (Р.А.);

«Литература на диалекте связывает тех людей, которые родились в одной местности. Кажется, в Выруском районе (Эстонии) издается уже газета на выруском диалекте» (М. Аймсалу);

«Обязательно нужны, чтобы не исчез диалектный язык» (О.М.);

«По-моему, литературное творчество на современных диалектах возможно. На эстонском языке оно имеется. Но нужно ли? Кажется, нет. Например, прозаические произведения на современных диалектах не читают» (С.О.);

«Я считаю, что не нужны издания на диалектах. Роль диалектов не так велика в сравнении с литературным языком. Диалекты сохраняются и так. Если мы будем издавать на них книги, то в будущем может наблюдаться слишком сильное их влияние на литературный язык» (И. Тохвер);

«Прозаическое творчество на диалектах эстонского языка есть (Траат и др.). Но многие люди диалектов не знают» (Юхков);

«Литературное (поэтическое) творчество в Эстонии, по-моему, существует. Но для широкого круга читателей книги на диалектах не нужны» (Р.К.);

«Издания нужны на диалектах, чтобы сохранить национальный язык в целом»(?).

Украинские студенты:

«Возможно, но не нужно. Нет потребности в этом» (Псуй, с. Дмуховцы);

«Я думаю, что такие издания помогут нам в изучении богатства языка» (Михайлышина, г. Тернополь);

«Коль диалекты существуют — значит, возможно да и нужно литературное творчество на них в границах того региона, где они употребляются» (Татарченко, г. Чортков);

«Творчество на диалектах очень необходимо. У нас есть В. Стефаник, М. Черемшина, Л. Мартович, которые в своем творчестве пользовались диалектами, тем самым обогащая читателей знанием о народе и его культуре» (Ништа, г. Тернополь);

«Можно. И это имеется, только не везде. Польская газета ‘Наше слово’ (выходит на украинском языке) имеет лемковскую страницу. Необходимо ли литературное творчество на диалектах? Да, так как произведения на них будут выражать истинный дух и настроения народа» (И. Фендьо, г. Тернополь);

«Разумеется, необходимы. Я всегда удивляюсь, почему у нас, на Украине, нет таких журналов или газет?... Примером может стать газета ‘Наше слово’, которая издается в Польше и в которой помещена ‘Лемковская страничка’» (Панцю, г. Тернополь);

«Диалектное творчество в принципе возможно. Но его нет, так как автор обычно обращается к своему народу в целом, а не к представителям того или иного диалекта. Поэтому с этой точки зрения вряд ли можно приветствовать произведения, написанные на диалекте. Другое дело – использовать диалектные элементы для создания колорита» (Л.М. Пархонюк, г. Тернополь);

«Мне кажется, что издавать книги, журналы на диалектах не имеет смысла, так как они в таком случае не будут иметь достаточно широкого круга читателей. И: не будет ли ослабляться при этом значение литературного языка? Тем более что им пользуется большинство людей» (О. Шорак, г. Тернополь).

Немногим более 10 украинских респондентов не приветствуют диалектное литературно-художественное творчество, опасаясь, что это ослабит функции украинского литературного языка.

7. Каковы перспективы современных диалектов?

Таргуские студенты:

«Останутся разговорным языком для носителей определенной области» (Н.А.);

«В условиях усиливающейся урбанизации диалекты могут сохраниться лишь искусственно, но это значит, что уже не в первозданном виде и с нарушением своей исторической и культурной функции» (М.М.);

«Деревни гибнут. Есть поэтому опасность и гибели диалектов. (Я сейчас подумала, что здесь, может быть, и важна будет роль диалектных книг и журналов, — как предотвращение этой опасности)» (В.И. Гехтман);

«В связи с веяниями последнего времени к этому вопросу, я думаю, нужно относиться оптимистически» (С. Крехова);

«Наверное, диалекты в перспективе прекратят свое существование, хотя очень жаль» (Крициук);

«Думаю, больших перспектив нет»(?);

«Если не поддержать их развития, они просто погибнут» (И. Шевченко);

«Жаль, но я думаю, что литературный язык рано или поздно вытеснит диалекты полностью» (ТВ);

«Развитие или умирание диалектов зависит в первую очередь от их носителей» (Н. Матвеева);

«На этот вопрос ответить не могу» (Артур Барсегян).

Эстонские студенты:

«Думаю, что при таком (?!?) отношении к диалектам, перспективы нет» (А. Антон);

«Развитие диалектов связано с влиянием современного литературного языка. Для того, чтобы они сохранились, и нужна литература на диалектах» (М. Аймсалу);

«Молодежь наша не предпочитает диалекты. Это все связано с развитием городов. Молодежь покидает деревню. Сейчас, будем надеяться, что-то меняется» (Р.А.);

«В настоящее время я не вижу никаких перспектив» (Я. Либлик);

«В эстонском языке перспективы довольно большие, так как в последнее время проводятся всякие народные дни диалектов того или иного края или даже издаются некоторые книги на диалектах. Сейчас даже стало как-то модным говорить на диалекте. Особенно этой касается южной Эстонии и островов»(?).

Украинские студенты:

«Все-таки преимущество имеет литературный язык» (Н.Я. Ленцинская, с. Оприловцы Тернопольской обл.);

«Полное исчезновение» (Л. Оныськив, с. Глыбочок);

«Наверное, нет» (О.Е. Гуц, с. Борешень Ровенской обл.);

«С расширением влияния литературного языка диалекты будут исчезать (наверное)» (Беженар, с. Нелиповцы Черновицкой обл.);

«Я считаю, что постепенно под влиянием литературного языка происходит стирание диалектов (процесс этот длительный)» (Татарченко, г. Чортков);

«Без диалектов наша духовная жизнь, наша культура обеднеет» (Михай-лышина, г. Тернополь);

«Со временем они исчезнут» (Псуй, с. Дмуховцы);

«Взаимодействие с литературным языком, а не исчезновение» (Л.М. Пархонюк, г. Тернополь);

«Старики умирают, молодые рождаются. Диалекты передаются из поколения в поколение как частичка истории рода своего» (Панцьо, г. Тернополь);

«Я думаю, что диалекты (там, где они есть), будут сохраняться» (И. Фендью, г. Тернополь);

«По моему мнению, диалекты сохраняются» (Шумская, г. Тернополь);

«Если мы придадим украинскому языку статус государственного, то и перспективы современных диалектов значительно расширятся» (Т.Е. Ковалик, г. Тернополь);

«Перспектива все большего сближения с литературным языком» (Царук, г. Тернополь);

«Современные диалекты как таковые перспектив не имеют» (В.М. Марьян, г. Тернополь).

В ответах украинских студентов 7 анкет остались без ответа, в 13 высказано негативное мнение на перспективы диалектов.

* * *

Подведем некоторые итоги. Прежде всего, следует сказать, что студенческое поколение советского времени, хотя и оторвано было или же отрывалось от диалектной речи, покидая село, все же сохраняет некоторое знание о ней и даже пользуется ею. В украинской ситуации близость к диалектной речи очевидна, хотя в то же время прослеживается очевидная ориентация и на литературный язык, – видимо, из-за слабых функциональных позиций украинского литературного языка того времени (как попытка усилить его позиции, отделяя от диалектов). Тем не менее, показательно, что большая часть анкетируемых осознают культурно-историческую и этническую (национальную) ценность диалектов и говоров и, несмотря на скептицизм некоторых, видят для них перспективу сохранения в русле параллельного развития с литературным языком. Этот оптимизм подкрепляется многими респондентами признанием необходимости и важности издания на диалектах периодики и книг. В любом случае представленные здесь наиболее характерные ответы дают диалектологам пищу для размышлений.

Литература

Ефимов 1971 — *Ефимов А.И.* История русского литературного языка. Изд. 3, испрavl. М., 1971.

Шкляревский 1984 — *Шкляревский Г.И.* История русского литературного языка. Советский период. Харьков, 1984.

Ф.Д. Климчук (Минск)

Материалы опросника «Мое впечатление от переводов с русского литературного языка на западнополесский говор»

Опрос носителей западнополесских говоров с целью выявления субъективных оценок различий между литературными и диалектными текстами опирался на программу, составленную А.Д. Дуличенко (Тарту). Были поставлены следующие вопросы.

1. Каково первое впечатление о прослушанном тексте, переведенном на диалект с русского языка?

2. Каково эстетическое впечатление? Текст на диалекте в сравнении с текстом на русском языке. Оба красивые? Один немного красивее? Какой? Один очень некрасивый? Какой?

3. Языковые впечатления. Достаточно ли языковых средств на диалекте, чтобы передать на нем русский литературный текст? А может быть, не хватает средств?

4. Есть ли разница в стиле?

5. Вызывает ли перевод ассоциацию с оригиналом? Нет ли ощущения, что текст на диалекте неполноценный? Что его качество хуже, нежели качество оригинала?

6. Какой текст понятнее? Оба понятны одинаково? Если внимательно слушать? А если слушать невнимательно, будучи занятым работой – одинаково ли воспринимаются оба текста?

При опросе использовался машиноописный сборник «Переводы из Л.Н. Толстого на говоры Полесья». Обычно зачитывались тексты переводов на говоры, которые близки родному говору информатора.

Материал собран: в 1971 г. – № 19, 20; 1972 – № 16; 1973 – № 5–7, 11, 13; 1974 – № 17, 22; 1977 – № 18; 1979 – № 15; 1983 – № 12–14; 1985 – № 1–4, 8–10; 1986 – № 21, 24–29; 2010 – № 30, 31.

(1) МИХАЛЮК Мария Васильевна, 1943 г. р. Бухгалтер. С. Озяты Жабинковского р-на Брестской обл.

1. Это один и тот же текст на двух языках.
2. Красивее текст на диалекте.
3. Языковых средств достаточно в переводе.
4. Особой разницы в характере стиля не обнаружила.

5. От оригинала отличается только языковой принадлежностью. Нет ощущения неполноценности текста. Перевод не хуже оригинала.

6. О понятности текста. Когда читались тексты, оригинал и перевод, я была занята работой, поэтому слушала невнимательно. Поэтому текст на диалекте мне было значительно легче понять. Чтобы хорошо понять текст на русском языке, нужно быть внимательнее.

(2) ЗАГОРСКАЯ Любовь Степановна, 1955 г. р. Секретарь Озятского сельсовета Жабинковского р-на Брестской обл.

1. Это текст один и тот же. Отдельные слова в переводе характерны для говоров Брестского района; говорам Жабинковского района свойственны другие слова.

2. Красивее текст на диалекте.

3. Языковых средств в переводе достаточно.

4. Особой разницы в характере стиля не обнаружено.

5. Нет ощущения неполноценности текста на диалекте.

6. Понятны примерно в одинаковой степени оба текста.

(3) ЛЫСКОВИЧ Нина Васильевна, 1948 г. р. Счетовод-кассир. С. Озяты Жабинковского р-на Брестской обл.

1. Текст на двух языках, один и тот.

2. Красивее текст на диалекте, поскольку диалект родной.

3. Языковых средств достаточно для перевода.

4. Особой разницы в характере стиля не обнаружено.

5. Нет ощущения неполноценности текста перевода.

6. Понятны примерно в равной степени оба текста, оригинал и перевод.

(4) ПЛАТОНОВА Мария Иосифовна, 1946 г. р. Контролер сберкассы. С. Озяты Жабинковского р-на Брестской обл.

1. Один и тот текст на двух языках.

2. Красивее текст на диалекте, хотя и русский язык красивый.

3. Языковых средств достаточно в переводе.

4. Особой разницы в характере стиля не обнаружено.

5. Нет ощущения неполноценности текста перевода.

6. Оригинал и перевод онятны примерно в равной степени.

(5) КЛИМЧУК Данил Фёдорович, 1907 г. р. Пенсионер, ранее колхозник. С. Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл.

1. Ощущение, что отдельные слова «недопереведены», т. е. просто взяты из русского языка. Правда, эти слова употребляются носителями говора. Но

если хорошенько понаблюдать, то можно встретить, найти и местные эквиваленты этим словам. Если употребить в переводе последние, то не было бы ощущения недопереведенности.

2. Красивее текст на диалекте.
3. Языковых средств, в общем, достаточно для перевода, хотя можно встретиться со сложностями.
4. Особой разницы в характере стиля не обнаружено.
5. Нет ощущения неполноценности текста.
6. Перевод более понятен, чем оригинал, вернее воспринимается легче, можно быть менее внимательным при чтении.

(6) КЛИМЧУК Анастасия Андреевна, 1912 г. р. Пенсионерка, ранее колхозница. С. Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл.

1. Хорошо переведен текст.
2. Оба текста красивые, оригинал и перевод, но перевод на говор мне красивее.
3. Языковых средств достаточно для перевода.
4. Особой разницы в характере стиля не обнаружено.
5. Нет ощущения неполноценности текста.
6. По-русски я не разговариваю. Но русский язык хорошо понимаю. В равной примерно степени понятен текст на русском языке и на диалекте.

(7) КЛИМЧУК Леонид Данилович, 1941 г. р. Инженер, г. Брест. Родился в с. Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл.

1. Нормальный перевод с русского языка на говор.
2. Оба текста красивые.
3. Языковых средств достаточно в переводе.
4. Особой разницы в характере стиля не обнаруживаю.
5. Нет ощущения неполноценности текста перевода.
6. Понятны в равной мере оригинал и перевод.

(8) БЛОХА [фамилия], пенсионерка, ранее колхозница. Дер. Теляки Озятынского сельсовета Жабинковского р-на Брестской обл.

1. Это один и тот же текст на двух системах. Но текст на диалекте мне непривычен, на нем ничего не печатается.
2. Мне красивее текст на русском языке. Я во время беженцев долго жила в России, говорила тогда только по-русски. И сейчас нередко говорю по-русски, например, когда езжу в Россию. Правда, здесь я говорю на местном диалекте. Русский язык мне очень нравится.
3. Языковых средств хватает для перевода.

4. Особой разницы в характере языкового стиля не обнаружено.

5. Есть ощущение неполноценности текста. Ведь на здешнем диалекте не печатают. А если бы и печатали, то только для нескольких районов Брестской области. А русский язык – для всех народов, а для белорусов и украинцев он понятен.

6. Мне понятнее текст на русском языке, потому что писание и печатание на диалекте непривычно.

(9) [Имя и возраст не указаны]. Колхозница. Дер. Теляки Жабинковского р-на.

1. Непривычно, что на диалекте написано. На диалекте говорят.

2. Мне красивее текст на русском языке.

3. Языковых средств хватает для перевода.

4. Особой разницы в характере стиля не обнаружила.

5. Есть ощущение неполноценности, поскольку на диалекте не печатается. Да и ареал функционирования диалекта ограничен по сравнению с русским языком.

6. Мне понятнее текст на русском языке, поскольку текст на диалекте, отпечатанный на машинке, непривычен.

(10) [Имя и возраст не указаны]. Колхозница. С. Бусни Рогознянского сельсовета Жабинковского р-на Брестской обл.

1. Это один и тот же текст на русском языке и нашем говоре.

2. Красивее мне текст на диалекте, все-таки родной говор.

3. Языковых средств хватает для перевода.

4. Какой-либо разницы в стиле не обнаруживаю.

5. Нет ощущения неполноценности текста на диалекте.

6. Мне в одинаковой степени понятен текст и на диалекте, и на русском языке. Русский язык я понимаю.

(11) КАМЕНДОВА Нина Даниловна, 1947 г. р. Инженер, г. Минск. Родилась в с. Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл.

1. Непривычно слушать. Привыкла, что на такой языковой системе нет публикаций.

2. Я всегда предпочитала читать оригинал, а не перевод. Сознание того, что это перевод, а не оригинал, заставлял меня считать, что оригинал красивее. Хотя по красоте переводы разные. С другой стороны, фольклорные тексты, записанные на Брестщине, тоже красивее в оригинале, чем в переводе на литературный язык.

3. Языковых средств достаточно для перевода. Ведь народные говоры очень богатые. Нужно только суметь изыскать эти средства. Как правило, наиболее богаты диалекты эти у неграмотных и малограмотных людей.

4. Особой разницы в стиле не обнаруживаю.

5. Ощущения неполноценности не обнаруживаю. Отношусь к такому переводу, как к любому переводу с одной языковой системы на другую.

6. Оригинал и перевод понятны в равной степени.

(12) СИВЕНЬКО Владимир Иванович, 1952 г. р. Водитель в г. Бресте. Родился и проживает в пригородном селе Прилуки.

1. Изучение местных говоров, переводы с литературных текстов на народные говоры. Я интуитивно чувствую, что это очень серьезное дело. Считаю, что этим должны заниматься. Не только нужны переводы на народные говоры, но и писать на них, печатать переводы и оригинальные произведения.

2. Красивый и оригинал, и перевод. Но красоту перевода мне легче ощущать. Если я слышу слова родного говора, то ярко представляю живые образы. А если тот же текст на русском языке, то те же слова вызывают образы, уже немного прикрытые каким-то туманом.

3. Языковых средств в говоре достаточно для перевода.

4. Особой разницы в характере стиля не обнаруживаю.

5. Не только нет ощущения неполноценности текста, но наоборот, ощущается его какая-то особая ценность. Видимо, потому, что я жажду, чтобы такие тексты (на родном говоре) можно было бы почитать в книгах, газетах, а их нет.

6. В принципе я одинаково понимаю и русский текст, и перевод его на диалект. Но текст на диалекте для меня проще и легче дошел. С чем же это связано? В первом случае нужно напрягаться, сосредотачивать внимание, а во втором случае само собой слушается.

(13) СИВЕНЬКО Иван М., 1929 г. р. Пенсионер, до пенсии — колхозник. С. Прилуки Брестского р-на.

1. Мне очень приятно, я очень рад, что наш язык изучается, что тексты переводятся на него. У меня даже слёзы выступают от радости, что наш язык признается за человеческий.

2. Если хорошо переведено, то красивее текст на диалекте. Но дело вот в чем. Красив язык наших стариков, красив и богат. Молодежь, хотя и говорит на диалекте, но у многих язык беден. Вот и тексты некоторые — язык беден.

3. Языковых средств достаточно для перевода, даже есть материала более. Но для этого нужно брать речь стариков.

4. Особой разницы в характере стиля не обнаружено.

5. Неполноценности перевод не вызывает.

6. В принципе понятен одинаково тот и другой. Но, слушая русский текст, приходится напрягаться, а текст на говоре воспринимается легче.

(14) БОСАЦКАЯ Дарья Ф., 1929 г. р. Колхозница. С. Прилуки Брестского р-на.

1. Было бы хорошо, чтобы наш язык в школе дети изучали.

2. Красивее диалект.

3. Языковых средств достаточно для перевода.

4. Особой разницы в стиле не обнаруживаю.

5. Неполноценными переводы не являются.

6. Понимаю оба текста, Просто, когда слушаю диалект, внимание само собой привлекается.

(15) КЛИМЧУК Пётр Павлович, 1941 г. р. Колхозник.

Павловский р-н Краснодарского края. До этого некоторое время жил на Алтае. Родился в с. Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл.

1. Одно и то же на двух языках.

2. Оба текста красивые. Когда-то я считал красивым или самым красивым только свой брестский диалект. Русский язык, который можно услышать на Брестщине, я считал сухим, бедным, таким языком, которым можно сказать только что-то самое основное. Считал, что русским языком нельзя ни пошутить, ни образно выразиться. Мое отношение к русскому языку изменилось, когда я пожил в русском селе на Алтае. Я понял, что русский деревенский язык такой же богатый и красивый, как и наш, что на нем можно образно что-то рассказать, пошутить и т. д.

3. Языковых средств хватает.

4. Особой разницы в стиле не обнаруживаю.

5. Не считаю перевод неполноценным.

6. Оба текста одинаково понятны.

(16) БАБУРЧИК Владимир Степанович, 1929 г. р. Колхозник. С. Перки Кобринского р-на Брестской обл.

1. Перевод на говор, изучение говоров – дело какое-то новое. Раньше этого не было. Растет культура, наука. Сколько новых видов машин я вижу (деревня около шоссе Брест–Москва). В космос летают.

2. Оба текста красивые.

3. Языковых средств достаточно.

4. Какой-либо разницы в стиле нет.

5. Нет ощущения неполноценности перевода.
6. Понятны оба текста.

(17) [Имя не указано] 1910 г. р. Колхозница. С. Сошино Пинского р-на Брестской обл.

1. Зачем заниматься такой ерундой?
2. Русский язык красивый, тексты на говоре отвратительны.
3. Языковых средств и меньше, и слова диалектные отвратительные.
4. В стиле не разбираюсь.
5. Очень чувствую неполноценность такого на диалекте.
6. Местный говор мне противный. Когда его читаете, я слушаю невнимательно. Поэтому мне он малопонятен.

(18) [Имя и возраст не указаны] Инженер. Г. Белоозерск Березовского р-на Брестской обл.

1. Никому не нужное дело. Непонятно, зачем этим заниматься? Изучать говоры – это, может, для каких-то целей нужно.
2. Говором давно не пользуюсь. Красивый текст на русском языке. Текст на диалекте для меня некрасивый, потому что это диалект, а не литературный язык.
3. Ну конечно, в любом говоре языковых средств недостаточно, чтобы перевести литературный или научный текст.
4. Конечно, стиль перевода слабый.
5. Да, есть ощущение неполноценности текста.
6. Мне легче понимать по-английски, чем на говоре, не говоря уже на русском языке.

(19) ХВЕДОНЦЕВИЧ Фёдор Михайлович, род около 1922 г. С. Субботы Дрогичинского р-на Брестской обл. Говор села – тороканский.

1. У меня даже слёзы выступили, когда я услышал художественный текст на нашем говоре.
2. Красивые все языки, которые я знаю: ваш [т. е. родной говор Ф. Д. Климчука, среднезагородский], русский, белорусский, польский, украинский. Но мне самый красивый наш (тороканский говор).
3. Языковых средств предостаточно в говоре для перевода литературного текста. Это «интеллигенция» выдумала, что говоры неполноценные. В говорах еще больше слов, чем в письменном языке.
4. Я думаю, что стилевые средства на говоре богаче, чем на письменных языках.
5. Конечно, нет ощущения неполноценности текста.

6. Понятны мне оба текста.

(20) КУРИЛОВИЧ Степан. Возраст не указан. Колхозник. С. Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл.

1. Интересно, что и на наш язык переведено, приятно, что на наш язык. Надо, чтобы на нашем языке были книги и чтобы в школах изучали.

2. Наш красивее.

3. Языковых средств достаточно.

4. Стиль — особой разницы не замечаю.

5. Нет ощущения неполноценности.

6. Понятны одинаково оба текста.

(21) ТРУХАН Тамара Николаевна, 1955 г. р. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкоznания АН БССР. Родилась в Любансском р-не Минской обл.

1. В сборнике представлены тексты на говорах. Для меня это как хрестоматия по диалектологии.

2. Очень нравится. Я диалектолог. Очень люблю говоры, очень люблю тексты на говорах. Поэтому нравятся переводы.

3. Усложняется, а не упрощается. Перевод богаче, чем оригинал. Много нового в лексике, иногда в фонетике и морфологии.

4. Различия с литературным языком не бросаются в глаза.

5. Основные тексты: чувствуется тот же Толстой. Недостатка в средствах нет.

6. Понятны оба текста.

(22) ВЯЧОРКА Валентин (Винцук), аспирант Института языкоznания АН БССР.

1. Я – горожанин, носитель белорусского литературного языка. Поэтому при первом прочтении тексты кажутся немного экзотичными.

2. Эстетическое впечатление для меня обусловливается литературными достоинствами языка (диалекта), на котором создан текст: яркостью словесных образов, совершенством стиля и под. Поэтому, конечно, «оба красивые».

3. Гениальные литературные произведения, как известно, исчерпывающиму переводу не поддаются. Поэтому нельзя ожидать, что вся образная система языка Л. Толстого найдёт своё отражение в переводах на диалекты: что-то утратится. Но в то же время перевод побуждает переводчика-носителя диалекта искать адекватные средства выражения, и это приводит к маленьким художественным открытиям. Удивило, как терминологично звучит: «Калі вада замерзыне, яна раздаецца» (Чечерский район). Вообще говоря, языковых средств диалекта хватает для передачи оригинального русского

текста, при условии определенной пурристической ориентации переводчика (имею в виду выбор своеобразных языковых средств). Такие ресурсы есть, о них свидетельствуют данные в скобках синонимы. Показательны в этом смысле два последних перевода «Отче наш»: передается не буква, а смысл, и в результате нет языковой вторичности, чувствуется богатство языковой системы на всех уровнях.

4. Язык большинства взятых для перевода произведений Л. Толстого близок к разговорному. Владеющий стилями русского литературного языка, читатель локализует эти произведения в некоем «стилевом пространстве». Стилистическая гамма диалектного языка уже, но перевод активизирует его ресурсы, и вновь созданный диалектный текст сочетает в себе качества нескольких стилей. Мне диалектные тексты кажутся более высокими по стилю, чем оригинал. Кстати, именно благодаря «панстилизму» диалектного слова, оно – неисчерпаемый источник пополнения синонимических структур литературного языка. Но для того, чтобы оценить синтагматические возможности слова, его надо воспринимать в текстах. Нет ничего лучше для такого объемного восприятия, чем сопоставление словоупотреблений в разговорных диалектных текстах и в художественных произведениях (переводах) на диалектах. Последние в эпоху урбанизации необходимы для сохранения и развития неповторимых этнокультурных ландшафтов.

5. Ощущение «вторичности» иногда возникает при чтении текстов, близких к русскому литературному языку. Но большинство текстов воспринимаю как самоценные.

6. После слуховой адаптации практически все тексты понимаю одинаково (изредка «натыкаюсь» на непонятные лексемы в текстах на диалектах, тяготеющих к украинскому литературному языку).

(23) КОРНЕЛЮК Константин Степанович, студент Гродненского университета. Уроженец с. Андроново Кобринского р-на Брестской обл.

1. Диалог людей. Если касается специалистов, то перевод лучше. А для неспециалистов чувствуется доля искусственности. Любой перевод с русского на близкий язык проигрывает, не говоря о диалектах. Писатель проигрывает.

2. На русском языке красивее в том плане, что его смогут прочитать больше читателей. Он более доступен. Но если взять диалог, то красота более видна в диалектных текстах.

2а. Игра диалектом.

3. Средств достаточно. Даже в литературном языке не хватает. Особенно проигрывает белорусский язык, когда берется в произведении одно слово и переносится в другую эпоху.

4. Есть. Очень заметно. Порядок слов изменяется.

5. Когда описание природы, не ощущается неполноценности. А когда о Москве, не о Брестщине, на полесском говоре, то ощущается неполноценность. Но тоже как-то неполноценно, когда в Беларуси белорусский текст переводится на русский язык.

6. Оригинал понятнее. На диалекте трудно воспринимать, потому что не привычно.

(24) СТРЕЛЬЧУК Анна Васильевна, 1913 г. р. Колхозница. Дер. Довгая Святовольского сельсовета Ивацевичского р-на Брестской обл.

2. *Мэй красівый, не мόжэм лучшэ.* Свой говор лучший, красивый.

3. *Не хатае.* Нельзя слов подобрать. И, наоборот, при переводе с диалекта на русский.

4. Есть.

5. *Полнцэнныі.*

6. *Свэй луччэ поніаем. Свэй і колі невнімацельно.*

(25) ГАЛЁНКО Василий Adamovich. Возраст не указан. Колхозник. С. Блудэнь (Первомайская) Березовского р-на Брестской обл. Говор села – стригинский.

1. Всё равно.

2. На русском *красівей*.

3. *Хатае.*

5. Неполноценный.

6. *По-рускі более понятлівый. Всяк понімаю, і если занят роботою.*

(26) ДЕДОК Николай Артемович, 1922 г. р. Образование высшее. Дер. Турная Ивацевичского р-на Брестской обл. Говор деревни – южнотелешанский.

1. Хорошее.

2. Однаково хорошее.

3. При помощи диалекта *более глубжсе*, больше средств. Русский язык не может охватить глубины жизни, средств, которых не хватает.

4. Есть.

5. Полноценный.

6. Диалект более понятен.

(27) ГОВОРКО Василий Калистратович, 1903 г. р. Работал в колхозе. С. Блудэнь (Первомайская) Березовского р-на Брестской обл. Говор села – стригинский.

1. Так себе.
2. Русский язык красивее, местный язык некрасивый.
3. Хватает.
4. Небольшая разница.
5. *Tой і той* хороший.
6. Оба понятливы.

(28) ХОМИЧ Пётр Павлович, 1914 г. р. М. Телеханы Ивацевичского р-на Брестской обл.

3. В диалекте языковых средств больше для выражения мыслей.

(29) САМУЙЛИК Ярослав Григорьевич, 1961 г. р. Учитель, образование высшее. Дер. Довгая Святовольского сельсовета Ивацевичского р-на Брестской обл.

1. Какое-то необычное впечатление. Но подумавши: чем хуже диалект любого литературного языка! Ведь это тот же язык, которым пользуется, разговаривает, общается весь народ.

2. Диалект хороший. Но текст на русском языке более отшлифован, красивее звучит. Но не считаю, что один красив, другой некрасив.

3. Вопрос вызывает затруднение. Может быть, не хватает средств. Русский язык очень трудно переводится. Бывает иногда не хватает средств... Нет, средств хватает, но трудно подобрать по контексту адекватные слова.

4. Немного есть. Существенной разницы нет.

5. Вызывается ассоциация, нет ощущения, что неполноценный текст.

6. Оба понятны. Но текст на диалекте более понятен, более доступен, лучше воспринимается. При невнимании, когда работаешь, на диалекте быстрее воспринимается. За говором видятся другие пейзажи, обычаи, нравы, люди, *краявіды*, характер народа.

(30) МИСИЮК Виктор Сергеевич, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Брестского государственного технического университета. Родился в 1977 г. в г. Бресте.

К литературе на говорах я отношусь как нужному и важному явлению. Ее существование очень актуально и востребовано современным читателем. За последнее время мировоззрение читателей сильно изменилось. Они чаще сталкиваются с другими культурами, вырос их образовательный уровень, уменьшается накал многих ранее существовавших межэтнических конфликт-

тов. Уважение и интерес к культурному разнообразию растет. На протяжении последних двухсот лет господствовала мысль о том, что писать надо только основываясь на классическом представлении об идеале языка, квинтэссенции и экстракте народной речи, единой литературной норме. Отклонения или попытки разрушить эту норму порицались хранителями чистоты. С позиции нашего времени становится понятно, что «идеальная норма» должна сосуществовать с языковым многообразием (жаргонами, экспериментами в грамматике и словообразовании, заимствованиями и диалектами). Общества с высоким уровнем жизни, где приветствуется такая черта как креативность, дозрели до того, чтобы ценить языковую индивидуальность. Ведь мертвящее дыхание массовой культуры сказывается и на языке, спасение для которого заключается в том, чтобы опираться на живую активную неповторимую личность. Изначально и традиционно, еще до того, как речь стала записываться, языки ежедневно воссоздавались разнообразными людьми, отражая все особенности их темперамента, занятий, семейного прошлого, встреч со знакомыми. Это натурально, но для отображения на письме требует большого умения. Призвание литературы отражать жизнь, а не искажать ее. Двух (трех, четырех) уровневая литература более жизненна и жизнеспособна. Это тем более понятно тем, кто, как и я, вырос в регионе, где еще много элементов традиционной культуры. В условиях общества высоких технологий их очень легко утратить и очень сложно воссоздать из ничего. Поддерживая литературу на говорах, мы поддерживаем наследие каждого (человека, села, района) и всех одновременно. Переводы – это сложный жанр литературы, он испытывает переводчика на глубокое всестороннее знание языка, а сам язык испытывает на универсальность. Перевод на диалект это своеобразное испытание идентичности автора, способности переводить общечеловеческое на уровень индивидуальности. Тексты на говоре будоражат чувства, мне они нравятся. В их отдаленности или сходстве со знакомыми вариантами речи есть что-то интригующее, комичное, то домашнее, то неприступное. Польза диалектных текстов для языкоznания, на мой взгляд, просто не нуждается в объяснении. Уверен, что, со временем, академические нормы всех языков будут приветствовать их использование в литературе.

10 січня 2010 року Божого.

(31) ВАБИЩЕВИЧ Андрей Григорьевич, 1975 г.р. Инженер-геодезист. Г. Пинск Брестской обл. Детство и ранняя юность прошли в с. Плотница Столинского района Брестской области.

1. Текст на диалекте воспринимается хорошо. Непривычно само написание на диалекте, так как у нас только разговаривают на диалекте, а пишут по-

русски. Но я думаю – это дело времени, когда люди научатся писать на диалекте. Нужно лишь привести в соответствие правила написания на говоре.

2. Принято считать, что оригинал всегда лучше перевода. Но в нашем случае текст на диалекте воспринимается одинаково, как и на русском языке, поскольку для нас, родившихся и выросших на Полесье людей, местный говор — это «тот, же русский язык для русских». В школьные годы довелось побывать в пионерском лагере «Артек». Так вот там я разговаривал на родном плотницком говоре, несмотря на пестрый интернационал в отряде из русских, украинцев, армян, таджиков и других национальностей бывшего Советского Союза. Мне это нисколько не мешало. У меня и мысли не было при общении переходить на русский язык. Мне было удобно разговаривать на том говоре, какой я слышал с детства. Это и есть для меня, как белорусы говорят, «матчына мова». Люди сразу же решили, что я украинец. Но я им объяснил, что я из Белоруссии и разговариваю на своем местном говоре, на котором у нас говорят в деревне, и который возможно был сформирован под влиянием близкого расположения к Украине.

3. Языковых средств достаточно для передачи текста, но бывают ситуации, когда возникают затруднения с тем или иным словом.

4. Особой разницы нет.

5. Ощущения неполноценности текста нет. Говор я бы даже сказал несколько богаче.

6. Текст на говоре воспринимается легче без всякого напряжения, а в русский текст, если занят работой, приходиться вслушиваться.

5 августа 2010 года.

(32) ФИОНИК Дорофей – руководитель Музея малой родины в Студзинках (предместье Бельска Подляшского; Польша); главный редактор краеведческо-культурного сборника «Бельскі Гостінцы» (издается с 1998 г.); автор и редактор свыше десяти книг по истории, языку и фольклору Подляшия; директор Подляшско-Полесского фестиваля «Там по маёвуй росі» (с 2004 г.).

Сравнивать русский текст с его переводом на полесские говоры мне несложно. Русский язык для меня как бы мертвый. Поскольку, в отличие от информаторов из Беларуси, я его ежедневно не слышу и пользуюсь им очень редко. Хотя хорошо владею устной и письменной речью. Поэтому, естественно, что перевод мне ближе и понятнее. Вот, например, отрывок из «Казаков» Л.Н. Толстого. Если читаешь на нашем говоре, то, кажется, видишь какую-нибудь подляшскую деревню и ту же Марьянку. И всё это такое близкое. Если бы не знал, что это писал Толстой, то мог бы подумать, что это наш рассказ.

Но, может, будет интересным голос белоруса из Польши. Постараюсь кратко ответить на вопросы.

1. Текст в переводе лучше действует на воображение, глубже входит в душу.

2. Текст русский красив сам по себе, это язык творца. Он красив для ума. А текст в переводе – это уже «моё» произведение. Поэтому и красив для души.

3. Средств передачи хватает. Наши подляшский и полесский языки очень богаты лексикой и формами.

4. Большой разницы в стиле нет.

5. Оригинал и перевод живут своей жизнью. Они подобные, поскольку у них одно и то же содержание, сюжет. Но и разные, поскольку писанные разными людьми. Переводчик тоже творец.

6. Очевидно, текст полесский более понятен, поскольку это свой язык. А русским языком пользуюсь редко.

Summary

Materials of the questionnaire «My impression about the translations from the Russian literary language into the West-Paliesian dialect»

The questionnaire consists of 6 questions. 32 people were interviewed. The responses were evaluated: positively by 25 people (78,1% of respondents), negatively by 5 persons (15,6%), ambiguously by 2 persons (6,3%). Among the people who gave negative responses 4 people were pensioners, former collective farmers, and one person was a representative of intelligentsia.

Научное издание

**Исследования по славянской диалектологии
15.**

**Особенности сосуществования
диалектной и литературной форм языка
в славяноязычной среде**

Сборник статей

М.: Институт славяноведения РАН, 2012. – 304 с.

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН 29.12.2010

Ответственный редактор:
д.ф.н. Л.Э. Калнынь

Компьютерная верстка:
М.И. Леньшина

Обложка:
М.Н. Толстая

Подписано в печать 06.03.2012. Формат 60x90. Печать цифровая.
Бумага офсетная № 1. 20 п.л. Тираж 300 экз. Заказ №

Институт славяноведения Российской академии наук
119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32-А, корпус «В».

Отпечатано в типографии издательства «ТЕЗАУРУС».
Тел./факс: 8(499) 252 14 31 • E-mail: tez_sale@mail.ru

**Исследования
по славянской диалектологии**

15

Особенности существования
диалектной и литературной форм
языка в славяноязычной среде